

АНДРЭ НОРТОН

ГРИФОН
ТОРЖЕСТВУЕТ

АНДРЭ

НОРТОН

ГРИФОН
ТОРЖЕСТВУЕТ

ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

*****

том пятнадцатый

*Грифон торжествует
Проклятие Зарстора*

романы

Издательство «Зеленоградская книга»,
Издательство «Сигма-Пресс»,
г. Москва

1994г.

ББК 84.7 США
Н49

Нортон Андрэ
Грифон торжествует. Романы/Пер. с англ. —
Зеленоград: Изд-во «Зеленоградская книга»,
1994г. — 384 стр. Вып. 19.

В очередном томе собрания сочинений Андрэ Нортон представлены два романа из цикла КОЛДОВСКОЙ МИР. Действие романов разворачивается в Пустыне — месте сосредоточения сверхъестественных сил. В своих странствиях по этой полной тайн земле герои, участвуют в битвах Светлых и Темных сил, познают свою собственную суть и с честью выходят из всех испытаний.

На русском языке произведения публикуются впервые..

Печатается с разрешения автора и его литературного агента. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом без разрешения — запрещена. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с ведома издателя.

Н $\frac{4701000.000 - 2}{480 (03) - 94}$ Без объявления

ББК 84.7 США
ISBN 5 — 86314 — 024 — 0

GRYPHON IN GLORY
© 1981 by Andre Norton
ZARSTHOR'S BANE
© 1978 by Andre Norton

© Издательство «Зеленоградская книга», 1994г.
© Пер. с англ. «Грифон торжествует», Я. и Д. Савельевы, 1993г.
© Пер. с англ. «Проклятие Зарстора», Д. Арсеньев, 1993г.
© Художник Д. Аввакумов, 1994г.

ГРИФОН ТОРЖЕСТВУЕТ

Глава 1

ДЖОЙСАН

На светлеющем небосклоне зарождающейся зари резко выделялись чёрные гребни холмов. Как любой, кто хочет скрыть свои действия, я собиралась использовать тени в качестве прикрытия. Хотя, правда, даже считая себя вполне подготовленной, я всё равно не могла сдерживать внутренней дрожи под кольчугой и кожаными доспехами, как будто мне не хватало плаща, сейчас туго свёрнутого и прикреплённого за лукой седла.

— Леди Джойсан... — послышался голос из тёмных, мрачных ворот Монастыря, откуда я отправлялась в путь. Я обернулась, инстинктивно схватившись за эфес меча, тяжело раскачивавшегося за моим поясом.

— Леди... — вновь позвала Нальда, которая была моей правой рукой, а иногда и левой, во время наших скитаний по неизвестным землям на западе, когда у нас не было проводника, и когда из-за захватчиков мы вынуждены были покинуть Итдейл. Прошлую ночь я провела с ней, передавая ей не указания, но свою уверенность.

Она внимательно выслушала слова о том, что остатки нашего клана теперь находятся в безопасности в Норсдейле, что Дамы продолжают давать прибежище и работу вновь прибывающим беженцам, и что не нужно бояться возникновения в ближайшем будущем серьёзных проблем.

— Но вы... — начала она, со своей обычной проницательностью уловив изменения в моём голосе, — вы говорите так, будто собираетесь покинуть нас.

— Да... на некоторое время. Никому из нас не ведомо, что случится с момента восхода солнца до зарождения следующей зари. Я была твоей госпожой, а в какой-то степени — и господином — во время наших скитаний. Теперь настала пора разобраться со своими собственными делами.

— Моя Леди, вы отправляетесь искать его... теперь и моего господина, Лорда Янтаря?

— Не Янтаря! — резко ответила я. Это имя дала ему я,

впервые встретившись с ним, когда мы думали, что он — из рода Прежних, который решил помочь нам по какой-то своей причуде. — Ты ведь знаешь, что он — мой наречённый лорд, и зовут его Керован. Да, я должна уйти к нему... по крайней мере искать его. Д о л ж н а, Нальда.

Я не решалась продолжать, стесняясь обнажить свои чувства перед кем бы то ни было, даже перед Нальдой, несмотря на всю чистоту её души.

— Прошло уже пять дней с тех пор, как уехал мой Лорд... и я знала, чувствовала, что вы отправитесь вслед за ним, моя Леди. Между вами существуют узы, которых не разорвать. Никто из вас не желает жить в безопасности толстых стен, терпеливо дожидаясь прихода известий. Вы должны активно действовать — как тогда, когда вы находились в Итдейле и сражались, защищая свою родину, — Нальда запнулась. Я знала, что она вспомнила о потерях, которые понесла в тот промозглый багряный день, когда мы избежали смерти, но заплатили за это слишком высокую цену — жизнями своих родных.

Тут пришлось проявить твёрдость, потому что воспоминания бывают иногда столь обременительными, что их следует отбрасывать прочь, пока они не легли чересчур тяжёлым грузом на то, что должно быть сделано в настоящем.

— Только тебе доверила бы я свои ключи, если бы они всё ещё хранились на моём поясе. Я ставлю тебя во главе моих людей, так как знаю, что ты понимаешь, как следует поступать...

— Леди, — поспешно перебила меня Нальда, — у вас же здесь родственники. А я ведь не домоправительница, да же не состою в родстве с Домом. Что скажет на это моя Леди Ислайга? Она пришла в себя и больше её разум не пребывает в плену бредовых сновидений... а женщина она гордая...

— Возможно, она и приходится мне тёткой, но она не из Итдейла, — решительно перебила я Нальду. — Это наши дела, а не её. Я уже говорила Аббатисе, что ты — мой первый заместитель. Нет, — я покачала головой, видя

вопрос, готовый сорваться с губ её открытого, загорелого лица, — Аббатисе ничего не известно о моих намерениях. Я сказала, что это только на тот случай, если со мной что-то случится, или если я заболею. Твоя власть будет прочной.

Здесь, под крышей Монастыря, кроме Нальды только один человек точно знал, что творится в моём сердце, и именно по её плану (досточтимой бывшей Аббатиссы Мальвины) я и должна была отправиться в путь, облачившись в непривычные доспехи, на кобыле, привыкшей к нелёгким переходам в горах, при неясном утреннем свете. То есть отправиться, закончив все дела с Нальдой.

Она подошла поближе, понизив голос до хриплого шёпота. Похоже, ей не больше меня хотелось привлекать чужое внимание. Рука её приподнялась в этом неясном свете придержать поводья, которые я судорожно схватила, внезапно покачнувшись в седле.

— Леди, вы не должны отправляться одна! — с неожиданной страстью в голосе заявила женщина. — Меня гложет беспокойство с той самой поры, как вы сообщили мне о своих намерениях. Там, дальше, в этой долине могут встретиться ловушки... множество опасностей...

— Тем больше причин для путешествия одной, Нальда. Только тот, кто передвигается с осторожностью, может проскользнуть меж теней, — я подняла руку и обхватила висевший на шее хрустальный шар, в котором был заточён серебристый грифон, — подарок моего повелителя, который был... чем? Я и сама по-настоящему не знала, что же это такое; быть может, наконец-то пришла пора узнать, в чём заключается могущество этой носимой мною вещицы; однажды я уже воспользовалась им, даже не представляя, к чему это может привести.

— Да, Нальда, у меня были видения. И во многих из них я участвую в отражении нашествия бешеных Гончих Ализона, вынуждаю их бежать, поджав хвосты, с брызгающей от страха пеной изо рта. Я отправлюсь одна и вернусь с моим господином... либо не вернусь вообще!

Нальда стояла, прижавшись плечом к седельной луке, напряжённо всматриваясь в меня. Затем резко кивнула,

как часто делала, когда мы приходили к решению какой-либо проблемы.

— Так и будет, моя Леди. Будьте уверены, что когда вы отправитесь взымать долги, всё так и произойдёт, как вы хотите. Пусть наша богиня — Владычица Храма Урожая — будет вашим проводником, ибо она заботится о тех, кто борется за правду!

Я попрощалась с Нальдой, но её воззвание к Гунноре, богине, которая беспокоится за женскую половину рода человеческого, тронуло меня до глубины души, и мысленно я благословила её за это, хотя и произнесено оно было под сенью Дома Пламени, где могущество Гунноры бес- сильно.

И там, за этими стенами, осталась ещё одна женщина, открывшая мне не одну страницу из учения Дам. Когда первые, ещё совсем бледные лучи света нового дня коснулись моего лица, я подумала о ней — бывшей Аббатиссе Мальвине, чьё одряхлевшее тело заботливо обхаживают её «дочери», которые, наверное, и не догадываются о том, какие мысли её гложут.

Я искала её в смятении, и даже заходя в небольшой, окружённый стенами садик, место бесконечной умиротворённости, я не смогла успокоиться, по крайней мере, в тот момент; и мне, возбуждённой и нетерпеливой, казалось, что она чересчур стара, чтобы понять мои чувства. Мальвина так близко подошла к совершенному идеалу учения Дам — так с какой стати она должна проникнуться ко мне сочувствием?

Но вот наши глаза встретились, и я поняла, что она всё понимает. Она не оценивала меня в течение того долгого мгновения, когда мы сидели, прикованные взглядами друг к другу, не осуждала моего нетерпения. А просто вбирала в себя столь мешающую мне жалость к самой себе, чувство возмущения, проясняя таким образом мои мысли.

— Я не позволю, чтобы всё так закончилось! — выкрикнула я в пылу боли и гнева, пожирающих друг друга в бушующем урагане страстей.

Всё так же наши взгляды неотрывно следили друг за

другом. Она ничего не говорила. А мне, молодой и неопытной, так хотелось, чтобы кто-нибудь указал мне: «Джойсан, делай это, делай то — и тогда всё будет в порядке». Но не было никого, кто мог бы дать мне такие указания. Я была совсем одинока.

Это одиночество и являлось сутью того, что беспрерывно снedaло меня.

— Я его жена — и не только потому, что нас соединили узы брака, но и по велению сердца! — вызывающе бросила я. Такой эмоциональный всплеск, возможно, здесь считался греховным. Дамы Норстатта отказывались от всех желаний плоти, становясь послушницами. — У меня есть все права на него — а мы всё так же разделены!

Она ничего не отвечала, а я, думая о своей утрате, обрушивала на неё поток слов, всё более резких.

— Мы противостояли злу, и я всё мечтала, как потом мы справим настоящую свадьбу. Он... я понимала, что он изнурён этой борьбой, что вскоре должен вернуться ко мне... Может, после того, как злой рок перестанет его преследовать, он освоится с тем, что это такое — быть самим собой. Поэтому я и была так терпелива.

Сейчас, вспоминая те свои слова, я в напряжении потянула поводья и уставилась вперёд, не видя дороги.

— Я пыталась дать ему понять — и словом, и делом, — что именно в нём-то я и нашла всё то, о чём только женщина может мечтать. Браки между Домами не заключаются по любви. Обычно мы обручаемся — или нас вынуждают — для взаимных выгод наших родов. Но я верю, да, в е р ю, что временами случается так, что из таких вот бракосочетаний выходит нечто более значительное, чем простое сожительство. Мне казалось, что так будет и со мной.

Вам известно об его отметинах, — продолжила я, — о знаке Прежних. Когда враги захватили меня и собирались использовать для своих гнусных целей, именно он в одиночку явился спасать меня. Вот тогда-то я и поняла, что эти отметины ничего не значат, что он не тот, кто заставляет других трепетать в благоговейном страхе, но тот, кого можно любить.

Раны его стали моими, путь его — моим путём. Я знаю, что так будет всегда, пока в каком-нибудь алтаре ещё горит Вечное Пламя. Однако всех моих усилий оказалось недостаточно...

Вот оттого-то и ныло моё сердце, а пальцы крепко сжимали шар с грифоном — единственную вещь, которая осталась у меня от него, — даже сейчас я неловко держала его в поисках утешения. Грифон был знаком рода моего лорда, но этот талисман намного древнее — вещь из Пустыни, куда ушли Прежние.

Я посмотрела на него. Даже в этом сумрачном свете утра крохотные янтарные глаза грифона ярко блестели, и я почти что поверила, что его наполовину сложенные крылья шевельнулись — так он жаждал освободиться из заточения в хрустале. Это была вещь Силы, однако ни мой лорд, ни я не знали, как им пользоваться. К тому же это Ключ...

Я вспомнила слова, сказанные тем странным человеком, который появился в конце схватки моего лорда с врагами. Пивор, таким именем он назвался. Он-то и сообщил мне, что я держу ключ.

Но мне недостаточно того, что у меня есть сейчас! Страдание наполняло меня, оно вытеснило всякое чувство гордости, которого я даже не хотела испытывать. Оказавшись за пределами самой дальней фермы, я пошевелилась в седле. Вскоре предстояло свернуть на южную дорогу. И всё так же мысли мои возвращались к событиям минувшего.

Едва лишь я выплеснула из себя тот крик души, как бывшая Аббатисса ответила мне, соглашаясь, чего я совсем от неё не ожидала:

— Да, того, что у тебя есть, недостаточно.

— Керован, — продолжила она своим тихим голосом, словно благословляя, — был даже в ещё худшем положении. Его отец... Сын был нужен ему только для удовлетворения чувства собственного достоинства, что кто-то его крови останется после него наследовать его владения. Керован понял это сердцем ещё до того, как смог осознать умом.

Тьма поднимается и растёт на несчастьях, является

причиной появления чёрных мыслей, уродливых и доставляющих мучения. У всех нас иногда возникают такие мысли... И некоторые настолько глубоко сокрыты в нас, что сами мы до конца не осознаём их существование. Однако несмотря на такое к нему отношение Керован не стал тем, кем они называют его, — чудовищем. Просто дух его более силён, чем он сам думает.

Я знакома с твоим лордом.

Это поразило меня, ибо я знала, что ни один мужчина не может быть допущен во внутреннюю часть Монастыря. Должно быть, я издала какой-то звук, потому что бывшая Аббатисса улыбнулась.

— У старости есть свои преимущества, дитя моё. Да, услышав твой рассказ, я пожелала побольше узнать о нём. Он явился ко мне, и несмотря на тот внутренний барьер, которым он отгородился от внешнего мира, мы побеседовали. Конечно, он сказал меньше, чем мог бы, но открыл больше, чем думал.

Сейчас он стоит на перепутье нескольких дорог — ему предстоит сделать выбор, и этот выбор сделает его другим человеком. Дитя моё, нам так мало известно о Пржежных. Однако, хотя мы и слышим зов благоразумия, что нужно ходить с осторожностью, нас постоянно тянет в неведомое — к тем чудесам и опасностям, которых мы не понимаем. У Керована своё наследие; в данный момент он напоминает ребёнка, перед которым свалили груды сверкающих игрушек. Но из-за осторожности, появившейся в результате столь странного рождения, у него возникла сверхподозрительность. Керован опасается позволить тому, что он ощущает в себе, своим чувствам взять верх над мыслями. Да, больше всего он боится самого себя, вот потому-то его и не тянет к тем, кого он любит...

— Любит? — гневно перебила я.

— Любит, — твёрдо повторила она. — Однако он знает, что именно этого-то и не может себе сейчас позволить. Он чувствует себя в безопасности за этими внутренними стенами... и не только от себя самого, но и ото всех остальных. Джойсан, Керован не вернётся вновь к тебе...

хотя в этом он не признаётся даже себе самому. Потому что беспокоится... боится, что эта чуждая кровь в нём каким-то образом станет для тебя угрозой.

— Но это же неправда! — снова закричала я, с такой силой сдавив хрустального грифона, что вполне могла бы раскрошить его.

— В отношении Керована это правда. И если он не сможет разрушить внутренние барьеры...

— ...или если кто-то другой не поможет ему!

Она кивнула в ответ. И ещё раз, когда я добавила:

— Я так же несвободна, как и он! Керован сейчас скачет на юг, выполняя поручение лорда Имгри, как это однажды он уже делал. Его пытаются снова использовать, а за спиной делают предохраняющие от зла знаки! Он не найдёт там друзей. О, почему же он уехал? — вздохнула я.

— Ты знаешь, почему, дитя моё.

— Да! Он думал, что в его жизни не осталось ничего стоящего. Поэтому он и сказал своей жене, что она свободна от него... и уехал! Ладно, мне-то что! У меня нет ложной гордыни. Если Керован уехал по приказу тех, кто использует его для исполнения своей воли, что ж, я тоже отправлюсь в путь!

— Да. Ибо это может привести к тому, что окажется ещё более важным, чем ты сейчас думаешь. Отправляйся, благословенная Волей Пламени! Пусть это будет покровом и защитой, дорогая моя. Пусть Оно освещает тебе путь и принесёт твоему сердцу долгожданную радость.

Однако она не просто благословила меня, но и распорядилась открыть передо мной двери кладовых Мона-стыря. Там я выбрала себе оружие и экипировку из того, что принесли с собой беженцы, пока полностью не была готова к путешествию. Потом была встреча с Нальдой — и вот уже я в одиночестве направляюсь вперёд, в неведомое.

Кобылка моя, довольно уродливое создание по сравнению с большими скакунами равнин, была горных кровей. Я назвала её Бьюрал, по местному названию одного корня, который весьма трудно вырвать из земли. И теперь

лошадь, подчиняясь моим понуканиям, повернула на юг, направляясь по той же тропе, по которой ранее отправился вместе с сопровождающими мой лорд.

Я не так уж сильно надеялась догнать его — слишком много дней миновало. Но эта тропа послужит мне проводником, хотя я опасалась скакать по открытой местности.

Здесь вполне можно было столкнуться со всевозможными врагами. До войны в Пустыню бежали всякого рода преступники и грабители. И я слышала, что на востоке уже появились первые отряды мародёров... хотя сейчас число их уменьшилось. Возможно, вражеские разведчики проводили о существовании этой тропы и следят за любым движением на ней.

Некогда по ней шли караваны торговцев. Долина Мо-настыря замечательно подходила для торговли и несколько раз в год здесь устраивались ярмарки. Однако никто с самого момента вторжения захватчиков не старался поддерживать эту дорогу в порядке, и теперь она вся поросла травой; в отдельных местах, где зимние оползни сходили с гребней холмов, часть дороги была и вовсе разрушена.

Поэтому я так обрадовалась, когда стало больше света, ведь уже несколько раз мне приходилось слазить с Бьюрал и вести лошадь на привязи. И всё же это не очень задерживало меня, пока на второй день путешествия не поднялся туман, такой густой, что когда он скрыл землю, я могла видеть вперёд не более, чем на длину меча. Влага собиралась на шлеме, стекала на лицо, а руки становились липкими, когда я вела лошадь.

В таких условиях глупо было продолжать путешествие. Я начала искать укрытие. Здесь повсюду высились скалы и груды камней, но не было ничего похожего на пещеру или расщелину, которую бы прикрывал каменный уступ. А усесться среди влажных камней на открытом месте, чтобы дожидаться лучшей погоды, мне что-то не очень хотелось.

И тут передо мной внезапно замаячила скалистая преграда. Бьюрал дёрнула поводья, упрямо заворачивая голову влево, хотя куда именно — на север, юг, восток или запад

— я не могла сказать. Мы ещё раньше сошли с дороги — тянувшейся вперёд прямой линией, не прикрываемой никакой растительностью, где меня легко могли обнаружить, чего мне совсем уж не хотелось.

И поскольку кобыла упрямо тянула влево, а идти пешком в ту сторону, казалось, было не так-то просто, я покорила её воле. Так мы и пробирались в такой близости от стены, что седельная лука постоянно касалась её каменной поверхности. Не знаю, когда я впервые заметила, что это не просто вертикально обнажившаяся порода, а действительно стена, выстроенная с какой-то особой целью.

Камни, хотя и необработанные, были крупные, но подогнанные с таким мастерством, что, по-моему, я не смогла бы загнать в просвет между ними даже острие ножа. И хотя на других скалах можно было заметить серовато-зелёный или рыже-красный лишайник, на этой не росло ничего, и лишь ручейки сконденсировавшегося тумана стекали по ней вниз.

Я предположила, что это ещё одни какие-то руины, оставленные Препными, и, остановившись на несколько секунд, выгасила грифона, чтобы проверить это. Хрусталь был таким же, как и всегда, тёплым на ощупь, однако глаза заточённого в нём существа заблестели, хотя это и не было настоящим сиянием. Вовсе не все вещи Препных, оставленные в Долинах, скрывали в себе Силу. Руины напоминали те, что возникли в результате войны, какую мы сейчас и сами вели. На мой взгляд, это мёртвое место ничем мне не угрожало и нечего было его бояться.

Бюрал неумолимо продвигалась вперёд. Какое-то время в стене не попадалось ни одного пролома. Но затем внезапно моя горная кобылка фыркнула и мотнула головой, словно что-то почуяв в тумане. И ускорила шаг, решительно направившись вперёд, хотя я и попыталась было осадить её назад.

Взяв поводья в левую руку, я потянулась за арбалетом. Своему умению драться на мечах я доверюсь только в самом крайнем случае.

Теперь и я почувствовала какой-то запах, тяжело зависший в тумане, Дым горящей древесины! Совсем рядом кто-то запалил костёр.

Прежде чем я успела натянуть вожжи, Бьюрал издала громкое ржание — и получила ответное! Я не могла справиться с ней, хотя, крепко натянув поводья, заставила её повернуть голову. Она поднялась на дыбы, выражая крайнее недовольство. Так мы и оказались на открытом пространстве, где резко обрывалась та стена.

Красновато-рыжий отблеск, должно быть, отмечал место костра. Я сразу заметила какую-то фигуру, едва заметную в тумане и направлявшуюся ко мне. Когда я стала поднимать арбалет, Бьюрал вырвалась и помчалась прямо к вспыхивавшим в тумане огонькам пламени.

Я не решалась спешиться и идти дальше самой в этом тумане, поэтому должна была заставить кобылу повернуть назад. Костёр в таком месте могли разжечь скорее враги, а не друзья. Ни один из беженцев по доброй воле не решился бы идти по этим пустынным холмам.

Тот, кто приближался ко мне, сделал шаг в сторону, освобождая проход для Бьюрал и не делая попытки схватить её свисавшие поводья. Высокий... Мужчина. Теперь я увидела в руках у него обнажённую сталь. Я не должна была стрелять, пока не получу лучшей цели, потому что он, по всей видимости, был одет в кольчугу.

Раньше я уже смотрела в глаза смерти и была готова сама убивать. Но тогда я защищала себя или жизни других. Однако теперь взять и хладнокровно выстрелить, как вдруг осознала я, это совсем другое дело.

— Джервон! — раздался, глухой голос со стороны красного пятнышка в тумане за приближавшимся женщиной. Но он не повернул головы, хотя и остановился, по-прежнему сжимая меч в руке. Я могла видеть только смутные очертания его бледного лица под ободком шлема, когда после его остановки сама замерла в ожидании.

Из тумана выскользнула ещё одна фигура, почти такого же роста, что и мужчина, но более изящная — протянув

руки ладонями вперёд, в древнем жесте, означающем мир. Миновав мужчину, ко мне приближался второй незнакомец, причём с такой уверенностью, словно мы были давно не видевшимися родственниками.

Доспехи этого воина имели странный голубоватый оттенок, как будто были изготовлены из какого-то неизвестного металла. Я неспешно опустила арбалет, хотя и не вернула его на прежнее место за поясом. Теперь, когда туман постепенно рассеивался, я смогла разглядеть лицо, покрытое коричневым загаром от солнца, но сохранившее резкие тонкие черты. И... Передо мной стояла женщина, а не мужчина, как и я, облачённая в доспехи.

Руки она держала опущенными, но не для того, чтобы выхватить оружие, а чтобы начертить во влажном воздухе какой-то знак. Несколько секунд этот знак мерцал вполне отчётливо, а потом исчез. Он был голубого цвета — с какой-то примесью зелёного, и я знала, что это был знак Силы.

«Из Прежних?» — мелькнула мысль. Я сделала глубокий вдох и отвела в сторону арбалет, хорошо понимая, что против таких существ бессильно любое оружие, сделанное людьми. И я также знала, что Сила с таким чистым цветом не несёт людям опасности. Самые безопасные места в Долинах светились по ночам именно таким цветом.

К тому же она мне улыбалась, эта женщина из Прежних. Затем кивнула, словно решив какую-то загадку. И протянула мне правую руку.

— Идём! — это не было ни приказом, ни приглашением, а чем-то средним. Её пальцы мягко охватили мои, когда я бессознательно вытянула вперёд свои руки. Это касание было очень лёгким, словно она ожидала, что я оттолкну её.

Кожа её была такой же влажной и холодной от тумана, как и моя, и не отличалась, как я заметила, от человеческой. Я была уверена, что она не собирается причинять мне вред. Напротив, она с улыбкой рассматривала меня, будто именно меня-то она и дожидалась в течение долгого времени.

Она повела меня к костру, и я достаточно охотно подчинилась. Когда мы проходили мимо мужчины, он пристроился с другой стороны, и меч его теперь покоился в ножнах. Лицо у него было волевое, приятное на вид, хотя под глазами и возле губ прорезались глубокие складки. Теперь и он приветливо улыбался, как будто приходился мне родным братом.

Почти с самого начала я ощутила, что между ними обоими существует глубокая связь. Мы молча, втроём, как близкие товарищи, подошли к костру, тепло которого и рассеяло большую часть тумана.

Немного дальше я увидела двух крупных лошадей из нижних Долин, покрытых лохматой шерстью, — именно такую однажды мой дядюшка, прежде чем отправиться на юг и найти там свою смерть, выиграл в качестве приза. Был там ещё и пони с поклажей, рядом с которым стояла Бьюрал, наклонив свою голову так, чтобы потереться носами. Все три лошади стояли в упряжи, но сёдла и сумки сейчас были сгружены в одну кучу позади костра, сбоку которого торчали вертела, на них поджаривались три жирные горные куропатки. От запаха жареного мяса у меня сразу потекли слюнки.

Женщина рассмеялась, показывая на куропаток.

— Видишь, даже Гуннора подготовилась к твоему прибытию. Этого много даже для всех нас. Присаживайся, отдыхай и отведай угощения. Но сперва... — она повернулась к своему спутнику, который, не произнося ни слова, рылся среди вещей и вскоре достал небольшую флягу. Потом, вытащив зубами пробку, он взял в другую руку кубок в виде рога, в который и налил жидкость из фляги.

Женщина взяла этот рожок и передала его мне с такой учтивостью, как это делали леди в Долинах, принимая уважаемого гостя; кубком приветствовали страдающего от жажды путника, чтобы он мог промочить горло, прежде чем сообщить своё имя, и что привело его в это место.

Древний этикет... Я припомнила, что вместо реверанса следует поклониться, и без всяких усилий с языка моего полились нужные слова:

— Даюшим пир — спасибо, преогромнейшая благодар-
ность за приветливую встречу! Правителям этого дома —
удачи и яркого утреннего солнца!

Когда я пила, носик женщины поморщился, и она
захихикала.

— За это последнее пожелание можно попросить что
удобно у сил Могущества, что только может быть предос-
тавлено здесь путешественнику. Если только... — она
подняла вверх указательный палец так же, как и раньше,
— если только всё случившееся — не исполнение какого-
то Плана.

Я заметила, как её спутник слегка нахмурил брови,
будто припомнив что-то неприятное. Теперь, когда стало
заметно светлее, я, разглядывая их, подумала, что этот
мужчина — как раз из тех, кто мог бы завоевать призна-
тельность и уважение в любой Долине. Однако на передней
части его потускневшего шлема (да и на доспехах его не
было и следа того блеска, что сверкал на латах женщины)
не имелось никаких знаков чьего-либо Дома. Его лицо
показалось мне открытым, честным, волевым, как у
настоящего мужчины, вселяющим в других, кто находится
рядом с ним, надежду и уверенность.

А эта леди... Я была уверена, что она не из Долины, не
из Верхнего Халлака. Было ясно, что она обладает родст-
вом с Прежними. И хотя на ней тоже был шлем, небольшой
локон чёрных волос (словно подчёркивая, что при моём
прибытии она поспешно натянула его) свободно ниспадал
на щёки. Черты лица у неё были более тонкие и резкие, а
глаза — просто огромными. Никогда в Долинах я не
видела никого, даже слабо похожего на неё.

Пока я пила из гостевого кубка, они оба спокойно
уселись, скрестив ноги, по обеим сторонам от меня.
Интересно, нужно ли сказать ещё что-нибудь, помимо
простых слов учтивости. Их же должно было интересовать,
почему я брожу в одиночестве среди холмов. Но так вот
сразу сообщать этим незнакомцам о цели моего путеше-
ствия было бы непростительной глупостью.

Глава 2

КЕРОВАН

В таких землях, как наша, люди боятся сновидений. Мы, жители Долин, носим в себе старые страхи, более всего проявляющиеся, возможно, тогда, когда мы спим. В сновидениях наше внутреннее «я» получает какие-то предупреждения, приказы... однако, проснувшись, мы помним только их размытые образы. Могут ли грёзы привести во сне человека к сумасшествию? Иногда я этого страшился. Потому что эти образы буквально преследовали меня... Но наступало утро, и я вновь надеялся как-то избавиться от призрачности, в которую всё глубже погружался в этих сновидениях, и которую мне никогда не удавалось вспомнить.

В некоторой степени я был пленником... кого-то или чего-то, чему не мог дать названия.

Когда я в последний раз побывал в Пустыне, я занимался там поисками Джойсан, перед которой у меня было моральное обязательство. Да, наверное, только это моральное обязательство. Она не должна принадлежать мне. Каковы бы ни были те мальчишеские надежды, которыми я некогда тешил себя, я сознавал, что она предназначена не для такого, как я, — получеловека, полу... чего? По крайней мере теперь у меня было мужество признаться самому себе, кто я такой, и не скрывать этого. Достаточно только посмотреть на мои ноги, ни имеющие сапог, открытые ныне после всех этих лет бесполезных попыток утаивания своей чуждости, и увидеть копыта, на которых я передвигаюсь...

И всё-таки в какой-то степени я был в Пустыне Керованом из Ульмсдейла. К чему это привело? Не знаю. Возможно, никогда и не узнаю... Наверное, это и к лучшему. И тем не менее меня неудержимо влекло вперёд мятущееся одиночество, такое же острое, как лезвие меча.

Джойсан... нет, не следует думать о ней! Во мне зрела решимость выбросить её из своих мыслей. Нужно только

вспомнить, как смотрели на меня в Норсдейле, когда я привёз её туда — невредимую, принадлежащую самой себе. Затем я разорвал нашу помолвку, отказавшись от всяких прав на неё, поскольку сама она не хотела этого сделать.

И та женщина... бывшая Аббатисса... Нет, не хотел я думать и о ней. Это их мир — не мой. По правде говоря, я не чувствовал никакой привязанности к Долинам, пусть даже Лорд Имгри и призвал меня обратно к себе. Но так как больше меня здесь ничего не удерживало, я ответил согласием на его предложение.

Однако по-прежнему приходили эти сны, и я никак не мог избавиться от них свою ноющую голову, подобно человеку, который, отказываясь служить своему господину, срывает со шлема знак его Дома. Я ненавидел эти сны — иногда мне хотелось погрузиться во мрак небытия и больше никогда не просыпаться.

Сопровождающие меня солдаты, усевшись у костра, тихо беседовали поодаль. Такие же люди, каким некогда был и я, или каким хотел казаться. Они избегали меня, и я знал, что только по воле Имгри они терпели моё общество.

Когда-то я восхищался секретами Превних. Тогда, мальчишкой, я занимался исследованием Пустыни вместе с Мудрецом Ривалом. Мы вместе скакали по Дороге Изгнанных, направляясь в глубь Пустыни. Нет... я не должен вспоминать!

Её волосы — сверкающие как осенние листья, её быстрый шаг, голос... Слишком сильны воспоминания. И боль, от которой никогда не избавиться. Не желаю вспоминать! Я не тот Керован, который...

Ходить, пританцовывая, по ночному лагерю и таким образом не давать себе уснуть. Тело моё ныло от усталости. Эти люди, искоса поглядывая на меня, о чём-то перешептывались. Я не позволял себе думать о них. Иначе...

Однако, нельзя же бесконечно сражаться со сном. И я снова погрузился в...

Это был один из Превних — Пивор — вспомнил я его имя. Кто он такой — этого я не знаю. Однажды — даже два

раза — он помог мне. Друг ли он? Нет, у таких, как я, друзей нет.

Проснувшись, я постарался поразмышлять об Имгри и о том, что он хочет от меня. Бесстрастный мужчина, сильный и гордый, на чём и зиждется его властность, все его достоинства.

Мы, жители Долин (когда-то и я был таким), никогда не клянёмся в верности какому-нибудь верховному правителю. В этом и состоит наша главная слабость, и захватчики, с помощью шпионов узнав о ней, напали на наши земли. Каждый лорд, защищая свои владения, сражался в одиночку, это и привело к столь быстрому поражению.

Мучительно дался нам этот урок. К тому времени всё побережье уже находилось в их руках, а те из нас, кто имел величие и силу духа, чтобы привлечь на свою сторону остальных, были убиты в бессмысленных сражениях или же в результате предательства. Только тогда мы сплотились под руководством трёх южных лордов, которые были достаточно предусмотрительны и сильны, чтобы создать королевство наподобие свободной конфедерации владений.

Из них меньше всего любили Имгри. Однако ни один человек, служивший под его началом, не мог отрицать его железную волю, благодаря которой он добивался своих целей. Человека, которому служишь, не обязательно любить. Он-то в основном и собрал воедино наши разрозненные силы и безжалостно выковал из них армию, в которой были забыты старые родовые распри... Армию, которая знала лишь одного врага — Собак Алисона.

Но только армия эта была такой измученной и слабой, что не могла оказывать настоящего действенного сопротивления. Мы совершали набеги, словно рыскающие по Пустыне преступники, уподобляясь осторожной стае волков.

Всё так же через захваченный порт в наш край прибывали новые орды захватчиков. И только одно радовало нас — это то, что у них прекратились поставки того странного оружия, с которым они обрушились на нас вначале,

сокрушая наши бастионы с лёгкостью человека, ворощающего муравейник. Это оружие, как мы узнали от пленных, было не ализонского происхождения, а создавалось магией союзников наших врагов.

Но нам мало помогало и прекращение действия этой магии — из-за того ли, что эти союзники были разбиты, либо же по какой-то другой причине, которая была нам неизвестна, — потому что у них по-прежнему имелось огромное количество оружия и людей. И хотя наши кузнецы трудились не покладая рук в отдалённых западных Долинах, нам пока ещё остро не хватало метательного оружия и приходилось время от времени совершать набеги за теми припасами, в которых мы испытывали нужду.

Я и был одним из таких разведчиков, занимавшихся поиском припасов. Детство моё прошло в дальних Долинах, где меня воспитывал охотник, который и обучил навыкам такой работы. Я с охотой перенимал его опыт ещё и потому, что мои родственники с подозрением относились ко мне ещё до известия о моих физических отличиях — получудовище-получеловек... Слухи всегда преследовали меня.

Несколько месяцев назад Имгри направил меня на север, поскольку приболел мой отец. И, кроме того, всегда оставался шанс, что ализонцы, шныряя пока по побережью, нанесут удар в глубь континента. Я тайно посетил Ульмсдейл, тогда-то и узнав, что у меня есть враги среди моих родственников, причём самых ближайших. С самого рождения моя мать возненавидела меня, но вовсе не из-за моего изувеченного тела, а из-за того (что я узнал позже), что я не стал тем оружием, той силой, которую она искала, чтобы полностью овладеть Могуществом Превжних.

Слишком гордой она была, чтобы признаться в этом. И я был не единственной её неудачей. Когда ализонцы вторглись в их край, она вместе со своими союзниками попыталась призвать на помощь силы моря, чтобы уничтожить захватчиков, но вместо этого они затопили саму Долину, и сейчас она вообще потеряна для кого-либо.

И вот, когда я уже собирался было вернуться к выпол-

нению своих воинских поручений, я обнаружил... свою леди...

Нет, я и думать не смел о ней так... хотя по всем законам Долины мы были надлежащим образом помолвлены ещё в далёком детстве, задолго до нашей первой встречи. Джойсан...

Я больше не мог совладать со своими мыслями, как и со своими снами. Я видел Джойсан и её спутников, видел её рядом со своим кузеном Роджером, который представился моим именем — в то время как она верила, что я — из Прежних; видел её в Пустыне, когда Джойсан оказалась в руках Роджера, потому что владела вещью истинного Могушества, которую я нашёл и подарил ей, — шаром с запечатанным внутри грифоном.

Да, я не в силах был выкинуть её из сознания, ибо был мужчиной. Постоянно она стояла перед моими глазами — гордая, мужественная, добросердечная — настоящая мечта мужчины. МУЖЧИНЫ... А я им не был, но всё равно по-прежнему хотел её.

Ну так отчего же её образ не исчезал из моего сознания? Я же вернул ей свободу. Ведь сколько прекрасных парней в Долинах могут дать ей то, чего она заслуживает. Меня же нельзя отнести к их числу.

Я бросил всё и уехал скорее из-за того, что хотел задушить в своей душе стремление к ней, чем из-за вызова Имгри — если уж быть честным перед самим собой. И я так устал. Когда я засыпал, приходили грёзы... Но спать-то я всё-таки должен был, хотя во мне и сидела гордость, которая не позволяла выказывать усталость или слабость перед моими спутниками. И всё же в конце концов я должен был найти путь...

Зал этот был так огромен, что не видно было, где кончаются стены. Громадные колонны образовывали проходы, вдоль которых проносились клочья приятно пахнущего тумана, собиравшегося колечками и сплетавшего причудливые узоры в воздухе, будто невидимые руки игриво чертили следы ленточками. Здесь не было ни факелов, ни настенных светильников, но всё было видно.

Я ходил между двумя рядами колонн, рассматривая руны, инкрустированные на их поверхности. И эти руны также слабо светились, сами по себе, иногда сероватым светом, как на рассвете, иногда слегка голубоватым.

Руны вызвали во мне беспокойство. Мне следовало бы прочесть их: то, что в них содержится или содержалось когда-то, представляло огромную важность, может быть, даже историю целого народа или нации, давно уже исчезнувшей. Потому что это место было очень древним, и это ощущение древности было настолько сильным, что отбивало всякую охоту делать здесь что-либо рискованное.

Древность... и знание. У наших хранителей тоже есть свои комнаты с записями. В человеке заключено нечто, что заставляет его желать оставить после себя какое-то напоминание о своей жизни и делах. Однако по сравнению со всем этим записи моего народа — просто бессмысленная мазня, нацарапанная хворостинкой на песчаном берегу. И это также было место Могущества. Могущества, которое можно было ощутить, почувствовать. Повсюду в этом месте.

Тем не менее, хотя я и испытывал благоговейный страх, но это был вовсе не всепоглощающий ужас. Всё здесь казалось настолько далёким, что совершенно не могло затронуть меня. То существо, каким я был...

Я Керован. Я крепко ухватился за имя моей личности. Я не знал, где находился, но помнил, кто я такой — этого-то забыть я не мог. И с вызывающей решимостью шёл вперёд.

И эти колонны стали всего-навсего обычными тенями, когда я проходил мимо них быстрым твёрдым шагом. Несмотря на полную тишину, что-то нашёптывало в моей голове — крохотные бестелесные создания пытались пробить защитную оболочку вокруг моих мыслей и заполучить надо мной контроль.

А впереди свечение усиливалось. Излучение начало приобретать тёмно-синие тона, а затем постепенно засверкало серебристыми искорками костра.

И хотя я не ощущал, что ступаю по какому-либо

покрытию, перемещался я с такой скоростью, с какой мчался бы бегун, стремящийся к своей цели. Волнение охватило меня, будто действительно я участвовал в каком-то забеге, и его финиш, хорошо это или плохо, находился прямо впереди.

Это светившееся пятно оказалось возвышением, развёрнутым в мою сторону. Насколько я мог видеть, всё это сооружение представляло собой звезду, расположенную на чём-то, что могло быть алтарём, высеченным из хрустала — алтарём или гробницей, судя по очертаниям.

Я дошёл до острия звезды, и тут у меня на мгновение закружилась голова — я сначала качнулся вперёд от импульса, порождённого во мне, а затем назад, когда встретил сопротивление в самом воздухе. Возможно, это заграждение служило защитой для спящего внутри существа.

Оно не было ни человеком, ни птицей, но несло в себе и то, и другое, слитые воедино. Хотя, если всмотреться, это почти немыслимое сочетание казалось вполне естественным и правильным. Существо обладало лицом птицы — благодаря клювоподобному выросту, являвшемуся одновременно и носом, и ртом, и большими, сейчас закрытыми, птичьими глазами. Хохолок из перьев тянулся по голове до самых плеч. Однако ноги его были не птичьими — скорее широкими лапами, и можно было заметить кончики мощных когтей, которые наверняка должны втягиваться. А руки, наоборот, представляли собой птичьи лапки с когтями, соединёнными вместе у рукояти меча, вытященного из ножен и тронутого течением времени. Лезвие его, казалось, было не сталью, а лучом света.

Несмотря на всё это чудовищем его назвать было нельзя. И внушал он скорее то же самое чувство благоговения, которое я испытывал, едва лишь появившись здесь, только более усиленное. Конечно, здесь лежал тот, кто в своё собственное время был намного величественнее любого, гордо именующего себя «человеком».

Почему меня призвали в это место, я не ведал, но был

уверен в существовании зова. Шептания в моей голове становились всё более настойчивыми, их интенсивность возрастала, будто им не хватало времени для передачи какого-то послания, и они опасались, что их миссия закончится неудачей.

Я продолжал взирать на спящего. И всё больше и больше мне казалось, что что-то в нём напоминает грифона — символ моего Дома, который также носила заключённым в кристаллическом шаре Джойсан. Хотя ему и недоставало мощного тела, крыльев грифона, но что-то в его птичьём облике... голове с хохолком... лапах-ступнях... руках с клешнями — да, в них чувствовалось родство.

И эта мысль отворила двери шепчущим голосам, теперь я наконец разобрал невнятные звуки:

— Ландисл, Ландисл!

Я водил головой взад-вперёд, словно отгоняя назойливых мошек, чтобы не слышать их жужжания. Когда-то я уже слышал это имя — только вот где и когда?

Память прояснилась: я произносил это имя, когда противостоял чёрному колдовству моей матери и Роджера, однако тогда оно было слишком чуждо мне.

— Ландисл! — вновь промолвили мои губы...

А затем всё вокруг на мгновение охватил мрак, скрутивший и вывернувший моё тело, словно я был захвачен кем-то и выдернут из одной жизни в другую. Я открыл глаза и посмотрел на свет. Но это не было свечение помоста в форме звезды. Я снова и снова глупо мигал, полностью сбитый с толку... Там горел костёр, который был разожжён на настоящих сучьях этого реального мира...

Над моим телом стоял командир отряда, посланного Имгри. А за ним в раннем утреннем свете виднелись остальные. Я ощутил в себе волну ярости — впервые я так близко подошёл к пониманию, изучению... а этот болван разрушил сновидение — первое сновидение, в котором имелся какой-то смысл, в котором я мог что-то узнать!

Я никак не мог привыкнуть к виду деревьев, а не колонн... Костёр!.. На этот раз я мог вспомнить подробности пригрезившегося мне видения. И они были со мной,

когда мы вскочили на лошадей и поскакали сквозь утренний туман, — яркие воспоминания о том месте.

Фактически во мне росла уверенность, что это не был обычный сон. Да-да, какая-то часть меня, которая могла мыслить и запоминать, была унесена в другое время — или другой мир — где всё ещё лежит на том возвышении тело человека-грифона, спящего либо мёртвого.

«Ландисл!» Я попытался пробудить этим именем себя и понял, что теперь оно как-то странно исказилось, казалось таким труднопроизносимым, что можно было сломать себе язык. Я и словом не обмолвился об этом со своими спутниками. Даже не замечал, что они умчались вперёд.

Наконец, приняв решение, я отложил это видение или сон в глубине памяти. У меня возникло странное чувство, что если я буду слишком долго или часто думать и вспоминать о нём, то могу затеряться где-то между этим миром, в котором сейчас двигался, и тем, другим.

Я полностью сосредоточился на том, что меня окружало: на тепле утреннего солнца, тропе, по которой мы скакали, на людях, сопровождавших меня. Постепенно возвращалось прежнее чутьё разведчика, и я стал таким же бдительным, каким был всегда во время набегов.

Теперь мне захотелось поговорить, однако по-прежнему я держался в стороне от остальных, раскрывая рот лишь тогда, когда ко мне обращались, а это случалось весьма нечасто. Из обрывков разговоров я понял, что война на юге зашла в тупик. Вся наша борьба заключалась в набегах-погромах, которые производили небольшие группы людей. Имгри и другие два вождя отвечали за изготовление оружия, восстановление и создание новой сильной армии с более жёстким офицерским составом.

Да и у самих захватчиков, похоже, стало меньше агрессии, они лишь хотели удержать захваченную территорию, хотя и предприняли несколько попыток к расширению. Двое моих спутников с жаром спорили о корабле салкаров, приставшем к нашему берегу далеко на юге, и встретившей их группе разведчиков.

Эти суровые торговцы — искатели приключений — поведали о другой войне, разгоревшейся за морем, она-то и помешала исполнению планов ализонцев. Салкары, всегда считавшиеся грозными воинами, призвали к совершению набегов на побережье и разрушению морских портов, захваченных пришельцами. Никто не знал, что может выйти из подобного рода союза, но вероятность успеха этого плана ободряла.

Однако все мы понимали, что армия ализонцев должна быть разгромлена в Долинах, и что нам одним предстоит сражаться за свою свободу. Это диктовалось не только непреклонным чувством гордости жителей Долин, но и тем, что мы не могли найти никаких других союзников — мы всегда были народом, живущим уединённо, сами по себе.

Но были ли мы одиноки? Я смотрел на запад, когда в моей голове мелькнула эта мысль. В самом начале, много поколений тому назад, жители Долин пришли с юга. Мы — народ, обожающий легенды, и наши менестрели всегда охотно доводили в своих песнях небольшую стычку до размеров эпической баталии. Однако довольно странно, что у нас нет никаких преданий о собственной расе, в которых бы рассказывалось о временах, предшествующих нашему появлению в Верхнем Халлаке. То, что наши предки с самого начала строили хорошо укреплённые крепости, свидетельствовало о том, что и у них были схватки и причины для беспокойства.

От чего же они бежали — этого мы так и не ведаем. По своей природе мы народ оседлый. У каждого лорда есть укреплённое гнёздышко, ну и, конечно же, подготовленные к войне сыновья. Хотя никаких особых опасностей до прихода ализонцев перед нами не возникало, кроме как от банд преступников и родовых распрей между различными Долинами.

Но наш народ пришёл на землю, где некогда происходили жуткие сражения. Прежние (сколько народов и королевств составляли они, мы так никогда и не узнаем) к тому времени уже ушли, оставив после себя многочис-

ленные следы своей деятельности, чуждые человечеству. Были места, куда ни один человек не решался ступить ногой, не только опасаясь за свою жизнь, но также и из-за угрозы своей душе. Есть другие места — приятные, приносящие мир и излечивающие. Некоторые люди нашей крови ищут эти секреты, но часто обретенные знания просто сбивают с толку.

И хотя Препные и оставили побережье и Долины по какой-то настоятельной причине, мы уверены, что не все они покинули наш мир. На западе широко раскинулась Пустыня, огромный барьер между нами и ещё более неизвестными землями, в которой имеется множество знаков Могушества, мест, наполненных энергией. Мы хорошо знаем, что там есть жизнь — помимо скрывающихся преступников — возможно, оставленной, чтобы следить за нами, а может быть, просто вследствие какой-то небрежности, потому что их дела и желания могут быть настолько отличными от наших, что мы не в состоянии их понять.

Среди Препных были и воины — мы обнаружили следы древних и ужасных войн. Металлоискатели приносили из Пустыни застывшие и расплавленные куски неизвестных нам сплавов, подвергшихся воздействию каких-то неимоверных сил.

Если жители Долин и верили вначале, что они живут в Верхнем Халлаке из милости, то долгие безмятежные годы ублажали нас мыслью, что нам ничего не грозит со стороны чужаков. И всё-таки... Предположим, что эти захватчики, которым ничего не известно об этом крае, о том, что представляет собой Пустыня, опустошили бы нашу страну? Куда бы нанесли они свой следующий удар? Остановили бы их легенды и призраки?

Мы даже до конца не понимаем, почему эти ализонцы напали на нас, к чему эти заморские путешествия, эта ярость к земле, которая, вне всяких сомнений, далеко не так богата и полезна, как их собственная. Я слышал рассказ одного высокородного пленника, захваченного из подбитого гусеничного экипажа, сообщившего, что те, кто

снабдили их этим чужеземным оружием, утверждали, что здесь скрывается секрет огромного Могушества... достаточного, чтобы сделать их повелителями мира. Отсюда и стремление их правителей захватить эту землю.

Но единственным местом здесь, где можно было бы обнаружить подобного рода Могушество, была Пустыня — либо земля, находившаяся за ней. И если Гончие напали на нас только из-за своей веры... Тогда... нельзя ли сделать так, чтобы эти существа из Пустыни приняли участие в нашей войне?

Ни один здравомыслящий человек не сомневался, что если ализонцы вторгнутся туда, путь им преградят могущественные силы. Но можно ли убедить эти силы ИМЕННО ТЕПЕРЬ прийти на помощь жителям Долин?

Я размышлял над этой мыслью и чувствовал, что она мне нравится. Соединить Могушество с нашими силами, как это попытались сделать моя мать и Роджер, оказалось смертельной ошибкой. Однако привлечь на свою сторону тех, кто владел ею, — совсем другое дело. Не ЭТО ли и задумал лорд Имгри?

Я резким цоканьем послал вперёд своего коня, внезапно охваченный жгучим желанием, чтобы наконец закончилось путешествие — так как уже наступала ночь.

В последний раз перед этим я встречался с вождём юга в избушке лесника, и на этом высоком мужчине с холодными зеленоватыми глазами не было никаких атрибутов власти. Теперь же я сидел на стуле в небольшом величественном зале властителя юга.

Имгри занимал кресло с высокой спинкой, перенесённое с помоста в столовой, и всё так же возвышался над теми, кто являлся к нему. От этого человека так и веяло властью, хотя на нём и сейчас не было ничего особенного, только кожанка, оставшаяся со времён, когда он охотился в своих владениях. Однако говорил он об охоте, которая будет происходить в будущем, а не в прошлом.

Я ожидал, что выражение его лица изменится, когда он увидит мои оголённые копыта — ведь они были скрыты под сапогами во время нашей последней встречи. Но я

лишь пришёл к мысли, что, может, я и в самом деле такое же нечеловеческое существо, как и человек-грифон из моего видения, и что он не замечает этого отличия, поскольку я прибыл сюда для служения его целям.

Для Имгри только его амбиции и цели имели важность. Всё, что он говорил, как действовал, думал было подчинено одному — осуществлению своих планов и подавлению всего остального.

Он разложил на скамье между нами сильно засаленный и испачканный лист пергамента. Здесь были отметки, добавившиеся после моей последней разведки, но в основном он был чист, и вот на эту чистую поверхность пергамента он и положил свою ладонь.

— Ответ лежит здесь, — то, что он так откровенничал со мной, настораживало. Не в его характере было делиться с кем-либо своими планами. Ему не было свойственно быть дружелюбным, просить, а не приказывать.

— А нельзя ли, мой Лорд, выразиться несколько более ясно! — за то время, что я служил под началом этого человека, я добился определённой свободы — правда, за высокую цену. Он больше не внушал мне благоговейного страха.

— Мы добились многого, — это было не хвастовством, но констатацией факта. — Наши кузнецы неплохо поработали над металлом, доставленным из Пустыни, — несмотря на опасность. И теперь мы имеем оружие, лучшее, чем кто-нибудь из нас когда-либо прежде видел. Мы собираем людей — но мы также и теряем их, — теперь ладонь его сжалась в кулаке. — И всё так же корабли захватчиков высаживают новые группы. Верно, — вздохнул он, — они не выступили против нас вовремя. Но не потому, что мы сдерживали их. Пока что мы можем только беспокоить их на флангах, наносить небольшие удары то здесь, то там. Хотя... — в его голосе наконец послышалось слабое удовлетворение, — наконец-то они поняли, как глупо преследовать нас в таком удалении от побережья, на земле, которую мы знаем намного лучше их. А сейчас, —

он слегка наклонился вперёд, — когда МЫ научились кое-чему новому...

Он остановился на несколько секунд, и я рискнул задать вопрос:

— Это правда, что они ищут какое-то загадочное Могущество?

Имгри так резко и пронзительно взглянул на меня, что я едва удержался, чтобы не потянуться за арбалетом, заткнутым за пояс.

— Итак, люди в открытую говорят об этом?

Я пожал плечами.

— Эти рассказы я слышал ещё до поездки на север. Должны же быть какие-то разумные причины тому, что ализонцы преследуют нас. Ведь, если верить словам захватчиков, на этой земле нет ничего такого, чего бы у них не было. Никакими особыми драгоценностями МЫ не обладаем.

В том, как я это сказал, не было и признака почтительности. Я говорил как равный с равным. Да, у Имгри была сила, и люди Долин, возможно, с большой охотой подчинялись ему. Однако больше он не имел на меня какого-либо влияния. Теперь у меня была в некотором отношении внутренняя защита от него.

Сузив глаза, Имгри внимательно наблюдал за мной. Мне кажется, что в его глазах я неожиданно стал личностью, а не инструментом в его руках. Нетерпение, которое никогда особо не скрывалось в его поведении, немножко отодвинулось прочь. Он рассматривал меня под новым углом зрения, ибо я не был уже тем мальчиком, которого он отправил в Ульмсдейл, и этот новый фактор следовало учитывать в предстоящей игре.

— Ваша рука, — продолжил я, — лежит на поселениях в Пустыне. Не там ли, как вы полагаете, находится ваша цель? И не драгоценности, но Могущество...

Выражение его лица не изменилось, но у меня возникло чувство, что в лицо дохнуло холодом. Взрывы ярости — не для него, ярость Имгри была бы подобна ледяному дыха-

нию Зимнего Дракона. Сидя здесь, в неподвижности, я подстрекал его, влекомый собственной самоуверенностью. Почему меня должно волновать, что этот лорд столь обуреваем властолюбием, что он способен добиться многого, если позволит судьба? Я был не из его рода.

— Да, это Пустыня, или то, что в ней, возможно, скрывается, — Имгри решил наконец принять меня таким, каким я был. — Мы не знаем, что это может быть. Всё это стало нам известно со слов нескольких пленников: ализонцы хотят здесь что-то найти и подчинить своему контролю. У себя на родине они столкнулись с древним врагом, которого они так же хотели бы истребить, как они уничтожают многие наши Долины. Этот враг — по их мнению — может быть в родстве с нашими Прежними. В свою очередь они вооружены теми, кто каким-то образом предсказал, что им нужно искать, но у них нет должного числа людей, чтобы найти это оружие Могушества. Но знание это находится здесь! — и Имгри сжал пальцы так, что его ногти царапнули карту, как когти ястреба схватывают свою добычу.

Глава 3

ДЖОЙСАН

Туман висел в воздухе, словно гобелены в каком-то огромном зале, обволакивая костёр и тех, чьё тепло и жизни он поддерживал. Теперь и я, странное дело, чувствовала себя вполне умиротворённо, чего не было с тех пор, как Керован покинул меня и умчался из Норсдейла. Я следила за ним, пока он не скрылся с моих глаз, полных невыплаканных слёз, и сердце моё обливалось кровью. Эти печаль и страх принадлежали только мне, и я никогда не позволю себе выказать их другим. Но здесь... Это было словно... словно братство по крови. И мне было несколько удивительно ощущать подобное чувство.

— Я — Элис, — произнесла женщина, не добавив

названия ни Дома, ни Долины для указания своего положения. Но было ясно, что она должна занимать высокий пост в любом владении.

— А это, — её рука немного вытянулась вперёд, так что, не сиди они поодаль друг от друга, она сомкнула бы свои пальцы на руке мужчины (и вновь, почувствовав связь между ними, меня охватила жгучая зависть), — Джервон.

— А я — Джойсан, — поскольку не были названы ни земля, ни род, я умолчала о своих корнях.

— Джойсан, — повторила Элис, слегка повернув голову в одну сторону, будто ожидая, как, отразившись от тумана, к нам вернётся эхо.

От этой мысли беспокойство снова вернулось ко мне, и то призрачное довольство, некоторое время владевшее мною, исчезло. Я быстро обернулась. Позади стояли лишь четыре лошади.

— Но ты же тоже... — пальцы Элис дёрнулись, словно помимо её воли пытаясь сотворить какой-то знак Могущества. Потом тон её изменился, когда она добавила тот же самый предупреждающий знак, какой показала мне Нальда.

— Это земля, полная опасностей, чтобы путешествовать по ней в одиночестве, Джойсан.

Я ответила так же, как и в Норсдейле:

— Но именно если ты один и ведёшь себя осторожно, рискуешь меньше, чем когда едешь в компании.

К моему удивлению Джервон залился тихим смехом.

— А она права, — он обращался к Элис. — Разве не так обстоит дело и с нами самими? Пока держишься подальше от некоторых... мест, — последние слова Джервон произнёс с явным нажимом.

На мгновение мне показалось, что его спутница могла и не расслышать последних слов, хотя я не понимала, что он имеет в виду. Я увидела, как рот Элис чуть приоткрылся, а затем она кивнула.

— Опасности, кругом опасности. Вот только... — она повернула голову, чтобы прямо взглянуть мне в глаза — именно так смотрела на меня бывшая Аббатисса, когда я

сообщила ей о своих планах. Мне было неизвестно, испытывает ли эта женщина страх или нет, но я понимала, что она — не та, кем кажется с виду, и каким-то образом она знает обо мне гораздо больше того, что я сообщила, и чем мне хотелось, чтобы обо мне знали чужаки.

— У тебя, — внезапно произнесла она, — есть какая-то защита, и довольно неплохая. Как бы ещё я смогла понять, что ты идёшь сюда с такой силой? Но в тебе не течёт кровь тех, кто пользуется такими вещами.

Руки мои потянулись к грифону. Возможности спрятать его теперь не оставалось. Элис догадывалась либо знала что-то о его ценности, теперь в этом у меня не оставалось никаких сомнений.

Элис покачала головой. Слишком уж видима и легко читаема была моя тревога.

— Нет, Джойсан, я не знаю природу того, что ты носишь, или каким образом можно его использовать. Только то, что это — вещь Могушества. Поскольку носишь ты её не тая, значит, Могушество уже в ожидании, когда ты...

— Нет! — меньше всего мне хотелось слышать об этом странном подарке от той, в ком течёт кровь Прежних. — Да, это вещь Могушества. Но я не знаю, как ею пользоваться. Может, мой Лорд сможет раскрыть этот секрет, потому что это подарок от него, моего наречённого лорда. Я видела его в действии, но он не подчинялся моей воле.

А может, в тот раз, когда я так боялась за жизнь Керована, часть силы амулета вырвалась именно по тому, что я желала этого? Но кто бы мог сказать мне об этом?

— А кто твой лорд? — спросил Джервон.

Я с вызовом распрямилась. Знал ли он Керована? Судя по снаряжению, он, наверное, служит или служил вооружённым силам Долин; и было очевидно, что он не беглый преступник. Возможно, ему доводилось слышать о тех мерзких сплетнях, слухах о «чудовище», «получеловеке», которые так отравляли жизнь моему Лорду и явились причиной его ухода.

— Мой наречённый — Лорд Керован из Ульмсдейла, —

ответила я не без гордости. — Сейчас он направляется к Лорду Имгри, который призвал его к себе.

— Керован? — Элис вопросительно посмотрела на Джервона. Тот покачал головой.

— К Имгри пристали многие лорды... кто ещё остался в живых. Но это имя мне незнакомо.

Я была уверена, что он говорит правду, но Элис, ясное дело, не была удовлетворена. Она вновь проницательно взглянула на грифона.

— Тот, кто подарил тебе такую вещь, — заметила она, — должно быть, необычный человек и не следует традициям.

Я понимала, что должна сделать выбор. В конце концов именно Элис могла бы вполне разделить бремя Керована, хотя, похоже, она восприняла бы это как часть своей жизни, а не как проклятие. Да и Джервон тоже. И вот поэтому и от того, что связь между ними в тот момент стала ещё более ощутимой (любой, кто благодаря внутренним переживаниям приобрёл большую чуткость, заметил бы это), меня охватила страшная усталость. Двоим-то легче, они могут поддерживать друг друга, от этого только сильнее сплываясь. К достижению именно такого союза с Керованом стремилась я сама. Возможно, мне не хватало терпения или силы для подобного соединения; может быть, я была слишком юной, слишком слабо разбиралась в сердечных делах других. Во мне появилась зависть, вроде гадкого и горького привкуса во рту, тени в душе. Но я рассказала им всю правду, потому что у них было то, в чём я нуждалась, или, возможно, из-за того, что начинала постепенно осознавать, каким образом можно добиться такого единства.

— Кровь Лорда Керована частично от Прежних. Он... другой.

Я не знала, чего ожидать — отвращения, неверия... Но после того, что последовало, я буквально замерла от удивления. Элис схватила руку, которая лежала у меня на коленях. Когда я в изумлении опустила и вторую, сильные пальцы Джервона обхватили мою кисть, связывая нас всех

троих единой цепью. От каждого из них в меня вливалось согревающее чувство умиротворённости и утешения. Исчезла зависть, остались только удивление и огромное желание, во мне постепенно зарождалась надежда.

Туман, не исчезая, поднимался над этим прибежищем среди древних стен. Мы пировали запечёнными птицами, наблюдали за изменяющимися волнами облаков над нашими головами. Нам было неизвестно, для какой цели были возведены эти стены, окружавшие с трёх сторон это место.

Голая скала над нами переходила в дорожку, на которой туман оставлял влажные капельки. Время от времени Джервон исчезал в тумане, и вскоре меня охватила тревога за него.

— Это опасное место? — спросила я, хотя не ощущала ничего похожего на тот сигнал тревоги, который должен был бы подать грифон. Элис отрицательно покачала головой.

— Нет, пока мы скрыты. И всё-таки, если скачешь по Долинам в наши дни, всегда нужно быть настороже, Джервон — воин. Весь его род погиб, уцелел лишь он один. Прежде чем укрыться в каком-либо убежище, он много раз должен убедиться в его надёжности.

— Ты... — я остановилась в нерешительности, а затем рискнула продолжить, поскольку это было очень важно для меня. Если бы я только поняла, как им удалось так сблизиться друг с другом, то я бы смогла лучше подготовиться к новой встрече со своим лордом. — Ты не из Долин... однако он...

Я была уверена, что она понимает мои слова, которые я не решалась высказать в открытую.

— Я не знаю, чьей я крови, — ответила Элис. — Моих родителей смыло с берега во время страшного шторма... по всей видимости, когда они бежали от какой-то опасности, но какой, я так и не узнала. Моя мать принадлежала к тем, кто имеет необычное знание, она была КОЛДУНЬЕЙ. Однако из-за желания подарить своему господину детей ей пришлось пойти на ужасную сделку с определёнными

Силами. За рождение меня и брата ей пришлось заплатить жизнью. Мой брат... — она запнулась в нерешительности. — Он ничего не унаследовал от неё. И он не верит в такого рода знание. Возможно, всё дело в том, что мужчины не способны осуществлять контроль над Силой Луны.

Когда появились захватчики, мой отец отправился на войну, а за ним чуть позже и брат. Я делала всё, что было в моих силах, для жителей побережья, кто были нашими друзьями. У Мудрых Женщин тех кланов я научилась некоторым вещам — в то время я была совсем юной и мало уделяла внимания своему обучению. Нашему народу пришлось бежать во внутренние области. Вот тогда-то к нам и присоединился Джервон. Он был ранен, как телесно, так и душевно. Позднее я приняла сообщение, что мой брат находится в опасности. Поэтому я отправилась в путь вместе с Джервоном, поскольку его лорд погиб, а у него самого не осталось никаких родственников. Мы...

Она снова на какое-то время остановилась, затем продолжила, некоторые слова её невозможно было разобрать, словно она торопилась побыстрее покончить с остальной частью своего рассказа.

— Мы делали всё, что требовал от нас мой брат. Но рядом с ним мне места не было. Я та, кем мне суждено быть, и лишь несколько человек — их совсем мало — могут принять меня такой. А может быть, вообще только один... — теперь она смотрела на Джервона, который возвращался к нам из тумана. В её глазах промелькнуло нечто такое, от чего во мне ещё раз зашевелилась зависть. Вот так же, я была уверена в этом, глядела и я на своего Керована... но предложенного ему было недостаточно!

— А теперь, — уже более оживлённо заговорила Элис, — мы вместе скачем, с чистыми щитами и предложением своего умения. Да, я женщина-воин. Именно таково было желание моего отца. У нас нет ни рода, ни земли, но всегда найдутся те, кто в нас испытывают нужду.

Бездородные ли, безземельные ли — эта женщина Могушества и мужчина с мечом, — но они были единым целым.

— Куда вы теперь направляетесь? — спросила я. Хотя

я и решила вести поиски в одиночестве, мне вдруг ужасно захотелось, чтобы она ответила, что держит путь на юг. И, конечно, поскольку щиты их чисты, почему бы им не стать под знамёна войск лорда Имгри.

Но к моему удивлению Элис покачала головой.

— Еще не знаю. Здесь... — она казалась попавшей в затруднение. — Джойсан, ты не против, если я погадаю на тебя на магическом кристалле?

Я припомнила, как однажды уже наблюдала подобное — когда такое тоже делалось для меня — в кубке бывшей Аббатиссы. Тогда я увидела своего лорда, но он так и не узнал об этом.

— Ты можешь сделать это?

— Только на других, не на Джервона... и не на себя. Вот так и всегда, с этим Могуществом — его действие не может принести прямой пользы тому, кто призывает эту силу. Но я чувствую, что сейчас следует попытаться... на тебе.

— Однажды на меня уже гадали... только тогда я ещё не понимала значения увиденного.

Элис кивнула.

— Очень часто подобного рода предвидения бывают завуалированными. Они могут даже быть ложными... никогда не забывай об этом. Ты не должна с уверенностью ожидать, что одно, либо иное событие произойдёт на самом деле. Нам предлагается множество возможностей для выбора, вот мы и сворачиваем направо по одной тропе, когда могли бы свернуть налево, входим в какой-то коридор, где мы можем встретиться с чем-то, что изменит наше будущее. Эти пути невозможно рассчитать, и вот потому-то в твоей судьбе возможны перемены. Всё, что мы узнаем в чаше, — лишь один из возможных путей. Так ты хочешь, чтобы я погадала на тебя?

Теперь Джервон стоял, повернувшись к ней спиной, со спокойным лицом. И прежде чем я успела ответить, он быстро спросил, обращаясь однако не ко мне, а к Элис:

— Это необходимо?

— Думаю, да, — медленно ответила она. — Если

Джойсан согласна... Может быть, это является одной из причин нашего появления в этом месте.

Джертон опустился на колено и, развязав одну из седельных сумок, достал из неё что-то, завернутое в ткань. Затем осторожно передал свёрток Элис, словно вручая ей оголённую сталь, опасаясь, что она может порезаться об острую кромку лезвия.

Ткань свёртка состояла из двух кусков, наружный имел такую длину, словно его срезали со старого плаща. А под ним — средних размеров кусок из льняного полотна, но не прошитый стежками, а как будто на его поверхности делали оттиски горячего клейма, выжигали руны и какие-то символы коричневого цвета. Элис сосредоточенно что-то говорила про себя. Я видела, как её губы безвучно шевелятся. И вскоре показалось, что туман, до сих пор не досаждавший нам из-за жара костра, теперь обрёл свою собственную жизнь и начал приближаться, окружая нас невидимым барьером.

Во внутреннюю ткань была завернута чаша из яркого, как луна, серебра, и в неё Элис осторожно налила, тщательно отсчитывая каплю за каплей, жидкость из небольшого флакона, который она достала из мешочка за поясом. Теперь я слышала бормотание её голоса, когда она ритмично повторяла слова заклинания Мудрой Женщины.

Она осторожно поставила чашу на угловатый камень между нами, держа её обеими руками. Глаза Элис были закрыты, а голову она держала прямо, словно глядела куда-то далеко вперёд.

После этого Элис резко бросила руки в стороны и посмотрела прямо на меня.

— Теперь следи! — я не могла не подчиниться этому приказу, даже при всём своём желании.

Наклонившись вперёд, я коснулась пальцами камня и обхватила руками другую сторону чаши, наклонив голову так, чтобы ясно увидеть то, что там появится.

Сначала ничего не было видно, только тонкий слой странной тёмной жидкости. Сквозь неё я не могла рассмотреть даже серебряное дно. Затем жидкость начала

кружиться в водовороте, кружиться, растекаясь — и постепенно поднимаясь к краям.

Я почувствовала слабость, голова моя тоже закружилась, но взгляда оторвать теперь уже не могла. Жидкость медленно остановилась, заполнив теперь чашу до самых краёв, но всё так же оставаясь непроницаемо тёмной... И на зеркальной поверхности её ничего не отражалось.

Ничего? Нет, вот что-то появилось, явно не вызванное движением самой жидкости. На поверхности проступила призрачная тень и быстро начала проясняться и изменяться. Теперь я видела на зеркале жидкости уже не своё лицо, а чёткую картину.

— Керован!

Это был он, в доспехах, в шлеме, но по-прежнему с оголёнными ступнями — его копытами. Кольчуга, которую он носил, была мне знакома, но она поблескивала точно таким же голубым цветом, как и одежда Элис. Он сидел с обнажённым мечом, глубоко воткнув острие в усыпанную гравием землю, будто должен был хранить оружие вблизи себя. За ним паслись три коня, а дальше — ручей, трава, несколько невысоких кустарников. Что-то странное было в этом ландшафте, словно это место находилось где-то за пределами Долин.

Лицо его было совсем измождённым, как у виденных мною людей в Пустыне — в нём ничего не осталось от того Керована, которого я хотела увидеть. В каком-то смысле он, как и грифон, был запечатан за стенами хрусталя... вне досягаемости.

Я не отважилась слишком долго прямо смотреть на него, чтобы не дать страсти вытянуть из меня силы, которые нужны были мне самой. Поэтому я занялась изучением той странной местности, пытаюсь заметить какие-нибудь примечательные особенности ландшафта и понять таким образом, где он остановился на отдых.

Не знаю, как долго смотрела я на эту картину. Затем она начала блекнуть и исчезать. И тогда же лопнул пузырь, наполнявший чашу, всё исчезло в небытие, а жидкость вернулась на дно чаши.

— Я думаю, — первой разорвала тишину Элис, врываясь в охватившие меня раздражение и отчаяние, — это Пустыня.

Я откинулась на спину, плечи и руки болели, словно я пыталась пальцами разрывать неподатливую скальную породу.

— Пустыня? — эхом отозвалась я. Зачем было Керовану снова возвращаться в то зловещее место? Он же отправился к лорду Имгри, и не могло ли случиться так, что вид его копыт, знание того, что он происходит из рода, который люди называют «гнилой кровью», заставить его в конце концов отправиться в добровольную ссылку?

Джервон чуть зашевелился, сидя рядом с Элис.

— Итак... — он хмуро насупил брови. — Что ж, и так было совершенно ясно, что рано или поздно Имгри должен был попытаться сделать это, — он глядел на чашу, которую Элис вновь заворачивала в ткань, выплеснув остатки жидкости в костёр, где сверкающее пламя тут же взметнулось вверх.

— Попытаться сделать что, Лорд Джервон? — интуитивно я удостоила его знатным титулом.

— Имгри, — пояснил он, одной рукой поглаживая подбородок, где на старом шраме были заметны швы, — всегда составляет планы — довольно рискованные, — которые надлежит выполнять другим. Мне кажется, теперь он задумал встретиться с кем-то в Пустыне — причём не с преступниками, бежавшими от руки закона, и не с отбросами общества, — кому хотел бы, вероятнее всего, предложить союз.

Гнев вспыхнул во мне.

— Используя моего Лорда, — взорвалась я, — поскольку он смешанной крови и, возможно, именно поэтому кое-кто из тех, кто живёт и бродит по тем землям, может вспылать к нему родственными чувствами? Он весьма бесцеремонно пользуется людьми, этот лорд Имгри!

— Потому-то он так и поступает, — ответил Джервон, — что, возможно, в конце концов именно он и принесёт мир на эту землю. Его не любят, но ему подчиняются, и

таким образом люди присоединяются друг к другу, а иначе им никогда не удержаться вместе, как бы настоятельна не была нужда в этом.

— Но Пустыня... — достоинства лорда Имгри как вождя ничего для меня не значили. — Керован бывал там... Он едва остался жив, когда вступил в сражение с одной из Сил. И он больше не пойдёт на это, — моя рука обхватила грифона. — У него нет ни должной подготовки, ни оружия против того, что там скрывается. Вечные муки тебе, лорд Имгри! Как жаль, что я не ястреб, чтобы разорвать лицо этого хладнокровного и хитрого лорда.

— Твой лорд, должно быть, сам выбрал этот путь. Имгри не мог заставить насильно отправиться его туда, — в руках Элис всё ещё была чаша, теперь тщательно завёрнутая в ткань. — В нём есть то, — она говорила так, будто Керован находился перед нею, либо она в самом деле хорошо знала его, — что нельзя сломать, если только он сам не пожелает этого. Он, — она медленно покачала головой, — он не похож на моих знакомых. Человек двойственной природы, и каждая из них не подпускает его к себе, чтобы не привести к уничтожению. В нём таится Могущество, но он не хочет его. Может, он потому и скачет сейчас по этой дороге, что ищет покоя и смерти.

Откуда Элис могла так хорошо знать его? Если только в ней нет той способности, которую Мудрые Женщины называют Истинным Видением.

— Нет! — я вскочила на ноги, оглядываясь, словно ища какое-нибудь оружие, чтобы уничтожить её слова. Я сражалась со своим страхом, когда произнесла: — Если он в Пустыне, что ж, тогда и моя дорога ведёт туда!

— Пустыня... — Джервон обратился ко мне как к нетерпеливому ребенку, — огромная страна. А у тебя нет проводника...

— Нет, есть! — я не знала, откуда пришла эта убежденность, когда крепко сжала рукой грифона. — Вот он. И я узнаю, как пользоваться им!

— Может быть, может быть, — медленно произнесла Элис. — Но есть ли в тебе семена Могущества? — она

поднялась и начала изучать моё лицо. — Нет, ты не знаешь, что можешь сделать... пока не знаешь... Однако вот путь, которому тебе нужно следовать... — Элис жестом остановила Джервона, когда тот хотел было что-то сказать. — Хорошо это или плохо, но она уже выбрала. И остаётся только... — теперь Элис смотрела на Джервона. — Пустыня и человек, которого, возможно, удастся найти, а может, и нет, — вот задача, возможно, выполняемая, а может, и нет. Ты и я, мы только тени на земле, не настал ли наш час сделать свой выбор?

Джервон ещё больше насупил брови, но сразу же ответил:

— Если таково твоё желание.

Элис решительно покачала головой.

— Не моё. Уже наступил тот день, когда я выбрала свой путь, и ты последовал за мной. Мы отправимся вместе — либо не отправимся вообще.

Я нетерпеливо переводила взгляд с Элис на Джервона и обратно. Элис нельзя было отнести к роду Прежних, но она могла управлять какой-то частицей Могушества, чему она была обучена, и благодаря этому могла требовать родственного отношения от людей, странствующих по Пустыне. Я сказала о проводнике, но не знала, как им пользоваться. С их стороны не было слишком опасной затеей сопровождать меня в этом путешествии, да и мне хотелось этого. Их душевная близость согревала мою душу, поэтому я цеплялась за то, что если подольше пробуду с ними, то смогу узнать их секрет — чтобы и моя жизнь с Керованом пришла к гармонии.

Джервон нацепил свою портупею.

— Любой путь ничем не хуже другого, — объявил он. — Кроме того, мне кажется, что твой Керован, — теперь он обращался ко мне, — расставшись с Имгри, отправился на запад. Поэтому мы поскачем на юг и, может быть, там обнаружим его след.

— Я слышала, что лорд Имгри скупает в большом количестве сохранившийся в Пустыне металл, чтобы потом перековать его в оружие для своей армии, — заметила

я. — Поэтому там должны быть эти люди, металлоискатели. Возможно, Керован отправился по тропам, проложенным ими.

— Вполне возможно. побыстрее бы наступило утро и исчез этот туман — тогда мы и отправимся на юго-запад. Если там и имеются какие-либо следы этих троп, то мы наверняка пересечём их.

Но туман, окружавший нас, так и не рассеялся за весь оставшийся день, по-прежнему оставаясь таким же густым, пока не наступила ночь. Я с беспокойством следила за наступлением сумерек, потому что меня не покидало ощущение, что уголком глаза я вижу какое-то движение, и это не было движением самого тумана, а скорее чем-то более материальным, использующим туман в качестве прикрытия для наблюдения за нами.

Время от времени Джервон уходил, а затем возвращался, принося с собой засохшие куски деревьев и сваливая их в одну кучу. И лишь когда по-настоящему сгустилась темнота, Элис положила конец этому. Она подтвердила мои подозрения, вытащив из своего мешочка на поясе тонкую палочку голубого цвета.

Держа её в правой руке и приподняв левую так, чтобы своими изящными пальчиками свободно производить самые сложные диаграммы, она начала рисовать линии на дороге, огораживая нашу стоянку, не исключая и лошадей, которых Джервон стреножил и подвёл поближе к костру. Закончила Элис пятиконечной звездой, с искусной аккуратностью проводя линии, и не смотря на то, что от этой работы её странный карандаш сильно истирался.

У каждого острия звезды она дополнительно нарисовала замысловатый символ, тем самым окончательно огородив нас внутри. Поначалу лошади оставались беспокойными, с растущей тревогой вскидывая вверх свои головы, фыркающая, уставившись в туман. Однако после того, как Элис закончила свою работу, они успокоились.

Да и сама я вдруг поняла, что теперь слежка пропала.

Я поделилась с новыми товарищами пищей из своих запасов, когда мы расселись, согреваясь, около костра,

согласившись поочерёдно нести вахту и следить за огнём. Первой по жребию выпало стоять на посту Элис. Укутавшись в плащ и не снимая доспехов, я постаралась уснуть, сложив руки крест-накрест поверх грифона на своей груди.

В нужное время Джервон разбудил меня, и я наблюдала за бледнеющими на фоне зарождающейся зари звёздами. От тумана почти ничего не осталось. Звезда, нарисованная, чтобы служить нам защитой, сейчас слегка светилась. Я изучала её, удивляясь, каким образом можно обрести такое знание. В Долинах считалось, что только имеющие Дар с рождения могут познать это, хотя и у нас в Долинах были свои Мудрые Женщины, врачеватели, собиратели трав и тому подобное. И ведь была ещё дама Мат — моя тётка.

Она дала среди Дам самый скромный монашеский обет, и считалось, что то, чем она занималась, — грех. Но как бы то ни было, в свой последний час она достала вырезанный из слоновой кости жезл — перед тем, как отослать меня из оказавшейся смертельной ловушкой башни замка. Она сказала, что у неё есть способ отомстить захватчикам и убийцам, которые окружили нас. Башня взорвалась в огне и разлетающихся камнях, принеся смерть большей части захватчиков.

Я никогда не сомневалась, что это произошло по её воле, хотя и не знаю, какие силы Могущества она вызвала в тот час, или как она их призвала.

А не могло ли быть так, что и у кого-то из чистокровных жителей Долин, в прошлом всегда таких осторожных, начало проявляться нечто, похожее на способности Препрежних? Может же быть так, что дети, рождённые и воспитывавшиеся на этой многострадальной земле, действительно отличались от своих родителей. Никогда ранее не задумывалась я над такими вопросами.

У нас принято с подозрением относиться ко всему, что хоть отдалённо напоминает подобного рода знания. А полукровок избегали, считая их... Во имя моего дорогого лорда, я не решаюсь произнести даже мысленно это отвратительное название. Ну, а сами мы, те, у кого не было

на теле таких внешних стигматов? Разве мы также не отличны чем-то от других, хотя это и не так бросается в глаза, как ступни-копыта моего Лорда, его янтарно-жёлтые глаза, однако, если бы стало известно об этом, могла ли эта новость стать причиной нашего скорого изгнания?

Не могла ли я использовать этот аргумент при разговоре с Керованом? О, если бы я могла доказать ему, что я не чистых кровей, как он полагает... Я беспокойно двигалась вокруг костра, страстно желая прихода утра. Нашла ли я в Элис союзника, который займётся моей тренировкой, если только у меня окажется достаточно для этого способностей?

Говорили, что для того, чтобы стать Мудрой Женщиной, требуется много лет. Но у меня-то их не было. Я ещё раз припомнила ту встречу с Пивором, незнакомцем из Пустыни, который сказал, что грифон является ключом, которым может воспользоваться одна только я — когда придёт время. И если так, то, конечно же, эти слова свидетельствуют, что у меня есть некоторые способности, чтобы овладеть Могуществом.

Мне захотелось разбудить Элис и потребовать, чтобы она тут же взялась за моё обучение. Но я поборолa это нетерпение, утихомилив желания на некоторое время. Совсем не к месту торопиться, убеждал разум моё сердце, однако, со вздохом призналась я себе, как же хочется приняться за настоящую работу!

Глава 4

КЕРОВАН

Возможно, Имгри и считал, что обладает талантом убеждать людей, но принимать окончательное решение нужно было мне. Я выслушал его мысли о предполагаемых действиях, и что следует сделать после налаживания контакта с кем-нибудь, обладающим властью в Пустыне: сначала намёк, а затем уже и само предложение. Послед-

нее, конечно же, являлось с его стороны жестом высокомерия, ибо ну чего такого мы могли предложить им, что можно было бы сравнить с теми силами, которые имели в своём распоряжении Прежние? Я же был абсолютно лишён тех амбиций, которые двигали поступками Имгри. С другой стороны, если по какой-либо счастливой случайности моя миссия завершится успешно, люди Долин должны будут признать, что лишь презируемый полукровка смог отважиться на это.

Имгри предложил мне в помощь людей, но я отказался. И это ему не очень понравилось. Думаю, ему не хотелось, чтобы у его посланца было слишком много свободы.

— Отправиться в одиночку, — произнёс он, — слишком большой риск.

— В одиночку, лорд Имгри? Посмотрите на меня. Спросите у любого в этом зале, считают ли они меня за человека? Вы и сами выбрали меня из-за моего наследия. Так позвольте мне отправиться без эскорта, как будто во мне и в самом деле та кровь, которая, как вы считаете, должна течь по моим венам. Я буду путешествовать не скрываясь, и пусть удача благоволит мне. Что смогу — я выполню. Обещать ничего заранее невозможно.

Он должен был признать, хотя и неохотно, что я говорю правду. Не был он и скупым. И когда мне предложили, я не отказался от кольчуги, меча и шлема, выкованных из найденного в Пустыне металла. Всем известно, что это — самый лучший из известных сплавов, равного которому при изготовлении высококачественного вооружения пока не найдено.

Потом я выбрал трёх коней из предложенных мне. Они были из восточных Долин (их численность теперь была очень невелика), и здесь, на западе, ими редко пользовались. Я не хотел брать выращенных в горах, потому что в Пустыне нужны лошади выносливые и стойкие, а не привыкшие к обильным водам горных ручьёв, лошади, которые могли бы переносить жару и недостаток фуража и питья.

Потому я и выбрал тех, которыми пользовались в

Пустыне. Чуть выше ростом горных пони, сухопарые, с длинными шеями, что отличало их от прочих; глаза непривычно огромные, с густыми ресницами, которые давали достаточную защиту от ярких лучей солнца и ветра. Копыта пошире, чем у обычных коней, что хорошо для ходьбы по зыбучим пескам. Они имели репутацию существ норовистых, и их каждую ночь нужно было стреноживать, либо привязывать.

На двух из них я намеревался попеременно скакать, а третью использовать в качестве грузовой. Мне потребовалось четыре дня на тщательные приготовления и выбор провизии. По ночам мне больше ничего не снилось.

Я отказался от карты, которую мне показывал Имгри при нашей встрече. Её составляли, основываясь на словах охотников, но им нельзя было полностью доверять, поскольку они всегда с ревностью относились к своим источникам информации.

Дорога Изгнанных, по которой путешествовали мы с Ривалом, вела на север. И дорога, по которой я добрался к месту, где творили свои чёрные чары моя мать и Роджер, также вела в том направлении — заброшенная и безлюдная. Если ещё и оставалась какая-нибудь жизнь в Пустыне, то, я это чувствовал, где-нибудь я наверняка обнаружу её... хотя Прежних нельзя оценивать по нашим меркам. Но им ведь всё-таки тоже нужны вода, какая-то пища, укрытия получше, чем эти руины.

Поэтому я решил отправиться прямо на запад, вначале следуя по едва заметной тропе, проложенной охотниками, которые доставляли Имгри металл для перековки.

Я выехал ранним утром, ни с кем не попрощавшись. Накануне ночью я в последний раз встретился с Имгри. Он снова говорил о настоятельной необходимости передать предупреждение о вторжении какому-нибудь вождю, кого только мне удастся обнаружить, — в полной уверенности, что где-то в тех неизвестных землях на западе действительно находится то, что ищут захватчики. А потом Имгри даже не пришёл проводить меня — кто я такой для него, всего лишь инструмент для осуществления его целей.

Завершится моя миссия удачно — хорошо; если же нет...
Что ж, он сделал всё, что мог.

Конь, на котором я выехал, вначале заартачился было, но, когда лагерь остался уже далеко позади, успокоился, а другие две лошади, которых я держал на привязи, были вполне послушны. Все они время от времени высоко вскидывали головы и втягивали воздух через красноватые ноздри, словно пытаясь определить какой-то запах, имеющий для них особую важность.

Так мы путешествовали четыре дня, и последние три из них — по пустынной местности, кое-где поросшей кустарником, когда конь, на котором я скакал, издал ржанье, напоминавшее более жуткий пронзительный вопль. Остальные две лошади незамедлительно ответили ему, и эти дикие звуки эхом прокатились по остроконечным холмам, тесно обступившим дорогу с обеих сторон, так что давно уже казалось, что двигаемся мы в непроглядных сумерках. Сомкнувшиеся вокруг нас стены становились всё более и более высокими, а затем две скалы соединились верхушками, образуя арку, в которой, несмотря на день, царил полный мрак.

Мой конь перешёл на быструю рысь, и я даже не пытался его сдерживать. Остальные лошади в свою очередь тоже увеличили скорость бега. Мы пронеслись через туннель с неровными стенами и выскочили на другую сторону, в настоящий яркий свет дня, не то что в последние несколько часов.

Вот она, Пустыня! Дорога пропала, одни лишь голые камни, иногда пересекаемые то тут, то там струйками грубого песка. Голая равнина стелилась до самого горизонта. Вдали какие-то тени сливались с небом, и мне показалось, что это, должно быть, горный хребет. Его-то я и наметил для себя в качестве ориентира.

Лошади, которых я вёл на привязи, больше не хотели плестись позади, подтянулись и теперь скакали по обе стороны от меня, подстроившись под темп бега моего коня, будто на них также скакали всадники, готовые к кавалерийской атаке. Я подумал, что они чувствуют себя

как дома в этом краю и, наверное, возможно по их поведению получить предупреждение о других формах жизни, которые могут здесь нам повстречаться, хотя кто или что могло жить в местности, подобной этой, я и предположить не мог.

Солнце ещё стояло высоко в послеполуденном небе, но я уже разбил лагерь, потому что лошади первым делом направились к провалу в земле, расщелине, на дне которой, вытекая прямо из скалы, струился грязноватый ручеёк, пересекая впадину лишь для того, чтобы вновь исчезнуть в прожорливой земле. Однако по обе стороны его росла трава и несколько невысоких кустов. Из ближайшего стрелой взлетели несколько крылатых существ и умчались ввысь с весьма большой скоростью, но я успел рассмотреть, что перья у них чёрного цвета, а головы, свисавшие вниз на странно изогнутых шеях, красно-коричневые, будто только что ошипанные.

Их писклявые крики были такими же неестественными, как и вопли лошадей, и они кружили над нашими головами, не скрывая своей ярости, что их потревожили. Мне не понравился их вид. Что-то зловещее чудилось в их чёрных телах и голых головах.

Что собрало их здесь, стало ясно через несколько секунд: я учуял тошнотворный смрад чего-то мёртвого, и мёртвого уже долгое время, а мой конь полуподпрыгнул, полусоскользнул вниз к краю воды.

Он глубоко погрузил свою морду в воду, другие две лошади поспешили за ним. Я выскользнул из седла и торопливо привязал поводья к ближайшему кустарнику. А затем, хотя мне и не хотелось этого, направился посмотреть, что же такое там лежит, что привлекало этих так и не переставших пронзительно кричать птиц.

Пылающее солнце и клювы птиц сделали свою отвратительную работу, но оставалось ещё вполне достаточно, чтобы понять, что это была фигура, напоминающая человека... хотя и очень маленькая. Ребёнок... здесь? Я старался не дышать, подходя поближе. Кем бы оно ни являлось при

жизни, никакого родства с жителями Долин у него не было. Тело в тех местах, где ещё сохранилась плоть, было покрыто щетинистыми коричневыми волосами. Голова и лицо настолько испортились, что я не мог разглядеть никаких черт и был этому только рад. Пальцы — как на руках, так и на ногах — заканчивались огромными кривыми когтями, и на некоторых из них до сих пор были комья земли. Существо это наполовину зарылось в землю, будто для того, чтобы избежать предназначенной судьбою гибели.

С помощью веток, сорванных с кустарника, я перекатил это существо подальше и забросал его камнями и песком. Я не собирался оставлять его здесь непохороненным, там, где мне пришлось разбить лагерь.

Выполняя эту работу, я всё время оглядывался вокруг. Что бы ни убило это существо, оно могло всё ещё оставаться здесь... хотя тут и спрятаться-то было совсем негде, и я не думал, чтобы птицы устроили своё пиршество, да и лошади мои не вошли бы в этот оазис, будь здесь опасность.

Я оттащил коней насколько мог подальше от этой свежей могилы, но сам так и не притронулся к воде, больше полагаясь на ту, что хранилась в моей седельной фляге. Фигура и размеры этого мёртвого создания заинтериговали меня.

Существует множество легенд о существах, которые порой выбирались из Пустыни, о чудовищах и демонах, с которыми сражались, убивали и сами погибали представители нашего народа, едва лишь заселив Долины. Я слышал об огромных чешуйчатых рептилиях, с когтями и клювами; о покрытых мехом созданиях ростом с башню, о более меньших по размерам летающих тварях, с жалящими хвостами со смертоносным ядом. Попадались и существа с человеческим обликом, способные ввести в заблуждение людей, а затем околдовать или убить их.

Ривал настолько был очарован загадками Пустыни, что отовсюду собирал подобные рассказы и в своё время без утайки поделился этими записями со мной. В его домике

хранились кусочки древних картин, которые он нашёл в Пустыне — иногда прекрасные, иногда гротескные, а иногда — пугающие. Однако никогда мы не были уверены, что это изображения настоящих форм жизни, а не придуманных художниками, которым привиделись странные сны. Но как бы то ни было, сейчас я не мог припомнить, чтобы где-нибудь слышал или видел что-либо, похожее на существо, которое только что похоронил.

Его ужасные острые когти предназначались не только для копания. При этой мысли я вытащил меч, воткнул его в землю рядом с собой и, раскрыв сумку с припасами, достал скудный походный рацион, который затем, медленно пережёвывая, прикончил, прислушиваясь к любому звуку.

Птицы продолжали кружиться над головой ещё некоторое время, гневно пища. Наконец, собравшись в стаю, словно отвратительная чёрная туча, и в последний раз сделав круг над оазисом, они улетели на север.

Лошади продолжали пощипывать траву, ни разу не приподняв головы. Вообще-то лошадей нельзя с лёгкостью заставить приблизиться к мёртвому существу, однако эти три не предпринимали попыток убежать от этого места. Принявшись за сушёное мясо, я напомнил себе, что никогда не следует совершать самую серьёзную из всех возможных ошибок — судить о какой-либо местной форме жизни, пользуясь стандартами Долин. Я вошёл в новый и отличный мир.

Теперь, когда птицы улетели, стало совсем тихо... и тишина эта нарушалась только звуками журчащей воды и пощипывающих травку лошадей. Не было ни жужжания насекомых, ни шелеста тормозимых ветром съёжившихся и скрученных листьев. Казалось, что жар склонявшегося к западу солнца усиливается. Кольчуга отягощала мне плечи, и пот струился из-под ободка шлема.

Покончив с едой, я принялся за дальнейшее изучение этого места. Из-за растительности вода здесь текла тонкой струйкой. По берегам трава была густой, кустарник походил на твёрдые шары, переплетаясь между собой так, что

мне показалось, что даже острым мечом нельзя прорубить сквозь него путь.

Эта вода, вытекавшая прямо из скалистого берега, покрытого красновато-рыжими пятнами, неприятно напоминала кровь. Имелась и ещё одна причина против того, чтобы напиться этой воды. Эта расщелина явно была неестественного происхождения, решил я, слишком уж правильной формы — словно специально высеченная в этом месте для того, чтобы путники могли испить воды из этого ручья. Но какие здесь путники?

Я с осторожностью исследовал ручей, но так и не обнаружил никаких следов того, что в последнее время здесь кто-либо останавливался. Песок и гравий лежали нетронутыми, и лишь бесформенные отпечатки следов животных свидетельствовали о том, что это место посещается.

Так что же это за существо, которое я похоронил? Я не мог заставить себя выкопать его из могилы и ещё раз исследовать. Но всё-таки его присутствие меня беспокоило. Остаться здесь, даже ради лошадей, решил я, слишком уж большой риск. И этот оазис должен притягивать к себе какую-нибудь окрестную жизнь.

Однако пробыл я тут почти до самого захода солнца, когда позволил наконец лошадям ещё раз напиться воды, а затем выехал на равнину и выбрал путь, который шёл по скалистому участку, так чтобы позади нас не оставалось следов.

Те высоты, которые я выбрал в качестве ориентира, теперь превратились в чёрную бахрому на фоне быстро темнеющего неба. Я начал искать укрытие, хотя бы какую-нибудь выступающую из земли скалу, к которой можно было бы прислониться спиной и защищаться в случае неожиданного нападения. Наконец я заметил группу из нескольких каменистых вершин и направил лошадей в ту сторону.

Было ещё достаточно светло, чтобы вскоре разобрать первые признаки того, что некто, живущий здесь, всё-таки нуждается в доме или крепком укрытии. То, что сперва

показалось мне скалистыми вершинами естественного происхождения, оказалось зданием. Это строение настолько соответствовало окружающему пейзажу, что легко можно было поверить, будто это творение — какая-то причуда природы.

Высокие скалы, образовавшие его стены, были неровными, необработанными, тянувшимися вертикально вверх, но так близко друг к другу, что едва можно было заметить щели. И цвет у них был такой же желтовато-белый, как и у валунов, которые я встретил в этой местности. Но чего уж я совсем не ожидал, так это того, что скалы охраняли место, которое выглядело при этом призрачном свете как огромное разворошенное гнездо.

Сухие ветки и крупные комки травы, вырванной до самых корней, были сплетены вместе так, что в высоту эта бесформенная масса достигала моей груди, когда я слез с лошади. Я ткнул её кончиком меча. И от одного лишь этого прикосновения гряда развалилась, большей частью превратившись в порошок — настолько сухой и старой она была.

Привязав лошадей к одной из боковых колонн, я начал разбрасывать эту гряду, пользуясь в основном мечом, будто что-то во мне противилось, чтобы коснуться руками этих остатков. Прежде чем взяться за нижний слой, я натянул латные рукавицы, потом начал рыться...

К моим ступням подкатилось что-то твёрдое, и на меня посмотрели пустые глазницы черепа. Вот уж это точно было останками человека или кого-то, родственного ему. Я отпихнул череп в сторону и продолжил работу.

Обнаружил я и другие кости, но у меня не было желания их исследовать, да и смрадный запах ещё больше усилился, когда я зарылся поглубже в эти остатки гнезда, разбрасывая тошнотворный, почти полностью разложившийся материал. Выбрасывая последние комья, я обратил внимание на постоянный зуд на запястье.

Обтерев песком латные рукавицы, я отсоединил крепления на запястьях и обнажил то, что стало немаловажной частью моей жизни в последние месяцы — металлический

браслет, который я нашёл благодаря счастливому случаю и который спас мне жизнь, когда Роджер пытался сперва ослепить меня, а затем и убить.

Браслет сиял и на ощупь стал тёплым. Руны, вырезанные на нем, светились яркими огоньками пламени. Я пристально посмотрел на браслет, почти зачарованный, пока, повинаясь какому-то внезапному импульсу, не просунул руку в пространство между колоннами. Эти символы вспыхнули ещё ярче — и в то же время я не ощущал ни малейшего беспокойства.

И тут от высокой скалы, откуда я соскоблил остатки гнезда, в ответ вспыхнула искорка света. Я вытащил из сапога маленький нож и, проведя лезвием по скале, соскрёб немножко точно такого же голубого металла, из которого был сделан и мой браслет, а затем смахнул его в сумку.

Чтобы успокоить лошадей, привязанных в стороне от травы и воды, я размял для них несколько дорожных лепёшек. Они алчно потянулись к еде, не обращая внимания на то, что я обеспечил им безопасную ночь, расчистив это место.

Здесь был лишь один вход, но крыши над головой не было. Зато скалы слегка изгибались внутрь, так что открытого пространства вверх было совсем немного. Я подтащил к самому проходу седло и сумки с припасами, используя их в качестве баррикады. Как жаль, что на эту ночь у меня нет товарища по оружию, чтобы разделить ночное дежурство. И мне оставалось лишь понадеяться на умение, приобретаемое любым солдатом, мгновенно пробуждаться при малейших изменениях в окружающей обстановке. Вновь я положил обнажённый меч рядом с собой и попытался заснуть.

Если кто-то, представляющий опасность, и рыскал по округе этой ночью, к моему убежищу никто не приближался. Однако на рассвете я был разбужен таким же, как и накануне, неистовым ржаньем коня, когда он впервые почуял ветер, донесшийся из Пустыни. Я выбрался наружу

и увидел, что все три лошади яростно натянули поводья, встав на дыбы и колотя копытами по скалам.

Потребовалось всё моё искусство обращения с лошадьми, чтобы успокоить их, но когда я закончил погрузку и вскочил в седло, то понял, что на самом деле мало что могу с ними поделать. Они решительно хотели вернуться к оазису, и я был вынужден подчиниться, поскольку им нужна была вода и трава, так что пришлось немного задержаться, чтобы они получили и то, и другое.

Поэтому солнце уже больше часа висело над горизонтом, когда мы снова направились вперёд в сторону холмов. Постепенно местность менялась. Теперь пустыня представляла собой серовато-коричневую землю, на которой местами росла выжженная солнцем трава. Лошади, которых я вёл на привязи, пытались, вытянув шеи, дотянуться до травы и пополнить таким образом свой скудный рацион. Затем появились кустарники, деревья, причём некоторые из них мои лошади обходили стороной.

Я доверял их инстинктам, поскольку этот край они знали намного лучше меня. Около полудня я заметил первое передвигавшееся существо. Кустарник рос теперь так густо, что нам приходилось постоянно петлять, чтобы не цепляться за него, и вот во время одного из таких обходов передо мной мелькнуло более открытое пространство.

Наперерез нам направлялся всадник. И хотя до него было ещё далеко, я не мог ошибиться в солнечном блеске, отразившемся от его доспехов. Конь его не походил на моих — он не обладал такой длинной шеей.

Всадник скакал с уверенностью человека, который знал, куда он направляется. За охотника я его принять не мог... хотя он мог оказаться преступником, скрывавшимся от закона в этом безлюдном краю. Или же... может быть, именно его-то я и искал! Вытащив меч из ножен, я направился на открытый участок земли, желая, чтобы меня заметили, несмотря на возможный риск.

Разумеется, его конь был породистее моих, выращенных в пустыне кляч, так как, хотя и казалось, что всадник

скачет неспешной рысью, он неумолимо удалялся от меня. Похоже, всадник и не замечал, что я следую за ним.

Чуть впереди него завиднелась группа деревьев. Я хотел догнать его до того, как он исчезнет их тени. Если меня и ждут неприятности, то хотелось бы встретиться с ними на открытом пространстве. Поэтому я заставил своего коня ускорить бег, хотя он фыркал и гневно дёргал поводья.

Незнакомец уже почти достиг тени деревьев, когда разъярённый зверь, на котором я ехал, начал активно протестовать против нашего преследования. Издав резкий вопль, он встал на дыбы и заколотил копытами по воздуху. Остальные две лошади тоже воспользовались этим моментом, чтобы потянуть назад свои поводья. Я был вынужден поспешно остановиться.

Мои лошади продолжали со злобой брыкаться и лягаться, пытаясь наброситься друг на друга. Я же изо всех сил пытался взять контроль над ними. И тут внезапно, перекрывая создаваемый ими шум, раздался свист, повелительный, как приказ.

И сразу лошади оказались на земле, стоя на всех четырёх ногах. Хотя глаза их безумно вращались, пена струёй капала на землю, а копыта стучали о землю, теперь все три лошади стояли, словно пригвождённые к земле, как те деревья поблизости.

Крепко натянув поводья, я оглянулся вокруг.

Всадник, которого я преследовал, наконец повернулся и теперь направлялся ко мне ровной рысью. Его конь и в самом деле б ы л другим. Такой же огромный, как и жеребцы из нижних долин, он обладал странно испещрённой крапинками шкурой, подобной которой я никогда не видел: оттенки серовато-коричневого цвета накладывались друг на друга таким образом, что не проглядывалось никакого чёткого рисунка.

Попона на коне не была вышитой, скорее, это была шкура какого-то зверя серебристо-серого цвета, в пятнышках. Когда он подъехал поближе, я признал выдубленную шкуру снежного кота, одного из самых

редких и тем не менее опасных зверей, водившихся в Долинах.

На самом всаднике были доспехи того же серебристо-серого цвета. Его лицо было наполовину скрыто под забралом шлема, увенчанного фигуркой великолепно вырезанной крадущейся кошки. Глазами ей служили драгоценные камни жёлтого цвета, и из-за оптической иллюзии, создаваемой солнцем, они, казалось, мерцали, словно кошка была живой и просто отдыхала на выступе, с любопытством следя за мной.

Незнакомец подъехал совсем близко ко мне, прежде чем осадил своего коня. Мои лошади покрылись потом, в глазах их сквозило безумие, так что создавалось впечатление, что ими полностью овладел ужас. Однако незнакомец, насколько я мог видеть, не подавал никаких признаков к нападению. Его меч по-прежнему покоился в ножнах, а на эфесе также красовалась кошачья голова; португеза была из меха, а на пряжке был выдавлен оскал рычащей кошки.

И хотя он остановился на некотором расстоянии от меня, я ясно видел эти кошачьи головы. Они будто давали понять, что являются знаком Дома какого-то клана.

Некоторое время мы молча разглядывали друг друга, не двигаясь с места. Теперь я более чётко разглядел его черты. Он был юн, может, моего возраста. Гладкое лицо, и это не казалось странным, потому что у многих жителей Долин к тому времени, когда миновал срок половины их жизни, вырастала лишь небольшая, а то и совсем куцая борода.

Кожа коричневого цвета, а глаза слегка вытянутые, под прямыми бровями. Чем больше я изучал его, тем больше во мне росла уверенность, что я нашёл того, для кого Пустыня, или места, вроде неё, являются родным домом. Он не был жителем Долин. Снаряжение превосходного качества, великолепный конь. И кроме того, хотя он и казался на вид человеком, всё же мне не было нужды ощущать того лёгкого тепла от своего браслета, чтобы понять, что он владеет какого-то рода Могушеством.

Незнакомец также внимательно рассматривал меня. Я был уверен, что он не пропустил вида моих копыт в

специально сделанных для меня стременах. Знал ли он о ком-нибудь из моего рода? Да и е с т ь ли они вообще — эти мои родичи — или я просто неудачный гибрид, и потому в глазах любого с чистой кровью — просто лишь ошибка создателя, как считали в Долинах?

Я понимал, что бессмысленно приближаться к нему. Было ясно, что моих трёх лошадей охватил ужас: они дрожали, пена собиралась в уголках их пастьей.

И поскольку незнакомец не вытаскивал свой стальной меч — наверное, я казался ему таким беспомощным, несерьёзным противником, что ему этого и не требовалось для защиты — должен ли я посчитать его соблюдающим нейтралитет? Но иного выбора не было: Я должен был сделать то, что должен.

Воспользовавшись случаем, я отпустил поводья и протянул вперёд ладони. Шёлковая сеть моей кольчуги слегка съехала с запястья, и в солнечном свете ярким голубым светом вспыхнул браслет. Станет ли это моей верительной грамотой, чем-то таким, что даст мне признание в этом мире? Оставалось только дожждаться ответа незнакомца.

Глава 5

ДЖОЙСАН

Едва рассвело, мои спутники поднялись. Туман исчез, как и охранявшая нас звезда. Джервон дал каждому коню немного зерна и провёл к горному ручейку, чтобы они утолили жажду, в то время как мы раскрыли сумки с припасами и принялись за еду.

Погрузив на пони сумки и оседлав коней, мы отправились прочь от этих стен, следуя по едва заметной тропе, когда-то бывшей дорогой, быть может, такой древней, что даже холмы, вдоль которых она тянулась, должны были бы позабыть о ней.

Нас вёл Джервон, следуя на запад мимо холмов, туда, где не было видно никаких признаков, что кто-либо до нас

посещал эти места, если не считать одной полуразвалившейся хижины, вроде тех, что строят летом собиратели трав для заготовки фуража. Но те дни мирного сбора трав давно миновали. Мы не встречали никого, никакой живности, если не считать горных куропаток, одной или двух, которые, закудахтав, едва успели убраться из-под самых копыт лошадей, да ещё однажды промелькнула снежная кошка, высокомерно взиравшая на нас с такого высоченного выступа, что я удивилась, как же туда смогло добраться это презирающее опасность создание.

В первую ночь мы не зажигали костёр, поскольку разбили лагерь на абсолютно открытой местности. Было ясно, что мои спутники двигаются с осторожностью разведчиков и принимают все меры предосторожности. И когда мы сидели, прижавшись друг к другу, больше нуждаясь в компании, чем в том, чтобы согреть свои тела, я спросила, бывали ли они когда-либо раньше в Пустыне.

— Только в пограничных районах, — ответил Джервон. — Некоторое время мы сопровождали разведчиков, посланных на север, чтобы узнать, не проникли ли ализонцы в этот край. Мы не обнаружили никаких признаков, указывающих на это, хотя и прочесали вдоль и поперёк всю ту местность. Мы видели начало Дороги Изгнанных.

Дорога Изгнанных... Керован упоминал о ней в те дни, когда мы направлялись в Норсдейл, сопровождая мой бедный народ в безопасное место. Как-то он уже путешествовал по ней, однако не сообщил тогда подробностей этого путешествия. Слишком многим из своего прошлого он отказывался поделиться со мной.

— Знает ли кто-нибудь, куда она ведёт? — спросила я.

— Не имею ни малейшего понятия. Мы старались поменьше ездить по ней. Но я не слышал ни о какой другой дороге в этом краю.

В течение всего дня, пока мы скакали, мне так и не представилась возможность поговорить с Элис по поводу той мысли, что мелькнула у меня ранним утром. Отчего-то я не решалась сообщить Джервону о своём страстном

желании овладеть Могуществом. Но совсем не потому, что опасалась его возражений. Из-за присутствия Элис он принимал многое из того, где любой другой житель Долин в открытую бы отринул. Скорее, я просто боялась просить помощи и не знала, как сказать об этом.

В следующие четыре дня мне также не представилось удобного случая. Земля была такой пустынной, что даже путешествуя со всей осторожностью, за короткое время мы преодолели изрядное расстояние. Вечером пятого дня Джервон показал на запад, где сквозь облака пробивалось желтоватое сияние, весьма отличавшееся от цвета того заката, который я знала.

— Пустыня.

Во время этого путешествия на запад мы усердно искали какие-либо следы троп, проложенных металлоискателями, но не обнаружили даже малейшего намёка на них. И когда мы на этот раз сняли с пони поклажу, а Элис собрала сухие веточки, которые, по её утверждениям, после разожжения костра не выдадут нашего присутствия здесь, Джервон не слез с коня, а поскакал дальше в поисках каких-либо тропинок.

Когда жёлтое сияние в небе поблекло, я и Элис поджарили на вертелах горных куропаток — куда более приятную на вкус пищу, чем та, которой мы довольствовались в течение последних четырёх дней. Мне наконец-то представилась возможность поговорить, и я торопливо сообщила Элис о своём желании, пока мы готовили пищу.

Она выслушала меня, но когда заговорила, в её низком голосе заметно прозвучали серьёзные нотки.

— В твоих словах есть какая-то логика. Вполне может быть так, что этот край оказывает своё воздействие на рождённых здесь... даже если у них никогда и не возникало причин думать, что у них есть такие способности, поскольку для проявления этого не представился удобный случай. Что же касается того, как научиться призывать Могущество... Да, я могу стать твоим наставником, если у тебя есть способности, как меня саму обучали в детстве и молодости.

Но времени нет. Это не то знание, которое можно получить по мановению волшебной палочки. Нужно долгое обучение. Однако это не означает, что ты не можешь сама попытаться пробудить в себе то, что сокрыто внутри. Нужно только быть очень терпеливой.

После этого предупреждения она начала рассказывать мне в общих чертах о тренировке сознания, чтобы я могла попрактиковаться, я же дала себе зарок, что если и смогу добиться чего-нибудь благодаря такому обучению, — то обязательно добьюсь. Поэтому с тех пор я постоянно напрягала своё сознание, как воин напрягает и упражняет своё тело, чтобы приобрести такое воинское умение, когда каждый мускул становится ему полностью подвластным.

Утром, хотя Джервон так и не нашёл тропинок, мы вновь отправились вперёд, все дальше углубляясь в эту страну, утрюмую и полную дурных предчувствий. Я думала, что Пустыня должна оказаться мешаниной самых различных местностей, но тут были лишь песок, гравий и голые скалы, от которых исходили волны непереносимого солнечного жара. Мы использовали все уловки, которые предпринимают путники в подобного рода пустынных землях, и когда всем становилось уж совсем неможготу, отправлялись искать укрытие, путешествуя либо рано утром, либо вечером. Ночью мы не передвигались, хотя лунного света хватало.

Здесь было слишком много странно выглядевших теней, непонятных звуков (хотя и раздававшихся вдалеке). Лучше уж провести ночь в лагере, несмотря на то, что это замедляло наше путешествие, и к тому же приходилось по очереди дежурить.

По какой-то благосклонности судьбы нам ежедневно попадалась вода и скудные пастбища. Джервон ещё издали замечал их, и хотя до сих пор мы так и не встретили никаких признаков дороги, вполне вероятно, что мы всё-таки двигались по какому-то тракту, некогда проложенному путешественниками... быть может, уже давно заброшенному.

И я постоянно с волнением следила за своим грифоном, надеясь, что он каким-то образом даст нам ключ к пониманию того, на правильном ли мы пути или нет. Я не знала, чего ожидать, и главным образом одна лишь надежда поддерживала меня в поисках хоть какого-нибудь знака. Но шар всегда оставался одним и тем же.

Джертон петлял впереди нас, по-прежнему пытаясь обнаружить тропу, но всегда возвращался, сообщая, что так ничего и не нашёл. Вот поэтому нам и пришлось, поскольку ведь должен же быть у нас хоть какой-нибудь ориентир, выбрать в качестве одного линию холмов на западе, которые казались фиолетово-чёрными ночью и коричневыми днём. Они были единственными знаками отличия на местности.

На второй день Джертон возвратился из очередной своей экспедиции торопливой рысью: Ради безопасности нам приходилось вести лошадей в поводу, и то, что он мчался с такой поспешностью, означало, что случилось что-то неприятное.

— Там — оазис с водой и следами недавней стоянки, — сообщил он.

Надежда на то, что это была стоянка Керована, была совсем крошечной, но я всё-таки направила в ту сторону коня, и за мной последовали остальные. Этот оазис располагался в узкой расщелине, протянувшейся ниже поверхности этой песчаной пустыни. Там росла зелень, потемневшая и высохшая. Вода ручья не казалась приятной на вид, скорее мрачной, будто это был источник с застоявшейся водой, хотя поток воды медленно тёк. Однако наши лошади в алчность принялись пить её, а Джертон показал туда, где трава была пониже, потому что ещё совсем недавно она была там выщипана.

— И ещё есть кое-что... — он знаком приказал нам следовать за ним к двум кустарникам.

Я потянула носом воздух и тут же пожалела об этом. В том месте стоял тошнотворный запах разложения — запах смерти! Земля была беспорядочно раскидана, и гряда камней скрывала узкую яму.

— Животное бы не стали хоронить, — Элис изучала эти камни. — Но для человека места здесь недостаточно.

К моему облегчению, она оказалась права, в такой могилке можно было бы захоронить только ребёнка. Но ребёнок... Керован не мог поднять руку на ребёнка!

Элис прикрыла глаза, покачнулась, и Джервон тут же оказался рядом с ней, с вытянутой рукой, чтобы поддержать её. Тело Элис вздрогнуло прежде, чем она снова посмотрела на нас.

— Не нашей крови... оно не нашей крови. Что-то чуждое — хотя, может, для этой земли и нет. Но чем бы оно ни являлось, оно служило Тьме!

Я непроизвольно отпрянула назад. Тьма... Это означало злое Могущество и всех тех, кто ему служит. Не подвергся ли Керован ещё раз нападению подобной силы, вызвав её своим появлением здесь?

— Оставим это! — резким тоном приказал Джервон. — Не нужно бояться мёртвых. Тревожиться нет причин. Мы не должны вмешиваться, — впервые за всё время в разговоре он проявил такую властность.

Элис повернулась.

— Ты прав. Оно и в самом деле мёртвое... и, как мне кажется, уже много дней.

— Значит, Керован... — я споткнулась об один из откатившихся камней. Его не нужно обвинять в этой смерти, хотя, возможно, он-то и похоронил этот труп. Я пыталась заставить себя поверить в эту мысль и надеялась, что он снова не стоит — в одиночестве — перед зловещей опасностью сил Тьмы.

— Не думаю, — продолжил Джервон, — что это место сулит добрые предзнаменования.

Мы расположились сколько могли дальше от этого захоронения, позволив лошадям, которые не выказывали никакого отвращения, пощипать травку в это самое жаркое время дня. А когда солнце начало склоняться к западу, мы продолжили свой путь.

И именно когда мы взобрались на дальний склон этой зловещей расщелины, мои ожидания были вознагражде-

ны: грифон наконец-то вспыхнул сиянием — более ослепительным, чем отражение солнца. На мой крик Элис и Джервон натянули поводья, в то время как я заёрзала в седле, всё своё внимание обратив на шар, пока мне не показалось, что я поняла, в каком направлении его сияние ярче всего.

Мои спутники охотно позволили мне направлять их, а я послала Бьюрал в галоп в сторону, где на усыпанной песком земле круто вздымались вверх остроконечные камни, расположенные по кругу. Рядом была свалена в кучу иссохшая масса, по всей видимости, выброшенная из сердцевины этой груды камней. Рассыпавшееся в труху дерево перемешалось с остатками давно увядшей растительности. А поверх всей этой сгнившей кучи скалился в ухмылке череп, и мне показалось, что я вижу в этой разложившейся массе и другие осколки хрупких костей.

— Кто-то устраивал здесь стоянку, — Джервон соскочил с седла и, подойдя поближе, чтобы посмотреть, что находится за скалами, слегка ковырнул кончиком сапога эту тёмную грудку. — Возможно, некогда это было гнездо, спрятанное за теми камнями.

— Гнездо существа столь больших размеров, чтобы охотиться за такими вот жертвами? — Элис жестом показала на череп.

— Оно очень старое, гнездо это. И, кроме того, тот, кто некогда в нём жил, давно уже его покинул, — Джервон наконец сделал окончательный вывод.

Я обхватила ладонями кристалл. Теперь от него исходил жар, я вскрикнула от боли, выпустив шар из рук, и он, обронённый, закачался на цепочке. На мгновение я замерла, но он продолжал размеренные движения маятника. Несмотря на отвращение и, признаюсь, растущий страх, я тоже соскочила с лошади и без особого желания приблизилась к этой груде останков, где покоился череп с пустыми глазницами... влекомая случаем или по чьему-то плану.

А затем...

Это выглядело так, словно в тёмных пустых глазницах

черепа (не могу поклясться, что даже здесь не стала жертвой иллюзии) в ответ зажётся свет. Я подняла дрожащую руку, еле удержавшись от панического крика, даже голос отказал мне.

Кристалл теперь поднялся до уровня груди, вытянувшись на полную длину цепи, словно стремясь к свободе. Я же говорила, что он будет меня вести, и сейчас шар тянул меня к этим древним разрушенным временем костям.

Неспособная справиться с грифоном, я упала на колени, вытянув перед собой руки, хотя и не хотела совершать каких-либо движений. Я не хотела даже касаться этой иссушённой и побелевшей от времени кости... не хотела!

Теперь кристалл стал шаром искрящегося света, на него трудно было смотреть. А потом в ушах, или, может быть, в голове, раздались какие-то слабые звуки, как бы унылое церковное песнопение где-то вдали. Мне хотелось зажать уши руками и бежать без оглядки куда глаза глядят подальше от этого черепа...

От черепа ли?... Нет! Воздух взвихрился над этой желтоватой костью, как бы обретая материальность и принимая тонкие черты лица: острый нос, напоминающий птичий клюв, маленький подбородок, скошенные глаза... Нет, это не было лицом человека!

В светящихся глазах горела настоятельная просьба и требование, чтобы я что-то сделала, но что именно, я не могла понять. Какая-то вещь была утеряна, и теперь её нужно было найти. Существовала опасность, к которой нужно было подготовиться... существовала...

Внезапно призрачное видение лица исчезло. Эта кость воссоздала себя, поразила я. А затем рассыпалась в горсть пепла.

— Что вам от меня надо? — закричала я. — Чего вы хотите?

Церковное песнопение далёкого — во времени или в пространстве? — ритуала прекратилось, и это ужасное требование тоже исчезло. Шар с грифоном перестал светиться, упал и снова покоился рядом с моим сердцем. От черепа же ничего не осталось.

— Ему нужно... — я запнулась, оборачиваясь к своим спутникам, но найти подходящего объяснения толком не могла.

Лицо Джервона было непроницаемым, Элис уставилась в просвет между скалами за мной, откуда возник этот череп и всё остальное.

— Там что-то было! — меня неотступно преследовало то видение, но вот видели ли они то же, что и я?

— Хорошо это или плохо, но любой умирающий выполняет какую-то задачу, возложенную на него, — медленно начала Элис, — и цепляется за тень призрачной жизни, не желая отправляться по новым дорогам, пока эта задача не будет выполнена. Я думаю, что мы столкнулись здесь с подобным призраком. И теперь его нет — хорошо это или плохо.

— Но он так и не сказал, чего он хочет от меня! — я поняла, что ясно воспринимаю её слова и теперь желала, чтобы череп вернулся, и я могла потребовать у этого призрака ответа, что искать и где. Потому что сейчас на меня также легло бремя... хотя это могло оказаться просто иллюзией.

— Придёт время, когда ты всё узнаешь, — Элис говорила вовсе не тем тоном, которым успокаивают недоумевающих детей — в её словах чувствовалась убеждённость.

Я поднялась на ноги и поднесла было руку к грифону, как это часто делала, чтобы взбодрить себя. Но тут же отдёрнула пальцы, так и не прикоснувшись к шару. Мне захотелось избавиться от этой вещи! То есть, только одна часть меня хотела этого, в то время как в глубине души поднималось возбуждение, требуя, чтобы я покорилась неведомой силе и, отбросив в сторону все древние страхи и осторожность, присущую моему народу, отправилась вперёд... чтобы найти... Но что именно, я ещё не знала.

Мы не долго оставались в этом странном месте и вскоре после отбытия заметили, что местность стала более приветливой. Безрадостная пустыня уже не была такой безжизненной.

Стрела, пущенная Джервоном, сбила летающее созда-

ние, напоминающее собой голубя из Долин. Так вот у нас появилось свежее мясо, которое мы запили водой из ещё одного обнаруженного оазиса. Там были следы старых стоянок, и мы подумали, что нам посчастливилось натолкнуться на постоянное место отдыха то ли охотников, то ли грабителей. Поскольку здесь было неплохое пастбище, мы решили остаться здесь, а Джервон тем временем вновь отправился на разведку.

Я была уверена, что Керован находится где-нибудь в укрытии среди этих скал, а также и в том, что он уже раньше бывал в этой узкой долине. И я совсем упала духом. Среди этих фантастических ландшафтов не было никаких тропок, и я не могла догадаться ни о цели, куда он стремился, ни о направлении его движения. Грифон... нет, после того, что он сотворил с черепом, я больше ему не доверяла.

А когда я пыталась заговорить с Элис, то она отвечала так рассеянно, что мне показалось, что она больше думает о нашем соглашении о помощи, либо о том эпизоде с черепом.

Я приподнялась на носки, оглядываясь вокруг. Эта неровная местность, покрытая травой, была более типична для Долин, чем та часть Пустыни, которую мы уже пересекли. Я вспомнила рассказы охотников — о разбросанных по этому краю уничтоженных городах и крепостях, от которых остались лишь куски застывшего металла, за которым охотились металлоискатели. Металл сам по себе представлял опасность, потому что порою взрывался, когда его касались инструменты, и убивал обрабатывающих его.

Кто такие эти Прежние? Что за народ жил здесь? Тот череп, приняв некое подобие жизни, больше напоминал птицу, а не человека. То мёртвое создание вообще не имело человеческих черт... Было ли оно больше — или меньше — нас?

— Кем же были эти Прежние? — я не осознавала, что произнесла это вслух, пока Элис, вырванная мною из собственных раздумий, не ответила:

— Я думаю, у них существовало много различных видов. Обучавшая меня Мудрая Женщина однажды сказала, что их знания были обширны, на многом они опробовали своё Могущество. Они могли изменяться, и они действительно изменили себя во многие формы. Ты, конечно, слышала легенды...

Я кивнула... Да... Эти легенды. Некоторые — о чудовищах, с которыми сражались — огнём и мечом — предки жителей Долин. Другие — рассказывающие о прекрасных женщинах и красивых мужчинах, увлекающих любителей приключений отправиться: одних — в постоянное изгнание, других — в путешествия, откуда они возвращались настолько потрясённые, что уже не могли жить обычной жизнь и потому снова отправлялись бродить по свету в поисках чего-то, недостижимого для них, пока это съедающее желание не приводило их к гибели.

— Использование Могущества, — продолжила Элис, — может оказаться самым губительным из того, что только может предложить судьба. Каким-то образом это передалось нам, и, возможно, это гораздо сильнее сидело в нас, ведь чем больше мы узнаём, тем больше нам хочется новых знаний. Я думаю, что эти древние слишком многое хотели узнать, проводили легкомысленные эксперименты. Их жажда к знаниям стала единственным смыслом их жизни. Отсюда, наверное, и последовало изменение их моральных норм относительно добра и зла — всё определялось только желаниями и целями...

Я поняла верность этих слов ещё тогда, когда Роджер использовал подобные силы, чтобы принудить меня стать его послушным инструментом, и если бы не мой дорогой лорд, отправившийся за мной, и если бы он не оказался сильнее... Да, Роджер и мать моего лорда — как и другие — играли Могуществом, алчно призывая его для своих целей. Однако в конце концов это оборачивалось против них же, пожирая их самих, и, возможно даже, становилось причиной их смерти.

— Может ли кто-нибудь использовать Могущество и

тем не менее избежать гибельных для себя последствий? — едва я только произнесла этот полувопрос, как во мне проснулся новый страх. В своём стремлении соединить свою судьбу с Керованом, не заразилась ли и я этой жадной неведомого? То, что казалось мне чётким планом, когда я отправлялась из Норсдейла, теперь вконец запуталось. Меня грызли сомнения, которые всё больше усиливались. Керован... может быть, он был прав? И не встанет ли это знание, исходящее именно от Тьмы, а не от сил Света, между нами, если мы сохраним наш союз и будем всё основывать на нём? Должна ли я противиться тому, что заложено во мне и требует завершения?

Нет! Я отказывалась принять это. Снова я вспомнила того странного человека, появившегося из ниоткуда, когда мой лорд лежал на земле, сокрушённый силами Тьмы, всего несколько месяцев назад. Пивор... да, именно он сказал, что у меня есть ключ, и что нам вместе предназначено судьбой применить его. Во имя добра... конечно же, во имя добра. Я не должна допускать подобных сомнений в своей душе.

Джервон возвратился перед закатом, возбуждённый и нетерпеливый. Он сообщил, что обнаружил следы трёх лошадей, на одной из них, как ему показалось, ехал всадник, а две другие шли на поводу. «Была ещё и четвёртая», — добавил он.

— Три лошади всё ещё спокойно пасутся в том месте. И там же находятся и сумки... но на стоянке никого нет. Я думаю, кто-то встречался с нашим путником, на это указывают следы.

Тут же я вскочила на ноги и бросилась к Бьюрал.

— Керован... Может быть, он уже в плену, — в моём сознании промелькнуло множество опасностей, которые могли угрожать ему.

— Не думаю. Нет никаких признаков нападения. Лошади были специально выведены для передвижения по пустыне, их часто используют охотники; и они славятся своим спокойствием. К тому же там хорошее место для

лагеря, — теперь Джервон смотрел на Элис. — И это место охраняется.

Элис вскинула брови.

— Кем? — резко спросила она.

— Ничего подобного я прежде не видел. Четыре лишённых всяких знаков жезла, вертикально воткнутые в землю с внешнего края пастбища. К одному из них, на севере, прикреплён пучок конских волос. На южном — пучок меха снежной кошки. На восточном — орлиное перо, и кабанья щетина — на западном. Ни к одному я не прикасался. Однако очевидно, что они для чего-то предназначены, и лошади не пересекают их границы.

Он бросил на Элис взгляд, требующий пояснения. Она казалась такой же сбитой с толку, как и я.

— Но куда он отправился? Тот человек со стоянки. Это ведь Керован! — не знаю, почему, но я была в этом уверена, возможно, главным образом в силу своего желания.

— Там были отпечатки копыт... ведущие на запад, к лесу. Я бы последовал туда, но тут Агран, — Джервон, склонившись, провёл рукой по шее коня, — заартачился. Его обуял такой дикий страх, словно на пути у него возник рыжий медведь и начал приближаться к нему. Ясное дело, это запретная территория, и Агран почувствовал это.

— Но если лошади не могут... тогда почему бы нам не отправиться туда пешком, — не отставала я.

Джервон печально посмотрел на меня.

— Леди, у меня нет желания рисковать и отправляться туда, верхом ли на коне или же на своих двоих. Нас предупреждают, что нужно держаться от этого леса подальше, и я полагаю, что там властвуют какие-то силы Могушества. Но, правда, мы можем отправиться к стоянке и подождать... Желать большего — значит, рисковать потерять всё.

Я отказывалась ему верить — тогда. Мы и в самом деле отправились в тот лагерь, со столь странно обозначенными границами, и увидели лошадей, спокойно пасущихся на пастбище и не отваживающихся ступить за пределы ограж-

дения. Я едва обратила на эти жезлы внимание — просто направила Бьюрал в сторону леса.

Однако лошадь отчаянно засопровтивлялась, едва не сбросив меня на землю. Дважды пыталась я взять над ней верх, пока не признала, что не в силах заставить кобылу двинуться вперёд.

Мои спутники занялись обустройством лагеря в той же ложбинке, где исчезнувший путешественник оставил сваленные в кучу седло и снаряжение. Джервон отважился на эксперимент и оставил наших лошадей в квадрате, где паслись три лошади пустыни, похоже, они тоже не могли преодолеть барьер из жезлов, так что нам не пришлось привязывать их.

Однако нетерпение охватило меня слишком сильно, чтобы я оставалась в лагере и томила в ожидании путника, который, возможно, так никогда и не возвратится. Когда окончательно выяснилось, что путь верхом в лес мне заказан, я решила попытаться проникнуть туда пешком, отправившись по следам копыт на торфе, способных послужить мне в качестве проводника.

Я с такой решительностью отправилась в путь, что ни Элис, ни Джервон не сделали даже попытки отговорить меня. Однако, прошагав уже приличное расстояние по этой тропе (настолько я была упряма в своей решимости), я осознала, что не могу больше ни двигаться быстро, ни ступать по этим отпечаткам копыт. Не знаю, почему, но я стала двигаться зигзагами, просто чтобы не наступать на них.

Во мне росло беспокойство, и этому я не могла дать объяснения. Я упорно боролась с поднимавшимся во мне чувством опасности, сопротивления, отчего шаг мой только замедлялся и замедлялся, несмотря на всю мою решимость.

Не то, чтобы я оказалась перед какой-то невидимой стеной, запрещающей мне входить в этот лес. Нет, скорее моя энергия равномерно истощалась, а воля слабела с каждым шагом, который мне удавалось сделать. Я решила,

что меня отталкивает не столько страх, сколько растущее осознание своего торопливого грубого вторжения в эти владения, куда меня никто не приглашал, и где у меня не было никакого права на появление.

И хотя я уже почти добралась до раскинувшихся веток первого из высоких деревьев, я поняла, что надежды на дальнейшее продвижение вперёд у меня нет. Это б ы л а запретная земля. Хотя и неохотно, но я была вынуждена повернуть назад, к стоянке. А затем — невероятная сила, ураганный ветер (который, тем не менее, не вызвал ни шелеста листьев, ни волнения высокой травы) понёс меня прочь, дуя в спину. Теперь я не рискнула бы приблизиться к охраняемой территории — этот лес был священным местом — но не для людей моего племени.

Глава 6

КЕРОВАН

Неподвижно сидя в седле, я надеялся, что выгляжу абсолютно спокойным, в то время как браслет мой ярко сиял в лучах солнца. Я был уверен, что странные глаза незнакомца расширились. На какое-то время он задержал свой взгляд на браслете. Затем в свою очередь отпустил поводья, его конь остановился в спокойствии, и, когда руки всадника взметнулись ввѣрх в ответном жесте мира, все четыре ноги лошади твѣрдо стояли на каменистой земле. По крайней мере, в этом он следовал обычаям Долин.

Осторожно, чтобы не напугать своих коней, я соскользнул с седла. Ни одна из трёх лошадей не сдвинулась с места, когда я настороженно оглядел их, прежде чем направиться вперѣд сквозь высокую траву к этому увенчанному фигуркой кошки человеку.

Он дождался, пока я не приблизился на расстояние вытянутого меча, и только тогда начал говорить — тихие, невнятные слова, в напевном ритме. Возможно, он повто-

рял какую-то формулу. Я покачал головой, затем ответил на наречии Долин:

— Приветствую того, кто разделил со мной эту дорогу, и пусть... — вот тут я запнулся. Я не мог пожелать ему Благословения Огня — вдруг он воспримет эти слова как оскорбление, если он поклоняется другим силам. Да и сам я не мог со всей учтивостью обращаться к Огню, поскольку был отмечен и не имел права на доверие у полноценных людей.

Он нахмурился. Впервые за всё время на его невозмутимом лице появилась тень какого-то выражения. И не проглянул ли на мгновение в нём едва заметный след удивления?

Он ответил на наречии Долин, с акцентом, правда, вполне разборчивым:

— Куда ты направляешься, человек? — то, как он произнёс слово «человек», несло в себе оттенок плохой репутации.

— Я ишу... — снова я остановился. Было глупо сообщать первому встречному о причинах, по которым я отправился в Пустыню.

— Ты ищешь... — подсказал он, и теперь уж точно стало ясно, что он ухмыляется, — древние драгоценности, в больших количествах запрятанные в каких-нибудь пещерах?

Он опустил руки, но не чтобы выхватить меч, как я сперва подумал, а чтобы натянуть поводья. Я понимал, что он собирается отправиться туда, куда мои лошади не последуют. В этот момент я ощутил страх. Потому что у меня появилось сильное чувство: если он уйдёт, я больше не увижу не только его, но и никого из его народа, а ведь вполне может быть, что именно он — представитель «тех», к кому я был послан.

— Я не охотник за древним металлом... — я всё ещё не решался продолжить. — Я только посланец.

— Что за послание ты везёшь и кому? — он явно проявлял нетерпение.

— Послание мне известно, но кому я должен его передать — вот это мне неизвестно.

— Сплошные загадки! — презрительно бросил он.

— Не загадки, а невежество. Я — из Долин, где уже больше двух лет ведётся война...

Он собирался уже было повернуть своего коня, но тут остановился.

— Война, — и снова в его голосе прозвучало презрение.

— Какой-то один мелкий лорд против другого, распри по поводу неподделенной холмистой земли, где почти нет людей.

Он не скрывал презрения к людям Долин. Внутри себя я был наполовину с ним согласен в этом. В том, что были войны, тянувшиеся годами — жаркие родовые стычки, в которых гибли люди; и, конечно же, в тех краях не особенно-то и было чем поживиться.

— Это настоящая война, — поторопился объяснить я. — Захватчики из-за моря, подобных которым мы никогда не видели, использующие новое и ужасное оружие, — я решил, что нет необходимости объяснять, что большая часть этого оружия уже пришла в негодность из-за каких-то неполадок, которых мы не понимали. — У них в руках уже всё побережье, и теперь они продвигаются всё дальше в глубь страны. И к ним постоянно прибывает подкрепление. Мы гибнем, и немного уже остаётся тех, кто может взобраться в опустевшие сёдла, как и самих коней, которые бы могли нести эти сёдла.

Он слегка наклонился вперёд, сузив глаза. От какого-то оптического обмана в глубине их поблескивали смутные искорки пламени, какие я видел в кошачьих глазах фигурки на гребне его шлема.

— Итак... Зачем ты явился в Пустыню... в кольчуге воина? Ты беглец?

Гнев, вызванный намеренно или случайно, как я давно уже понял, можно использовать в качестве оружия. Мне не нужно было показывать какой-либо внутренний огонь, отвечая на эту насмешку.

— Я несу послание, как уже было сказано, — я решил,

что в конце концов существует лишь один-единственный путь, благодаря которому можно достичь намеченной цели — говорить правду. — Мы захватили пленных, и те признались, что ищут источник Могущества, и находится он на западе. Мы считаем: они верят в это. Поэтому вовсе не наши Долины являются их окончательной целью завоевания, а скорее... эта... — я сделал жест рукой, указывая на луг, где мы стояли, и мой браслет вновь вспыхнул ярким светом, — эта ваша земля... и, наверное, земля тех, кого ты называешь своими родичами.

В его горле раздался глубокий клокочущий звук, рычание, которое могла бы издать снежная кошка. Теперь он указывал на мой браслет.

— Где ты его взял? — потребовал он ответа.

— Благодаря случаю — я нашёл его в ручье в Долинах.

Он улыбнулся, показывая зубы, напоминающие кошачьи клыки... хотя они мало чем отличались от моих.

— А откуда у тебя вот это? — теперь он показал на мои копыта.

Я ответил с достаточной твёрдостью:

— Досталось по праву наследства... или в силу проклятия. Мне говорили и то, и другое в своё время.

И снова эти узкие глаза внимательно изучали меня. Но когда он начал говорить, голос его чуть смягчился.

— Я думаю, ты, может быть, уже нашёл тех, кто выслушает твоё послание... или же обнаружишь их после моего совета. Твои лошади, — он презрительным взглядом окинул охваченных страхом лошадей пустыни, — не смогут пробраться по нашим тропам. Они обезумевают от ужаса, если кто-либо из моего народа приближается к ним. Сейчас я отправлюсь к своему лорду. Если он пожелает встретиться с тобой, я вернусь... человек Долин.

Теперь он показал рукой на север.

— Там есть вода и неплохой корм. Если хочешь — разбей стоянку и дождайся.

Незнакомец повернул коня, а затем обернулся.

— Я — Херрел.

Я вздрогнул. Мой народ, лишь немного соприкоснув-

шийся с Могуществом, твёрдо верил, что опасно сообщать своё имя незнакомцу, ибо имя является важной частью человека, и с его помощью можно влиять на его носителя. Следовательно, этот незнакомец только что, если исходить из этого, оказал мне великое доверие.

— Я — Керован, — поспешил ответить я, не добавляя ни титула, ни имени своего лорда, поскольку больше не имел их.

Свободной рукой он отдал мне салют, а затем поскакал вперёд, больше уже не оборачиваясь, а я, последовав его совету, направил теперь уже более послушных коней в сторону стоянки, куда показал незнакомец.

Мне не пришлось долго ждать. Херрел возвратился вместе с человеком, похожим на него, и который отличался только тем, что на гребне шлема у него был орёл со сложенными крыльями, а в седло были вплетены пёрышки. Он держался несколько в стороне, пока Херрел сообщал, что мне разрешили поговорить с их лордом. Второй всадник занимался тем, что глубоко всаживал в землю жезлы, на каждом из которых сверху имелся пучок меха или перьев. Херрел, указав на них, пояснил, что они удержат в своих границах лошадей так же верно, как и любая ограда, и что мне придётся отправиться пешком.

Вот так я и шёл между ними, как пленник, в сумрак этого мрачного леса. Я не позволял своей руке опускаться к ножнам меча. Теперь мне требовалось быть вдвойне осторожным, хотя я и не ощущал в них волн ненависти, которые вызывал в людях Долин мой внешний облик, или как это постоянно происходило в лагере Имгри.

Среди деревьев идти пешком оказалось совсем не трудно. По сути дела мы шли по тропе или узкой дороге, достаточно широкой для одного всадника и такой истоптанной, словно этой дорогой пользовались уже много лет. К счастью, мои ноги были теперь свободны от сапог, которые я должен был носить в течение многих лет, чтобы скрывать вид копыт от людей Долин. На самом деле я был даже рад возможности размять ноги. А запахи этого леса

буквально опьяняли. Я сделал глубокий вдох и обнаружил, что наконец-то на душе становится легче и усталость куда-то пропала, впервые за то время, как я вошёл в Пустыню.

Но что меня действительно поразило — так это тишина леса; единственными его звуками были топот лошадиных копыт; не чирикала ни единая птичка на ветках, не замечал я и каких-либо признаков жизни, следов — вообще никаких следов, даже звериных. Зелень была чрезвычайно тёмной окраски, и ещё никогда до этого я не видел деревьев со стволами такой толщины. Кора у них была чёрного цвета и в глубоких трещинах.

Дорога, по которой мы следовали, часто петляла, делая повороты, уклоняясь от встреч с этими стволами.

Сколько времени мы так двигались — не имею ни малейшего понятия. Мои два проводника сдерживали своих коней до скорости пешехода, в то время как вокруг нас царила тишина, а свет становился всё более и более сумрачным. Дважды мы проходили мимо камней, вздымавшихся вертикально вверх, и это не были обычные выступы породы — столбы были высечены рукою человека.

Верхние их части несли на себе резьбу прямо-таки дьявольского искусства — я говорю дьявольского, потому что эти скульптуры, целиком высеченные из камня, нагоняли ужас на смотревшего. Одна из них представляла собой голову или, скорее, череп, с огромным клювом, настолько огромным, чтобы устроить любого проходящего мимо. Клюв был чуть приоткрыт, как будто птица собиралась схватить любого неосторожного. И ещё в ней было что-то от мордастой рептилии. Отверстия, оставленные для глаз, имели вкрапления, уходившие внутрь на такую глубину, что я не мог понять, есть ли там внутри драгоценные камни или нет (хотя каким образом здесь, куда совсем не проникал солнечный свет, могло что-нибудь сверкать, оставалось для меня загадкой). Знаю лишь, что эти красные провалы с безграничной свирепостью следили за мной.

Ни один из моих спутников даже не взглянул на этого смутно вырисовавшегося стража. Не обратили они внимания также и на второго. Вместо клюва и рыла рептилии, второго увенчивала голова мертвеца, напоминавшая череп людей моей расы. Существо это внушало даже большее отвращение, выглядя так, словно подверглось длительному разрушению: полосы сгнившей кожи прочертили скулы и подбородок, от носа осталась только половина. Но глаза жёлтого цвета сохранились.

Я не издал ни звука, когда мы проходили мимо этих стражей, потому что решил, что не выкажу своим спутникам ни намёка на то, что нахожу странным в этом лесу. И чтобы сохранить чувство собственного достоинства, я должен был под внешней невозмутимостью и выдержкой скрывать внутреннее беспокойство.

Миновав стража с черепом, мы сделали по крайней мере пять поворотов, когда Херрел наклонился вперёд и взмахнул рукой таким жестом, как будто хотел расчистить проём двери от скрывающих его перевитых побегов растений, чтобы вновь выпустить нас на божий свет.

И дальше лес разбежался в стороны, словно войска, совершающие маневр на окружение, сходясь вдалеке, у самого горизонта, в новую непроходимую преграду. А прямо перед нами открылась полоска свободной земли шириной не больше любого виденного мною поместья в Долинах. Низкие каменные стены отделяли ухоженные поля от пастбищ, где паслись лошади той же породы, что и те, на которых скакали Херрел и его товарищ. Чуть дальше к западу что-то голубело — небольшой пруд или озеро. Рядом с водой стояло странного вида строение — первое за всё время моего пребывания в Пустыне, которое не производило впечатления развалившегося и заброшенного.

Стены первого этажа были выложены из кирпича, а верхние составляли хорошо подогнанные брёвна. И, что самое странное, было очевидно, что брёвна эти не представляли собой мёртвую или прокалённую древесину — на

самом верху из них выросли ветки с живыми листочками, так что казалось, что они образуют крышу.

Прямо к этому строению и подходила дорога, по которой мы выехали из леса. Однако на открытой земле эта дорога стала намного шире. Теперь и четверо всадников могли бы скакать на ней в один ряд.

Следовавший за мной по тропе человек не понукал свою лошадь, и мы двигались вперёд точно в том же порядке, как и прежде, под ветвями деревьев, однако Херрел чуть снизил скорость, чтобы позволить мне идти рядом с ним. И именно теперь, впервые после того, как мы покинули лагерь, он заговорил:

— Охотничий домик, — и указал на строение.

Над любым домом в Долинах, который какой-нибудь лорд выбирал для проживания, в самой высшей его точке всегда развешалось знамя. Но здесь оно отсутствовало. По обе стороны от этого полужилого здания расходились вбитые в землю колья, примерно раза в два выше меня. И у каждого сверху колыхалась разноцветная ленточка. Чем ближе мы подходили, тем больше этих эмблем я узнавал. Там, где лорды Верхнего Халлака использовали в качестве геральдического знака либо каких-то поражающих воображение чудовищ либо предметы, указывающие на доблестные дела одного из предков, здесь пестрели весьма тщательно изображённые рисунки хорошо известных животных или птиц.

Боров, вставший на дыбы жеребец, орёл, горная кошка — всего было знамён двадцать, и ни одно из них не повторяло другое. Однако, если забыть о моих сопровождающих, здесь не было видно никого, кроме четырёх человек, одетых в полосатые штаны и сапоги и работавших на полях. И ни один из них не оторвался от своей работы, чтобы показать, что заметил наше продвижение.

Херрел повернулся в седле и бросил поводья. Его конь остановился, как вкопанный.

— Ожидай! — бросил он в мою сторону одно только слово, затем прошёл под ветвями с листьями, укрывавши-

ми это здание, и толкнул тяжёлую дверь. И тут второй мой проводник — или же стражник — развернул своего коня и ускакал прочь. Даже не обернувшись назад.

Я принялся рассматривать этот странный замок, желая получше понять, кто же в нём может жить. С обеих сторон двери у самого пола имелись оконные рамы, и каждая из них была покрыта решётчатой конструкцией из веток, толщиной где-то в большой палец. Однако эту древесину предварительно обработали — она не имела ни листьев, ни сучьев.

Но вскоре моё внимание перешло на какое-то смутное движение среди располагавшихся наверху листьев, тем более странное, что отсутствовало даже малейшее дуновение ветерка. В листе то тут, то там промелькнули небольшие головки — два или три раза, и лишь на короткое мгновение — а затем они снова исчезали, прежде чем я успевал присмотреться к ним. Однако они не казались мне знакомыми животными или рептилиями, не были эти существа и птицами.

В памяти отложилось длинное, резко выдававшееся вперёд рыло, с длинными клыками. А выше располагались глаза, блестящие, пытливые, понимающие... да, ПОНИМАЮЩИЕ.

Теперь почти вся покрытая зеленью стена передо мною буквально сотрясалась. Множество этих маленьких созданий, должно быть, собралось прямо над крышей. Всё это мне напоминало сборы перед вторжением какого-нибудь непрошенного гостя после тревожного распоряжения, отданного этим стражам, часовым или кем они там являются.

С той же внезапностью, как и покинув меня, возвратился Херрел, оставив, правда, дверь открытой, и жестом пригласил меня войти. Он даже не взглянул вверх, где скрипели сучья под невидимым грузом. Наблюдатели остались на своих постах, а я, стараясь внешне оставаться безразличным, миновал выступ крыши и вошёл в зал этих всадников Пустыни.

Я ожидал, что там будет сумрачно — из-за затемняющих свет решёток на окнах. Но вместо этого обнаружил зелёное сияние: через равные промежутки вдоль каменной стены стояли металлические корзины, а вовсе не те кольца для факелов, которые широко использовались в Долинах. В каждой покоилось несколько шариков, размером с яйцо, и все они сияли, создавая таким образом вполне приличное освещение.

Сам же зал был мне привычен, и это указывало, что жизнь этих всадников не слишком отличается от жизни других людей.

Прямо передо мной стоял высокий стол. Однако без обязательных трёх-четырёх стульев для уважаемых гостей. Вместо них стол окружали двадцать кресел с высокими спинками. И не было второго стола для слуг, только один этот обеденный стол.

Возле третьей, дальней стены располагался большой камин, такой огромный, что в нём вполне можно было бы разжечь те огромные брёвна, мимо которых мы только что прошли. Вдоль второй стены, с дверью, выстроились койки, на которые были свалены плащи и покрывала из высушенных шкур животных. Под каждой стоял сундук.

На стенах не было ни гобеленов, ни инкрустированных панелей, ни щитов. Однако дальше на камне, напротив которого располагался высокий стол, вырисовывались очертания коричнево-красной звезды, и цвет её неприятно ассоциировался со цветом высохшей крови. В центре был выведен ряд рун и символов, при виде которых я поспешно отвёл взгляд в сторону. Потому что мне вдруг показалось, что если смотреть прямо на них, то они оживут, свиваясь в кольца, словно обезглавленная змея, корчащаяся в смертельных судорогах. Я бросил взгляд на браслет на запястье. Голубизна его ни блекла, ни усиливалась. Быть может, это означало для меня (по крайней мере в тот момент), что я в безопасности: здесь нет Сил Тьмы.

Мне не дали времени как следует осмотреться, потому что человек, сидевший на кресле прямо напротив меня

перед центром той звезды на стене, нетерпеливо пошевелился. А до того он сидел с такой неподвижностью, что теперь, когда он наклонился вперёд, я даже вздрогнул. Обе его руки покоились на столе. Ему не нужно было пытаться производить впечатление на посетителя, и так было ясно, кем он был.

На нём не было ни кольчуги, ни даже кожаной куртки, грудь и плечи были так же обнажены, как и у работавших на полях. Даже сидя, он производил впечатление мощи и силы — человека, знающего толк в сражениях на мечах. Тут же на столе лежал во всю длину и сам меч, а обе руки мужчины покоились на его ножнах.

Ножны эти были из лошадиной кожи, в то время как головка эфеса имела форму вставшего на дыбы жеребца, изображение которого я видел на одном из знамён. Справа лежал шлем, и гребень у него был того же исполнения, только больших размеров и с более проработанными деталями.

У мужчины были тёмные волосы, и между ним и Херрелом было что-то общее, отчего я решил, что они состоят в каком-то родстве... если не по крови, то из одного рода уж точно. О возрасте его было трудно судить, хотя я и предположил, что он старше моего проводника. В нём явственно ощущалась сила прирождённого командира, имевшего к тому же опыт обращения с Могуществом, и это наверняка сбilo бы спесь с Имгри, появившись только этот рекрут-неумеха здесь. Кем бы этот воин ни оказался, он наверняка уже долгое время был вождём и применял Могущество.

Не знаю, всегда ли он так пристально изучал внешний облик людей при знакомстве, но во взгляде его я прочёл презрение, чуточку любопытства и самоуверенность.

Шаг за шагом я постигал искусство обращения с неведомым. Теперь я должен был ожидать, когда он прервёт молчание. Возможно, что эта бессловесная дуэль являлась моей проверкой — кто первым из нас начнёт говорить, тот как бы лишится некоторого преимущества. Сколько вре-

мени мы так простояли — не знаю. А затем, к моему удивлению (которое я постарался не выказывать) он отбросил свою голову назад и залился смехом, более напоминавшем лошадиное ржание.

— Итак, в тебе, пришедший с холмов, в конце концов, есть твёрдость металла.

Я покачал головой.

— Лорд, — назвал я его знатным титулом, хотя и не ведал его положения здесь, — я говорю от имени людей Долин, всё правильно, но если вы приглянитесь, то заметите, что я несколько отличаюсь от них, — и я чуть выставил вперёд одно из своих копыт. Если и здесь моя смешанная кровь окажется, как и в Долинах, преградой, для меня это явится первым открытием.

У него были прекрасно уложенные волосы и ровные чёрные брови, которые теперь нахмурились. Он говорил, и словно едва уловимое далёкое звонкое боевое ржанье лошади слышалось за его словами.

— Может быть, все мы не те, кем кажемся, — в этих словах я почувствовал горечь.

Тут это и произошло. Сгустился воздух, укутывая его туманом, а когда он развеялся, оказалось, что развеяла его струя воздуха, выдыхаемого из огромных лошадиных ноздрей. Потому что больше не человек сидел на стуле, передо мною стоял боевой жеребец, подобного которому любой воин видел хотя бы раз в жизни, и он стоял, опираясь копытами о поверхность стола и придерживая меч. Он наклонял свою голову, увенчанную фантастической гривой, пока она почти не приблизилась к дальнему краю стола, где стоял я. Жеребец издал воинствующее ржанье, обнажив белые зубы.

Я даже не отшатнулся — впоследствии это воспоминание поддерживало меня. Существо это не было галлюцинацией, в этом я был уверен. Кроме того, плававшая в его глазах ярость могла обозначать смертельное предостережение, и тогда, несмотря на всё своё замешательство, я понял: передо мной стоял оборотень... который

либо по своей воле, либо вследствие какого-то душевного возбуждения мог принимать форму животного. Да, это был не обычный зверь, это был оборотень — одно из самых страшных созданий в наших древних легендах.

Справа от меня раздался ужасный рык. Я осмелился слегка повернуть голову. Там, где за миг до этого стоял Херрел, теперь кралась огромная снежная кошка — взмахивая хвостом, выпустив когти и уставившись пылающими зрачками на меня, в то время как морда её всё больше и больше искажалась.

А затем...

За столом снова сидел человек, нежно поглаживающий меч. Мне не требовалось ещё раз оглядываться, чтобы убедиться, что исчезла также и кошка.

— Я — Хирон, — ровным голосом объявил этот человек, как будто он участвовал в игре, которая больше не развлекала его. В голосе его я ощутил усталость. Возможно, он очень уставал с приходом нового дня и наступлением новой ночи. — Мы — Всадники-Оборотни. А ты... кто ты? Чего жители холмов так хотят от нас, что даже посылают посланца?

— Я — Керован, — и вновь я не указал своего титула. — Меня послали, потому что я — тот, за кого себя выдаю — полукровка. И предполагалось, что из-за этого вы больше прислушаетесь к моим словам.

— Полукровка... один из тех, кого они меньше ценят. И подобным же образом они, должно быть, станут относиться и к нам... так зачем им понадобилось заключать с нами соглашение?

— Лорд Имгри говорит, что этого требуют обстоятельства, — я спокойно повернулся — не нужно показывать, что на меня действуют насмешки этого Всадника. — Он сказал, что общий враг сводит вместе союзников.

— Общий враг, так? — правая рука лорда Хирона приблизилась к рукояти меча. Он поиграл с клинком, вытащив его из ножен, затем резко бросил его назад. — Но мы не видим такого врага.

— Возможно, вы, мой лорд, и не видите. Но если дела будут и дальше ухудшаться в Долинах, вскоре вы измените своё мнение, — несколькими словами, стараясь говорить как можно проще, я рассказал ему о наших подозрениях насчёт истинной цели захватчиков.

— Сокровище... Могущество... — он вскинул свою голову, словно лошадь. — Бедные глупцы! Если эти захватчики обнаружат такое Могущество, то в конце концов они с горечью пожалеют об этом. Тот, кто послал их сюда с таким поручением, явно сумасшедший. Сама Пустыня будет помогать нам.

Ещё не увидев, я ощутил, что Херрел продвинулся ко мне. Взгляд его лорда переместился на него. Воин с кошачьим шлемом ничего не говорил. Он и его вождь обменялись взглядами, и у меня возникло впечатление, что они обменялись какими-то бессловесными сообщениями.

Не было никакой необходимости, в этом я отдавал себе отчёт, слишком много размышлять над способностями оборотней. Вряд ли они благосклонно примут любого, сующего длинный нос в их дела. Но в том, что в этом продолжительном молчании заключалось какое-то важное значение, я нисколько не сомневался.

И не был удивлён, когда за нами появились ещё несколько человек, приблизившись ко мне и Херрелу, будто бы по чьему-то неслышному повелению для проведения здесь совета.

Этот период молчания закончился резким щёлканьем, похожим на удар кулака. Хирон в последний раз шлёпнул по мечу и с силой отправил его в ножны.

Затем он встал и, хотя и сохраняя по-прежнему облик человека, наклонился через стол, как раньше жеребец.

— Необходимо многое обдумать, — начал Хирон. К нему вновь вернулась хмурая озабоченность. Его лицо скривилось, словно он подавился чем-то кислым, возможно, своими же словами. — В Долинах нет ничего такого, ради чего НАМ стоило бы сражаться. С другой стороны, — он остановился на несколько секунд, словно рассматривая

с нескольких сторон какую-то мысль, — здесь имеется кое-что ещё, что, вероятно, и явилось причиной созыва этого совета. Если мы посоветуемся и решим, что у нас и в самом деле общий враг, значит, ваши цели могут совпадать с нашими... — Хирон замолчал, пожимая плечами. Его слова не несли никакого реального обещания, но я даже не надеялся, что смогу получить лучший ответ. Затем он спросил:

— Кого ты на самом деле искал, когда с такой храбростью отправился в Пустыню, родич-наполовину?

— Любого, кто выслушал бы меня, мой Лорд.

Теперь он поднял указательный палец и поскрёб им по своей безбородой челюсти.

— Ты вполне искренен, — признался Хирон. По его тону я не мог судить, принимает ли он меня за дурака из-за того, что я говорил правду. — Да, здесь есть и другие, кого могло бы заинтересовать твоё предостережение, — он улыбнулся, и я расслышал приглушённые звуки, исходившие от окружающих меня людей, словно они разделяли его удивление. Он что же, хотел, чтобы я спросил у него, кто они, эти «другие»? Почему-то мне показалось, что если я так сделаю, то лишусь того крохотного преимущества, которого добился в начале нашей встречи.

— Вот наш ответ твоему лорду или тем, кто послал тебя... — он скрестил руки на груди, ещё раз вскинув вверх голову, так что копна волос упала на лоб. — Мы, разумеется, примем во внимание всё тобою высказанное. Если наше решение будет положительным, мы сразу же сообщим об этом твоему лорду. Конечно, за эти услуги будет заплачена цена. Нам нужно время, чтобы поразмыслить над этим. Когда-то мы уже продавали своё умение и мечи, и за хорошую цену. И у купивших эти услуги не было причин быть нами недовольными. Если мы вновь решимся заключить подобную сделку, ваши люди Долин поймут, что мы стоим той цены, которую запросим.

— И какова же будет цена? — я не доверял этому лорду-жеребцу, но не потому что считал его приверженцем Тьмы,

ибо понимал, что это не так. Всё-таки, как гласили легенды, среди Прежних были и те, кто не подходил под принятые нормы добра и зла, чьи понятия о правильности или ошибочности просто не соответствовали нашим.

— В должное время мы сообщим свой ответ, — произнёс Хирон. — И, кроме того, если вы намерены собрать армию, вам нужны и другие союзники, — неожиданно он показал на мои копыта.

— Почему бы тебе, — спросил он, — не поискать помощи у тех, кого бы ты мог назвать своими родичами?

Я понял, что сейчас не время выказывать своё невежество, чтобы не потерять в их глазах своё лицо. Клан моей матери происходил из северных Долин — так что только там я и мог надеяться обнаружить своих родичей, таких же полукровок, как и сам.

Я лишь пожал плечами.

— У нас нет карт Пустыни, повелитель. В качестве ориентира я выбрал холмы на западе — и это привело меня сюда. А теперь я отправлюсь дальше на север.

— На север, — повторил Хирон. Теперь настала его очередь пожимать плечами. — Ты сам выбрал этот путь. Это суровый край, и без должной подготовки туда ни на коне, ни пешком никто не отправляется.

— Это я уже понял, Лорд Хирон. Когда первым жителем Пустыни, на кого я наткнулся, оказалось мёртвое существо, чьё тело...

— Что ещё за существо? — как-то безразлично спросил Хирон, словно это не имело никакого значения.

Именно из-за этого его равнодушия к моей ужасной находке я и поведал им об изувеченном создании, которое я похоронил, и лишь дойдя до середины рассказа, я вдруг заметил, что атмосфера вокруг меня полностью переменилась. Словно я оказался захваченным зловещим приливом, о котором даже не подозревал.

— Фас! — только одно слово, которого я до сих пор не знал, резко брошенное Херрелом, и в ту же секунду исчезло всё безразличие Лорда Хирона.

Глава 7

ДЖОЙСАН

Нахмутив брови, Элис стояла на небольшом бугорке, обернувшись к лесу. Руки её, опущенные к бокам, слегка подрагивали. Я подумала, что она встревожена и ощущает какую-то неясную необходимость что-то делать, только не знает, что именно. Джервон, побросав поближе к костру сумки и сёдла, снова ушёл за дровами. У ног Элис лежало несколько веток, но она даже не шевельнулась, чтобы подобрать их. Я постояла некоторое время рядом с ней, также повернувшись лицом к полосе деревьев, столь хорошо служившей преградой от любого вторжения. Теперь, более внимательно присмотревшись к деревьям, я увидела, что листья имеют более тёмную окраску зелени, чем в Долинах, да и росли они намного гуще.

— Здесь нет птиц, — вдруг сказала Элис.

Одну секунду я пребывала в замешательстве, затем, напрягая память, поняла, что мы действительно после того, как покинули Долины, совсем не видели птиц, вообще ни одного летающего существа. Пустыня и в самом деле оказалась пустынной землёй. «И всё-таки... зачем Элис высматривать сейчас птиц?» — удивилась я.

— Да, в таком лесу должны быть птицы, — повторила она, ещё более нахмутив брови.

— Но... я не помню, чтобы видела хоть какую-нибудь птицу с тех пор, как мы вышли из Долин, — возразила я. Элис нетерпеливо покачала головой.

— Возможно, над этой пустыней... нет... ведь хотя бы несколько птиц должны летать здесь! Однако вот лес, отличное укрытие для них, но самих-то птиц нет! Нет, здесь д о л ж н ы быть птицы!

Она произнесла эти слова, словно делая предсказание. Потом посмотрела на меня.

— Ты ведь в конце концов так и не проникла туда.

— Джервон оказался прав — там был барьер. Передо мной словно захлопнули дверь замка, точно перед непрощенным гостем.

Хмурое выражение её лица немного прояснилось. Возможно, я частично ответила на то, что было ей непонятно.

— Полагаю, в этом лесу расположен чей-то замок. Если это так — значит, эта земля — з а к р ы т а, кроме того времени, когда этого хотят владельцы замка. Она становится открытой только по их воле.

Мне не понравилась мысль, которую пробудили её слова в моём сознании.

— Но, — вслух проговорила я эту мысль, пытаясь ободрить себя или добиться, чтобы Элис подала какую-то надежду или утешила меня, — у меня нет уверенности, что именно Керован разбил здесь лагерь, что именно его завлекли сюда... — уже произнося эти слова, я поняла, насколько бессмысленно надеяться на это.

— Завлекли... — задумчиво повторила Элис. — О, нет! Если он и вошёл в этот лес, то только по своему желанию. Сюда никого не завлекают, в этом нет никакой необходимости. Они и так... сильны...

— Расскажи, что тебе известно или о чём догадываешься? — со всей своей страстностью я потребовала ответа. — Ты что, обнаружила след... какой-то ключ...

— Я только чувствую, — ответила она. — В этом месте есть Могущество, но я не могу точно понять его природу. Ощущения зла нет, но нет и никакой дружественной силы. Это просто... Сила, — в замешательстве она чуть махнула рукой. — Однако жаль, что здесь отсутствуют птицы.

— Но почему? — я по-прежнему не могла понять, ни отчего её так занимают мысли о пернатых, ни почему присутствие — или же отсутствие — птиц может быть настолько важным.

— Потому что, — и Элис снова беспомощно взмахнула рукой, — будь они здесь, это означало бы, что всё здесь обстоит хорошо, если судить по нашему миру. А без них лес — уже не лес — такой безмолвный, уединённый... слишком уединённый...

Тут нас позвал Джервон, и мы повернули в сторону лагеря. Но Элис подхлестнула моё воображение. Во время

хотьбы я вдруг поняла, что из всех сил стараюсь услышать птичьи голоса, что, как я считала, было непрямым атрибутом любой местности, на что не обращаешь внимания, пока это не исчезнет.

Вернувшись в лагерь, я с неутолённым желанием посмотрела на оставленные там исчезнувшим путешественником седельные сумки. Порыться бы в них, и я бы могла наверняка сказать, принадлежат ли они Керовану. Однако не могла заставить себя сделать это. Я была уверена, слишком уверена в том, что здесь остановился именно он... но во мне ещё тлела крохотная искорка надежды, сражавшейся с моим разумом, и я боялась погасить её и дать свободу тем мрачным предчувствиям, которые закрадывались в мою душу.

Сидя возле костра, который запылил Джервон, я всё ещё прислушивалась, пытаясь найти утешение в столь привычных для меня звуках окружающего мира. Даже производимых пасущимися лошадьми. Перестук их копыт был так мил моему сердцу. И в потрескивании костра я находила немалое ободрение.

Элис была права. Даже слишком. Этот лес действительно был зловеще молчалив. Не было слышно ни шелеста листьев, ни колыханий веток. Растения здесь устраивали тёмно-зелёные ловушки, чтобы поглотить беспечного путника, рискнувшего пробраться сквозь их царство. А дальше, в лучах заходящего солнца теперь вырисовывалась тёмная линия холмов. Быть может, они были стражами самого конца мира. В этом месте можно было поверить в любую жуткую фантазию.

Я слишком беспокоилась, чтобы долгое время усидеть неподвижно. Дважды я поднималась на небольшой холмик и смотрела с высоты на Элис, по-прежнему с той же хмуростью разглядывавшую лес. Только лошади перемещались внутри того странно обозначенного квадрата пастбища. Когда я в очередной раз оглянулась через плечо, то увидела, что Джервон вытащил точильный камень и стал водить по нему клинком, продолжая иногда тем не

менее бросать проницательные и оценивающие взгляды вверх и по сторонам, как разведчик, оказавшийся на незнакомой и, возможно, опасной территории.

Элис оставалась у костра. Спина её была выпрямлена, голова приподнята, но даже отсюда, с высоты, я видела, что её глаза закрыты. И всё так же казалось, что она внимательно к чему-то прислушивается. Говорят, что Мудрые Женщины временами могут высвободить своё внутреннее «зрение», посылать его на поиски того, чего нельзя увидеть, услышать или ощутить при помощи обычных органов чувств.

Где же Керован? К кому направился он в глубь этого молчаливого леса? Почему его приняли, а мне не позволили войти? Встретился ли он со стражами этого места?

Нетерпение грызло меня, требуя узнать хоть что-нибудь о нём. И гнев постепенно закипал во мне. Солнце зашло, небо начинало темнеть, хотя сверкающая яркими оттенками полоска света пока ещё охватывала часть небосклона.

Сумерки в Пустыне всегда были началом пробуждения зла, по крайней мере так мне казалось раньше. Через открытое пространство луга к нам подкрадывались постепенно удлиняющиеся тени деревьев. К тому же сгушался туман, так что возникало чувство, что нечто — или какие-то твари — использует эти тени для своих зловещих целей, отчего на душе становилось тревожно.

И всё же последнее, на что бы я решилась — хотя об этом и мысли не допускала, — так это вскочить на коня и ускакать прочь. Медленно, с отяжелевшими ногами и растущим чувством холода начала я спускаться с холмика к костру. И, раскачивая во время ходьбы головой, я пыталась побороть эти безрассудные страхи — но не могла избавиться от ощущения, что что-то вынашивается, кто-то следит...

Джервон отложил свой точильный камень, вложил меч в ножны. Теперь, когда прекратились скребки точильного камня о лезвие клинка, стало совсем тихо. Он подошёл к Элис и опустился рядом ней на колени. Вытянув руку, он обнял её за плечи.

Я увидела, как женщина вздрогнула при его прикосновении, словно он вытащил ее из какого-то транса. Глаза её открылись, но тем не менее она не поворачивала головы к нему.

— Какие-то сложности? — тихо спросил он. Я снова была на ногах, глядя в сторону леса.

Глаза Элис, хотя и были теперь открыты, ничего не выражали. Наконец она приподняла одну руку и дотронулась до его плеча. И вновь вздрогнула.

— Если бы только у меня было больше знаний! — с болью в голосе воскликнула она, и в её крике слышалась нотка отчаяния. — Да, здесь, в этом месте, есть нечто — нечто неправильное — неправильное или настолько отличающееся от нас, с чем нельзя найти никакого взаимопонимания!

Удивлённая, я повернулась, чтобы бросить взгляд на этот зловещий лес, потому что думала только о нём. Не возвращается ли Керован и, возможно, даже в компании? Но, конечно же, Керован, несмотря на всю свою непохожесть на обычных людей и то, что в нём проявилось Могущество (хотя и поневоле, когда он противостоял Роджеру и своей матери), не был настолько уж нечеловеческим, чтобы это с такой очевидностью отметила Элис.

— Кто-нибудь из леса? — потребовала я от неё ответа, и прежние страхи вновь ожили во мне.

— Нет.

Ещё было достаточно светло, чтобы ясно видеть её действия. Элис вырвалась из объятий Джервона, положила руки ладонями вниз на участок земли, лишённой травы, затем наклонилась вперёд, перенося всё внимание на руки и кисти, прислушиваясь и сосредоточивая на этом все свои силы.

Тут и сама я заметила, что напряжение перекинулось и ко мне, когда, опустившись на колени, я следила за её руками, опёршимися о землю, будто этот клочок земли вот-вот должен был взметнуться вверх.

— Внизу... — сказала она так тихо, что едва можно было уловить её шёпот, — внизу... — я ясно видела, как

побелели костяшки её пальцев, словно она изо всех сил напрягалась, пытаясь сдержать мощь, рвущуюся из-под земли, боролась с ней, чтобы не дать той вырваться на свободу.

Затем она отшатнулась в сторону, вскочила на ноги и, схватив Джервона за руку, потащила его за собой.

— Вверх... Назад! — это был уже не полушёпот, скорее, предостерегающий крик.

Я также отскочила назад, услышав в этот миг пронзительное ржание обезумевших лошадей. Они метались с дикими глазами, сталкиваясь друг с другом, но всё же не могли вырваться из ограничивающего их квадрата.

А земля тем временем!..

Она тряслась, дрожала и переворачивалась под моими ногами, перемещалась, словно стала потоком воды. Джервон и Элис вытащили свои стальные клинки. Держа их наготове, они попятились назад.

Огоньки костра вспыхивали с тем же безумием, что сверкало в глазах метавшихся лошадей, искры взлетали в воздух, в то время как сучья, из которых был сложен костёр, разбрасывало в разные стороны.

Я увидела, что земля начала вздыматься, как приливная волна, как бы намереваясь сбить нас с ног. Джервон и Элис оказались на одном гребне этой волны, а я — на другом. Меня стало швырять из одной стороны в другую, и я не удержала равновесие. К тому же появилась ещё одна напасть. Между мной и моими спутниками земля завертелась, словно какое-то месиво, перемешиваемое гигантской ложкой. И этот вращающийся круг стал расширяться всё дальше, захватив сперва костёр, затем седельные сумки незнакомца, а после и один из жезлов — тот, что был с хохолком серовато-белого меха, разрушив таким образом невидимую преграду, до сих пор сдерживавшую лошадей.

И в этот момент я повернулась и побежала, но слишком медленно. Одна из лошадей заметила этот пролом и помчалась прямо на меня. Я бросилась в сторону, но споткнулась и упала. Через мгновение меня накрыло

землёй, ноги завязли, и я оказалась зарытой по грудь, размахивая руками, а затем стала и дальше погружаться в этот зыбучий песок. В рот набилась земля, так что я не могла даже закричать, и мне пришлось закрыть глаза. В полуобморочном состоянии я сделала глубокий вдох и попыталась задержать дыхание, когда тьма окутала всё вокруг меня.

Давясь и кашляя, я пыталась выбраться на воздух. И не могла даже пошевелиться. Меня обуял такой ужас, что не могу теперь и припомнить многого из дальнейшего. Может быть, это даже и к лучшему. А потом... я вновь могла свободно дышать! Ноющие глаза слезились, пытаясь очиститься от грязи, налипшей на веках. Я не могла ничего видеть, полная темнота окружала всё вокруг, и безудержный страх охватил меня — неужели я ослепла!

Нет... это не было абсолютной темнотой. Что-то светилось — едва заметно — около моей груди. Я попыталась приподнять руки, чтобы освободиться от тяжести, сдавившей меня, и обнаружила, что в определённой степени мои колени и запястья свободны.

Тем не менее моё зрение прояснилось от слёз настолько, что с помощью даже такого слабого сияния я заметила, что теперь больше не погружена в землю, а скорее лежу на спине на каком-то открытом пространстве — но по-прежнему пленницей.

Это сияние... Прилагая невероятные усилия, я приподняла голову и увидела, что его испускает шар с грифоном, и от него-то и исходил этот тусклый лучик.

— Элис! Джервон!

Я выплюнула землю и позвала ещё раз. В ответ раздалось только глухое эхо. Меня что-то держало, и я снова принялась бороться с этим. Выворачивая сколько могла руки, я поняла, что каждое запястье охвачено кольцом пут, и теперь я в плену.

В плену! Значит, эта вздымавшаяся земля, поглотившая наш лагерь, — ловушка! А любая ловушка в Пустыне означает...

Я попыталась побороть возникший страх. В Пустыне скрывается жизнь, которую мы даже не можем себе и вообразить... Что же тогда захватило меня?

На несколько секунд я потеряла над собой контроль и замахала руками по сторонам как ненормальная, стараясь вырваться из ужаса, охватившего меня.

Пути до крови раздирали мне запястья, с меня сыпались комки земли, пока я не начала кашлять и задыхаться, что и заставило меня на время замереть.

И вот тут-то я и почувствовала эту ужасную вонь. Подобной которой ещё не ощущала. Смерд из какого-то грязного звериного логова, давно заброшенного, где к тому же разлагался труп. Я поперхнулась и попыталась перебороть тошноту, подступившую к горлу.

Зверь... логово... Ещё больший страх охватывал меня от таких разбросанных мыслей. Но звери не связывают своих пленников. «Это Пустыня, — нащёпывал мне другой голос. — Здесь всё может случиться».

Немного придя в себя, я ещё раз вслух прокричала имена своих спутников. На этот раз вместе с эхом в ответе послышался новый звук: как будто кто-то продирался сквозь заросли... что-то царапающее. Я проглотила комок в горле и несмотря на все попытки совладать с надвигающимся на меня ужасом (ибо в сознании моём возникла картина гигантской чешуйчатой твари, ползущей во тьме), хотя и закрыла глаза, но заткнуть уши — и нос — не могла.

Теперь о себе давало знать что-то новое — какое-то шуршание. От воня я судорожно вдохнула воздух и поперхнулась, словно снова оказавшись погружённой в землю. Я почувствовала, как меня дёрнули за запястья и колени. Руки (или лапы?) методично ощупывали моё тело. Несколько их в это время крепко держали меня... но я почему-то не решалась открывать глаза и посмотреть на них.

Меня приподняли, а затем понесли в проходе — таком узком, что я часто ударялась о стены с обеих сторон. Всё время на меня осыпались комья земли и потоки пыли. Да

ещё и этот отвратительный запах не переставал терзать мой нос.

Мне кажется, что по меньшей мере один раз я теряла сознание и, быть может, на долгое время. Очнулась я от боли, когда меня бросили на землю, предоставив самой себе. Я тупо осознала, что теперь на мне нет пут.

Медленно, очень медленно я открыла глаза. Смрадный запах и не думал ослабевать. Вот только ничего больше не шуршало, и вокруг не было никого.

По-прежнему стоял кромешный мрак, и эту абсолютную темноту разрывало только слабое сияние грифона. Я потеряла шлем, и по моим плечам рассыпались волосы — испачканные землёй, дурно пахнущие и слипшиеся. Я осторожно пошевелила руками, опасаясь, что привлеку внимание своих пленителей. У меня не осталось ни меча, ни пояса с ножом и арбалетом. По всей видимости, мои пленители знали, что представляет собой это оружие, и приняли соответствующие меры предосторожности. Но на мне по-прежнему была кольчуга, да и остальная часть одежды была нетронутой.

Морщась от боли, я стала медленно выпрямляться, поскольку опасалась, не стукнусь ли головой о какую-нибудь поверхность над собой.

И уже сидя, выпрямив спину и прижав руки к бокам, я начала едва заметно поворачивать голову, безуспешно пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в этой темноте. Но тем не менее у меня создалось впечатление, что нахожусь я в туннеле, в какой-то расщелине, возможно, даже в пещере.

Я продолжала вслушиваться, и моим притуплённым усталостью и темнотой чувствам показалось, что я расслышала стук капающей воды. В то же мгновение мучительно заныло пересохшее горло. Я и не пыталась дальше приподниматься на руках. И так уже начинала кружиться голова. Поэтому я просто потихоньку поползла вперёд в поисках источника этого звука.

Чистая случайность, что я его обнаружила, потому что сияние грифона было настолько слабое, что я даже не была уверена, что двигаюсь в верном направлении. Выставив

перед собой руку, чтобы ещё немножко протащить тело в этом мучительном путешествии, я ощутила влагу, такую холодную, что непроизвольно судорожно сглотнула воздух.

Грифон, свисая впереди, бросал призрачный свет на небольшой бассейн или пещеру, возможно, этим же ручьём и выточенную за долгие века. Сами же капли падали откуда-то сверху в такой небольшой водоём, что я бы смогла его всего накрыть одним своим плащом.

Я жадно глотнула воды, затем плеснула на покрытое пылью лицо и снова, собирая воду в ладонях, принялась пить.

Вода была такой холодной, словно источником её был невесть откуда взявшийся кусок льда. Утоляя жажду в пересохшем горле, вода возвращала мне и мужество.

Напившись, я почувствовала себя достаточно сильной, чтобы сохранять равновесие, слегка расставив пошире ноги и вытянув в стороны руки. Так вот, с трудом удерживаясь от падения, я и стояла, прислушиваясь, потому что не могла избавиться от мысли, что кем бы ни являлись мои похитители, они, возможно, ещё наблюдают за мной, и любое движение с моей стороны может вызвать новое нападение.

До меня не доносилось никаких звуков, лишь, не прекращаясь ни на минуту, капала вода. В конце концов я взяла шар в одну руку и попыталась использовать его как факел. Но в смутном сиянии ничего не удавалось разобрать. Я лишь поняла, что должна осторожно, на ощупь продвигаться вперёд, в неизвестность. Оставаться здесь было бессмысленно: это ничего не решит, ничего не изменит.

И ещё было ясно, что каким-то образом мне нужно запомнить местонахождение этого ручейка, чтобы вернуться к нему после окончания моих исследований. Для этого я собиралась воспользоваться своей одеждой. Под кольчужной рубашкой я была одета в набитую ватой кожаную куртку, а под ней — в льняную сорочку, чтобы предохранять кожу от растирания кольчужными колечка-

ми. Я начала распутывать крепления, удерживающие кольчужную рубашку, ежеминутно останавливаясь, чтобы прислушаться. Затем поверх лат бросила кожаную куртку, а после неё стянула с себя и льняную сорочку.

Потом, снова напялив на себя кожаную куртку и доспехи, я принялась за льняную сорочку. Она была из добротного материала, хорошо и крепко сшитая и быстро не изнашивалась.

Будь у меня нож, я бы легко порезала её на куски, но теперь пришлось использовать острую кромку поясной пряжки и даже, чтобы разорвать материю, тянуть нитку зубами.

Затем я таким же образом разорвала ткань ещё дважды. Эта работа успокаивала мои нервы. По крайней мере, я делала хоть ЧТО-ТО, что могло бы помочь мне. В конце концов у меня появился клубок из обрезков одежды, связанных между собой.

Один из концов этой импровизированной верёвки я, крепко завязав узел, закрепила на резко выдававшемся из стены бассейна камне, а затем потихоньку пошла вперёд. Шаг, остановка, ещё шаг... И вот, наконец, верёвка натянулась до предела. Но впереди по-прежнему ничего не было, хотя я, даже сняв пояс, несколько раз махнула им в надежде, что впереди есть стена. Потерпев здесь неудачу, я свернула направо, решив совершить полный круг вокруг камня, служившего мне якорем.

Но не успела я пройти и четверти этого расстояния в новом направлении, как впереди во тьме в слабом свете шара смутно замаячила какая-то преграда. Стена — и так близко, что я смогла дотронуться до неё рукой. Скользя по ней пальцами, я сделала несколько шагов, когда верёвка вновь натянулась до предела, так что я испугалась, что могу её оборвать. Я наклонилась к полу, отшвырнула несколько камней и, найдя один подходящий, использовала его как швартов для другого конца верёвки. Набросав поверх камня ещё несколько, я пошла дальше, держась вдоль стены.

Она была сплошь каменной, и по её неровной поверхности можно было сделать вывод, что это естественная стена какой-то пещеры. Она тянулась, казалось, бесконечно, только с одним поворотом в какое-то помещение.

Но вот наконец я дошла и до новой стены, пересекавшей первую. И её я тоже использовала в качестве ориентира. Однако не успела я сделать и несколько шагов, касаясь пальцами её поверхности, как снова до меня донеслись те же шуршание и отвратительный запах! Я больше не оставалась одна.

Быстро намотав один конец пояса на запястье, я оставила пряжку болтаться на другом. Единственное оружие, которое теперь имелось у меня, но в этой темноте я могла использовать его как плётку для защиты. Прижавшись к стене, я замерла в ожидании начала атаки.

Доносилось какое-то бормотание, то умолкающее, то вновь появляющееся, — возможно, чей-то разговор. Но откуда оно шло — в этой темноте невозможно было разобрать. Внезапно я вспомнила о шаре с грифоном — его сияние могло выдать меня. Но уже было поздно что-либо предпринимать, если меня не обманывал слух.

Вскоре я услышала, как ко мне, тяжело ступая, стремительно приближается кто-то неведомый. Возбуждённая, я позволила шару свободно свисать с шеи. Свет от него пригодится, когда эти создания окажутся рядом. И, кроме того, у меня ведь ещё есть плетё из пояса.

Не зная наверняка, куда бить, я взмахнула поясом наугад и почувствовала, что попала в цель. Раздался поразивший меня визг — возможно, я нанесла даже больший ущерб, чем надеялась.

Проскользнув по полу, прямо у моих ног остановилось какое-то тело. Я повернула шар с грифоном, чтобы осмотреть своего врага. Это существо издало крик и быстро отпрыгнуло в сторону. Я только успела заметить, что оно намного меньше меня, покрыто густыми волосёнками или мехом, имеет четыре конечности, туловище и голову, не особо отличаясь от человека.

От поднявшейся вони меня затошнило. Я ещё раз махнула поясом, с силой, надеясь снова попасть по нему. Но промахнулась и услышала лишь удар пряжки о камень.

Последовала новая атака, и я снова и снова хлестала своим оружием. Не могу сказать, оказывал ли кто-нибудь раньше сопротивление этим существам или нет, но они уже не бормотали, а визжали, стараясь уклониться от моих ударов и отпрыгнуть в сторону, за пределы видимости.

Я не имела ни малейшего представления, как много их здесь, но меня не оставляла мысль, что их вполне достаточно, чтобы схватить меня, накинься они все вместе одновременно.

Однако по какой-то непонятной мне причине — и этого я понять не могла — они не делали этого, предпринимая только отдельные разрозненные наскоки, будто их сдерживало нечто большее, чем просто моё неуклюжее оружие. А затем в моей голове начала вырисовываться мысль, что, наверное, их больше всего беспокоит грифон. И я решила рискнуть, хотя, возможно, и лишаясь при этом определённого преимущества, но ведь если я буду продолжать бить по воздуху, то рано или поздно усталость одолеет меня, да и рука уже начинала ныть от постоянных попыток предвосхитить атаки.

О, если бы я только знала побольше о природе Могушества, которым обладал этот шар! Да, однажды я уже видела его в действии, но тогда он оживлялся кем-то, знающим, как обращаться с подобной энергией. Слова Пивора, что это ключ для меня, промелькнули в моём сознании. Сейчас мне, увы, был нужен не ключ — но оружие.

Держа пояс в одной руке, я наклонила голову, чтобы снять цепочку с шаром, и принялась размахивать этим импровизированным хлыстом, хотя и меньшим по длине.

Но едва я стала крутить им над головой, как к моему большому удивлению от этого получился такой же результат, как от размахивания горящим факелом. Последовала вспышка света — и в этом ослепительном сиянии грифона не стало видно, а испускаемые им лучи дали такое освещение, на которое я не смела и надеяться.

Впервые за всё время я ясно увидела своих врагов. В высоту они едва достигали мне до плеча. И хотя они поспешно попятились назад, правда, оставаясь лицом ко мне, вытянув перед собой руки — или лапы — и размахивая ими в мою сторону, будто их желание покончить со мной было таким сильным, что они должны были продолжать хотя бы махать этими обрубками рук, заканчивавшимися огромными серпоподобными когтями. Их тела покрывала какая-то щетина, казавшаяся грубее меха или волос, больше напоминающая корни, а в округлых черепах имелись глубокие глазницы, и как мне показалось они были совсем пустыми. Физиономии же их больше походили на морды, не слишком отличаясь от морд гончих псов, со зловеще выглядевшими огромными клыками, намекая на то, чем они питались.

При ослепляющем свете шара они извивались, усмирённые, поднимая лапы кверху, чтобы прикрыть глазницы, одновременно визжа и вопя, будто я подвергла их ужасным мучениям.

А затем, перекрывая весь этот шум, раздался один долгий пронзительный свист. И от него я ощутила боль в ушах — такую резкую, словно нож прошёлся по моей голове.

И тут же все эти создания повернули свои поникшие головы в сторону свиста. А потом стремглав бросились прочь за границы видимости в привычную для них тьму. Я слышала топот их ног, а затем вновь наступила тишина.

Значит, я отразила их атаку! Но только торжества от этого я не испытывала, уверенная, что это ТОЛЬКО начало, и эти подземные обитатели ещё обязательно вернуться. Из чего следовало, что я должна найти путь наружу, прежде чем они вновь воспрянут духом и рискнут попытаться напасть на меня.

Я поднесла шар вплотную к стене, вдруг там обнаружиться щель, понимая, что лучше уж отправиться в неведомую темноту, чем оставаться здесь.

Этот свист... существа отреагировали на него, как гончие на зов хозяина. И вполне может быть так, что эти

создания являются орудием или слугами кого-то ещё, несомненно, гораздо более опасного. Но зачем было их отзывать, когда от них требовалось только разорвать меня на части и... Если бы только не... Я ощутила в руке тяжесть грифона. Если бы только я з н а л а!

Я прислонилась одним плечом к стене, прижав шар к себе с другой стороны. Теперь, после этой внезапной стычки, такой недолгой, у меня болели рука и всё тело, и я с удивлением обнаружила, что меня шатает, будто совсем лишь недавно я встала с постели после тяжёлой и долгой болезни. Я вдруг осознала, что уже давно ничего не ела. Жажда-то я утолила. Но вот где взять еду, чтобы пополнить мои силы?.. Где в этой тёмной пещере искать её?

Стена, казалось, никогда не кончится, пока я, шаркая, медленно передвигалась вдоль неё, через каждые несколько шагов останавливаясь, чтобы прислушаться, не в силах избавиться от страха, что в следующий раз эти обожающие мрак существа могут и не наброситься на меня с такой уверенностью в успехе, а просто украдкой дожидаться в каком-нибудь месте. Шар вбирал в себя тепло от моего разгорячённого схваткой тела, и меня стала пробирать дрожь. Я некоторое время смотрела на него сверху вниз, чтобы успокоить себя его свечением, теперь тусклом, как и раньше. Грифон опять стал виден, а в его глазах, создавалось впечатление, разгорался огонёк. Встретившись с ним взглядом, я внезапно осознала, что что-то шепчу ему.

Сперва это было имя Керована. Снова и снова я напевала его, словно заклинание, которое пронесёт меня сквозь все тревоги и опасности. Я попыталась воскресить в памяти его лицо — таким, каким видела его в последний раз.

Но за этим последовало... Нет, я не могу даже подобрать слов, чтобы описать случившееся. Будто какой-то поток энергии бросил меня к стене со страшной силой. Каким-то образом этот поток энергии позволил мне на миг мысленно связаться со своим лордом.

Как безумная я пристально всматривалась в грифона, надеясь удержать эту мимолётную связь и пытаюсь понять, почувствовать... Я не была одинока! Он... Казалось, он появился позади меня и тут же исчез. О, если бы я только могла снова!..

— Если бы я знала... Если бы я только знала! — в отчаянии закричала я грифону. Да, этот шар был связующим звеном, мне был предоставлен шанс, но я им не воспользовалась. И виной тому было только моё невежество. От этого мне стало тяжело на душе, и горькие слёзы от собственного бессилия хлынули из глаз.

Но слезами горю не поможешь. Я не нуждалась в Элис, чтобы предостерегать себя от проявления эмоций. Нужно научиться управлять собой, прежде чем браться работать с силами Могущества. Об этой длительной подготовке она и говорила — о годах, затрачиваемых на овладением Мастерством, о том, как воспитывать свой талант.

Силой воли можно управлять своими способностями, но для этого нужно сконцентрироваться на желании, отбросить всё остальное и вложить всю себя, всю свою энергию в волю, чтобы она стала таким же разрушительным оружием, как меч из стали. Насколько же сильна моя сила воли? Настало время подвергнуть её и самое себя испытанию — испытанию, которое может означать либо смерть, либо жизнь.

Глава 8

КЕРОВАН

Стоя в зале Всадников-Оборотней, я ощутил явное беспокойство — хотя непосредственно мне опасность не угрожала. Это чувство возникло от одного-единственного словечка, в бешенстве брошенного Херрелом, когда я описывал искалеченное тело, которое обнаружил в том ужасном оазисе.

— Фас!

Теперь и Лорд Хирон повторил это слово, тихо, почти шёпотом. Я увидел, уже во второй раз, как воздух вихрем закружился вокруг него. Хотел он того или нет, но трансформация его тела началась. А затем, возможно, из-за того, что Хирон сумел удержать под контролем свои почти неуправляемые эмоции, он снова стал человеком.

— Взгляни на землю, — сказал он мне с явным предостережением. — Ибо это и есть страна фасов, они правят здесь под землёй. Они не любят тех, кто носит подобные в е щ и без всякого для себя вреда, — Хирон указал на браслет на моём запястье. — Теперь известно, что они уже здесь — и это значит, что события начали разворачиваться, — после долгих лет бездействия.

Он принялся качать головой, и копна волос накрыла его сияющие глаза.

— Неизвестно, кем ты являешься — ты, зовущий себя Керованом. Ты должен узнать это и поскорее, или же от тебя вообще ничего не останется — даже сухих костей.

Вот такими были прощальные слова повелителя Всадников-Оборотней. Я не был их гостем, с радостью приглашённым под их крышу. Перед уходом меня не угостили чашкой чая на прощание, как и тогда, когда я прибыл сюда. Будто посчитали, что я самый скромный из всех жителей Долин. Я не позволил своему гневу вырваться наружу, поскольку и сам не желал дольше оставаться в этом месте, где не был уверен, какая же из сущностей этих оборотней возобладает в конце концов и к чему это может привести.

Солнце уже почти село на западе, когда я снова ступил на поляну, где располагался этот замок. Ни один из Всадников-Оборотней не вышел проводить меня. И только Херрел отправился вслед за мной и вновь вскочил на коня. Возможно, в какой-то степени они относились ко мне так же подозрительно, как и я сам к ним. Последнее, что я увидел, перед тем как повернуться спиной к замку, — ветви, закрывавшие верхние его ярусы, раскачивавшиеся так энергично, словно дул ураганный ветер, и множество маленьких созданий, прыгнув из-под них на

землю, огромными прыжками направились в лес. Я спросил себя, устало бредя за Херрелом, уж не отправились ли они на ночную охоту? Или же это просто ещё одна группа сопровождения? Мне это показалось только дополнительным источником беспокойства, которого я не понимал, но считал, что опасаться их не стоит.

Мы снова пробирались по той же тропе. Но теперь здесь стало так темно, что я то и дело спотыкался, почти ничего не видя в этом сумрачном свете, хотя Херрел на своём коне без труда держался тропы. Мне пришло в голову, что их лошади специально были выведены для ночных поездок, да, возможно, и сам этот охотник, обладающий способностью превращаться в животное с мехом и когтями, вполне мог иметь такую же остроту зрения.

И пока мы так молча скакали, я раздумывал о том, каково же это — быть оборотнем, меня охватило желание получше узнать их образ жизни, такой отличный от моего. Что доминирует в сознании Всадников-Оборотней: мысли людей или инстинкты зверей? Да и происходит ли на самом деле изменение формы тела, или же эти оборотни воздействовали на моё сознание? Действительно ли я видел Хирона в облике жеребца, собиравшегося наброситься на меня?

Задумавшись над этим, я попытался припомнить легенды об оборотнях, которые рассказывали люди Долин. Но все эти истории были такими старыми и от них веяло таким ужасом испуганных подобными трансформациями людей, что в действительности я знал очень немного. Мне захотелось поспрашивать Херрела — о том, что же это такое — иметь в себе двойственную природу. И разве не то же было и в отношении меня? Не задумывался ли он над тем, что из-за отличия от остальных людей их тоже проклинали — и отгородили от маленьких прелестей жизни? Нет — на эту тему наверняка никто из них и не пытался размышлять, живя среди своего народа, с товарищами с такими же способностями, если можно так выразиться. Кому, как не мне, было лучше знать об этом.

Наша тропа так петляла, что не давала никакой возможности оценить её протяжённость, и я не мог с уверенностью сказать, как далеко находимся мы от замка, когда слева от нас раздалось тонкое пронзительное щебетание. Это был первый звук, разорвавший царившую здесь тишину, если не считать слабого топота копыт.

— Подожди! — выкрикнул Херрел.

И я, находясь позади него на узкой тропе, подчинился этому приказу. Он же наклонился вперёд, слегка повернув голову в сторону ближайших веток.

И снова с повелительными интонациями прозвучала новая трель. Херрел свистнул в ответ, но это не было свистом, каким он успокаивал моих лошадей, скорее он использовал его для вызова кого-то.

Из ветвей, куда смотрел Херрел, выпрыгнуло какое-то небольшое существо, определённо относившееся к тому же виду, что и создания, жившие на крыше замка Всадников-Оборотней. Оно устроилось на плече Херрела и издало серию резких пронзительных криков, будто рассказывая что-то на своём языке.

Затем Херрел вытянул руку, и это существо, пробежав по ней так уверенно, словно под ним была крепкая ветка, и высоко подпрыгнув, исчезло в непроглядной зелёной массе. Херрел посмотрел на меня.

— Фасы, — кратко сказал он.

— Здесь? — хотя я всё ещё не знал природу этого врага, по реакции Всадников-Оборотней было ясно, что даже они к их угрозе относятся серьёзно, и с нею нелегко будет справиться.

— В твоём лагере, — добавил Херрел и перевёл своего коня с пешего хода на рысь, так что я должен был побежать, чтобы поспеть за ним. Однако уже совсем скоро мы выскочили на открытое пространство. Здесь было больше света, потому что небо на западе заливали яркие краски радуги. Вот только местность, открывшаяся моему взору, напоминала район бедствия, и на мгновение мне показалось, что я стал жертвой галлюцинации.

Земля, на которой я устроил стоянку, теперь представляла собою мешанину из глубоких борозд и ям, окружавших огромные круглые изрытые земляные кучи. Лошадей моих здесь больше не было, и лишь ужасная вонь исходила от этой развороченной земли, достаточно сильная, чтобы заставить меня поперхнуться.

Посередине этой разбросанной почвы на коленях стоял человек в доспехах, сделанных в Долинах, из всех сил вонзая в землю свой меч и разбрасывая комья земли во все стороны. Рядом с ним работала женщина, также в кольчуге, но без шлема на своей темноволосой голове. Она использовала острую кромку небольшого щита, чтобы помочь ему в этом неистовом копании.

Когда мы вырвались из леса и я бегом устремился к ним, женщина посмотрела вверх, после чего дотронулась до мужчины с мечом. Тот повернул голову и увидел нас, но не прекратил своего занятия. Возможно, любая остановка в его работе грозила по каким-то причинам обернуться фатальным исходом.

Женщина вскочила на ноги, стряхивая землю, прилипшую к щиту. Света было достаточно, чтобы ясно увидеть её лицо, и я вздрогнул, потому что в нём сквозило нечто чрезвычайно мне знакомое, хотя я и не мог точно сказать, что именно. Я понял, как никогда раньше в своей жизни, что я, у которого совсем нет родичей, состою с ней... в некотором родстве. Но кто она? Ещё одна обитательница Пустыни, более близкая к человеку, чем Херрел и его род?

Она заговорила, когда я подбежал ближе, но обратившись не ко мне, а к мужчине, всё так же одержимо копавшему землю:

— Это всё бессмысленно, Джервон. Она потеряна для нас.

Затем женщина повернулась и, взглянув на Херрела, резко бросила приказным тоном:

— Воин, какая напасть может вызвать переворачивание твёрдой земли, чтобы поглотить путников в водоворотах песка? Кто может творить такие заклинания и с какой целью?

Херрел продолжал сидеть на коне, не смущаясь её взгляда, хотя и слегка нахмурился.

— Фасы, — повторил он.

— А что это такое... или кто? — продолжила она тем же командующим тоном.

— Живущие глубоко под землёй существа. Там их владения. Что же касается того, почему они устроили здесь подобного рода ловушку... — Херрел пожал плечами. — В Пустыне живут существа подземного мира, мы же идём собственной дорогой, подчиняясь требованиям своей природы. Хотя верно: неведомы причины, по которым эти фасы рискнули выйти наружу из подземелий гор, где они ранее долго обитали. Но, возможно, их умение рыть норы гораздо лучше, чем мы догадываемся об этом, и ходы их ведут глубоко. Кроме того, мы, жители Пустыни, мало общаемся даже между собой, — его ответ был неприятно холодный, будто он упрекал её за настойчивый откровенный допрос в том, что, как он полагал, её совершенно не касается.

Женщина сделала шаг вдоль глубокой борозды в его сторону. Её товарищ встал, по-прежнему держа испачканный почвой меч в руке. Я видел людей, похожих на него, в Долинах, потому что он, очевидно, был чистых кровей. И хотя на нём был шлем, он не носил эмблемы Дома. Также ничего нельзя было сказать, был ли он преступником.

— Эти ходы, которые роют фасы для своих целей, — продолжила женщина, — насколько глубоки они и куда ведут?

Херрел снова пожал плечами.

— Кто знает? Да и кого это должно тревожить? У нас нет никаких дел с этими подземными существами — у них совсем другая жизнь.

— Но, думаю, тебе бы не хотелось повстречаться с ними, — в этой фразе ясно слышалась нотка вызова. У любого воина от подобной резкости кровь прихлынула бы к лицу. Естественно, она не испытывала никакого благоговейного страха перед Херрелом. Если бы она знала, кто он такой...

Хотя я имел сильные подозрения, что она знала. Возможно, она уже имела раньше дело с его народом и превосходно понимала, как лучше всего добиться от него ответа. — Зачем им устраивать такие ловушки тем, кто не причинит им никакого вреда?

— Мы не знаем. Фасы есть фасы. Но ничего похожего, — он бросил взгляд на изрытую землю, которая раньше была местом стоянки, а теперь — перепаханной почвой, — я прежде не видел. Это... — он ещё больше насупил брови.

— Возможно, ты хочешь сказать, что это — что-то новое... что пробудилось где-то здесь, — ответила она за него. — Оборотень, вы так долго пребывали в безопасности в своём убежище, что не чувствуете начинающих перемен... Вам что, неизвестно о новых врагах, готовых вторгнуться в Пустыню? Древние существа, потревоженные теми, у кого есть нужный ключ, могут проснуться, как и древние силы. И если это не будет сделано должным образом, то все, независимо от своего желания будут вовлечены в битву сил, которые, однажды разбуженные, уже невозможно будет контролировать — или вновь успокоить!

Херрел молча изучал её лицо. Его конь беспокойно двинулся в сторону. Я не думал, что Всадник-Оборотень испытывает какой-нибудь страх перед этой женщиной, скорее его движение подчинялось какому-то врождённому инстинкту осторожности.

— У тебя есть Сила, — заметил он. — Задавай любые вопросы тем или тому, кого ты можешь вызвать. Мы не имеем никаких дел как с фасами, так и, — теперь он прямо смотрел на меня, — с теми, кто может пробудить здесь нечто. Не надо передавать своему повелителю, Житель-Долин-Наполовину, никаких заверений о помощи. Если Пустыня растревожится, мы сами сможем с этим справиться.

И, ничего больше не произнося и не оборачиваясь, он направил рысью своего коня в лес, и копыта лошади выбрасывали целые комья земли, когда он покидал это негостеприимное место.

Теперь пришла пора мне задавать вопросы. Кто были эти двое и что они имели в виду, говоря о третьем человеке, пойманном в ловушку на этой земле? И снова женщина заговорила первой:

— Ты — Керован, — утвердительно, как нечто само собой разумеющееся, объявила она.

Беспокойство охватило меня. А не послал ли Имгри (уж я-то знал, что он из тех людей, кто старается подстраховать любое своё начинание) её и этого воина вслед за мной? Не мог ли он найти эту женщину (я был уверен, что у неё есть способности, которые сразу же инстинктивно определил Херрел) и отправить её с тем же заданием, что и меня.

— Я Керован, — признал я, — а кто вы?

Я думал, что она скажет мне об Имгри, но она просто ответила:

— Я Элис, а это Джервон.

Человек Долин только кивнул. Он перестал рвать пучки травы и принялся очищать от земли свой клинок.

— Мы прибыли сюда, — продолжила далее женщина, испытывающе глядя на меня, — с Леди Джойсан.

Я замер. К такому я был готов меньше всего. На какой-то миг у меня перехватило дыхание, я не мог поверить её словам. Джойсан здесь? Но где же она?

Пока я дико озирался, Элис добавила:

— Её засосало... туда... — и к моему растущему ужасу она указала на яму в том самом месте, где копал Джервон.

— Ты... ты лжёшь! — теперь я впал в такое замешательство, что мог лишь снова и снова выдавливать из себя слова неверия, отметая в сторону невероятность случившегося. Это была какая-то хитрость, обман, которыми часто пользуются в Пустыне, чтобы поймать в ловушку нерадивого путника. — Джойсан осталась в Норсдейле. Я дал ей свободу... она в безопасности... она...

Во мне забурился неописуемый гнев, смешанный со страхом, о существовании которого я и не подозревал. Теперь я понимал, почему мне было так холодно. Это был огонь, горевший во мне, и который я так жаждал загасить.

Джервон направился ко мне, всё так же подняв вверх

остриё меча и целясь в небольшой просвет между моим подбородком и кольчугой.

— Моя дама не лжёт, — произнёс он с угрожающей мягкостью. — Леди Джойсан здесь, и в водовороте этой земли её унесло вниз. Она очень беспокоилась о каком-то Кероване, который, похоже, сам не очень-то тревожился о ней.

Безумие... Либо они, либо я сошёл с ума! Галлюцинация... Может, это какого-то рода чары, возникшие после встречи со Всадниками-Оборотнями? Да, иметь дело с тем, кто обладает Могуществом, — всегда опасно и рискованно. Откуда я знаю, не воздействуют ли они на мои эмоции, которые я стремился подавить в себе, не позволяя тревожить мой разум... и сердце.

Но в этот момент Элис стала подробно рассказывать о том, как они познакомились с Джойсан в Долинах и об её огромном желании найти меня, о том, как они, после того как Джойсан посмотрела в магический кристалл, решили, что я, скорее всего, направился в Пустыню, и о том, как они пришли в лагерь, который, как они полагали, был моим... а затем и о той атаке...

Всё это оказалось правдой! Я больше не мог отталкивать от себя её слова и, откинув назад голову, завыл, как голодный волк, рыскающий зимой в поисках добычи. Джойсан пошла вслед за мной! Она не была мне что-либо должна — как и у меня не было никаких прав на неё. Я был связан с тёмным прошлым, и, быть может, с ещё худшим будущим. Она должна была стать свободной от меня.

И вот сейчас её схватили, поймали в злобную паутину Тьмы — и всё это из-за её ошибочной оценки меня... Я не мог этого вынести. И мне оставалось... оставалось только принять правду, какой бы мучительной она ни была.

Я направился через борозды к яме, которую с такой безнадёжностью раскапывал Джервон. Посмотрел на него сверху, чтобы задать один вопрос. Хотя я уже знал его ответ — мучительный приговор на всю мою оставшуюся жизнь.

— Сколько времени прошло?

За мной шла Элис. И именно в это мгновение она прикоснулась к моей руке. Я не заслуживал никакого сочувствия, по-прежнему находясь в состоянии столбняка, и, не согретаемый никаким внутренним огнём, не мог оттолкнуть её руку.

— Я не верю, что она в самом деле похоронена здесь.

Я бросил на неё быстрый взгляд, а затем ещё раз посмотрел на землю. Бессмысленно было ей пытаться ободрить меня таким образом. Джойсан ушла во Тьму. И только теперь я начал осознавать, что же значила для меня эта потеря. Уезжая из Норсдейла, я уверял себя, что закован в броню, и с мукой в душе признавал, что больше в этой жизни меня ничего радостного не ждёт. Сейчас же, ступая по земле, которая поглотила её, я понимал, что не испытал тогда и сотой части тех переживаний, что уготовила для меня судьба.

Элис напрягла пальцы и резко толкнула меня, чтобы я снова посмотрел на неё.

— Она не погибла, — тихо произнесла она, но в её словах звучала убеждённость, с которой я не мог согласиться, запертый в стенах своего внутреннего ада.

— Леди, — точно так же тихо, с остатками старой великосветской вежливости сказал я, — вы ведь прекрасно знаете, что не может быть так, чтобы её завалило тут землёй и она осталась после этого жива.

— Посмотрим... и я обещаю вам, всё будет именно так.

Второй рукой она позвала Джервона. Тот уже склонился к полусасыпанной землёй седельной суме. Из неё он достал и принёс ей что-то, завернутое в ткань.

Уже совсем стемнело, но когда она развернула этот предмет, то мне показалось, что он вобрал в себя весь ушедший с приходом ночи свет. Это была серебряная чаша, сиявшая, как полная луна.

Я безучастно смотрел на неё, полуослеплённый, когда она перемешивала щепотки высушенных растений, взятых ею из небольшой сумки с пояса, добавив потом немного воды, которую Джервон налил из бутылки. Я видел, как

беззвучно двигались её губы, когда она поворачивала эту чашу. Затем женщина передала её мне.

Помимо своей воли я принял чашу. Не то, чтобы я не верил, что она обладает способностью вызвать видение Джойсан, но как раз из-за своей уверенности, что увижу её, я испугался. Браслет на моей руке ярко засиял, совсем как эта чаша... но это не было предупреждением об опасности... Может быть, обещание? Я не мог позволить себе поверить в это.

Еле удерживая обеими руками эту сияющую «луну», я посмотрел вниз — внутрь чаши.

Как я и ожидал, там была одна лишь темнота. Нет! Жидкость внутри чаши заколыхалась, забурлила, хотя я держал чашу совсем неподвижно. И начала подниматься по стенкам до самого верха. Я пристально вглядывался в её поверхность, по-прежнему остававшейся тёмной. А затем...

Сияние — едва заметное — не исчезало. Быть может, моё настойчивое желание и страх помогли мне в тот момент. И вот... вот уже появляется грифон! Маленькое существо ожило в этом свечении, а за ним... Я тщетно пытался разглядеть что-нибудь в этой темноте, пытаюсь продвинуть границы своего видения с помощью воли. Я ДОЛЖЕН увидеть! Медленно, очень медленно, но я это делал. И вот уже виден овал лица, открытые глаза, и это было лицо живой... Джойсан!

Галлюцинация, что означает обман? Нет!

Каким-то образом я был уверен, что грифон, как и браслет на моём запястье, не допустят фальшивого видения. Я видел Джойсан живой. Она не погибла, погребённая этой землёй. Но где же она... и как мне найти её?

Жидкость снова начала опускаться вниз по полости чаши. Я закричал:

— Нет! Я должен понять... должен узнать, где она.

Слишком поздно, отметила какая-то часть из моих «я». И теперь на донышке чаши лишь слабо плескалась жидкость. Видение было утеряно.

Элис взяла чашу из моих трясущихся рук. Я посмотрел

на неё так, как не смотрел ни на кого в течение длительного времени — с мольбой — ибо она стала единственным связующим звеном между мной и Джойсан.

— Где она? И как мне добраться до неё? — казалось, что язык стал свинцовым, разбухшим, и я едва мог произносить вопросы.

С приобретённой в тренировках осторожностью Мудрых Женщин она отошла от меня и вылила жидкость — но не на эту изрытую почву, а дальше, туда, где земля лежала непо потревоженной, производя другой рукой магические пассы. И только исполнив этот ритуал, она вновь повернулась ко мне лицом.

— Каждый может увидеть лишь то, что Могущество может предложить в данный момент. А мы, — Элис с мрачным видом оглянулась, — воспользовались даром в месте, потревоженном теми, кто наверняка не является нашим другом и кого точно нельзя отнести к Силам Света. Для нас лучше теперь поскорее убраться отсюда... подальше от того, что мы могли пробудить здесь.

— Но где же Джойсан? — я до сих пор стоял в глубокой свежевыкопанной борозде.

Джертвон занимался вытаскиванием сумок из-под завалов грунта. Те, что принёс с собой я, были полностью погребены под землёй, а их сумки, очевидно, находились на самом краю участка, подвергшегося тряске, так что избежали этой участи. И не было видно никаких лошадей.

Я направился прямо к Элис по этой перевёрнутой земле, решив добиться от неё хотя бы слабого намёка на место пребывания моей леди.

Она больше не смотрела на меня, целиком поглощённая заворачиванием в ткань чаши. Я уже мог и сам догадаться, каким будет ответ. У всех способностей есть свои пределы. Возможно, она достигла своего, показав мне, что Джойсан жива. Но где искать Джойсан, если не внизу, или какая следующая опасность угрожает ей — об этом можно было только догадываться. Я пытался, призвав на помощь всю волю, не допустить в свой разум этих ужасных мыслей.

Джертон уже сложил в одну кучу всё им найденное. И теперь, став лицом к востоку, он поднёс два пальца ко рту и пронзительно засвистел с тем же чистым звучанием, с которым Херрел успокаивал своих лошадей. А Элис, держа в одной руке завёрнутую чашу, поднимала теперь другую руку в призывном жесте.

Я обернулся. К этому времени стало так темно, что ничего не было видно. Но вскоре, пробившись сквозь заросли кустарника, к нам лёгкой рысцой устремилась одна из лошадей и, остановившись неподалёку, фыркнула и забила копытом по земле, ясно выражая свой отказ ещё хоть немного приблизиться к этой пахнувшей злом полоске искорёженной земли.

Джертон, тихонько приговаривая, подобно опытным наездникам, когда те успокаивают возбуждённых и испуганных лошадей, медленно приблизился к животному. Лошадь пару раз фыркнула, её глаза беспокойно бегали, будто она собиралась снова ускакать. Но между всадником и лошадью существовали крепкие узы, так что ему удалось положить ладонь на вспотевшую шею животного, а потом лошадь, последний раз взмахнув головой, ткнулась носом в плечо человека, позволяя ему запустить пальцы в гриву.

Следом пошла и Элис, всё так же производя рукой призывные жесты. Но прежде чем она подошла к своему спутнику, из леса неторопливой и неуверенной походкой показалась вторая лошадь. Их специально выводили в Долинах для сражений. За ними следовала кобыла поменьше, горных кровей, а последним ковылял пони с поклажей. На присутствие же поблизости моих выращенных в пустыне лошадок не было и намёка.

Вероятно, хорошо приспособленные для жизни в этой местности, они с радостью воспользовались предоставленной им свободой. Мне показалось, что эти двое, с кем явилась сюда Джойсан в поисках меня, обладали очень близкой связью со своими конями — и, может быть, те в свою очередь воздействовали на кобылу, на которой ехала Джойсан. Потому что я узнал в ней породу, типичную для

Норсдейла. И я даже не надеялся, что мои кони вернутся.

Потому что в тот момент не знал, что теперь будет со мной. Я подошёл к Джервону и Элис, поглаживавшим своих вспотевших, ещё не преодолевших испуг коней, бормотавшим слова ободрения. Мужчина посмотрел на меня.

— Элис права — нам лучше уехать. Даже кони чувствуют, что в этом месте, где царствует Тьма, нельзя оставаться долго.

Мы принесли сёдла, сумки и быстро собрались в сгушавшейся темноте. А затем, сидя на кобыле Джойсан, я поскакал по открытой равнине прочь от этого леса Всадников-Оборотней, прочь от того места, где в последний раз была на воле Джойсан. Я не хотел уезжать, но должен был. Если бы только я имел хоть какой-нибудь ключ... Я натянул поводья, и, казалось, браслет на моём запястье вспыхнул вместе с прощальным проблеском света.

Хотя темнота и стала совсем непроглядной, Джервон, скакавший рядом со мной и указывавший путь лошадке с поклажей, не останавливался. А потом нас нагнала Элис, и так втроём мы скакали в один ряд в наступившей ночи.

Внезапно обе их лошади заржали и перешли на рысь, а за ними — и моя кобыла. Мы приближались к ручью, глубоко прорезавшему поверхность долины и представлявшему из себя узкий поток воды, бежавшей по тесному руслу. Однако в овраге этом вполне можно было найти укрытие и защиту. Когда мы разбили здесь лагерь, наступила уже абсолютная темнота. Я согласился на это, не имея больше надежды... и не зная, что мне делать потом.

И тут я вспомнил, как говорил Хирону, что поскачу на северо-запад в поисках своего племени (если только оно существует). Это заявление мало что теперь значило. Однажды я уже искал Джойсан здесь же, в этой полной опасностей стороне — когда её захватили мои враги. И у меня больше не оставалось сомнений, что я должен теперь снова отправляться на её поиски... Но на этот раз у меня не было никаких следов.

Если проследить за нашими жизнями с того момента, как переплелись наши судьбы, то можно заметить, что уже во второй раз это переплетенье угрожает жизни Джойсан. Не потому ли, что в далёком детстве мы были обручены... или от того, что я передал ей грифона и тем самым вызвал у Роджера заинтересованность ею? Если бы моя жизнь, со всеми её опасностями, не соприкоснулась с жизнью Джойсан, она никогда бы не попала в эту последнюю беду.

Ведь если бы она не считала себя связанной со мной обещанием быть моей леди (даже хотя я полностью отказался от всех прав на неё), она бы никогда не отправилась вслед за мной навстречу новым опасностям. Поэтому это была целиком моя вина, и если её ещё можно спасти, то это должен был сделать только я. В тот вечер я понял, что эта задача куда более важная, чем та, которую поставил передо мной Имгри. Какое мне дело до этих Долин, до их агонии, когда Джойсан поймана в неведомую паутину Тьмы?

Глава 9

ДЖОЙСАН

Несмотря на усталость, голод, столь раздражавший меня страх, что я навечно поймана в ловушку, и ощущение давящей темноты, я обо всём позабыла, когда ко мне пришла мысль, как нужно использовать свою силу воли. Слабая надежда вспыхнула во мне: может быть, это и в самом деле тот ключ, который...

Ключ! Казалось, я словно очнулась от глубокого ночного кошмара. Пивор говорил о нём... А мне на ум до сих пор приходили одни лишь простые мысли о замках и дверях — но это было совсем другое! И если я права...

Я снова прислонилась к стене, готовая сражаться, но уже по-иному — используя свои новые силы. Прижав шар с грифоном к груди, я рискнула осветить пространство

перед собой, обратив теперь всё внимание только на грифона, на его красные глаза.

Теперь я не искала Керована — нет. Сейчас на карту была поставлена более важная вещь — моё спасение. Если внутри меня и есть какая-то сила, то воля — моя тренированная воля — должна сосредоточиться на этом ключе!

— Выход! — не знаю, прошептала ли, прокричала ли я это слово вслух, или оно лишь прозвучало у меня в голове в ответ на отчаянные усилия. — Наружу!

И медленно, подчиняясь моей воле, новое видение стены стало охватывать меня, точно такой же, к какой я прислонялась, с одним только исключением: в ней была дверь, ведущая наружу!

От шара исходил жар, он весь пылал. Всё также я держала его и направляла это тепло в сторону. У меня нет тела, я не чувствую никакой боли, есть только воля — воля, требующая повиновения.

Наружу! И вновь шар вспыхнул ярким сиянием, испуская передо мной лучи света. Они перемещались, хотя я не меняла положения руки, не катала шар в ладони. А потом они слились в единый луч с жемчужным оттенком — словно встретив на своём пути какую-то материальную преграду.

Я повернулась в сторону, куда был направлен этот луч, и пошла, сохраняя в памяти картину того, что искала, что должна была найти. Сейчас для меня ничего не существовало, помимо этого луча света. Я бы, наверное, даже набросилась на те создания мрака, окажись они на моём пути.

Луч изгибался, петлял, пока наконец не вонзился, словно копьё, брошенное в цель, но не в стену, а в расщелину, длинную вертикальную трещину. И я последовала вслед за сияющим лучом в тот лаз. Проход был неровным, я часто спотыкалась об отдельные камни и скользкий гравий.

И как до того у меня устала рука, когда я размахивала поясом-плёткой, так и сейчас воля постепенно начала изменять мне. Луч пульсировал, уже не оставаясь цель-

ным. Узкая расщелина круто понималась вверх, так что мне пришлось взбираться по ней. И при каждом шаге свет слегка тускнел, едва изменялось направление моих мыслей.

Мне стало казаться, что я никогда не вырвусь из этого ужасного сна, осуждённая навечно идти вперёд, едва переставляя ноги, спотыкаясь и падая на камни. Я изодрала в кровь пальцы на левой руке, пытаюсь держаться за стену, в то время как правая рука совсем уже затекла и потеряла чувствительность, удерживая шар на весу. Свет, исходящий от него, становился всё слабее и слабее, и всё меньше становилось давление моей воли, вынуждавшей тело продвигаться вперёд.

Теперь сияние грифона едва ли было ярче того, что он выпускал в пещере. Я заставляла себя, игнорируя всё остальное, карабкаться и карабкаться наверх, куда-то в неизвестность. И наконец до меня, совершенно изнурённой этим бесконечным подъёмом, дошло, что я снова иду по ровной поверхности. Вонь, что была внизу, куда-то рассеялась. Я немного приподняла подбородок и глубоко вдохнула. Ну, конечно, мои щёки обдували слабые струйки свежего воздуха!

Надежда придала мне новые силы. Я бросилась вперёд и почти что вывалилась в какое-то новое помещение. Стала озираться, сначала в замешательстве, а потом с растущим удивлением.

Я по-прежнему находилась под землёй, хотя далеко вверх виднелась круглая щелочка неба. В этом я была уверена: тёмная полоска с белыми крапинками не могла быть ничем иным, кроме как ночным небом и далёкими звёздами. Однако эта пещера смутно освещалась, хотя здесь не было ни факелов, ни ламп, ни костра. Этот бледный свет исходил от стен.

Комната, пещера — что бы это ни было — представляла из себя полусферу с ровным полом. Круглые стены повсюду тянулись вверх. Такая совершенная симметрия не могла иметь естественного происхождения.

Пространство разгораживало огромное число небольших перегородок, хаотически расположенных и образующих безумный лабиринт. Я не могла представить, для какой цели могло быть возведено всё это столь тщательно созданное переплетение квадратов, треугольников и других странных геометрических фигур. Некоторые были настолько малых размеров, что туда нельзя было даже поставить ногу, а другие — достаточно широки, чтобы служить проходом, ведущим в никуда.

Я решила пробираться вдоль внешней стены и таким образом искать выход. Потому что добраться до отверстия наверху явно было за пределами моих возможностей. Должен же иметься где-то тут выход — между лабиринтом и круглыми стенами пещеры.

И лишь когда я, вытянув руку (которую я так и не опускала для сохранения равновесия, ибо всё больше и больше ныли мои ноги от усталости), проникла в это пространство и прикоснулась к стене, то обнаружила, что не такая уж она гладкая, как казалась с виду. На ней имелись многочисленные отпечатки. Приглядевшись более внимательно, я пришла к выводу, что это руны, хотя на каком из забытых языков они вырезаны, оставалось для меня полной загадкой.

В детстве я часто посещала с тёткой Норсдейлское Аббатство, и в его архивах разглядывала манускрипты, где воспроизводились фрагменты надписей из мест, где жили Прежние. И хотя для моего народа это был мёртвый язык, которого никто не знал, манускрипты эти бережно сохраняли, поскольку там были помечены места, которые каким-то образом воздействовали на жителей Долин.

Как же я мечтала прочесть эти надписи! Быть может, единственная необходимая мне информация, — о том, как выбраться отсюда, — как раз и содержалась в тех строчках, по которым я с тоской водила пальцами. Не в силах понять их тайну, я продолжала тем не менее вести рукой по этим забытым посланиям, проходя вдоль стены.

Так преодолела я добрую треть пути, но нигде впереди

пока не виднелось никакой трещины в стене, ничего, что позволило бы мне выбраться наружу, в мир, к небу, которое, мучительно дразня, светилось звёздами надо мной. А я уже совсем утомилась.

Наконец ноги мои подкосились, я опёрлась об одну из стенок лабиринта и позволила рукам упасть на колени. Мне хотелось пить, и мысли постоянно возвращались к тому водоёмчику, обнаруженному в темноте, к его спасительной прохладе. Место, где я сейчас находилась, было стерильным и мёртвым. Здесь не было ни воды, ни пищи... Не означало ли это, что я бежала из одной ловушки, чтобы угодить в конце концов в другую?

Мне не верилось, что ещё раз удастся призвать на помощь силу, которая снова оживила бы грифона. Даже теперь, отдыхая, я теряла последние силы, словно, серьёзно поранившись, истекала кровью. Точно так же теряла я и уверенность, становилась апатичной, ко всему безразличной.

Мне никак не удавалось заснуть, но, должно быть, я всё же провалилась в какое-то полубоморочное состояние, так как спустя некоторое время, оглядываясь с широко открытыми глазами вокруг, я вдруг поняла, что сероватый свет этого места изменился. Посмотрев вверх, я не увидела над собой светлых точек-звёздочек. Скорее, надо мной было покрытое туманной дымкой небо. Там, в том мире, снаружи, наверху, зарождался новый день.

Картина кусочка неба тупой болью отозвалась во мне. Хотелось взлететь на крыльях туда, ввысь, как грифон, ибо другого способа вырваться отсюда я не видела. Однако эта же картина вырвала меня из состояния безразличия, в котором я пребывала. Каким-то образом мне удалось вскочить и, пошатываясь, встать на ноги. Горло пересохло, я больше не могла терпеть и хотела повернуть и отправиться на поиски бассейна с его божественной водой.

Однако всё-таки нужно было исследовать оставшуюся часть кривой стены, несмотря на всю бессмысленность этого занятия. Я нетвёрдо повернулась и оглядела всю

протяжённость стены: ни единой трещины, если не считать той неровной щели, сквозь которую я проникла сюда. С таким трудом проникнуть сюда, преодолев такой путь, оказаться так близко к выходу — возвращаться теперь было бы полнейшим идиотизмом.

Из последних сил вновь начала я свой путь, уже ни на что не надеясь, просто потому что просто не могла сидеть и дожидаться смерти. Надо мной всё ярче разгорался день, лучи солнца, правда, не доходили до низу, и стены этого помещения оставались всё такими же серыми. И вдруг справа от меня сверкнула яркая вспышка.

Края перегородок, находившихся прямо под отверстием этого купола, будто пробудились под лучами дневного света. Эффект был поразительным.

Я замерла, удивлённо взирая на сверкавшие, словно драгоценные камни, искорки красного, золотистого, изумрудного-зелёного, фиолетового, янтарного, голубого цветов, исходившие от камней, которые всего за мгновение до этого выглядели безжизненно тусклыми. Казалось, будто там находится ларец с беспечно рассыпанными драгоценностями, владеть которыми никогда и не грезились лордам Долин.

И во вспыхивании этих искорок, как я постепенно начала осознавать, имелся какой-то порядок, создававший определённый узор. В одних местах огни вспыхивали чаще, в некоторых секциях их вообще не было видно. Может быть (как медленно до меня доходила мысль — я слишком устала после всех этих напряжённых усилий), если посмотреть сверху, кто-нибудь и смог бы понять, в чём состоит этот узор.

А нельзя ли, вдруг осенило меня, подняться на одну из перегородок и попытаться разгадать его и мне, находившейся внизу? Я опёрлась спиной об кривую стену — не слишком удобное положение, — чтобы поразмыслить над создавшейся ситуацией.

Ну и что хорошего может принести мне эта попытка? Ещё одну неразрешимую загадку, без какой-либо реальной пользы.

Свечение усиливалось. Я уже могла заметить тихо поднимающийся вверх туман, вспыхивавший всеми цветами радуги. Определённо, что-то едва заметное, совсем незначительное уносилось вверх, быть может, более материальное, нежели просто свет.

Пытаясь уверить себя, что это просто новая загадка, которую мне не разрешить, я начала пробираться от одного огороженного участка к другому, следуя в направлении сверкающей полосы света. Немного не доходя до неё, я вскарабкалась на одну из перегородок, выпрямилась и закачалась, раскинув руки в стороны, чтобы удерживать равновесие.

Сначала мне показалось, что если там и был какой-то узор, то я просто не взобралась на нужную высоту, чтобы разглядеть его очертания. Однако чем дольше я наблюдала, как один цветовой контур меняется другим или возвращается к сияющим стенам, которые служили ему основанием, тем больше начинала понимать, что я на самом деле видела изображение одного символа, встречавшегося мне и раньше — тщательно прорисованного на пергаментном листе одной из самых древних рукописей в библиотеке Аббатства.

Общий контур представлял из себя крылатое создание, которое не было ни птицей, ни одним из летающих чудовищ, которые придумывали жители Долин для обозначения своих Домов. Распростёртые крылья были голубого цвета, причём одно из них почти достигало стенки, на которую я сейчас взгромоздилась. И это немного приободрило меня: хорошо известно, что места Прежних, в которых были замечены силы Могущества, являются безопасными или по крайней мере не причиняют вреда людям моей расы — если там присутствовали голубые тона.

Между крыльями в центре круга располагался круглый шар, сияющий янтарно-золотистым цветом, в то время как спереди и позади него проходили полосы более ярких цветов, отчего казалось, что это существо носит двойную корону по обе стороны от того, что можно было принять

как за голову, не имеющую тела, так и за обезглавленное тело.

Чем дольше я смотрела на это изображение, тем более ярким оно становилось, пока на него стало просто невозможно смотреть. Я закачалась на своём насесте, сражаясь со слабостью, как будто была поймана в сети каких-то сильных чар, потому как не могла заставить себя прыгнуть и покинуть это место.

Я обхватила руками шар с грифоном, может быть, ожидая, что он вспыхнет пламенем, собирая энергию оттуда, куда был направлен мой взгляд. Наверное, я была слишком истощена, слишком много сил затратила в пещере, потому что он никак не оживал.

Но если я и была околдована, то эти чары не только держали меня, но и внезапно вынудили к движению. Тем не менее моё продвижение к центру не было прямым, скорее это выглядело так, будто кто-то другой управлял им. Но почему-то это не казалось мне странным. Да и страх отсутствовал.

Мой путь в этом лабиринте из одной клетушки в другую был весьма запутанным, иногда я кружила и даже, сделав шаг, тут же возвращалась назад, а потом, через несколько шагов, двигалась по ломаной линии. Кажется, я беззаботно рассмеялась, когда мне в голову пришло, что стороннему наблюдателю могло бы показаться, что я выделяю па какого-то танца, как когда-то на вечеринках и празднествах в замках Долины.

Назад, вперёд, вбок, снова прямо — так я и шла. Порою ступни едва протискивались в промежутки между этими перегородками. Но в любом случае всему на свете приходит конец, и вот я наконец зашагала вдоль последней невысокой стенки, подходя к золотистому центру этого помещения, не понимая однако, почему же для меня так важно оказаться здесь.

Устремлявшийся сверху свет покрылся туманной дымкой, словно передо мною вырос занавес, сквозь который я не могла ничего увидеть. Но я даже не пошевелилась,

но наевшись досыта, я оставила это занятие и обратила свои мысли на разгадку своего появления в этом месте.

Вот на том месте я проснулась. Вот эта каменная плита, поросшая мхом во многих местах. Трава там лежала рваными клочьями, будто я, очутившись здесь, принялась в ярости срывать эту мягкую зелёную массу. Встав на колени, я сорвала ещё немного мха. И справа от того места, где покоилась моя голова, заметила высеченное изображение того самого шара с распростёртыми крыльями.

Усевшись рядом, я попыталась всё логически обдумать. Я заснула или потеряла сознание, находясь в помещении глубоко под землёй, среди пространственного представления этого существа, символ которого был высечен здесь. А затем... Сколько же времени прошло?

Я посмотрела на небо. Судя по тому, что солнце уже клонилось к западу, день подходил к концу. Но тот ли это день? Или, может, другой? А, быть может, я проспала ещё больше? Узнать было невозможно.

Единственное, в чём я была уверена наверняка, — так это то что меня переправили из пещеры сюда, спасая мне жизнь. Я не могла точно сказать, было ли это преднамеренное действие со стороны какого-то могущественного и неизвестного мне разума, или же я просто наткнулась на какой-то процесс, задействованный автоматически, как если бы он включился для любого, кому посчастливилось бы пройти ловушку того древнего заклęcia.

Мне больше нравилось именно последнее предположение, возможно, потому что оно было более утешительным. А от мысли, что за мной наблюдают и перенесли сюда по желанию кого-то из Прежних, меня пробрала дрожь, несмотря на жаркую погоду.

Ну и ладно — теперь это не имело никакого значения — ведь я уже была за пределами той тёмной пещеры. Только вот где? И далеко ли от того места, где меня затянуло под землю? Я была уверена, что сама Пустыня не станет моим надёжным охранником, у меня не осталось оружия, я была одна, без лошадей и провизии, в незнакомой местности, без проводника. Этого было вполне достаточно, чтобы пасть духом. Я могла полагаться только

на свой разум. Неумолимо приближалась ночь, и я вовсе не хотела, чтобы, пользуясь её наступлением, на этой открытой местности меня схватили бы какие-нибудь рыскающие по холмам твари.

Укрытие, конечно, нужно искать в руинах. Возможно, там, за их стенами, мне удастся найти какое-нибудь укромное место, чтобы провести в этом прибежище ночь.

Ближайшая ко мне стена имела проломы во многих местах, так что можно было не искать ворот. Сквозь один из них я и проникла внутрь, во двор. И сразу увидела пустую оконную раму и полусгнившие двери. Там имелось множество тёмных щелей, через которые можно будет скрытно следить за окрестностями. И в этом саду были птицы, а я помнила, с каким недоверием отнеслась Элис к лесу, где они отсутствовали.

Возможно, их привлекало здесь изобилие ягод. На том месте, что, наверное, раньше являлось огромным залом, теперь рос плющ, оттуда доносился непрекращающийся гомон, указывавший на то, что там устроено гнездовье птиц.

Я не слышала ни топота ног, ни шелеста опавших листьев, и медленно повернулась, чтобы внимательнее осмотреть эти развалины, когда увидела, что за мной самой наблюдают.

Около сгнившей двери сидела кошка, но не той породы, которую мы, люди Долин, ценим за их помощь в уничтожении крыс и мышей, пожирающих запасы зерна. Нет — она была почти в полтора раза больше наших полосатых кошек, с желтовато-коричневым мехом и как бы клеймом в виде буквы V, впечатанном в лоб. Похожая отметина красовалась и на груди.

На расстоянии руки от первой сидела вторая кошка той же породы, чуть поменьше, более гибкая, но той же окраски и с таким же клеймом. Птицы, должно быть, не обращали на них никакого внимания, хотя, казалось бы, они должны были быть их естественными врагами. Но птицы лишь пронеслись над головами кошек по каким-то своим делам.

Кроме кошек здесь присутствовал и ещё кто-то. Перед

второй дверью присел на задние лапы небольших размеров медведь. Увидев его рыжевато-бурую тушу, я неподвижно замерла, а после инстинктивно стала искать оружие, которого у меня давно уже не было.

Конечно, размерами он не отличался. Но даже если это медвежонок, то где-то поблизости должна бродить его мамаша, и тогда, возможно, я угодила в новую ловушку, ещё более опасную, чем та, когда меня засосало под землю, но из которой мне удалось выбраться. Слишком уж хорошо мне были известны рассказы охотников про медведей. Самым страшным, что только можно обнаружить в Долинах, были разъярённые медведицы, посчитавшие, что их чаду угрожает опасность.

В то время как кошки изучали меня немигающим взглядом, с каким существа их рода взирают на людей, тем самым подчёркивая ещё больше пропасть между нами, медведь удостоил меня лишь краткого осмотра. Он поймал муху, а затем деловито принялся скрести лапой с длинными когтями по округлому животу. Это несколько успокоило меня, и я рискнула вобрать в себя воздух, так как от вида такого зверя у меня помимо воли перехватило дыхание.

Я была слишком осторожна, чтобы сразу пытаться пошевелиться, но теперь я рискнула попятиться назад к пролому, через который я и проникла во двор замка. Конечно, мне, непрошенному гостю, лучше уйти. От всей души я надеялась, что мне позволят это сделать.

«Самка... очень молодая... и очень глупая...»

Я приостановилась, озираясь в замешательстве. Здесь совсем некому было э т о говорить! Раздавались лишь крики и щебетанье птиц. Никто не г о в о р и л. Но... Ведь я каким-то образом это услышала, и кто же это мог отозваться обо мне с таким пренебрежением? Ибо я была уверена, что слова относились именно ко мне. Я неуверенно дотронулась до пряжки пояса, готовая ещё раз использовать его в качестве оружия. Только... Кто же был теперь моим врагом?

«Все были когда-то молоды. И на самом деле она не

глупая, как мне кажется, — просто неопытная. А это совсем другое дело».

В горле моём возник комок, волосы встали дыбом, а на голове не оказалось шлема, чтобы удержать их на месте. Я приподняла левую руку, чтобы привести волосы в порядок, хотя тем самым могла привлечь к себе внимание кошек и медведя. Здесь прятался, можно было поклясться в этом, ещё кто-то, помимо птиц. Их я во внимание не принимала.

Меньшая кошка неторопливо поднялась и направилась ко мне. Я стояла на земле, руки свисали по бокам. Кошка приблизилась ко мне совсем близко, а потом приняла ту же величественную позу, что и её спутник, причём кончик хвоста её раскачивался над передними лапами. Она посмотрела на меня немигающими жёлтыми глазами, поймала мой взгляд... и стала удерживать его. Теперь я поняла!

— Кто... или что вы? — чтобы задать этот вопрос, мне пришлось провести языком по губам и напрячь все силы. Голос мой эхом отозвался от разрушенных стен и показался далёким и дрожащим.

Ответа не последовало. И всё же я была уверена в своей правоте. Со мной говорило именно это животное — или вторая кошка. Одна из них с презрением отозвалась обо мне, другая же отвечала с большой терпимостью. И я слышала их разговор — в своём сознании!

Глава 10

КЕРОВАН

Погрузившись в собственные мысли и пытаясь найти решение, мы вместе с Джервоном молча стреножили лошадей после того, как они напились, чтобы они спокойно могли пощипать травку в темноте ночи. Когда взошла луна, я некоторое время смотрел на неё и вспоминал тот серебристый цвет чаши... чаши, которая, казалось, была вырезана прямо из этого безупречного лунного диска.

Сегодня ночью звёзды сияли необычно ярко, вспыхивая жемчужной россыпью в безоблачном небе.

Дальше за этой долиной тянулась земля, на которой ничего не росло, если не считать тёмных групп деревьев и кустарников, встречавшихся то тут, то там. В Долинах я привык к гребням холмов, которые создают прикрытие. Здесь же, охваченный внезапным импульсом, я вскарабкался по краю расщелины наверх и постоял там, наблюдая, как тени становятся всё темнее и длиннее, пока всё не исчезло в непроглядном мраке. Небо ещё слегка светилось, чистое и безоблачное — но местность эта была неизвестная, здесь не было лёгких дорог для таких, как мы.

Поднявшийся ночной ветерок начал обдывать меня. Я снял шлем, так что ветер теребил мои волосы, высушив пот, собравшийся под шлемом, давая прохладу — возможно, даже большую, чем мне хотелось. Здесь преобладали серебристые и чёрные оттенки... серебристые сверху, а чёрные — внизу. И темнее всего — именно там, где мы разбили лагерь.

Внутри меня что-то пробудилось, шевельнулось, словно после глубокого долгого сна, а затем ушло, прежде чем я смог понять, что это такое. Воспоминание? Нет. Раньше я уже дважды пересекал Пустыню, но никогда — в этом направлении. Я просто не мог знать эту землю, раскинувшуюся передо мной. И всё же...

Я покачал головой, чтобы избавиться от этих нелепых фантазий. Нужно сосредоточиться на выполнении чёткой цели, что было для меня самым важным на свете, — найти Джойсан. Хотя каким образом... Неохотно я возвратился в наш лагерь, где не горел костёр. И подошёл к своим спутникам.

— Её нужно найти, — мрачно сказал я. — И поскольку я потерял своих коней, то возьму её лошадь.

— Мы отправляемся утром, — ответил мне Джервон тоном человека, говорящего очевидные вещи.

— Поезжайте с миром. Примите мою искреннюю благодарность за свою службу моей леди.

— Ты не понял, — раздался голос Элис в мраке ночи,

скрывавшем её лицо. — Мы отправляемся вместе с тобой.

На мгновение напряжение охватило всё моё тело, настолько ощущал я себя виноватым. Потому что именно из-за меня Джойсан оказалась в этой ужасной беде, и зачем теперь было ещё и этим двоим рисковать своими жизнями ради меня? Я даже захотел, чтобы меня охватил гнев, для того, чтобы направить его на них, потому что сам сгорал от этого внутреннего огня.

А затем Мудрая Женщина добавила:

— Её путь — это и наш путь... путь свободного выбора. Мы не собираемся сворачивать с него теперь, когда она в беде. Если ты решишь отправиться без нас, что ж, это твоё желание. Но мы всё равно поедem.

Как же Джойсан сумела так привязать к себе этих двоих? Или же — гнев мой сменился подозрением — это и в самом деле были люди Имгри, посланные вслед за мной и готовые прервать мою дорогу, если им предоставится такая возможность? Вполне возможно. Но ведь я могу наблюдать и ждать, любезничать и благодарить, и по-прежнему идти своим путём. Если только...

У этой Элис было Могущество, и с его помощью можно было связаться с моей леди. Я не мог пренебречь такой возможностью, даже самой маленькой, и отказаться от проводника.

— Вы говорите так, — сказал я, — словно знаете, куда идти. Как же такое может быть? — но несмотря на все попытки замаскировать свои чувства, какая-то горячность промелькнула в моём голосе. Может, я в какой-то степени ревную к этим друзьям моей леди? Я крепко прижал кулаки к бокам, и ногти вонзились в мягкую плоть ладоней.

— Мне ничего не известно о фасах... если не считать того, что это их земля. Но...

И тут я вспомнил! Клянусь Теплом Пламени и Сиянием Зачарованного Меча Гондера, в тот момент я вспомнил!

— Горы! Повелитель Всадников-Оборотней сказал, что их логовища находятся в горах! — я резко повернулся, но

даже в этом ярком лунном свете не мог сейчас разглядеть во мраке далёких отрогов гор.

— Так, значит, отправляемся в горы! — заметил Джервон, как будто ему предстояла поездка на рынок за покупкой шерсти, хотя я был уверен, что он совсем не настолько прагматичен, как хотел показаться.

Да, теперь я уже не мог, ради Джойсан, отказаться от любого предложения помощи. Я должен был принять его и быть благодарным — искренне благодарным за то, что оно было мне сделано.

Мне казалось, что я не смогу уснуть, что я должен лечь и слишком многое припомнить... и ещё больше испугаться. Однако иногда тело берёт верх над сознанием. Я заметил, что мои веки отяжелели и...

Нет... Это был не сон. Или же... Нет! Это было ни видением... ни колдовством, которым Элис могла попытаться освободить меня от тяжкого внутреннего бремени. Я сидел, полуобхватив руками голову. Меня окружали звёзды, луна и мрак. Я мог слышать хруст, производимый лошадью, которая пощипывала траву не слишком далеко от меня.

— Джойсан! — я вскочил на ноги, сделал, шатаясь, один-два шага... мои руки вытянулись в надежде схватить что-то... кого-то... но тщетно. — Джойсан...

Она была там или тут, или же...

Я в замешательстве потёр лоб. Из темноты до меня донеслось какое-то движение, колыхание воздуха.

— Джойсан!

— Нет.

Одно лишь слово. Но и этого было достаточно, чтобы я пустился в объяснение.

— Я... я видел её, — тут я запнулся. — Она была там, говорю вам!

— Его околдовали? — во мраке ночи раздался низкий голос Джервона. А затем — ответ от Мудрой Женщины.

— Это невозможно — пока у него есть телохранитель.

И на браслете у моего запястья вспыхнул холодный голубой свет. Конечно, это не было колдовством! Я видел Джойсан — она стояла с непокрытой головой, волосы

перепачканы землёй, как и лицо. В глазах застыло изумление, а между нами — грифон! Я видел её.

Я, должно быть, рассказал это, потому что Элис попросила меня повторить всё, что я мог вспомнить.

— Это настоящее видение. Конечно, это настоящее видение.

Видение! Я покачал головой, пытаясь поверить, что это было не просто видение, вызванное желанием. Но снова я решил быть последовательным. Я опустился на землю и обхватил голову руками, затем перевернулся и прижал запястье с браслетом ко лбу. Закрыв глаза и попытался изо всех сил, сжав в кулаке всю свою волю, дотянуться до Джойсан... прикоснуться... увидеть... Но только в этот раз ответа не пришло — ничего, кроме луны надо мной и тёмной земли снизу.

На плечо легла рука. Я попытался стряхнуть её, но не смог.

— Пусть так и будет! — властно произнесла Элис. — Здесь не все ворота могут открыться. Оставь попытки, я не думаю, что ты — полный идиот!

В самом ли деле я что-то ощущал в тот момент — едва уловимое чувство от прикосновения в своих неистовых поисках к чему-то, что никто не имеет права тревожить, кроме дураков? Не могу точно сказать... хотя и вздрогнул, словно уже наступила зима, и холодный ветер пронизывал меня в этом тёмном овраге. Я опустил руку и уставился в ночную тьму, понимая, что утратил свой шанс и ничем не помогу Джойсан, если буду продолжать, как подчеркнула Элис, валять дурака.

Наверное, меня никогда раньше таким образом не убеждали... если забыть тот случай, когда я отправился в Пустыню по следам Роджера. Волнение подгоняло меня в течение двух последующих дней. Если бы я путешествовал один, то скорее всего ехал бы без еды и сна... пока не свалился бы из седла в полуобморочном состоянии. Мне всё казалось, что те горы, к которым мы скакали, не приближаются ни на шаг. И меня не покидал страх, что мы выбрали ложное направление, скачем вовсе не к месту пребывания Джойсан.

И не этот ли неотступный страх постоянно возвращался ко мне во снах? Никогда больше в своих грёзах я не возвращался туда, где покоился человек-грифон. В основном в сновидениях присутствовали люди, чьих лиц я не мог чётко разглядеть, чьи бормотания я не понимал, хотя сознавал, что вроде бы должен их и видеть и слышать. После таких снов я просыпался совсем без сил, словно бежал целый день, и весь в поту.

Я не рассказывал своим спутникам об этих видениях. Да и вообще мы мало разговаривали. По-прежнему пытаюсь высвободить свой разум от тёмных мыслей, я заставлял себя следить за ними обоими. Я не спрашивал их о прошлом, хотя меня интересовали такие вопросы.

Элис была Мудрой Женщиной, и сверх того — поскольку она носила кольчугу воина и обращалась с мечом с лёгкостью, знакомой любому, кто в течение многих лет упражняется с подобным оружием. Поэтому она представляла для меня полную загадку — ибо она сочетала в себе дарования Мудрых Женщин и владение боевым искусством — ни о чём подобном я никогда ещё не слыхивал.

Судя по её внешнему облику она была родом не из Долин; и, возможно, поэтому её способности производили ещё более сильное впечатление. Тем не менее её связь с Джервоном была очень близкой и естественной — для них обоих. Джервон, хотя и происходил по всей видимости из знатного рода Долин, не имел ни малейшего признака родства с Прежними... Да я и не верил, что он — из тех, кто помечен тем же проклятием, что и я сам. Они путешествовали вместе, почти не обмениваясь словами, но я всё больше и больше думал, что связь между ними настолько сильна, что порою казалось, будто они могут читать мысли друг друга.

Но Джервон интересовал меня больше. Все жители Долин признавали Мудрых Женщин — до известной степени. Они развивали подобные способности у людей нашего народа, занимаясь с ними в качестве наставников. В раннем возрасте девочка с таким дарованием отдавалась в обучение в основном собирательницам трав и в меньшей степени — к обладающим силами Могущества.

На этом её детство заканчивалось и все её связи с роднёй полностью обрывались, даже с родителями. Она не выходила замуж, не имела детей, пока в свою очередь не брала к себе ученицы. Познания составляли всю жизнь Мудрой Женщины.

Искусство Мудрых Женщин состояло во врачевании и успокоении. Они не были воинами, не говорили о сражениях, в то время как Элис вспоминала о стычках и необходимости быть постоянно бдительным, спрашивала меня, как проходит подготовка вооружённых сил Имгри. У ней было две сущности — и каждая противостояла другой. Как такое могло случиться?

И кроме того, как смог Джервон, у которого отсутствовал даже малейший признак наличия каких-либо способностей, с такой безраздельной верой принять её, не испытывая чувства отвращения, которое воспитывалось во всех людях Долин, осторожности, потаённого страха перед неведомым, возникающим от постоянных мыслей, что живём мы на земле, которая на самом деле не является нашей?

Этот их союз — я мысленно постоянно возвращался к ним — по стандартам Долин никак нельзя было объяснить. Джервон не был ни слугой, ни охранником, это я понял уже в самом начале нашего бесконечного путешествия на запад. Они держались между собой как равный с равным, несмотря на все свои отличия. Мог ли кто-нибудь взять двух таких вот совершенно отличных людей — как два разных металла — и выковать из их соединения нечто третье, более крепкое, чем из каждого по отдельности?

Джервон принимал Элис такой, какой она была. А мог ли кто-нибудь так принять и меня?

Они оба говорили о Джойсан, но не для того, чтобы ещё больше известить мою душу, но словно делясь возникшим между ними тремя чувством товарищества. Пришло время (я и в самом деле должен был раскрыть перед ними кипевшую во мне борьбу) нарушить это затянувшееся молчание, в котором мы до сих пор скакали.

— Ей хотелось большего, — внезапно произнесла Элис.

Сначала во мне вспыхнул гнев, сменившийся затем замешательством. Большого, но чего? Земли? Наследства? Для нас обоих всё это закончилось с наступлением войны. Я дал ей полную свободу — и не просил сохранять данное мне обещание. Так что же это «большее»?

Если женщина-воин и в самом деле хотела помочь мне разобраться в путанице мыслей, то она должна была понять, что я принимал Джойсан как что-то хотя и дорогое, но меня не затрагивающее, что я не мог привязать её к себе. Будучи самим собой, я не требовал ничего от других. Не все ведь так принимают других, как она... как Джервон...

— Люди боятся всего нематериального, они верят только своим глазам, — продолжила Элис. — Джойсан рассказывала мне о твоём наследии, о твоих мыслях по поводу своих отличий как о чём-то ужасном, от чего нельзя убежать. Но разве ты не сталкивался уже с этим лицом к лицу... и не одерживал верх?

— Я не одержал тогда победу, Леди! — яростно возразил я в ответ. — Там были мои враги... враги, которые схватили мою леди, чтобы подчинить своей воле. И я был не один. Откуда-то пришло ещё одно Могущество, и оно управляло моими действиями — как воин рубит мечом. Стоит ли меня расхваливать? Ибо я — то, что я есть. Я лишь дверь...

Во мне вспыхнуло воспоминание. Кем... чем... был я в тот момент, когда то Могущество, о котором я до сих пор не упоминал, было направлено против Роджера и моей матери? Тогда я не был Керованом, но кем-то другим... другим, великим, более сильным, целостностным, кем никогда прежде не был, и кем никогда и не смогу снова стать — я понял это, когда тот, другой, безвозвратно ушёл.

— Не будь так поспешен в суждениях, — сказала Элис. — Часто бывает так, что способности таятся до поры до времени внутри человека, пока случай — или необходимость — не пробудят их к действию. Ты думаешь главным образом о самом себе и, — в её голосе зазвучала нотка, которая заставила мои щёки залиться краской, а с губ её готова была сорваться резкая отповедь, но тем не менее я

не перебил её, — возможно, ты полагаешь, что подобные мысли служат тебе защитой, оберегают тебя для совершення того, для чего ты был рождён. Но нельзя до самого конца противиться своей судьбе.

Я ничего не мог ответить на это, понимая, что заговори я сейчас о том, что считаю правильным, она снова скажет, что я ищу оправданий против обвинений, которые она только что бросила мне в лицо. Не думаю, чтобы кто-то из них нравился мне больше (потому что был убеждён, что они, быть может, видят во мне не чудовище из Долин, но кого-то, настолько слабого духом, кто не заслуживает такого отношения со стороны Джойсан). Возможно, меня бы и обрадовало такое заключение, чтобы отыскать ещё один предлог покинуть их, когда будет спасена моя леди. Но только это произвело противоположный эффект на меня: теперь я решил доказать, что и я могу принимать других не хуже Джервона. Хотя раньше всё это можно было отнести только к Джойсан.

На второй день местность начала изменяться — в пустыне кое-где стали появляться кусочки земли с растущей травой — хотя холмы по-прежнему маячили где-то вдали. Но нам больше не попадалось ничего похожего на тот молчаливый и густой лес, где затаилась твердыня Всадников-Оборотней, зато деревьев стало побольше. И, кроме того, один раз мы преодолели широкую реку по остаткам каменного моста, ещё вполне сохранившегося, чтобы мы смогли пройти по нему.

Теперь нам часто попадались участки когда-то населённой земли, и, возможно, её ещё можно было использовать под пахоту. Мы ехали вдоль необработанных полей, ограждённых искусно выложенными каменными стенами, и дважды замечали башни, высившиеся как наблюдательные пункты. Мы не делали попыток исследовать их, потому что по их виду можно было предположить, что они уже давно заброшены, да и возбуждение, охватившее по крайней мере одного меня, призывало спешить вперёд.

В середине второго дня мы приблизились к третьей башне, окружённой на этот раз группой тёмных деревьев

(в основном по непонятной причине лишённых листьев, но при этом ветви у них были переплетены между собой так густо, что создавали определённую защиту). И тут браслет на моём запястье просигналил об опасности. Я чуть закатал рукав доспехов и увидел, как он вспыхивает голубым светом, видимом даже при дневном свете. Элис остановила своего коня и стала рассматривать эту башню, словно изучая вражеский бастион. Она прикусила нижнюю губу и озабоченно нахмурила брови, о чём-то задумавшись.

— Поворачивай! — приказала она, показывая рукой налево. — Разве ты не чувствуешь?

Возможно, именно вследствие своей задумчивости я и не обращал внимания на то, что здесь находилось. Но её крик пробудил меня. Склонившись, я резко рванул поводья, так что моя кобыла испуганно остановилась. Это выглядело так, как будто по мне что-то неожиданно ударило из пустоты — а я не мог защищаться.

Единственное, что мне пришло в голову, — я был атакован волной первородного зла. Равнодушное, полностью враждебное моему виду жизни, или по крайней мере той моей части, которая находилась в родстве с человечеством. Я почувствовал смутное шевеление в разуме, слабую атаку, будто бы то, что направило этот удар, за столетия потеряло свою силу, почти до конца иссушённое, и теперь представляло из себя только крохотную частицу былого. Что-то кольцами стало подниматься позади тёмной полосы деревьев, так же отравляющее душу, как гадюка — живую плоть.

Мы помчались прочь, по широкой дуге огибая это гиблое место. Однако не успели мы отъехать (хотя ощущаемое мною давление уже полностью исчезло), как раздался дикий пронзительный птичий крик. Спиралью поднявшись над башней подобно кольцам приготовившейся к атаке змеи, к нам устремилась стая птиц. И когда они подлетели поближе, я увидел, что они того же происхождения, что и обнаруженное мною в оазисе в пустыне мёртвое существо. Их красные головы с несущими смерть изогнутыми клювами были вытянуты вперёд, как копы, нацелившись на нас.

Оказавшись над нами, они сделали круг, продолжая пронзительно верещать, и один этот крик причинял немалую боль ушам. Несколько созданий отважились отделиться от стаи и, устремившись вниз, два или три раза пролетели над самыми нашими головами. Я инстинктивно выбросил вверх руку, защищаясь, и браслет на моём запястье вспыхнул, засияв подобно колыхающимся язычкам пламени. Наши кони, совсем обезумев, яростно мотали головами, охваченные безудержным страхом, и казалось, глаза их вот-вот выскочат из орбит. Мы и не пытались их сдерживать, и они помчались напрямик на запад, пока мы не оказались под прикрытием группы деревьев. Эти птицы последовали за нами, устроившись затем на ветках над нами, по-прежнему издавая пронзительные крики, которые на их языке по всей видимости означали страшные угрозы.

Однако ветки не давали им напасть на нас, и всё сильнее в их криках слышались нотки ярости и раздражения. И мы догадались, пробираясь между деревьями, что крылатые демоны, похоже, не расположены следовать за нами за границы этого леса.

Мы надеялись, поскольку не было никаких троп, что не блуждаем кругами, нагибаясь в сёдлах, чтобы уклониться от низко свисающих веток. Я абсолютно не был готов к такой бешеной атаке этих крылатых тварей и меня удивило, что они не набросились на нас, чтобы растерзать своими клювами и когтями. Вполне возможно, что их тренировали так же, как соколов в Долинах, набрасывающихся на жертву по сигналу... или же они сами обладают злобной формой разума и почему-то решили преследовать нас.

— Я думаю, — произнёс Джервон, отводя рукой ветку, — что они не будут дожидаться, когда мы достигнем дальнего конца этого леса. Никогда не думал, что птиц можно бояться. Но эти... эти вполне способны разорвать лицо человека — дай им только такую возможность.

— Ты имеешь отличного стража, — сказала Элис мне, кивнув на браслет на запястье. Он всё ещё слабо сиял,

блеск его, появившийся, когда мы приблизились к той башне, теперь стал менее ярким. — Однако там были не только птицы... — она слегка повернула голову в сторону, будто прислушиваясь.

Я же мог слышать только крики этих пернатых созданий, становившиеся всё более слабыми по мере удаления от них. Я внимательно посмотрел на браслет, сделанный из металла Прежних, с той же благодарностью, с какой воин поглаживает свой меч после сражения. Он уже не раз помогал мне с момента своего таинственного появления.

— Да, — продолжила Элис. — Что-то иное, не птицы, таится здесь в спячке. Хотя достаточно ли у него сил покинуть своё логово и выйти на солнечный свет... Большинство созданий Тьмы используют ночь для прикрытия... если только у них нет способностей злых сил. Но эта... сила уже не такая могущественная, как прежде. Однако я думаю, нам надо поскорее убираться подальше от этого места туда, где мы сможем разбить лагерь.

Мы медленно продвигались вперёд, пока наконец не достигли конца укрывшего нас леса. Над нами больше не носились птицы в ожидании нашего появления, чего мы так опасались. А обнаружили совершенно обратное — широкую дорогу, лучше любой другой в Долинах, лишь у самого края гладкой поверхности изредка пробегали трещинки.

Этот путь тянулся с юга, но как раз в том месте, где мы покинули лес, дорога делала резкий поворот на запад. С обеих сторон она была лишена какой-либо растительности, так что любого путешественника легко можно было заметить ещё издалека. И эта мысль показалась мне не очень-то привлекательной.

Я уже видел похожую дорогу. Дорога Изгнанных, пересекавшая Пустыню невядалеке от Ульмсдейла, весьма напоминала эту. Построенная теми Прежними, что ушли из Долин куда-то в столь давние времена, о которых нам ничего не было известно. Никогда не забыть мне случай, когда из-за внезапно налетевшего урагана нам с Ривалом

пришлось укрыться в руинах, располагавшихся возле той дороги, и когда ночью я увидел идущих Прежних, причём не столько глазами, сколько иными органами чувств... да, да, я ощущал! Непереносимое предчувствие беды, которое подняло их с места, отправив в то призрачное шествие, затрагивало и меня, превращая весь мир в место утраты и жгучего горя.

Однако здесь меня наполнила радость, чего вовсе не было у той дороги. Века отложили свой тяжкий отпечаток на Дорогу Изгнанных; тут же чувствовалось, что этой дорогой ещё вполне можно пользоваться, что в любой момент можно натолкнуться на группу воинов или караван торговцев, путешествующих по своим делам.

Элис выскользнула из седла, и Джервон взял поводья, которые она механически выпустила. Она пошла пешком впереди, пока не коснулась кончиками пальцев искрошившейся обочины дороги. Там она некоторое время постояла, не глядя ни вперёд, ни назад, склонив голову и внимательно изучая поверхность дороги, будто искала какой-то потерявшийся в пути предмет.

Просто из любопытства я последовал за ней, ведя на привязи коня. А мгновение спустя я увидел, что привлекло её внимание.

Сама поверхность дороги была ровной, без трещин. Однако всю её покрывали многочисленные символы, расположенные таким образом, что путешественник будет вынужден ступать по ним.

Некоторые из них являлись рунами, прочесть которые не смог бы ни один из ныне живущих. Ещё раз это напомнило мне о Ривале, который большую часть своей жизни потратил в страстных поисках ключа к знаниям, раскиданным по Пустыне.

Среди этих рун попадались и символы, которые не были похожи на письменные. Я видел пятиконечные звёзды Могуущества с таинственными символами на концах лучей. А также серебряные контуры отпечатков ступней, причём не только людей (или кого-то, походившего на людей), но и зверей — отпечатки копыт, следы лап

существ, напоминавшие следы огромных кошек, птиц, которые, судя по их размерам, тоже были громадными. Эти следы и концы звёзд сверкали в лучах солнца, словно имели вкрапления обгоревшего металла или даже жемчужин, хотя, кроме серебристого цвета отражённой Луны, там ничего не было.

Элис привстала на колено с вытянутой вперёд рукой, ладонью вниз, над остриём луча одной из таких звёзд, располагавшейся неподалёку от края покрытия дороги. Она не касалась поверхности дороги, просто медленно двигала рукой взад-вперёд. И тут по какой-то причине, по какой, я не мог понять, меня что-то вынудило тоже упасть колени и повторить за ней эти жесты. Но я, в свою очередь, делал это правой рукой.

Браслет на запястье тихо издал предупреждающий сигнал, хотя он теперь и не пылал так ярко, как тогда, когда мы проезжали мимо той башни с птицами. И... меня охватило успокоительная умиротворённость сознания и духа. На самом-то деле позади меня не было никого, и никто не похлопывал меня дружески по плечу. И всё-таки мне показалось, что меня утешили, что та магия, которую мы здесь обнаружили, не таит в себе никакого ужаса и ничем не грозит... фактически, она станет нам добрым помощником.

Элис легко вскочила на ноги.

— Вот он, наш истинный путь, — сказала она рассудительно. Если она ощутила то же прикосновение утешения, как я, то она ничем не выказала этого, потому что говорила как человек, которому предстоят сложные задачи и испытания. — Эти знаки Могущества означают защиту для тех, кто путешествует по этой дороге. Быть может, нас привели сюда, а мы даже не осознавали этого. У Прежних много тайн и секретов... Возможно, нас выбрали стать исполнителями их воли... для осуществления какой-то задачи. И если это так, то эта дорога призвана ободрить нас... и она безопасна для нас.

Я тут же захотел было возразить ей, что не являюсь ничьим слугой... ни Могущества, ни какого-нибудь лорда.

Хотя я и прибыл сюда по поручению Имгри, но это был исключительно мой выбор. Я категорически отвергал идею того, что теперь я лишь инструмент, используемый кем-то другим.

Меня заботила одна лишь Джойсан. И я вернулся к кобыле, готовый уже вскочить ей на спину и ехать дальше... но не ПО этой дороге, а ПРОЧЬ от неё, от места, куда нас привели... если догадка Элис верна. Только... куда же мне скакать? И... Джойсан...

Элис, обернувшись, посмотрела прямо мне в глаза.

— Ты борешься, поэтому теряешь свою силу. Прими и неси это. Не думай, что я не знаю, как это быть чужаком среди людей одного племени. У меня тоже когда-то был отец, брат... Никто из них так и не принял меня такой, какая я есть. В тяжёлых страданиях, душевных муках я познала это. И ты тоже должен пройти свой путь. Нет лёгких дорог для таких, как мы.

Возможно, что-то в моём взгляде заставило её замолчать. Она по-прежнему пристально смотрела на меня, но затем отвернулась, и я не ждал, что она продолжит. Победить это должен был я один.

В Долинах я знал, что мне не доверяют — и ненавидят — за то, кем я был. На некоторое время мне удалось бежать этого — когда я покинул лагерь Имгри. Но в тот момент я всё ещё страстно желал — вернее, какая-то часть меня — умчаться прочь от этой дороги и всего того, что там было, даже от друзей — двоих человек, познавших таинство жизни, от чего я так грубо отрешивался, таинство, которое, быть может, мне не хотелось познавать. Но в этом проявлялась моя человеческая природа. Что, если забыть, кто такой Керован? И каким теперь будет мой путь? Будет ли он таким же прямым, как эта дорога, ведущая к тем далёким холмам впереди... избавляя меня от прошлого?

И Джойсан... хотя нет, от Джойсан не избавиться, её нельзя забыть. Она — я должен был теперь признаться в этом самому себе — она была единственным чем-то настоящим в этом мире.

Глава 11

ДЖОЙСАН

Я стояла на твёрдом камне. Холодный ветерок тормозил мои спутанные испачканные землёй волосы, были слышны щебетание и гневные крики потревоженных птиц. Во всё это я могла поверить. Но в остальное?.. Можно ли двигаться, находясь под воздействием каких-то чар? За короткое время со мной случилось много чего такого, чтобы заставить меня считать, что в действительности я не способна больше думать чётко и ясно.

«Неприрученная... и уже взрослая. В таких вот нет ничего, кроме глупости, — раздался в моей голове новый голос, в котором звучало презрение. — Но когда-то было совсем не так».

Я медленно опустилась на колени, чтобы поближе рассмотреть ту, кто с таким вкрадчивым голосом обратилась ко мне. Это была кошка, за которой стоял и зевал медведь, но его маленькие глазки словно не замечали меня. Ну, конечно-конечно, в тот раз ко мне мысленно обратился именно этот медвежонок!

Эти... эти животные — как по-другому назвать ещё этих существ, посылающих мысленные послания прямо в мозг, — как они... Я попыталась подавить страх. Это же Пустыня, я никогда не должна забывать об этом и всегда быть настороже. В месте, подобном этому, где ещё сохранились остатки Могущества, которое намного древнее моего народа, как могу я... удивляться чему-нибудь странному? Кошки, медведь, мысленные разговоры — всё это ничуть не удивительнее того чудесного перемещения из подземной тюрьмы в этот новый для меня мир.

— Я... не могу... говорить... как вы... — ответила я, запинаясь.

Меньшая кошка зевнула с выражением откровенной скуки, как и медведь чуть раньше.

«Зачем говорить очевидные вещи?» — тут же раздался у меня в голове ответ.

Итак, я не оказалась жертвой галлюцинации, если

только она не была очень мощной или же я не попала под воздействие чар, способных навести такую правдоподобную картину.

— Да, конечно, но это так неожиданно! — я не удивилась своему обращению к кошке, в тот момент это казалось совершенно естественным. По крайней мере мне помогло то, что к кошкам я уже давно относилась с уважением и любовью. Хотя медведю я всё ещё не доверяла. — Я считала, что понимаю немного ваш народец, но это...

«Наш народец? — в вопросе ясно ощущалась презрительная нотка. — Ты никогда не встречалась ни с кем из нас, — жёлтые глазки кошки слегка сузились. — Мы не живём с вами, людьми, а если и жили когда-то, то с тех пор прошло уже больше времени, чем требующееся для разрушения этих стен».

Я принялась подыскивать извинения. Стало ясно, что если эта кошка и знает о тех существах, что лезят по замкам в Долинах, то она рассматривает свой народец как совершенно другое племя.

— Прошу прощения, — поспешно извинилась я. — Я видела нескольких существ, похожих на вас. Они были родом из Долин. Но я не знала о вас и если обидела ненароком, то хотела бы, чтобы вы согласились, что мои слова были произнесены из-за невежества.

«Невежества? Если ты невежественна, тогда почему носишь этот ключ? Который отворит двери разуму внутри», — к нетерпению, звучавшему ранее в этом голосе, добавилась снисходительность. Неужели это мохнатое существо, задававшее вопросы, принимает меня за слабую? Я решила, что из этой пары последние слова произносила именно особь женского рода.

Грифон! Ключ! То же говорил и Пивор. Я обхватила рукой шар. Похоже, эти животные, на которых я случайно натолкнулась, знают о нём куда больше меня. Интересно, не расскажут ли они мне об этом шаре, но, прежде чем я успела подобрать какие-нибудь подходящие слова, в моём сознании снова загрохотал голос:

«Сейчас самое время подкрепиться, а? У неё нет Могу-

щества, на самом деле она просто острячка. Пусть уходит и перестанет нас беспокоить. А что с ней будет, нас уже не касается».

Медведь встал на все четыре лапы и направился к тому же проходу в стене, через который сюда проникла я. И ни разу не обернулся, подчёркивая тем самым полнейшее равнодушие ко мне и моим проблемам. Но, похоже, кошки не собирались последовать его примеру.

Я уже знала, что мне говорить, как объясняться, и обрадовалась уходу этого рыжевато-бурого зверя. Я почувствовала себя намного спокойнее, если такое можно сказать о моём положении, когда рядом остались одни кошки.

— Мне неизвестно то Могушество, каким владели Преступные — те, кто жил здесь раньше... — я провела рукой вокруг себя, указывая на окрестности. — Это, — тут я дотронулась до шара с грифоном, отрывая его от груди, и лучи солнца заиграли на его поверхности, — подарок моего лорда. В нём действительно есть сила, но меня не научили, как ею пользоваться. Я даже не знаю, что это такое. Прошу вас... не могли бы вы рассказать, где находится это место... и почему... или как... — я запинаясь, не в силах подобрать нужные слова.

Одна часть моего «я» как бы стояла в стороне и с удивлением взирала на мои действия, следила за усилиями завязать разговор с кошками. А другая часть убеждала, что это единственный способ узнать столь нужные мне сведения, что я больше не могу жить, придерживаясь принятых в Долинах правил поведения, что я должна поверить в происходящее, каким бы невероятным оно ни казалось.

Да, эти животные были не просто кошками. А не была ли я сама для них меньше чего-то такого, с чем им уже доводилось сталкиваться? У меня имелись большие подозрения насчёт этого.

Меньшая по размерам кошка — самка — всё тем же немигающим взглядом следила за мной. Она оценивала меня по своим собственным стандартам, и я подозревала, что результат мог оказаться для меня совсем неутешительным.

«Ты говоришь, что не знаешь, как использовать этот Ключ, но всё-таки ты попала сюда с помощью...» — я лишь в замешательстве стояла, не в силах понять смысл того, что последовало за её последними словами. У меня осталось только смутное впечатление какого-то крылатого создания, но всё пронеслось в моём сознании так быстро, что я вовсе не была уверена, что не ошиблась.

— Я оказалась в ловушке под землёй, — начала я свои объяснения, словно обращаясь к кому-то из своего народа, радушно принимающего меня в этих развалинах. И я поведала им свою историю — о взбесившейся земле, о царстве тьмы, о своей битве с теми ужасными существами и как грифон помог мне спастись — его я продолжала держать в руке. И это прикосновение давало мне силу, ощущение реальности происходящего, связь с известным мне миром.

Я рассказала о помещении с низкими стенками и о том, как оказалась в его середине, упала лицом вниз и после обнаружила себя уже здесь. И за всё время ни одна из кошек ни разу не сделала ни единого мысленного замечания по поводу моего рассказа.

— Вот таким образом я тут и оказалась, — закончила я и махнула рукой в сторону пролома, в котором исчез медвежонок, — наружу, в сад, где были еда и вода.

«Ты и вправду... слепа, как только что народившийся котёнок, — это снова была самка. — Ты пользуешься вещами, которых не понимаешь. Ты хочешь лишь удовлетворить своё любопытство, узнать, как выбраться отсюда, что...»

«Но и котята учатся, — более мягкий голос оборвал презрительное перечисление моих действий. — Она обучится. Не забывай, их виду требуется много времени, чтобы из котёнка стать охотником...»

«А тем временем она по глупости суётся не в свои дела и привлекает внимание и неприятности не только на себя, но и на других. Как же давно в последний раз пользовались этим... (и снова последовал бессмысленный для меня набор слов). Как можем мы быть уверены, что уже не

прозвучал сигнал тревоги, пробуждая то, с чем лучше не иметь никаких дел? Пусть уходит и забирает свой Ключ. Он сам по себе — неплохая приманка для других Тёмных. Им стоит лишь учуять даже крошечный намёк на его присутствие... И тогда...»

Кошка передо мной подняла лапу, слегка вытягивая когти (которые показались весьма устрашающими, несмотря на небольшие размеры этого зверя). «Угроза, — подумала я, — или по меньшей мере предостережение».

Самец встал и вытянул вперёд передние лапы, как это делают все кошки.

«Итак, фасы решили ставить ловушки», — это его замечание ничего не говорило мне. Самка оглянулась, сузив глаза, скривив губы и обнажив клыки, столь же острые, как и когти.

«Земляные черви! — бросила она и презрительно сплюнула. — С каких пор эти козявки смеют являться на белый свет из-под своей вонючей земли?!»

«Да как они вообще осмелились проникнуть по эту сторону Барьера после наложения на них Заклятья Времени?! Они никуда не рвались, жили себе поживали под землёй и не осмеливались покидать Район Шагающих Призраков. Конечно, здесь нет для них ничего притягательного, но они без всякого на то права прорыли норы сюда. Никто не знает, какие грязные планы они вынашивают! Или кто отдаёт им приказы. Ибо они не решились бы преодолеть границу Света и Тьмы, пока нечто, подавив их волю, не приказало им сделать это».

Эта речь, по-видимому, ошеломила самку, хотя сама я мало что в ней поняла. Кошка поставила лапу на землю, переведя взгляд с моей персоны на кота. Я же изо всех сил пыталась разобраться в том, что только что узнала.

Фасы... Это слово запечатлелось в моей памяти. Должно быть, так зовут тех существ, с кем я сражалась в темноте. У меня перед глазами ожила картина тянущихся ко мне когтей. Но теперь их вид почти не пугал меня, всё-таки им так и не удалось взять надо мной верх. Хотя я и не верила, что одно лишь размахивание поясом заставляло их держаться от меня на расстоянии.

— Грифон! — я скорее высказала эту мысль вслух, нежели обращалась к кошкам. — Фасы испугались света, идущего от грифона, и умчались кто куда...

«Всё правильно. А кто бы не умчался? Именно Ключ помешал исполнению их планов. Возможно, имеется заклятье, которое вынудило их оставить тебя в покое, — предположил кот. — Не забывай об этом Ключе. Не всё ли равно, почему ты воспользовалась им: из-за страха, по нужде или незнанию — но он привёл тебя сюда», — он посмотрел на самку, и я подумала, что они обменялись какими-то мысленными посланиями относительно меня.

Самка, громко заурчав, направилась обратно к дверям и устроилась рядом с самцом, ясно выражая своё неудовольствие. Тот снова обратился ко мне.

«Ты не древних кровей и не из тех, кто ищет вещи и камешки, которые вы зовёте «драгоценностями» и некоторые из которых лучше бы никогда не находить. Мы видели их — в них нет ничего особенного. Подлинные вещи Могушества надёжно запрятаны. Так зачем же ты явилась в этот край с тем, что может пробудить как светлые силы, так и тёмные?»

— Я ищу своего лорда, — и я поведала им остальную часть своей истории, которую не рассказывала даже Элис и Джервону.

Элис... Джервон... Мои мысли возвратились к ним. Могло ли так случиться, что они тоже утодили в ловушку фасов? Я не видела их в том в месте вечной темноты, но это ничего не значило. Оставалось только надеяться, что я одна оказалась пойманной в эту ловушку.

Вот потому я и рассказала им о Кероване. После упоминания, что в нём есть наследие Прежних, кот-самец чуть подался вперёд, словно мои сведения представляли для него особую важность, и он должен был чётко слышать каждое слово. Я сообщила им также о Пиворе, и это имя также заставило вздрогнуть их обоих. Они вновь посмотрели друг на друга, молчаливо обмениваясь посланиями.

«Беда, теперь уж точно беда! — воскликнула самка. — Древнее перемирие будет нарушено, если ОН и в самом

деле заинтересовался этим. День, когда спящий проснётся, окажется самым несчастливым днём для всех нас — куда там до него нашествию этих фасов!»

— Пивор не может быть Тёмным! — впервые за всё время воскликнула я, бросая вызов. — В этом я убеждена!

«Возможно. Только то были годы мира, когда Тёмные и Светлые не сражались друг с другом, вовлекая и нас в свои битвы. В давние времена все они заперлись в своих твердынях и перестали тревожить нас, тех, кто не являлся союзником ни одного из этих сил, так же, как и мы не беспокоили их. А теперь фасы роют норы и устраивают ловушки. Эти черви вылазят из глубоких нор, подчиняясь чьему-то приказу... но вот кого? Ты рассказала об одном, зовущем себя Пивором, совершенно случайно упомянув, что он бродит повсюду и занят какой-то непонятной деятельностью. Этот твой лорд, кто он такой?»

Кошка снова сузила щелки своих глаз, слегка поднимая уши торчком, но фырканья так и не издала. Лишь в раздражении приказала тоном того, кто не привык к неповиновению:

«Покажи мне этот Ключ, поднеси поближе!»

И я тут же, бездумно, настолько повелительным был этот приказ, сняла цепочку с шеи и протянула вперёд ладонь с шаром. Сейчас он уже не светился, и можно было рассмотреть внутри него грифона. На несколько мгновений мне вдруг почему-то показалось, что маленькая фигурка ожила, когда возник контакт с этими двумя кошками, которые, приблизившись ко мне, внимательно рассматривали хрустальный шар.

«Ш-ш-ш-ш! — в моём мозгу раздалось что-то, напоминавшее шипение. — О н! Точно, о н!»

Эти слова произнёс самец. Мордашка же самки всё также была вытянута вперёд, она повела носиком, словно шар чем-то пахнул, и это было очень важно для неё.

«Не может быть! — она замотала головой. — Прошло так много времени, что о самом пути никто уже не помнит. Даже Пивору не пройти в зал, чтобы пробудить спящего. Но спит ли он? Разумеется, нет! Слишком много с той

поры миновало зим, и жизненная сила должна была давно покинуть его!»

«Но верно и то, — самец не обратил никакого внимания на заявление кошки, скорее мысленно обращаясь ко мне, — что ты сама не ведаешь, какую вещь ты хранишь. В этом Ключе заключено нечто большее, чем кто-либо из нас может даже вообразить. Это не обычный Ключ. И не стоит удивляться, что благодаря... (снова последовали слова, которые я не понимала) ты оказалась здесь! Если это Могущество вновь пробудится, тогда уж действительно запляшут холмы, реки будут повернуты вспять и вся земля придёт в движение».

«Убери его от меня! — требовательно воскликнула самка. — Убери его и выбрось в какую-нибудь яму, а ещё лучше — спрячь где-нибудь под камень. Уходи... Эта вещь не предназначена, чтобы глупцы да и вообще кто-либо другой хранил её!» — теперь кошка откровенно рычала, приподняв лапу, чтобы выдернуть шар из моих рук. Но я вовремя успела прижать его к своей груди.

«Мы не можем забрать дареное, — вместе с этим мысленным посланием кот-самец издал и шипение. — ДАРЕНОЕ! Помни об этом».

«Но она может выбросить... может...» — не закончив, самка издала пронзительный крик атакующей кошки.

Но между нами оказался кот, останавливая уже готовую к прыжку самку. Я поторопилась снова закинуть цепь через голову.

— Если бы вы рассказали мне, что вам известно о... об этом, как мне пользоваться им, никому не угрожая, — начала я, внимательно следя за самкой. Конечно, сейчас она не была простой снежной кошкой, а охотником, способным свалить лошадь и убить неосторожного путника. В ярости она легко смогла бы разорвать когтями и клыками мою кожу, нанести тяжёлые раны, если бы действительно прыгнула на меня.

«Нет! — ответил самец. — Существуют различного рода Могущества, но никому не дозволено играть ни с одним из них. Быть может, тому, что ты носишь на своей шее, и

предназначено было вернуться на эту землю в руках человека, ничего о нём не ведающего. Тебя ждут крупные неприятности, если ты его лишишься. Вот поэтому мы и должны разрешить тебе, пока ты носишь эту вещь, остаться здесь, в этом прибежище».

— В безопасности? — я многозначительно перевела взгляд с самца на самку.

Он слегка продвинулся вперёд, подталкивая кошку плечом.

«Тебе нечего нас бояться. У нас нет желания совать нос не в свои дела».

Самка зарычала, но стало ясно, что ярость её утихала. Больше она не посылала мне мысленных посланий. Самец же добавил:

«Тебе здесь ничто не угрожает в данный момент, после моего разрешения. Отдыхай! И жди. Наверное, имеется план, в котором запланировано твоё участие — иначе с какой бы стати Пивору помогать тебе. Зачем тогда фасам устраивать ловушки... твоему лорду находить эту вещь... дарить её тебе, тем самым давая право носить и использовать».

За ним продолжила самка:

«В этом замысле для нас роли не написаны, да мы и не желаем в нём участвовать!»

«Мы можем верить этому, — поправил самец её. — Мы не путешествуем, не заставляем землю трястись, ничего не создаём, но сколько раз такие, как мы, оказывались пойманными в сети Великих Прежних. Быть посему! Верно, что по древнему договору тот, кто переносится сюда... (ещё раз он произнёс те же непонятные слова) имеет право попросить прибежище. Ты прошла по дороге, по которой давно уже не следовал никто из Великих. Да, — кот тоже сузил шелки глаз, — мы не родственники и не товарищи никому из твоего племени и никогда не давали никаких клятв о помощи. Но поскольку ты добиралась сюда определёнными путями, мы обязаны предоставить тебе убежище. Или же можешь отправляться дальше. Как пожелаешь».

Внезапно он прыгнул и исчез в долгом грациозном прыжке, а вслед за ним — и самка. Я осталась одна во дворе разрушенного замка. Солнце уже заходило за холмы, бросая последние лучи на сторожевую башню.

Жди... Он сказал мне ждать. Но чего?.. или кого? Мне это совсем не понравилось. Действительно ли это был приказ? Он также сказал, что я вольна идти, если пожелаю, хотя мне вовсе не хотелось уходить отсюда в этом крае удлинняющихся теней и окунаться в ночной мрак.

Здесь я не чувствовала зла и считала: место это — надёжное прибежище на ночь. Я крепко сжала обеими руками шар. Услышанное лишь раздражило меня, но я сомневалась, что смогла бы получить ещё какую-либо информацию от этих кошек. Но, странное дело: теперь, когда они ушли, меня вдруг охватило чувство одиночества. Хотя страха никакого не было — только пустота.

Я взглянула на зияющие проёмы дверей. Внутри замка заходить не хотелось. Лучше проведу ночь прямо здесь, во дворе, под открытым небом.

Поэтому я нарвала в саду немного травы и соорудила из неё что-то вроде гнезда для ночлега. Ещё раз я поела ягод и, найдя небольшой ручеёк, вволю напилась воды, а потом помыла руки и лицо и насколько удалось расчесала волосы, в которых застряли комки земли, решив, что полностью вычищу их утром.

Мне очень хотелось разжечь костёр — и в сумке у меня было огниво, но я не стала искать сухих сучьев. Мне казалось более разумным оставить двор в темноте. Не хотелось объявлять о своём присутствии в этом месте. Хотя кошки и уверяли, что здесь мне не угрожает никакая опасность, у меня не было желания проверять, так ли это в действительности. Возможно, они имели в виду какого-то врага, а то, чего я опасалась, могло быть совсем иной природы.

Растянувшись в импровизированной постели, подложив руки под голову и глядя на темнеющее небо, я начала составлять планы на завтра. Предупреждение кота — чтобы я ждала — меня ни к чему не обязывало... Если бы

я только хоть чуть-чуть знала, что он имел в виду. С другой стороны, без проводника, припасов, лошадей — что могла я сделать? Уйти и бродить бесцельно по этой местности, возможно, ещё более враждебной, чем она казалась с виду, было бы действительно абсолютной глупостью.

Теперь, припомнив все события, произошедшие со мной после отбытия из Норсдейла, я подумала, что до сих пор мне просто везло. Разве встреча с Элис и Джервоном — не счастливый случай? Или, может быть, я, решившись соединить свою судьбу с Керованом, своими действиями вызвала целую череду связанных между собою событий, чтобы осуществить чью-то волю, о чём не имела ни малейшего понятия?

Никому не доставляет удовольствия мысль, что его поступками управляет нечто, чего он не понимает. Когда я была ребёнком, я уходила и приходила, подчиняясь приказам Дамы Мат. А позже сама стала отдавать приказания и определила судьбу не только свою, но и многих других, уведя из Итдейла в неизвестность уцелевших людей. Много раз я ощущала неуверенность, вынося суждения. Но всё-таки мне приходилось принимать решения и порою очень скорые, поэтому я чувствовала себя всё более и более уверенной в себе.

Мой лорд никогда не приказывал мне делать то либо это. Хотя по законам Долин я должна была быть такой же послушной, как совсем юные девицы-служанки. Но он лишь стоял рядом со мной и становился, когда возникала необходимость, то правой моей рукой, то левой, почти никогда не отдавая лично приказания, если только это не шло на пользу, и в конце концов оказывалось, что в какой-то степени не он отдаёт приказания, а скорее, осознав все последствия, это делала я сама.

Уж не сама ли эта Пустыня и её призрачные тени заставили меня сомневаться в собственной независимости, считать, что, возможно, на самом деле я никогда не выбирала сама? Но тогда сколько же времени существует это воздействие на меня?

Не с тех ли давних времён, когда мой дядя, едва мне

исполнилось восемь лет, выбрал мне в женихи мальчика, которого я и в глаза никогда не видела? Или всё это переплетение, существования которого я теперь так боялась, началось, когда мой лорд послал мне грифона? Или, может быть, после нападения захватчиков на Итдейл? Или всё это было предопределено нам судьбой с момента рождения?

Да и имеет ли какое-нибудь живое существо в этой жуткой стране полную свободу выбора?.. Или, возможно, верны мои слова: у нас, тех, кто был рождён здесь, иное наследие, чем у остальных людей, и мы связаны с силами Могущества, знаем мы об этом или нет.

Я знала наверняка лишь одно: главное в моей жизни — это Керован и нам обоим предназначено стать таким же единым целым, как Элис и Джервон, дополняя друг друга своими дарованиями и способностями, — чтобы целое стало ещё более великим. И мысль, что Керован не верил или не хотел верить этому, не покидала меня и не покинет никогда. Что бы он ни говорил, что бы ни делал, это не заставит меня стать другой.

Закрыв глаза, я вызвала в памяти его облик. Это видение не покидало меня все дни после нашего расставания. Я видела его так же ясно, как и тем утром в Норсдейле, когда он, отринув всё ему предложенное, усакал прочь, так же ясно, как и когда была поймана в ловушку в пещере. И теперь я пыталась ещё раз вызвать ТО его видение, но на этот раз, как я ни старалась, ничего не выходило.

Вот так, представляя Керована перед собой, я и погрузилась в сон, изо всех сил цепляясь за этот крохотный ободряющий осколок — единственное, что у меня осталось.

Я почувствовала тепло — должно быть, заснула возле костра. Пытаясь отодвинуться от жара, я открыла глаза и зажмурилась от ярких лучей солнца, совсем уже раскаливших кольчугу на мне. Когда я захотела встать, волосы мои перепутались с травой, на которой я спала, и мне пришлось освобождаться от этой зелёной массы, приставшей к голове.

Судя по тому, что солнце уже высоко поднялось над

горизонтом, я проспала всю ночь и утро. Птицы по-прежнему то залетали в виноградник, то вылетали из него, пронзительно щебеча. А сам двор замка полностью опустел. Не было ничего, что указывало бы на присутствие кошек или медведя.

Тело ныло. Хотя кожу от кольчуги защищала стёганая ватой кожаная куртка, мне всё-таки не хватало льняной рубашки, которую я порвала в пещере. Я почувствовала зудение, ощущая себя неопрятной и грязной, словно какой-то бродяга. Мне ужасно захотелось обмыть тело, одеть новую одежду. Если бы только со мной были те сумки, что остались в лагере, попавшем под удар фасов!

Я медленно встала и потянулась, чтобы размять конечности. А потом, прижав руки к бёдрам, огляделась.

Должно быть, эти стены разрушались уже долго-долго. Теперь здесь жили только звери и птицы. Сейчас, согретая лучами солнца, я больше не ощущала себя незванным гостем, как тогда, когда впервые вошла в этот двор. Это были развалины, которые уже давно покинула жизнь.

— Эге-гей! — сама не знаю почему я издала этот крик. И хотя он был негромким, но когда возвратилось эхо, я воздержалась от его повторения. Эти кошки... Я уже почти поверила, что они мне приснились, хотя и сознавала в глубине души, что это не было сном.

Решив, что прежде, чем отправиться на поиски воды и пищи, следует более внимательно изучить это место, я задумчиво посмотрела на ближайшую башню. Если её основание ещё цело, то, может, мне удастся взобраться достаточно высоко, чтобы оглядеть эту местность. Просто необходимо как следует осмотреться кругом.

Поэтому я прошла к двери, вернее, к тому, что от неё осталось. И из царства солнечного света внезапно очутилась в царстве мрака. Окна, хотя от ставней не осталось даже воспоминаний, всё ещё пропускали немного света, причём то, что неровной дырой зияло в стене, ближайшей ко двору, было шире противоположного окна. Ни одна из стен не имела никаких рисунков или украшений. Из мебели присутствовали только две длинные скамейки —

каждая своим видом напоминала вытянутую кошачью фигуру — приподнятая с одного конца голова, вертикально вздымающийся хвост у другого и четыре ноги, заканчивающиеся лапами с когтями.

Одна скамейка была приткнута к дальней стене, и я взобралась на неё, чтобы посмотреть в узкое оконце. Здесь, как и со стороны двора, всё заросло лозой, так что сквозь частые гроздья винограда я мало что увидела.

На полу комнаты отпечатались оставленные в пыли следы лап — наверное, тех кошек, были и такие, что, должно быть, принадлежали медведю, и всю эту комнату пропитал запах животных, хотя место это и не выглядело логовом, — здесь не было ни собранных в кучу листьев, где спали бы эти животные, ни остатков их жертв.

Я прошла под аркой, которая отделяла нижний этаж от верхнего, и обнаружила предмет своих поисков — лестницу, которая вела вверх. Одной стороной она касалась стены. Какие-либо перила отсутствовали, ступени были необычайно узкими, так что туфли мои едва не соскальзывали с них; хотя в высоту они были не такими уж и большими, как можно было предполагать. Лестница казалась довольно прочной, тем не менее я, прежде чем перенести весь свой вес на следующую каменную ступеньку, тщательно опробовала её каждый раз.

Вот так я и поднималась, пока не попала в помещение, такое же пустое, как и нижнее. А потом, поднявшись ещё выше, оказалась в третьей комнате. Виноград и здесь почти полностью прикрывал окна-дыры, число которых было чуть побольше, нежели в нижних комнатах. Я направилась к ближайшему окну, после чего мне пришлось тянуть, рвать и срезать побеги винограда, чтобы освободить достаточную щель для обозрения окрестностей.

Похоже, что одним краем этот замок находился над самым гребнем крутого склона. И поэтому для предотвращения оползней здесь были посажены деревья и кустарники, но там, где склон кончался, ничего уже не росло.

И по этой земле тянулась дорога, теряясь в холмах на западе, словно прочерченная каким-то гигантским мечом

по прямой линии. Подобной ей я никогда до этого в Долинах не видела — там дороги были узкие из-за постоянных вздымающихся холмов.

Эта же дорога не просто казалась ослепительно белой от лучей солнца, но была широкой и очень ровной, временами на её поверхности вспыхивали сверкающие блики. Насколько я могла видеть, дорога была совершенно пуста. Одна только удивительная дорога посреди всей этой унылой местности. И по обе стороны от неё — земля, где ничто не росло, словно любые растения, которые могли бы послужить укрытием для засады, специально были с корнем вырваны. Против возможности любой засады? Но кто же приходил сюда, испытывая такой страх, и против чего или кого этим путникам требовалось принимать такие меры предосторожности?

Глава 12

КЕРОВАН

Эта дорога, и я знал это, как и Элис, не была дорогой купцов, какие имелись в Долинах. Она была испещрена знаками колдовства в ещё большей степени, чем Дорога Изгнанных, и тянулась как раз в направлении холмов. Хотя я и решил скакать на запад, но теперь с большой неохотой соглашался идти этим путём, хотя по нему путешествовать можно было без особых помех. Мои же спутники отнеслись к этому иначе. Элис, вскочив на коня, вернулась на дорогу, да и Джервон не стал задерживаться и устремился вслед за ней, ведя на поводу пони с поклажей.

Я взобрался на кобылу, борясь с внутренним беспокойством. Выбрав этот путь, мы открыто показываем себя... но чему? Или я уже пугаюсь собственной тени, готовый выхватить меч при малейшем кольхании веток деревьев под порывом ветра? Я не мог отбросить этот факт. И послал лошадь вперёд, туда, где стук её копыт с чрезмерной громкостью отзывался у меня в ушах.

Кто бы ни прокладывал эту дорогу, он не обращал никакого внимания на местность, на её изгибы. Бугорки и холмы были как ножом срезаны, образуя ровный проход. Это была мастерская работа, и я не думаю, что люди Долин могут достичь когда-нибудь уровня, сравнимого с этим.

Ехать по такой дороге было совсем легко, и у нас теперь появилось время рассматривать окружающий нас ландшафт. Но по-прежнему нам не удалось заметить никаких признаков жизни, если не считать двух-трёх птиц, одиноко летавших высоко в небе и не проявивших желания угрожающе закружиться над нами, как та стая злобных созданий. По всей видимости, здесь никто не жил, либо же, если кто-то и обитал в этих окрестностях, то он держался подальше от дороги.

Незадолго до заката мы вышли к месту, где дорога изгибалась в сторону, плавной дугой огораживая участок земли, а потом вновь устремлялась вперёд. Элис повернула свою лошадь в ту сторону и впервые за последние несколько часов громко произнесла, так что я смог расслышать её:

— Здесь мы проведём ночь в безопасности.

Большую часть этого овала занимала одна из пятико-
нечных звёзд, так что, возможно, всё это место находилось под какой-то защитой, и нас как будто приглашали туда. Вдоль этой дороги не имелось ни гостиниц, ни каких-либо иных прибежищ на ночь, но построившие дорогу существа создали подобные места для безопасного отдыха путников.

Окружающее пространство было пустынным, главным образом здесь росла одна лишь высокая трава. Мы привязали коней и позволили им спокойно пощипывать траву. И, кроме того, всего в двух-трёх шагах от дороги струился ручей, где из-под земли пробивалась вода. Она не была совершенно чистой, но очень холодной, а на вкус вполне приятной и... Может ли вода пахнуть? Я никогда не слышал о таком, но, сложив чашечкой ладони, чтобы напиться, уловил слабый запах... похожий на запах только что сорванных растений, которые оставили сушиться под лучами солнца.

Здесь не нужно было и разжигать костра, чтобы противостоять наступлению темноты. Потому что звезда, что отмечала наш лагерь, засияла слабым светом. Потеплело. Кто создал это чудо, нам никогда не узнать, но для меня это служило ответом всем тем, кто утверждал, что только зло исходит от использования вещей, принадлежавших Прежним.

После того, как мы скромно поужинали из наших скудных припасов, Элис уселась, скрестив ноги, в самой середине этой звезды. Взгляд её внимательно изучал дорогу. Сначала я думал, что на самом деле её взгляд обращён к ней самой, что она находится в каком-то трансе, и от этой мысли мне стало беспокойно. Теперь, с наступлением темноты, появилось ощущение Могушества, которого я не чувствовал, пока мы скакали при свете солнца, вокруг нас собирались какие-то силы, от чего каждый съёживался в беспокойстве и по коже пробегали мурашки от ощущения этой глубоко запертой энергии.

Я перевёл взгляд с лица Элис на дорогу. Во мне зрела какая-то тревога, ожидание... Не окажется ли так, что это шоссе — место чьей-то «охоты»? Не увидим и не услышим ли мы сегодня ночью шаги тех, кто когда-то давным-давно ходил этой дорогой? И ещё одна мысль пришла мне в голову. Из Могушества, которое я сейчас чувствовал, конечно же, можно черпать силу. А если ещё раз попробовать поглядеть в магический кристалл — может быть, мне удастся если и не увидеть Джойсан, то хотя бы понять, куда направляться, чтобы достичь её?

— Та чаша... — начал было я, вполне сознавая, что, выводя Элис из глубокой погружённости в себя, я скорее могу восстановить её против этой идеи.

Элис не повернула головы, даже не моргнула, всё так же смотря прямо впереди себя. Но незамедлительно ответила:

— Не здесь. У меня не хватит сил удерживать то, что может прийти как ответ, у меня недостаточно знаний... — в её голосе ощущалось сожаление. — Нет. Я не могу держать под контролем силы, которые спят здесь в ожидании. Их не трогали уже очень много времени... Но это не

значит, что они стали слабее, скорее наоборот, ещё более окрепли.

Мое разочарование смешивалось с частицей гнева. Тем не менее я понимал, что она права. Нельзя никому тревожить силы Могущества, если не знаешь, способен ли ты удержать их. Вполне очевидно, что несмотря на всю благожелательную обстановку, которая нас, казалось бы, окружала, можно вызвать резкие ответные действия на любое колдовство, для каких бы благих намерений оно не задумывалось.

Поэтому я лишь молча сидел, не глядя, как Элис, на дорогу, которая обещала очень многое, но которой мы ещё до конца так и не доверяли. Меня не заботило, что по ней могут шествовать призраки. Они не были родней мне — к такому выводу я пришёл уже давно. Я был в одиночестве — к чему привык за все эти годы. Хотя иногда вместе с Джойсан...

И от этой мысли о ней пришла боль, но не телесная, а внутренняя, будто я страстно желал этого всю свою жизнь, и только сейчас понял, что мне придётся страдать от этого жгучего желания до самой смерти. Именно Джойсан...

Я больше не видел перед собой металлического браслета на запястье. Передо мной вставал облик девушки, загорелой на солнце, худощавой. Наверное, ни один мужчина, посмотрев на неё второй раз, не назвал бы её красивой. Ни один мужчина... но я не был настоящим мужчиной, и для меня она была такой же лучезарной, как сказочные, пользующиеся благосклонностью мужчин дочери замков, о которых поют менестрели в песнях... ради которых мужчины выказывают свою храбрость, сражаются с чудовищами, подвергают себя смертельному риску, только ради того, чтобы их заметили и восхитились.

И у неё было мужество, у этой загорелой девушки, в ней ощущалась искренность и глубина души, в которой находилось место и для изгоя, которого все считали «чудовищем». Мне нужно было только произнести правильные слова, и она тут же пришла бы ко мне. Но мне не хотелось, чтобы это произошло в силу обязанности — я хотел...

Я хотел чего-то другого, но не жалости, не обязанности, не того, чтобы она пришла ко мне, потому что мы вместе противостояли злу и вышли из нашей битвы в целости и сохранности. Я просто не знал, чего хочу — не считая того, чему просто не мог дать названия.

И тут я услышал, даже сквозь этот туман жалости к самому себе, тихий звук, исходивший от Элис, и более громкий — от Джервона, когда он сделал глубокий вдох. Вздрыгнув, я вскинул голову. Дорога мягко светилась в темноте. Все знаки на ней ожили серебряным огнём, хотя луна ещё не поднялась высоко.

И также — возможно, это было вызвано каким-то зрительным обманом, но мне показалось, что какая-то часть этих узоров перемещается. Дальше по дороге вспыхивало и распространялось сияние — там, где находились следы, похожие на человеческие, звериные и птичьи, словно эти существа теперь двигались по ним, повторно наступая на них, невидимые в этой темноте, в то время как символы на концах звёзд засияли ярче, и призрачный свет исходил вверх от них, будто от зажжённых свечей.

Я вытянул руку, почти не сознавая своих действий, пока пальцы Элис не обхватили мои. И также я сознавал, даже не глядя, что она точно так же соединилась и с Джервоном. Мы больше не были одни! По этой дороге шли и другие путники, хотя мы и не могли видеть их, вроде тех призраков, которые когда-то, очень давно, отправились в изгнание. Они не приближались к нам. Возможно, они путешествовали даже не в другом пространственном измерении, но в самом времени. Что-то величественное, чего мы были просто не в силах оценить, толкало их вперёд. Мы лишь смутно ощущали это... По крайней мере, я.

Я дважды вздрагивал, когда меня что-то касалось. И хотя это было едва уловимо, но от контакта оставалось впечатление резкого и сильного удара. На один краткий миг я оказался на грани понимания. Да, я почти понял... Но потом значение контакта ускользало, и я снова чувствовал себя опустошённым, как тогда, когда оттолкнул от себя Джойсан и удрал из Норсдейла. Только теперь это не

имело ничего общего с Джойсан, скорее оно пришло ко мне, чтобы поприветствовать меня, познакомить с теми, кто, как я понял, знал обо мне и был мне рад... но чьё внимание я не в силах был удержать, потому что был лишь частично таким, как они.

Я не знаю, сколько времени сидели мы так, соединённые руками в единую связь, наблюдая за тем, что ни один человеческий глаз не смог бы полностью различить. Но вот, наконец, пришло время, когда эти следы перестали сиять, потускнели, а затем вновь вспыхнули светом, когда мы уже не различали торопящихся по дороге призрачных путников. Пальцы Элис выскользнули из моих, и рука моя безвольно упала на камень.

Мы не разговаривали друг с другом — о том, видели ли мы или чувствовали одно и то же. Так никогда я об этом и не узнал. Мы лежали как бы сами по себе в этой тишине, укутанные в плащи, пытаясь заснуть после этого видения. И той ночью я спал крепко.

Утром я проснулся позже своих спутников. Джервон занимался лошадьми, они уже были осёдланы, а на пони была навьючена его поклажа. Элис присела на колено, занятая укладыванием припасов в сумки. Когда я встал, она махнула рукой в сторону куска хлеба рядом с собой, отдав пакет с оставшейся едой Джервону.

Он остался на месте, но Элис приподнялась и стояла рядом со мной, пока я дожёвывал этот высохший хлеб, мечтая о куске горячей свинины, которую мне так редко доводилось отведывать с тех пор, как несколько лет назад я покинул Ульмсдейл.

— Керован, — вдруг произнесла Элис. — Нам предстоит расстаться.

Сначала я даже не понял. А потом уставился на неё, требуя объяснений. Под её глазами темнели синяки от чрезмерной усталости, лицо казалось измождённым, будто она побывала в каком-то сражении. Она коротко махнула рукой — но не призывая силу, а скорее выражая беспомощность.

— Нам... нам запрещено...

Я вскочил на ноги, забыв о еде. Что случилось за то время, что я спал, после восхода солнца? Кто запретил?

Она глядела теперь не на меня, а в сторону дороги, прямой, побелевшей под лучами солнца. И на её лице я увидел горячую решимость, такую же глубокую, как выворачивающая душу скорбь, которая таилась во мне. Ей могли предложить все чудеса света, и тем не менее я знал, что она и не прикоснётся к ним.

— Эта дорога не для нас... пока не для нас... пока...

В её глазах застыла печаль, а в голосе прозвучали всхлипы.

— Но ты... ты ведь говорила... — я запнулся, как ребёнок, который пытается узнать у взрослых, почему мир такой изменчивый.

— Когда я говорила тебе, что мы поскачем вместе... тогда я думала, что так и будет. Быть может... быть может, нас — Джервона... и меня... — нас изучали и пришли к выводу, что мы не нужны, — было просто мучительно видеть её разочарование. — Поверь, мы не можем идти дальше. Только тебе идти по этой дороге, Керован. Возможно, мы уже выполнили свою роль, приведя тебя сюда, как и раньше, сопровождая твою леди. Ведь не просто же так мы встретились с вами обоими. Однако, что бы это ни было, теперь задание выполнено. И если когда-нибудь предоставится возможность нам послужить тебе — тогда вспомни о нас, Керован, — когда вступишь во владение своим наследством. Может быть, мы... Нет, скажи один... навстречу своей судьбе, веришь ты в это или нет.

И если придёт такое время, — продолжила Элис, и выражение её лица не изменилось, я по-прежнему слышал искорку надежды в её голосе, — когда нам удастся беспрепятственно пройти по этой дороге, и никто не остановит нас — вот тогда, Керован, ищи нас и будь уверен, что придём мы с радостью. И с настоящего времени мы будем только ждать... сражаться и познавать... пока по этой дороге ещё можно идти.

Я пожал ей руку и почувствовал, что она вздрогнула. Элис больше ничего не сказала, лишь вскочила на коня.

Потом я пожал руку и Джервону. Он смотрел главным образом на Элис, будто, каким бы тяжёлым ни было бремя, которое она несла, он разделял его с нею. Они уехали, ничего не сказав на прощание, и я стоял и следил за ними, а рядом стояла кобыла Джойсан и пони с поклажей, на которого они нагрузили все свои припасы, последний их жест доброй воли для меня.

Они возвращались по дороге назад, оставляя меня в полнейшем одиночестве, и всё во мне восставало против этого. Но всё так же ощущал я такую силу в словах Элис, что не мог подобрать подходящего убедительного аргумента, чтобы вернуть их.

Не сразу после расставания я направился по дороге в противоположном направлении. «Только тебе идти по ней», — сказала Элис. Некоторое время после того, как они пропали из виду, так ни разу и не обернувшись, чтобы помахать рукой на прощание, я стоял и глядел им вслед. И лишь теперь осознал, сколь же много значили они для меня в течение этих нескольких минувших дней. Я отправился в Пустыню, убедив себя, что в Верхнем Халлаке не осталось никого, с кем бы я хотел поддерживать товарищеские отношения, или кому не было бы наплевать, что у меня могут возникнуть неприятности. За исключением, пожалуй, моей леди. И мне казалось, что она в безопасности, насколько это возможно в такой утрюмой и истерзанной непрекращающейся войной земле.

Не было ничего, так я думал, чего бы я пожелал иметь, владеть, знать. Словно тот, кого называли Керованом из Ульмсдейла, умер... и только его призрак путешествует, скачет, говорит.

Я всегда сознавал, что отличаюсь от других. Мне ещё в раннем детстве было сообщено, что моя мать не может переносить даже моего присутствия рядом с собой, и поэтому меня отправили на самый край владений моего отца, где меня и воспитывали. Там у меня было всего два друга. Ривал, которого так притягивали к себе Пустыня и её секреты, чего он никогда и не пытался скрывать. И Яго, покалеченный на войне человек, который обучал меня

военному искусству, позже погибший ужасной смертью от рук врагов, бывших также и моими врагами, и с которыми я сражаюсь и ныне.

Нет! Даже в той битве с Тьмой я не был Керованом из Ульмсдейла; нет, я был другой личностью, из другого места (или другого времени), наполненный огромной силой, которая использовала меня, как если бы я сам вытаскивал меч. Если не считать того, что когда её присутствие исчезло, свершив всё задуманное, она забрала с собой и частичку Керована, его теплоту, любовь к жизни, веру в себя. Теперь я был опустошён, и только после ухода Элис и Джервона (познав сильную связь, что была между ними), я осознал, насколько же действительно опустошён.

Я потянулся к браслету Прежних, словно собирался молиться на него. Но только я не бормотал молитв, потому что хотя я, как и любой здравомыслящий человек, знал, что здесь таятся силы Могущества, понять которые не в состоянии ни один человек, но призывать их всё же не мог. Всё дело в том, что я это знал. Как и то, что они всё ещё следят за оболочкой человека, который затерялся внутри своего «я» в той же степени, как затерялся бы в их собственном мире.

Остаться здесь дольше было бессмысленно. Вообще-то не верил я и в убеждённость Элис в том, что, свернув с этой дороге, я приду в столкновение со своим будущим. Однако у этой дороги были свои хранители, а это означало, что по ней можно добраться до тех холмов. Я взобрался на кобылу, на которой раньше скакала Джойсан, привязал поводья пони с поклажей к седлу и наконец отправился вперёд.

Серебристый блеск отражаемых лучей солнца исходил от узоров, вырезанных на каменистой поверхности дороги. Одинаковых знаков почти не встречалось (хотя рядом с этими символами всегда находились отпечатки ступней, лап и копыт). И я заметил, что все эти следы были направлены в одну сторону — в сторону гор. Ещё одна загадка в добавление к другим.

Я следил, чтобы кобыла шла шагом. Потому что никак

не мог избавиться от чувства, что я не один (возможно, оно было послабее, когда рядом со мной ехали Элис и Джервон), да я и не думал, что за моим передвижением не будут наблюдать. Поэтому я вдруг поймал себя на мысли, что более пристально рассматриваю не дорогу впереди себя, а эти отпечатки. При солнечном свете они не изменялись, как это было ночью, когда казалось, что невидимые ступни шагают по ним, оставляя их контуры.

Сейчас же, присмотревшись к ним более внимательно, во мне возникло чувство отчуждённости, вызванное принятием всего, что окружало меня. Когда я вдруг осознал это, меня охватил страх. А не околдован ли я каким-нибудь древним заклятием?

Я намеренно подвёл кобылу к краю дороги, заставил её шагнуть с покрытия на торф. Совершенно неожиданно кобыла замотала головой, сражаясь со мной, и гневно заржала, останавливаясь и отказываясь идти дальше. Она что, хотела шагать по более твёрдому покрытию дороги? Или же ею управлял кто-то другой, даже несмотря на то, что у меня в руках поводья? Возможно, это то же колдовство, под действие которого, как я подозревал, попал и я.

Теперь мне больше не казалось странным, что стоит только закрыть на мгновение глаза, как я чувствовал (даже не глядя на пустынную местность вокруг), что скачу в какой-то компании, хотя, как мне казалось, никто из них и не догадывается об этом. Или, даже если и они знают о моём присутствии, то им на это наплевать, настолько они озабочены какими-то своими неотложными делами в каком-то другом месте.

И это чувство неотложности также овладело и мной. После первого осторожного шага кобыла перешла на рысь, хотя я и не побуждал её к этому. Она держала свою голову высоко, мотая хвостом из стороны в сторону, словно на параде. Пони с поклажей трусил позади с левой стороны, пока не догнал нас, и вот мы уже скачем грудь в грудь.

Несмотря на то, что мы передвигались намного быстрее, чем раньше, всё равно казалось, что холмы совершенно к нам не приближаются, словно отступая назад.

Не встречал я больше и никаких развалин вроде видимых мной ранее остатков башен. Возможно, эта дорога навсегда была заброшена и оставлена посреди царящей здесь дикости. Время от времени попадались овальные участки земли, подобные тому, на котором мы останавливались на ночь. Возле каждого тёк небольшой ручеёк, орошая добрый участок с травой, приглашая путника отдохнуть. Днём я свернул к одному из них, позволив кобыле и пони пощипать травку, сам же пообедал хлебцем, который запил водой. Потом я просто посидел, ни о чём не думая, вбирая в себя всё, что окружало меня.

Лорд Имгри, Долины, Всадники-Оборотни, даже Элис и Джервон — всё это исчезло из моей памяти. Я повернул браслет на запястье и, держа его таким образом (сначала прилагая усилия), начал призывать видение Джойсан. И оно пришло столь ярким, что мне показалось, что она и в самом деле стоит где-то передо мной, дожидаясь, с серьёзным и вопрошающим выражением на лице... с тем самым, что я видел так часто, когда мы проводили те последние наши дни в Норсдейле.

— Джойсан! Джойсан! — взывал я и осознал это, лишь когда пальцы соскользнули с браслета.

Внутри же меня... Нет! Я перестал быть просто оболочкой человека! То дремотное состояние, в котором я пребывал всё утро, внезапно улетучилось, разбитое этой новой силой. Я снова видел изрытую землю и Джервона, копавшегося в ней; видел чашу, наполненную до самых краёв жидкостью, в которой просматривались призрачные очертания моей леди, и вокруг была полная тьма, но грифон в её руке пылал ярким светом. Я торопливо подозревал лошадь и пони, вскочил в седло. Во всём этом была своя цель, как Элис и подозревала. Я мог видеть только самый начальный момент, но, может быть, чуть погодя...

Но как именно и каким образом я стал важной частью осуществления этой задачи — этого я ещё не понимал. И всё же сейчас я чувствовал эту неотложность и больше не витал в облаках. Нет, я вновь стал тем, кем был когда-то,

— разведчиком — и не обращал больше внимания на символы, которые отмечали эту дорогу. Впервые за всё время я понял, что с утра проскакал уже довольно много. И те холмы были уже не так далеко — вскоре я достигну их границ.

На краю холмов постепенно вырастали странные выступы горных пород, которые не казались естественного происхождения. Я думал, что в этом краю больше не встречу никаких развалин, но теперь заметил их, причём в таком количестве, что, возможно, я даже приближался к остаткам какого-то города, столь же громадного, как один из наших приморских.

Солнце однако уже склонилось к самому горизонту, когда я подъехал достаточно близко, чтобы лучше рассмотреть эти полуразрушенные стены. Дальше на востоке у самого горизонта возвышались башни, по всей видимости, какого-то замка, теперь разрушенные — как и стены. Очевидно, это место было выбрано для защиты. Так что, вероятно, среди Прежних были и такие, кто не считал ззорным оставлять без внимания то, что могло обеспечить надёжную безопасность.

Натянув поводья, чтобы посмотреть вверх и убедиться, что замок и в самом деле представляет собой развалины, где нам не угрожает никакая опасность, я уловил сверкнувшую вспышку в верхней части полуразрушившейся стены, которая была чуть ниже самой башни. Я поднял руку, защищая глаза от этого света, и почувствовал, как мне начало жечь запястье.

Браслет пылал. На мгновение мне показалось, что я и в самом деле вижу маленький язычок пламени, танцующий на его поверхности.

Тут же я резко бросил руку вниз, чтобы схватиться за рукоять меча, хотя отлично понимал: что бы тут ни скрывалось в ожидании, его не сможет поразить ни одно стальное оружие, даже будь оно выковано из местного металла, найденного в Пустыне.

В это же мгновение уши мне разорвал пронзительный крик. Из-за кустов, покрывавших эту ровную землю между

дорогой и холмом, на котором стоял замок, выскочило какое-то жёлто-коричневое существо. А за ним — ещё одно.

Мне показалось, что откуда-то издалека донёсся крик, едва различимый в этих воплях атаковавших меня животных. Меч был уже у меня в руках. Существа быстро приближались ко мне — точно золотистые стрелы, летящие вдоль высокой травы. Пони с поклажей потянул назад свою уздечку. Однако кобыла не выказывала страха, с величественным спокойствием повернувшись к несущимся созданиям.

А те остановились у самого края дороги, запыхавшись. И я замер в ожидании, когда кто-либо из них или оба эти существа прыгнут вперёд, набрасываясь на жертву. Ибо теперь я разглядел, что это были звери, похожие на кошек, но не такие огромные, как наши кровожадные и безжалостные коты, но всё равно достаточно большие, чтобы ощутить себя весьма неудобно при их атаке.

Я смотрел на них, замерших, к моему удивлению, на месте. Они вполне могли быть родичами кошек, что проживали в замках Долин, если отбросить в сторону их размеры. Но у них была жёлто-коричневая окраска шерсти, подобной которой я раньше не встречал. У обоих зверей на голове между глазами можно было различить V-образную отметину.

И в тот момент, когда они, остановившись, приняли сидячее положение, я почувствовал себя несколько глуповато, сжимая в руках обнажённый меч, и решил возвратить его в ножны. Они определённо вели себя не как обычные животные. Я напомнил себе снова, что в Пустыне можно увидеть всё, что угодно. И, кроме того, конечно же, они не такие ужасные, как...

«Не будь настолько в этом уверен!»

После первых воинственных воплей коты больше не издали ни звука. Но эти слова и не были з в у к а м и. Они сформировались в моей голове, и это был чёткий ответ на мысль, возникшую в сознании! Хотя я и считал, что готов к любому сюрпризу в Пустыне, меня всё равно просто

поразило проникновение в мой разум такого чёткого послания... И отправило его одно из этих животных, так внимательно разглядывавших меня своими круглыми глазами.

— Что вам от меня надо? — попытался я сформулировать вопрос у себя в голове, но потом понял, что намного легче высказать его вслух.

«Ничего», — пришёл ясный и краткий ответ.

— Ничего? Но вы кричали... вы появились...

Меньшая из кошек, самка, чуток повернула голову, чтобы посмотреть через плечо на склон холма, по которому она и её самец только что спустились.

«Мы не хотим ничего. Жди... ты узнаешь, кому ты нужен».

Ждать? Кого? Не было причин думать, что у этих кошек не может быть среди жителей Пустыни союзников. Я бросил взгляд на браслет на запястье. Металл по-прежнему был горячим; однако пламя, как мне недавно привиделось, больше не плясало. Я был уверен, что не получаю сигнала, предупреждающего о приходе зла, скорее, это послание было совсем другого рода — возможно, указание на какие-то ещё одни силы Могущества.

Я выскользнул из седла и выпрямился. Не слишком удобно моему грузному телу сидеть в этом седле. И кобыла, и пони следили за кошками, но я не заметил никаких признаков страха, подобных тем, что выказывали мои лошади, выращенные в пустыне, при приближении Всадников-Оборотней.

— И сколько же мне ждать? — спросил я чуть спустя.

Теперь и второй кот повернул голову, глядя вниз на склон холма. Я увидел, как там закачался кустарник, будто кто-то или что-то пыталось продраться сквозь них. А затем из них кто-то буквально вылетел и побежал, петляя среди каменных куч, оставшихся от древних развалин. С этого расстояния существо казалось человеческого рода. Но хорошо известно, что многие Прежние имели человеческий облик, так что даже могли образовывать вполне удачный брак с женщинами Долин и иметь потомство —

я тому пример. Верны ли слухи, ходившие о клане моей матери, будто моими предками были эти древние существа, и что не только из-за её колдовства моё тело было таким уродливым, но также и из-за этой древней крови?

Бегущее существо, преодолев последнюю преграду кустов, сейчас, как спринтер, мчалось по траве, которая в высоту достигала колен. Блестящие лучи солнца отражались от кольчуги. А выше — спутанные длинные волосы были сплетены в косматые косички, которые хлопали по изящным плечам. Женщина!

Элис? Но каким образом?.. Однако в один миг пришло первое объяснение. Волосы этой женщины не были чёрными, как у мудрой женщины-воина. Их украшали рыжевато-коричневые осенние листочки растительности этой гористой страны. Только у одной из знакомых мне женщин были такие волосы... только у...

И я также побежал, не сознавая этого, пока не зацепился сапогом о скрывавшийся в траве корень, едва не растянувшись во весь рост на земле. Потом я услышал свой собственный крик, такой же громкий, как и пронзительные крики чёрных птиц дурного предзнаменования:

— Джойсан!

Глава 13

ДЖОЙСАН

Я подошла поближе к открытым ставням окна, наклонилась как можно дальше вперёд, чтобы бросить взгляд на белую дорогу, тянувшуюся через невысокие холмы. Отсюда, с такого отличного наблюдательного пункта казалось, что дорога эта совсем не тронута временем. Я даже ожидала увидеть всадников — или путешественников. Но даже с такой высоты не было ничего видно. Каким-то образом от самой дороги веяло спокойствием. Если я решусь оставить это прибежище — или когда, да, разумеется, к о г д а я решусь продолжить своё путешествие,

правда, не имея пока ни малейшего представления, в какую сторону мне направляться, — именно эта дорога послужит мне проводником.

Теперь я внимательно изучала склон, круто спускавшийся к долине, по которой протянулась эта дорога. Вертикально вверх вздымались груды камней, и я подумала, что это остатки других развалин, ещё более разрушенные временем, чем те, где я сейчас находилась. Интересно, а не была ли эта крепость гораздо больше, чем кажется теперь? На наружной стене имелись узкие бойницы, отчего казалось, что их создавали, предполагая нападение с севера. Однако мне сейчас более важной была сама дорога, а не эти древние каменные строения.

Я обошла вокруг башни, стараясь получше рассмотреть внутреннее устройство самого замка и его окрестностей. За стеной рос виноградник, такой густой, что сквозь его заросли я не могла ничего разглядеть и только потревожила птиц, с пронзительными криками сорвавшихся с виноградных лоз, так что я решила не продираться дальше. На востоке была лишь ещё одна низина — хотя вдалеке и виднелось какое-то жёлтое пятно, и мне вновь в голову пришла мысль о пустыне, которую мы пересекали. А на западе широкой полосой тянулись горы, отлично видимые с этого наблюдательного пункта. И там тоже имелись остатки разрушившихся стен, ограждавших некогда поля, какие-то строения.

Тут ко мне снова вернулось чувство голода и жажды. Я отложила дальнейшее изучение развалин, чтобы заняться поисками пищи и воды. Утро уже было в самом разгаре, и я, следуя за ручейком воды, вскоре обнаружила каменный бассейн. Там я наконец-то отважилась снять с себя доспехи, разделась и наклонилась, чтобы сорвать пригоршню травы и обтереть ею своё тело, а затем окунула и голову, чтобы смыть комочки грязи, прилипшие к волосам. Покачивая головой, чтобы побыстрее обсушить волосы на ветру, я как сумела простирала одежду. Солнышко приятно щекотало обнажённое тело, и я вдруг поймала себя на том, что тихонько напеваю, как это делали горничные в наших замках, стирая льняные вещицы.

Потом я от души напилась. А затем, напав на своё чистое тело, но без всякого желания, брюки и кожаную куртку, попыталась расчесать волосы, чтобы хоть как-то привести в порядок ещё мокрые косы. Так как я потеряла свою единственную бронзовую скрепку, удерживавшую локоны под шлемом, я связала их сорванными крепкими стебельками длинной травы.

Потом, надев кольчужную рубашку, я снова отправилась срывать ягоды с кустов. Только на этот раз я полакомилась кое-чем другим — водянистым растением, сладкие корни которого приятно похрустывали, промытые предварительно водой. И уже отойдя от него, я припомнила — хотя и смутно — о такой далёкой теперь другой жизни, о растениях, что служили нам пищей летом в Итдейле. Моя тётя отлично умела готовить вкусные блюда из этих сладких растений и сама придумывала рецепты хранения тонких стебельков, порезанных на маленькие части и смешанных с мёдом, чтобы можно было затем употреблять их зимой.

Я взглянула на свои испачканные ягодами руки, на кольчугу, сверкавшую под лучами солнца. Так давно теперь находился от меня по времени Итдейл, так далеко, что жизнь моя там казалась лишь легендой, воспеваемой песенниками, не имевшей ничего общего с той Джойсан, которой я была сейчас. Натянув на плечи кольчугу, я отправилась дальше исследовать парк с орхидеями. Но деревьев со спелыми фруктами больше не попадалось. Зато я наткнулась на кустарник, где росли дыни, с алчностью ринулась к ним и тут же вынырнула обратно, держа в руке два золотистых и сочных шара, хотя и небольшого размера из-за отсутствия ухода — но всё равно это была желанная находка для меня! С ними я отправилась назад во двор замка, который теперь рассматривала как место стоянки.

Впереди меня в траве сновали, то ли вприпрыжку, то ли бегом, какие-то существа в меху, но у меня не было ни ножа, ни арбалета, чтобы охотиться на них. Странно, но почему-то я не могла заставить себя помышлять об убийстве в этом месте — даже ради пропитания. Должно быть,

это благодатный край для охоты кошек, и, может быть, для медведя: его родичи известны как страстные любители сладкого.

Прижимая к себе дыни, я перебралась через упавшие камни и таким образом снова проникла во двор замка, собираясь использовать острую кромку поясной пряжки для разрезания плодов. Их самих можно было использовать потом для хранения пищи и воды. Солнце уже так припекало, что я с трудом могла выдерживать груз раскалённых доспехов.

Я так привыкла к одиночеству после пробуждения, что непроизвольно вздрогнула, когда увидела кошек, вернувшихся и лежавших теперь с ленцой, греясь под лучами солнца. Самка облизывала лапы, её глазки опять сузились. Когда я подошла поближе, самец, перевернувшись, принялся, подняв кверху лапы, елозить телом по нагревшемуся камню, словно у него вдруг что-то там зачесалось, как и у меня на спине, но я-то не могла добраться до своей кожи под курткой.

Увидев, что они пребывают в том же умиротворённом состоянии, я остановилась, ощущая себя непрошенным гостем, вторгшемся в их владения. Самка моргнула, глядя на меня, и только продолжая всё так же водить языком по небу. Однако самец приподнялся и решительно встряхнулся.

Я замерла, держа дыни в руке, с неуверенностью стоя прямо перед ними. Конечно, такого рода неожиданные свидания вполне могут произойти даже в этом краю. Затем я попыталась отшутиться, но обнаружила, что произношу вслух слова приветствия, как это было принято моим народом. Это не были животные — куда больше!

— Благодарю за гостеприимство этого дома, за пир за этим столом (хотя еду для себя я собирала сама, да и можно ли считать, что этим кошкам принадлежит этот сад? — однако лучше не рисковать) и примите мои добрые пожелания. Хозяину этого дома — счастливой удачи!

«Хозяину этого дома? — повторил кот-самец последние мои слова, таким образом выражая, наверное, своё удив-

ление, теперь это стало ясным для меня. — Отличная речь, женщина из Долин. Вот как вы разговариваете между собой. А теперь дай мне немного подумать... ах, да!.. Пусть и дальше тебя ждёт гостеприимство этого дома, и пусть удача благоволит тебе в твоём путешествии!»

Это был вариант приветствия, принятого в Долинах, когда обращались к какому-нибудь незнакомому лорду. И от того, что эта кошка повторила наизусть точную формулировку приветствия, я снова вздрогнула. Каким образом жители Пустыни узнали, с какими словами вежливости следует обращаться к незнакомым людям? Однако кот продолжил:

«Ты правильно сделала, что послушала нас... и осталась здесь», — нотка беззаботности исчезла из его мысленной речи. Да я и вообще не была удивлена тому, что он теперь произносил.

«Здесь произошли кое-какие события...»

Он замолчал, ничего не добавляя, а я продвинулась вперёд и села, скрестив ноги, на кучу увядшей травы, которая служила мне постелью (в конце концов, он же приветствовал меня как свою гостью!). Положив дыни на камень перед собой (еда сейчас совсем не интересовала меня), я приготовилась задавать вопросы.

— Какие события? Снова фасы?

Поскольку однажды я уже подверглась угрозе с их стороны, то первым делом подумала о них. На мгновение страх оказаться в той темноте и снова вдыхать в себя ужасную вонь охватил меня. Моё воображение нарисовало картину падающих стен (даже тех, которые так долго противостояли действию времени) древнего замка, захваченного переворачивающейся землёй, которая поглотит и всех нас...

«Возможно, и фасы — среди всего прочего».

Этот кот не мог пожимать плечами, как люди, но какие-то нюансы в его ответе подразумевали такой жест.

«Нет, это не то, о чём ты сейчас думаешь. Древние, очень древние защитные заклинания наложены на Карфаллин, и они всё так же действуют и будут действовать

ещё долгие годы. Однако в последнюю ночь видели всадников, искателей. Пробудились существа, только наблюдавшие до этого, и теперь они рыскают, ищут и охотятся. Однако они ещё не знают точно, что им искать или как охотиться».

— Вы думаете, что именно моё прибытие сюда послужило причиной всего этого? Но если фасы уже прорыли подземные туннели в этом краю, то, разумеется, это было сделано до моего прибытия, — сказала я, защищаясь. Мне казалось несправедливым, что вся ответственность за пробуждение Сил Тьмы была возложена на меня, когда сама я не могла призвать никакого Могушества, если забыть о том случае, когда спасала свою жизнь. Да и использовала я его только в той схватке в темноте против подземных жителей Пустыни.

Да, те фасы бежали от света, но я не думала, что его лучи нанесли им действительно какой-нибудь вред. Нет — я отказывалась принять на себя всю ответственность за происшедшее.

Однако, совсем как человек, кот покачал головой из стороны в сторону.

«Но благодаря этому, — он указал мордой в сторону грифона, покоящегося на моей груди, — сейчас в действие приведены силы, которые нельзя было призвать при помощи одного только талисмана. Силы пришли в движение, мы не знаем, почему, но тем не менее это так. И знаем только, что всё это — силы Тьмы. Давным-давно были установлены границы, заперты замки, наложены чары. Силы Света и Тьмы могли перемещаться лишь по своим проторенным дорогам, никогда не пересекаясь. А теперь в этом месте происходит огромное напряжение сдерживающих заклинаний, то здесь к ним прикоснутся, то там проверят, по-прежнему ли они крепки. И что причина этому... кто может об этом сказать?»

— В Долины вторглись захватчики, — я ухватилась за один факт — хотя зачем жителям Пустыни обращать на это внимание, я не понимала. Без сомнения, у них имеется защита против захватчиков. Им нужно всего лишь при-

звать на помощь этих последних оставшихся Прежних, а после они снова вернутся к своим делам. — Я не знаю ничего о том, как сейчас там обстоят дела на войне, не считая того, что она протекает совсем не в пользу моего народа. Гончие Алисона растекаются всё дальше, растёт их численность, да и оружие у них получше. Возможно, эта война перекинется и в ваш край.

Самка презрительно сомкнула губы.

«Это только люди — они не могут ни удержать, ни призывать Могушество. Нашу землю ОНИ не могут тревожить! Даже последние из нас, кто остались здесь, могут одной своей волей вышвырнуть их отсюда и уничтожить без каких-либо особых усилий. Нет, то, что потревожено, уходит далеко в прошлое, и теперь пробудилось после долгого крепкого сна. Те, что проснулись, ещё не до конца пробудились, иначе бы вы, короткоживущие — от гор Арвона и до моря — уже знали бы об этом. Однако они уже перевернулись и выходят из спячки, сбрасывая с себя покровы сна. Вполне может случиться так, что время спячки миновало. И это может вызвать значительные перемены».

Кошка быстро лизнула лапу, а затем согнула ее перед собой.

«И когда наступит этот день пробуждения, то это будет далеко не лучший день для таких, как ты, — продолжила она (даже с каким-то смаком, подумала я негодую). — Если только, конечно, ты не сможешь кое-чему научиться — и если только сохранишь не только мужество, но также и волю».

Я не собиралась ни на йоту уступать ей. Хотя я и не намеревалась сообщать ей о своём даре, я, всё так же в упор глядя на неё, ответила:

— Все мы многое узнаём за свою жизнь. И если это как раз то, что я должна осуществить — значит, я готова к этому. (Я подумала о своей просьбе к Элис и о том, что это на самом деле ни к чему не привело, потому что уже совсем скоро я угодила в ловушку фасов. С другой стороны я благодаря этому кое-чему научилась. Достаточно припом-

нить, как легко было потом сконцентрировать свою силу воли на грифоне). А что касается мужества и воли — нельзя судить об истинной мере того, что скрыто в глубине нас, мы можем лишь верить, что имеем достаточно сил для преодоления ожидающих нас впереди испытаний.

В моей памяти вдруг проскочило мимолётное видение своей тётки — будто эту фразу произнесла именно она. Такое, в какой-то мере, вполне могло быть, подумала я. Слова Дамы Мат стали законом для меня. Я собрала волосы на затылке: совсем растрепавшиеся, они могли теперь удерживаться только в таком подобии причёски. Возможно, я даже и вздохнула.

«Сюда направляется ещё один с твоей кровью, — прервал самец молчание, охватившее нас. — Он может оказаться именно тем, кого ты ищешь. По крайней мере, он отважился скакать по белой дороге. Ни руны, ни чары, наложенные на то место, не повернули его в обратную сторону, хотя они закрыли этот путь для его спутников. Он движется сюда с одной лишь целью — как он считает. Я думаю, что ему следует сменить точку зрения».

Дыни кубарем покатались прочь, когда я в ту же секунду вскочила на ноги.

— Керован! Но как вы узнали? — а затем пришла вторая мысль. В этом краю могли рыскать также и другие люди — охотники, металлоискатели, преступники и им подобные. Я не могла на все сто процентов рассчитывать, что это будет именно Керован.

Но вновь кошки не ответили на моё требование. Несколько мучительных секунд я ждала, а потом смирилась с тем, что эти два мохнатых создания о чём-то совещаются между собой. Если бы я продолжила свои попытки насильно выведать у них дополнительную информацию, пойдя против их желания, я бы потеряла в их глазах последние остатки уважения к себе. Было странно ощущать себя импульсивным ребёнком в глазах этих кошек. Но всё равно первой моей реакцией был гнев. Я всё ещё считала, что гнев сам по себе, в этой Пустыне, мог быть самой опасной эмоцией, если только его не контролировать и использо-

вать как оружие в случае необходимости... Искусством, каким, я была в этом уверена, я не владела. Хотя и могла частично держать его под контролем, но этому мне нужно было ещё учиться и учиться.

Если путешественник, направлявшийся сюда, — и в самом деле Керован, то теперь самое главное было — подготовиться к встрече с ним — чтобы обезоружить его гнев. Если под надетым на себя панцирем он и вправду способен ещё ощущать человеческий гнев. Мне нужно всё тщательно обдумать, спланировать различные варианты действий, зависящие от того, как он поведёт себя со мной после встречи. Необходимость разрешения наших проблем — это было для меня сейчас важнее всего прочего, важнее даже пробуждения каких-то там спящих существ или пребывавших в долгом бездействии сил этой Пустыни.

Я присела на травку и попыталась совладать с собой, со своими желаниями, успокоить сердце, забившееся быстрее, чтобы казаться такой же безмятежной, как и эти кошки. Дотянувшись до ближайшей дыни, я начала несколько неуклюже надрезать её кожицу острой кромкой пряжки от пояса, думая при этом, что очень хорошо, что я могу съесть сейчас этот фрукт (не потому, что мне в самом деле хотелось этого или было так уж нужно, но потому что самым этим неторопливым актом я начинала приходить в себя). А после я отправлюсь обследовать и остальные руины, куда ещё не рисковала сходить раньше. В этом безлюдном месте вполне может найтись что-нибудь, что можно будет использовать как оружие.

Дыня оказалась очень даже спелой, и я действительно насладились её розовым соком, совсем не по этикету сплёвывая в руку семечки и слегка надкусывая их с одного боку. Они были чёрного цвета. Когда я была совсем маленькой, мне однажды дали грубую иголку и нитку из прочного льна, и я провела целое утро одна, прокалывая такие семечки, которые сохранила для меня Харта, и делая для себя прекрасное ожерелье.

Харта... Её не было с нами во время бегства из Итдейла. Так много было утеряно! Интересно, а не решено ли кем-

то чрезвычайно могущественным, кто одержит верх в этой схватке и кто исчезнет с лица земли? Или жизни тоже зависят лишь от слепого случая?

Я отправилась к ручью умыться лицо и руки, вытерла их нагретой лучами солнца травой, не обращая внимания — внешне — на кошек, которые по всей видимости уснули на солнышке. С чуть большей уверенностью, чем при первом посещении замка, я вновь вошла в тот огромный зал, где располагались лавки, имевшие форму кошек. На этот раз я не направилась к угловой башенке, наоборот — в обратную сторону.

Там, почти в абсолютной темноте, я обнаружила огромный камин, тёмные очертания очага и углубления со следами дыма и копоти, а значит, строители нуждались в тепле от зимней стужи, и в Пустыне можно было найти такое же гостеприимство, как и на побережье Долин.

На большом тяжёлом камне над камином, где лорды Долин изображали знак своего рода, был вырезан символ, который я раньше уже видела — округлое тело с распёртыми крыльями. Но только едва различимое при таком слабом свете и поблекшее от времени. С другой стороны украшения, словно страж, высилась фигурка кошки.

Кроме трухи сухих листьев, почти превратившейся в пыль, в камине почти ничего не указывало на то, что здесь когда-то пылал огонь. Я одно мгновение постояла возле камина, а потом оглядела всю комнату, пытаясь представить себе, чем же она некогда была, кто мог проживать здесь в те далёкие дни, за исключением того, что зимой по вечерам они приставляли поближе к очагу свои стулья и кресла. Какие удивительные легенды пели их менестрели? Да и б ы л и ли они, эти менестрели, прославляющие подвиги героев, продлевая им жизнь в песнях и легендах?

Я высоко подняла руку, пытаясь прикоснуться к этому символу, и обнаружила, что даже приподнявшись на носках, я не могу дотянуться до него. Сначала он показался мне почти невидимым на тусклом фоне камня, на котором был высечен... Я моргнула, потёрла рукой глаза. Кошки... Теперь стало намного легче их рассмотреть: в их широко раскрытых вытаращившихся глазах запылал огонь.

Не в результате ли оптического обмана в этом сумрачном помещении мне показалось, что одна из этих голов немного больше размером, тяжелее, чем вторая? Я провела взглядом слева направо, затем ещё раз, начиная верить, что моя догадка верна. Каждая голова отличалась индивидуальностью! И, кроме того, мне показалось, что я уже видела их раньше, когда они увенчивали живые, дышащие тела, застывшие в сонном спокойствии во дворе замка. Неужели в давние времена некий ваятель запечатлел этих животных в камне? Несмотря на те необычайные способности, которые имелись у жителей Пустыни, я едва могла поверить, что это — вылепленные скульптуры существ, которых я видела снаружи во дворе. Прежние наверняка могли жить очень-очень долго (могли ли среди Прежних быть и ж и в о т н ы е?), но, конечно же, не столько. Если же это не изображения тех самых кошек, они должны быть далёкими предками моих знакомцев.

Я ступила в углубление очага, отшвырнула несколько листьев, надеясь безо всяких на то оснований, а вдруг под ними окажется какой-нибудь кусочек металла, железная подставка для дров в камине или ещё что-нибудь. Но ничего не осталось.

Справа от меня зиял проём двери, которая вела в какую-то другую уцелевшую часть здания. Оставив камин со всевидящими кошками-стражами, я прошла к этой двери. Коридор за ней был достаточно широк, чтобы служить галереей, и именно здесь я увидела первые признаки обстановки, не считая каменных скамеек в виде кошек. Именно это я искала!

С криком радости я бросилась вперёд, чтобы схватить чёрную рукоять меча. Но, сорвав его со стены, обнаружила, что это всего лишь обломок. Я дотронулась до лезвия одним пальцем, и металл рассыпался в прах. Будто свалившееся с крючков, вдоль стены лежало и другое оружие. Ничего, что можно было бы ещё использовать. В конце концов, страшно разочарованная, я резко бросила вверх этот обломок, от чего он рассыпался в ржавую пыль.

Коридор привёл в новую квадратную комнату с ещё

одной лестницей, вроде той, которую я обнаружила в сторожевой башне. Мне показалось, что она должна вывести на верх второй башни, которую я заметила раньше, — там ещё на вершине вместо знака рода лорда росло дерево. Ступеньки казались вполне надёжными, и я пошла по ним наверх.

На втором этаже сбоку лестницы открылся ещё один проход, и хотя ступени вели дальше вверх, я подумала, что за этим дверным проёмом скрываются комнаты, построенные как раз над оружейной галереей. Поэтому я и решила зайти туда.

Второй коридор был намного уже первого, всего лишь проход, где едва ли могли разойтись два человека навстречу, и по левую сторону его шли три двери.

Две из них, как и во дворе, деревянные, давно уже сгнили. Но та, что располагалась посередине...

Дерево, из которого она была сделана, казалось твёрдым и целым. Я не увидела трещин, вызванных действием времени, никаких следов ржавчины на металлических скрепах. К тому же на ней был запирающий засов — и это с наружной стороны! Если бы я увидела подобные меры предосторожности на нижнем этаже или в подвале (если бы я обнаружила его, а я совсем не горела желанием искать), то я бы сказала, что это темница. Наверное, я наткнулась на место, где властители замка хранили какие-то свои ценности, когда уезжали из него. Но я не увидела никаких замков, обычно используемых при этом.

Я очень медленно прошла вперёд и осторожно прикоснулась к дереву чуть повыше засова, словно ожидая, что дверь тут же рассыплется. Но створка двери показалась мне очень даже твёрдой, когда я надавила на неё. И никто не запрещал мне оттащить этот засов, что, кстати, оказалось совсем лёгким делом. Наконец, немного постояв в нерешительности (внушая себе, что не должна поддаваться никакому страху), я поняла, что должна разузнать, почему из всех дверей замка только одна эта и осталась целой, а засов был всё ещё крепок, в то время как всё остальное оружие и доспехи рассыпались в пыль от перво-

го же прикосновения. В Долинах я слышала много легенд о том, как любопытство навлекало беду на тех, кто не смог устоять перед загадками, оставленными Прежними. В это мгновение я поняла, что двигало теми несчастными, потому что именно влекомая подобным побуждением я потянула этот засов, не в силах больше противостоять желанию.

Возможно, только из-за одного этого засова, по какой-то причуде его создателей, эта дверь и оставалась целой. Потому что едва я толкнула дверь, и она начала медленно поворачиваться, как на её поверхности появились трещины и побежали по дереву с такой скоростью, что я не могла уследить за ними. Раздался скрежещущий звук, а после удар воздуха снаружи. Дверь повисла на одной петле, в то время как другая с резким звуком сорвалась, заставив меня вздрогнуть.

Полураспахнутая дверь быстро приходила в такое же бедственное состояние, как и её соседки слева и справа. Дерево распадалось на куски и крошилось в пыль, оседавшую на каменный пол.

Я в страхе съёжилась, когда началось это разрушение, но вскоре, похоже, всё закончилось, когда, громыхнув напоследок, наконец-то свалился и засов, разломавшись на две половинки. Я осторожно шагнула вперёд, чтобы посмотреть, что находится внутри этой комнаты.

Мне хватило нескольких мгновений, чтобы понять, пробежав взглядом, что же здесь хранилось, не подверженное тлетворному воздействию времени, пока я своим вмешательством не разрушила чары (в чём я была уверена), служившие для защиты этого места.

Эта комната, в отличие от предыдущих, не была пустой. На стенах висели гобелены, и хотя всего несколько секунд я рассматривала их красоту, от восхищения у меня перехватило дыхание, настолько они были великолепны — я не могла поверить, что человеческие руки могли соткать подобную вещь. Ещё здесь стояла постель с высоким балдахином, подпорки которого имели форму кошачьих фигур, каждая из которых была выше меня. На постели

лежало рыже-красное покрывало, похожее на кошачий мех, затем превратившееся в коричневый пепел. У одной стены расположился стол с зеркалом, также имевшем очертания кошачьей головы. А на столе громоздились коробки, на изучение богатства которых у меня совсем не хватило времени, всё так быстро обращалось в пыль, что я просто не могла понять, что это такое.

Были ли там стулья, кресла, большой платяной шкаф, где должны храниться платья хозяйки замка? Уверена, что они были. Я даже точно могу припомнить, что что-то такое мелькнуло перед моими глазами. Я не переступала порога; только стояла и смотрела с восторгом и болью на эту красоту, которая вдруг превратилась в ничто. А вскоре комната осветилась и солнечным светом, когда исчезли занавески, усохнув намного быстрее, чем нежные цветы, которые зачем-то, без какой-либо причины сорвали и бросили под нестерпимо жаркие лучи солнца.

Свет из окон лился широким потоком (видимо, здесь его проникновению внутрь комнаты не мешали гроздья винограда). В его лучах танцевали пылинки. А потом... потом ничего не осталось — вообще ничего...

Нет, не правда. Похоже, что, хотя и не столь уж ярко, в одной из полосок падавшего в комнату света блескнул солнечный блик на какой-то металлической поверхности. Я на несколько секунд замерла, не решаясь пересечь пустое пространство. Но только вновь я не смогла устоять и не пойти вперёд, как и перед этим, когда дотронулась до зачарованной двери.

Плотным облаком поднялась пыль. Я закашляла, замала руками перед лицом, пытаясь разогнать воздух, чтобы глубоко вдохнуть и дотянуться до того, что лежало, сверкая, в солнечных лучах. Почти что наступив на этот предмет, я остановилась и, наклонившись, подняла с полу кольцо.

Но в отличие от всех остальных металлических вещей в этой комнате, оно не рассыпалось в прах. Само кольцо было таким же твёрдым, будто сделанное только вчера. А камень был не похож ни на какой другой, какие я только

видела в своей жизни. Мы, люди Долин, бедны на драгоценные вещи. У нас есть немного золота, приносимого речными потоками, у нас есть янтарь, который ценится весьма высоко. Только несколько самых богатых лордов могут позволить надевать на себя, и то только по большим празднествам, украшения с драгоценными камнями. Но в основном это были небольших размеров камни, отшлифованные, но неогранённые. Тот же, что я держала сейчас в руках, совершенно отличался от них.

Этот камень (если только это был камень) был размером почти с мой большой палец, хотя само кольцо — довольно небольшое — явно предназначалось для женщины. Драгоценный камень был неогранен, да и не нужно было его подвергать обработке. Потому что он сам по себе по какой-то причуде природы походил на кошачью голову и светился смесью розового и жёлтого цветов, а когда я покрутила кольцо в руках, радужные сполохи пробежали по его поверхности. Я надела его на палец, который вошёл в него, словно кольцо было сделано специально для меня — и никого другого, будто оно обнаружило своё законное место после долгих поисков.

Подойдя поближе к окну, я стала поворачивать руку то в одну сторону, то в другую, с удивлением рассматривая эту вещицу на тёмном фоне загорелой кожи с многочисленными следами порезов от колючек. Не зная, что это такое — но оно было моим! Я была уверена в этом, в том, что совсем не случайно кольцо точь-в-точь село на мой палец. Это был подарок именно для меня. Ещё раз я повернула его на солнце, а затем услышала...

Вой, такой резкий и ясный, что сразу поняла, что он исходит снизу. Я выглянула наружу, на склон и дорогу. Обе кошки прыгали с камня на камень, обходя кусты, после чего исчезли в руинах внизу.

А там, дальше... по дороге скакал всадник. Всадник! Я увидела, как солнце отражается от его голубого шлема. Он был такой маленький и далёкий, этот всадник в доспехах. Уж не его ли кошки приказали мне дожидаться? Керована?

Забыв обо всём, ведомая тем, что снадало меня все эти

дни, я повернулась и побежала, поднимая облако пыли, от чего у меня вновь перехватило дыхание, и я закашлялась, но не переставала бежать. Я должна была узнать, кто скачет по этой белой дороге. Я догадывалась, надеялась... но я должна была точно узнать!

Глава 14

КЕРОВАН

Я думал лишь об одном: Джойсан здесь, рядом со мной, возле этой белой дороги Прежних — выбравшаяся из той ловушки в темноте, в безопасности. А затем она оказалась в моих объятиях, и я изо всех сил прижал её к себе, словно обеспечивая этим ей безопасность от самых страшных сил Тьмы, посланных против нас, — до тех пор, пока сам буду жив.

Она заплакала, и её лицо стало влажным от слёз, в то время как руками она обхватила мои плечи, и я даже сквозь кольчугу ощущал её объятия. Наклонившись, чтобы найти её губы, я почувствовал солёный привкус её слёз, забыл обо всём на свете, даже о том, как долго я скакал по этой пустынной земле. Во мне разгорался и бушевал огонь, пока мы так стояли, прижавшись друг к другу, позабыв обо всём остальном, кроме нас самих.

Но это не могло длиться вечно. Я слегка отстранился от неё, вспомнив, кто я такой и почему не могу дольше испытывать такую огромную радость от нашей встречи. Пора было снова надевать на себя внутреннюю броню, но не для собственной защиты, а ради неё.

Но Джойсан продолжала обнимать меня, и лишь слегка отодвинулась, так, чтобы прямо посмотреть мне в лицо, когда её всхлипывания перешли в неровные вздохи.

— Керован... и в самом деле Керован... — почти шёпотом произнесла она.

И только она произнесла моё имя, как эти чары разрушились. Я попытался отодвинуться в сторону, но она не

позволила мне этого сделать. Лишь покачивала головой с одного бока на другой, словно ребёнок, который не хочет отказаться от полюбившейся ему игрушки.

— Нет, ты не должен вновь покинуть меня! Ты был здесь... и теперь снова пытаешься оставить меня одну... Но ты не должен этого делать!

Я был здесь? Что она имеет в виду? И тут теплота, всё ещё ощущаемая мною, объяснила мне это. Оболочка, которая была Керованом, теперь пробудилась к жизни. Все мои благие намерения, осознание того, что это неправильно, что я меченый — всё это вдруг начало рушиться под наплывом этой теплоты, этих её слов...

Сжав зубы, я положил руки на её запястья. Прилагая все силы, которые я мог только собрать, я попытался вырваться из её объятий, отдалиться от неё. Но всё так же покачивая головой, она теперь ещё и изгибалась в моих объятиях, боролась со мной, как если бы была одной из этих коричнево-красных кошек.

— Нет! — воскликнула она громче. — Ты что, не понимаешь? Тебе никогда не освободиться от меня... тебе не удастся этого. Мы... мы должны быть...

Она запнулась. Не знаю, что выражало моё лицо, но её лицо исказило отчаяние. А потом её плечи обмякли, руки безвольно повисли в моих объятиях. Именно она первой и отодвинулась в сторону.

— Позволь мне уйти, — сказала она тихим голосом. — Я больше не буду причинять тебе хлопот. Я думала, что... — её голос стал неразборчив; она подняла одну руку, чтобы смахнуть появившиеся слёзы, а затем откинула голову назад, и волосы в беспорядке слетели с её глаз, в сторону от лица.

Я не мог говорить, и потребовалась вся моя решимость, чтобы подавить бушевавшее во мне желание. Я мог только стоять... в одиночестве. Она приподняла подбородок, и в глазах её засветилась решимость. В осанке, голосе девушки чувствовались такая воля и самоуверенность, что они, должно быть, являлись такими же надёжными телохранителями, как доспехи.

— У меня совсем нет чувства собственного достоинства, — сказала она, хотя каждый дюйм выпрямившегося в напряжении тела противоречил её словам. — Я слышу твой голос, говорящий: «Ты не моя леди, я не желаю быть твоим повелителем», — но я не могу принять этих слов, как сделала бы любая другая женщина. Потому-то я и отправилась вслед за тобою, ибо мне невыносима сама мысль, что я живу без тебя. Поэтому, если ты снова откажешься от меня и ускочишь туда, куда отправил тебя Имгри — хотя откуда у него право приказывать таким, как ты: «делай то или делай это», — то я последую за тобой. Даже если тебя проклянут за твои поступки.

Она внимательно рассматривала меня сузившимися глазами, а я всё ещё не мог найти силы, чтобы хоть что-то ответить ей. Если я не могу управлять своим внутренним «я», как тогда я могу защищаться от неё? Когда у меня внутри разгорается мятеж?

Я покачал головой, радуясь, что хоть таким образом смог как-то ответить на её последний вопрос.

— Я не давал клятвы, — мне достаточно легко удалось произнести эти слова. — Я отправился в путь, потому что сам захотел этого. Иначе я бы не уехал.

И, может быть, поскольку был рад, что не нужно искать оправданий, я рассказал ей о своём путешествии... о том, что Имгри стало известно о поисках ализонцами предметов Могушества.

К моему облегчению она выслушала меня с растущим интересом.

— И какого же успеха ты добился в Пустыне?

Я рассказал ей о Всадниках-Оборотнях.

— Ну, а теперь кого ты ищешь? — спросила она.

Я сделал неровный вдох и покачал головой. Не отвечая, я рассказал о своём возвращении в лагерь, о том разрушении, которое там обнаружил. При упоминании об Элис и Джервоне она вытянула руки и схватила меня.

— Значит, они живы... остались на поверхности земли! Я так надеялась на это.

— А куда ты попала? — спросил я в свою очередь. Она

немного отошла назад, поправила руками причёску. И впервые за всё это время я заметил, что поднялся ветер, а солнце скрылось за облаками. Она, нахмурившись, посмотрела на небо.

— Надвигается буря. Ты чувствуешь? Вон там... — она указала на неровный крутой склон, — укрытие... Пошли!

У меня не было причин отказываться. Ведя кобылу и пони, я последовал за ней. Только теперь я вспомнил о кошках. Сейчас их не было видно нигде.

Подъём оказался непростым, а облака ещё более сгустились и потемнели. Когда мы обошли остатки стены и вошли во двор замка, начали падать первые капли дождя. На западе засверкали вспышки молний. Рокот грозы был громче грохотания ализонских военных машин, вереницей тянувшихся по узкому перешейку перевала, чтобы проникнуть в Долину.

Я снял с пони и кобылы их поклажу, и Джойсан помогла мне перетащить вещи в тёмный прохладный зал, взяв небольшую сумку с пони.

— Это подарок Элис — как я ему рада. Но где же она сама? И где Джервон? Ты отослал их... а может, они подумали, что я умерла и...

— Мы как раз ехали по этой дороге, когда сегодня утром она сказала, что дальше они не поедут... по какой-то причине им было запрещено это делать. Мудрая Женщина с мечом — ничего подобного я никогда не слышал. Она не может быть родом из Долин...

— Если им не разрешили идти дальше только из-за этого, то, конечно же, она бы поняла. Да, она родом не из Долин — как и не из Пустыни — её родителей выбросило на берег после кораблекрушения. Так что, родившись здесь, она не местной крови.

Вместе с нахлынувшим дождём внезапно наступила такая темнота, что я едва мог рассмотреть лицо Джойсан.

— Она обладает Могуществом, — вновь заговорила Джойсан, — а Джервон... — тут она на мгновение запнулась, а потом продолжила ровным тоном, — он принимает её такой, какова она есть. Они как бы единое целое, две

половинки, идеально подходящие друг другу. Такое редко случается, но когда это происходит... Словно они нашли клад с драгоценностями, — не без зависти подытожила Джойсан и повторила, — с такими драгоценностями, что другим и не снились!

Мне показалось, что в её голосе я уловил нотку вызова, но понимал, что не должен перечить ей в чём-либо в этом вопросе, так давно занимавшем наши мысли. Поэтому я ещё раз спросил, что же произошло после того, как она попала под землю.

После чего выслушал удивительный рассказ о том, как она очнулась в полнейшей темноте, где на неё устроили охоту фасы. И о том, как грифон спас её.

— Я не знаю, почему именно он ожил, чтобы помочь мне. Должно быть, каким-то образом моя сила воли, моё желание вызвали это. И именно его свет указал мне дверь в одно место — очень странное.

Затем она рассказала о помещении с лабиринтом из низких стенок, о том, как добралась до центра изображения летающего существа с крыльями, где она провалилась в сон... а может, быть, и не сон... угодив в паутину какого-то заклятья — и пробудилась снаружи в этом замке.

— Здесь есть фрукты и вода...

И прежде чем я сделал хотя бы шаг, она снова бросилась во двор замка и вскоре возвратилась с дыней, которую положила на пол между нами. Потом рассмеялась и стряхнула капли дождя с волос.

— Дай-ка свой нож. Мой — как и всё остальное — остался там, в темноте, — она разрежала дыню и отдала одну половинку мне.

Фрукт оказался сладким, сочным — лучше в своей жизни я ничего не пробовал — он утолял и жажду, и голод. В свою очередь я достал буханку хлеба, мы отведали и его, а затем Джойсан ушла сполоснуть руки в ручье.

— Там много этих фруктов... и ягод... Я уже объелась ими.

— И кошки?

Джойсан устроилась совсем рядом со мной, скрестив

ноги, и положила руки вместе на одно колено. Она не делала никаких движений в мою сторону.

— Да, и кошки. Можешь мне не верить, Керован, но таких зверей ты ещё не видел. Они могут читать мысли и в свою очередь мысленно разговаривать. И ещё есть... вернее, был, потому что больше я его не видела, — не очень крупный медведь, он также обладает разумом. Кошки велели мне ожидать того, кто придёт. Я забралась наверх башни и посмотрела на дорогу. Но, удивительное дело...

И тут я увидел, как она подняла одну руку и пристально посмотрела на неё. Затем протянула её мне и спросила:

— Керован, ты больше меня странствовал по свету. Тебе не попадалось раньше чего-нибудь, похожего на это?

Я увидел, даже в этом сумрачном свете, кольцо, которое было надето на её палец. И хотя я не хотел — а теперь и боялся — хоть как-то прикоснуться к ней, я взял её руку в свою и поднёс ладонь поближе к себе, чтобы рассмотреть это кольцо.

Камень в кольце был неправильной формы. И, что весьма странно, лишь взяв её руку в свою, я увидел цвет этого камня (если только это и в самом деле был камень). Подобной окраски я ещё не видывал: какая-то мешанина розового и жёлтого цветов.

— Керован!

Мне не нужен был этот предупреждающий крик. Я взял её руку в свою. Браслет, полускрытый доспехами на моём запястье, залился ярким светом, и лучи, исходившие от него, достигнув кольца, казалось, пожирали камень. Но его собственное сияние только ещё более возросло.

Джойсан вырвалась из моих окрепших объятий, выдержала руку и поднесла её к груди, почти касаясь грифона в кристалле. Но ничего не произошло, этот талисман никак не прореагировал.

Джойсан подняла другую руку, словно пожелав взяться за колечко и сорвать его с пальца, но вдруг остановилась.

— Я думаю, оно безвредно... — медленно проговорила она. — Может быть, тебе это не кажется очевидным. Но сам камень имеет форму кошачьей головы, хотя вырезан он был не людьми. Эти кошки...

— Ты уверена, что они настоящие?

— Не галлюцинации? Ты же сам видел их — они настолько же реальны, как и это! — она снова вытянула руку вперёд. — Разве ты думал, что это иллюзия, когда они остановились перед тобой у дороги?

— Нет, — я был уверен: чем бы ни являлись эти звери, кому бы они ни служили (если и служили вообще), они — настоящие. Меня и в самом деле привели в это место с определённой целью, как и догадывалась Элис. Мне нужно было отогнать эту мысль, но я не мог.

— А откуда у тебя эта штуковина?

Джойсан рассказала о своих исследованиях разрушенного замка, в котором мы сейчас укрывались от непогоды, о запертой двери — причём запертой снаружи, где внутри, пока она не вошла туда, сохранялись остатки древней мебели. И о том, как всё это рассыпалось в пыль на её глазах, и осталось только это кольцо, блестящее в солнечном свете.

Легенда, достойная того, чтобы о ней сложил песню менестрель, но я верил каждому её слову.

— Никогда не видел ничего подобного, — медленно начал я. — Оно, — я показал на запястье, — по всей видимости, как-то связано с Могуществом.

— Много вещей хранится в Пустыне — разве не об этом постоянно твердят наши легенды? Мне кажется, оно для чего-то предназначено... — Джойсан быстро взглянула на меня — по крайней мере слегка повернула голову в мою сторону, но было слишком темно, чтобы я мог увидеть выражение её лица. — Предназначено, чтобы его нашли, когда откроется дверь. Но зачем нужно было такое заклятье и что оно означает...

— Его создали не силы Тьмы.

— Я знаю, — просто согласилась Джойсан, ещё раз ласково проведя ладонью по грифону на груди. — Он бы предупредил меня. Кольцо такое красивое — и странное — и то, как оно попало ко мне... Мне кажется, это дар.

В её голосе ощущалась вызов, словно она думала, что мне захочется заставить её избавиться от этого кольца. Но

у меня и в мыслях такого не было. У Джойсан с той поры, как она со своим народом покинула Итдейл, а может, и до этого, не было почти никаких красивых вещей, да и сам я ничего приличного ей не дарил — если не считать грифона, которого я тоже случайно нашёл в Пустыне. Мне вдруг отчаянно захотелось, чтобы и это кольцо также явилось для неё моим подарком, который бы она берегла как зеницу ока.

Я наугад начал поиски Джойсан и нашёл её... Но в этом моей заслуги не было. Едва ли это был счастливый случай. Мне помог или же меня направил в нужном направлении какой-то иной разум — я всё больше и больше склонялся к такой мысли. Это был горький вывод, и мне не хотелось его принимать. Я... быть может, мы... пойманы в... в чью-то паутину... но чью?

С тем, что мы должны держаться теперь вместе, вероятно, придётся смириться, потому что теперь у меня не было проводника, чтобы покинуть Пустыню, да и не мог я оставить Джойсан одну — она и сама этого не хочет.

А это означало, что я должен незамедлительно надеть на себя внутреннюю броню, заставить себя поверить, что любые более близкие отношения между нами — только к несчастью, что если я поддамся ей сейчас — то это будет только хуже для неё.

Пока она сражалась одна, полагаясь лишь на свои силы и не получая помощи от меня, она избегала той куда более серьёзной опасности, которой подвергался я. Не хотелось загадывать наперёд... ждут ли нас новые опасности? Но пока я изводил себя этими мыслями, никак не решаясь твёрдо объявить Джойсан о своём выборе, как она вновь обратилась ко мне:

— Здесь вовсе не мирная земля, участки которой попадают и у нас в Долинах. Однажды я побывала в таком месте — той ночью, когда Торосс вырвал меня из рук захватчиков в Итдейле. То было замечательное место... и он нашёл там последнее успокоение. Я навсегда запомнила в своём сердце, что он покинул этот мир легко. Здесь же лежал только многолетний толстый слой пыли. Но всё-

таким мы находимся тут в безопасности — как и обещали кошки. Разве ты этого не чувствуешь?

Она протянула руку с кольцом и схватила мою. Я ничего не мог поделать, кроме как обхватить её пальцы. Вот она, Джойсан, рядом со мной — в безопасности — а снаружи ревет ураган, льются потоки воды... не в силах добраться до нас. Я не ощущал никакого затаённого присутствия древнего Могушества в этом месте. Как бы вступая в противоречие с её рассказом об этой заколдованной давным-давно комнате здесь рождалось тепло — но от присутствия наших тел, а не из-за каких-то чар.

Ночью, пока мы с Джойсан укрывались в этом разрушенном замке, мне вновь приснился сон — такой же яркий, как и несколькими днями раньше. Но в нём совсем не было света — одна лишь беспросветная темь (а может, я был слепым?) — потому я ничего не смог уловить. Я мог только чувствовать... или слышать.

— То, что ты делаешь, бессмысленно, — раздался резкий, словно удар кинжалом, надменный голос. — Слишком много лет назад возникло наше отличие.

— Отличие? — переспросил удивлённо другой искажённый голос, и в нём не чувствовалось никакой робости перед собеседником, хотя по голосу того явно ощущалось, что его обладатель владеет Могушеством. — Как-то странно ты, Галкур, описываешь то, что произошло потом между нами.

Я увидел как бы материализовавшуюся алую волну ярости, ударившую по мне в этом мраке, словно чтобы сжечь дотла. Затем эта волна поднялась вверх — и исчезла. Я понял, что теперь гнев снова взят под контроль, загнан в стены, которые невозможно разбить.

— Ты играешь словами, — теперь в голосе мужчины (а, может, это было оно?) прозвучало ледяное презрение — или мне это только показалось?

— Ничего подобного, — вновь раздался второй голос, ровный, ничем не выдававший своей заинтересованности в беседе. — Ведь людям почти ничего не подвластно. В лучшем случае их можно использовать как слуг. Ты что, Галкур, не знаешь этого?

— Ты произносишь имена: — рявкнул первый голос, так же яростно, как тот снежный кот, в которого превращался Херрел. Хотя я и знал, что это не Всадники-Оборотни, но они не были и людьми.

— А почему бы и нет? Ты всё ещё веришь, подобно людишкам, что называя имя, ты даёшь кому-то власть над обладателем имени? Ха, Галкур, вот уж не думал, что ты настолько ослаб за все эти годы!

— Время нисколько не изменило меня! — вновь промелькнула волна ярости. — Я такой же, каким был и прежде, и таким же останусь навсегда!

— Вот это-то меня и интересует, Галкур, — казалось, второй голос просто упивается, раз за разом повторяя это имя. — Кто ты есть и кем ты станешь, несмотря на всю твою спесь. И кем ты был той ночью, когда то человеческое существо, самка, обладавшая весьма посредственными магическими способностями, вызывала тебя? Как прекрасно был задуман тот план, по крайней мере ей так казалось. Ты должен был точно так же влиться в её лорда, как вода наполняет чашу. И после стать отцом его сына, которого он так страстно желал, пока она видела в этом смысл и пока это соответствовало её целям. Ты никогда не был глупцом, Галкур. Разве мог ты предвидеть, что заклятье, наложенное таким чародеем, окажется неспособным сохранить даже частицу Могущества, всё равно какого — Тёмного или Светлого? Так ли сильна в тебе прежняя потребность в материальной жизни? И, будучи в таком плохоньком состоянии, ты всё ещё продолжаешь утверждать, что ты такой же, каким был раньше?

В этом вопросе ощущалась нотка жалости — и она немилосердно жалила. А, может быть, это была и не жалость, подумал я, а её отголосок, смешанный с презрением.

— Кроме того, — продолжил второй голос, — ты по своей воле прибегнул (или попытался прибегнуть) к наложению чар на девушку, чья гордость и высокомерие, присущие её племени, почти сравнимы с нашими. И что вышло из этого?

Ответа было не разобрать, а сам собеседник полностью потерял контроль над собой. Я услышал громкий вскрик, увидел вспышку бешеного гнева.

— Ты потерпел неудачу. Ты, Галкур, тот, кто в прошлом двигал холмы, как шахматист пешку на шахматной доске... ты не смог сотворить обманное заклинание. Поэтому, несмотря на всю твою спесь, ты в действительности способен совершать только мышиные дела, но ничего выдающегося. Но эта игра ещё не закончена. Ты что, думаешь, что спящий не чувствует, какой ход ты сейчас делаешь? Думаешь, что тебе удастся ещё раз использовать людей для достижения своих целей? Он проснётся, и ты убедишься, что вторая встреча не сулит тебе снова ничего приятного. Ты что, этого так и не понял? Ты так и не смог добиться, чтобы вся его сила передалась тебе. Заняв его место, когда происходило то зачатие, ты получил только частицу его Могушества. Он даже не шевельнулся, пребывая в своей спячке, и ему хватило всего одного удара воли, чтобы разрушить твои планы.

Лорд Долины получил сына, хотя, конечно, и непохожего на остальных из его рода. Но когда приходит призыв о помощи от существ нашего рода, существует возможность занять его сознание или тело, и это всегда обнаруживается в подобного рода сделках. Твоя девушка с самого своего рождения знала, что несёт в себе нечто необычное. Она заплатила за это, разве не так, Галкур? И теперь тебе придётся принять во внимание спящего, потому что в этот раз, как я думаю, он не отправится вновь в спячку. Ты достаточно наломал дров и теперь столкнёшься с последствиями. Поэтому не думай, что твои новые планы окажутся более удачными, чем предыдущие.

Ещё раз волна гнева опалила меня искрами ненависти.

— Наши дороги не пересекаются. Куда ведёт моя — тебе никогда не понять.

— Не думаю, что ты, Галкур, и сам знаешь это. Ты всегда был слишком нетерпелив и эмоционален, чтобы довести всё до ума.

Это снова заговорил тот спокойный второй голос. Я как

можно внимательнее прислушивался к беседе, но не только чтобы улавливать слова, но и ещё по одной причине... Какое-то воспоминание? Я уже слышал об этом раньше, в этом я был уверен... Тот мужчина в сером, который дал мне лошадь, на вершине холма... Глаза его были такими пронизывающими, что я почувствовал, как они глубоко вонзились в мой разум, читая каждую хранимую там мысль.

Пивор! Он сказал, что лишь немногие знают это его имя... И он был...

Джойсан... она также видела его. Он пообещал ей... пообещал ей... Пытаясь вспомнить, я внезапно почувствовал как что-то изменилось. Я больше не был один в этой темноте... Не успел я подумать о Пиворе, как и им стало известно... обо м н е!

Тьму разорвала молния света, такая яркая, что я был полностью ослеплён, и вновь оказался во тьме. И тут пришло ощущение полёта в воздухе над огромной пропастью, в которую я падаю... и буду падать бесконечно! Меня охватил безудержный страх, меня вертело в этом тумане страшной взвихрённой силы, сражавшейся с самой собой... и со мной в качестве приза.

И я ничего не мог поделать, беспомощный, оказавшийся во власти этих двух противодействующих сил. Меня охватил такой ужас, какого я никогда раньше не испытывал. Потому что, как я понял, если я слечу в эту пропасть, всё моё естество Керована исчезнет, без всякой надежды на возвращение... и это будет ещё хуже, чем просто физическая смерть.

А потом... Застыв, словно подвешенный на ниточке, я не видел наносимых вокруг меня ударов, но почувствовал, как нечто твёрдое тянет меня оттуда, где одно Могущество всё ещё сражалось с другим. Темнота по-прежнему была беспросветной. Но вскоре снизу (хотя не из пропасти, которая, слава богу, уже осталась позади) пришло сияние. Ещё не до конца отошедший от ужаса, я висел, поддерживаемый этой новой силой, и смотрел, как всё ярче и ярче разгорается свет.

И вновь я оказался в том зале с многочисленными

колоннами. Но на этот раз я оказался у самого помоста. Того самого, что поддержал и перенёс меня.

Я взглянул на тело Спящего. Если судить по человеческим стандартам, оно было гротескным, но на самом деле, как теперь я понял, — величественным и могущественным. Я не видел признаков увядания. В этом спящем существе заключалась такая грация и величественность, о которой люди и не мечтали. -

И стоя там, пошатываясь от слабости, всё ещё не отойдя от испытаний, каким подвергался, повиснув над ужасной пропастью в темноте, я увидел, как веки Спящего шевельнулись, а потом начали медленно приподниматься. Я глядел вниз, и наши взгляды встретились...

А затем... не могу вспомнить! Не могу — и всё! Поднялась непереносимая боль, и в тот же миг мой сон прервался. Осталось только чувство необходимости, неотложной необходимости... узнать... но что? Но даже э т о г о я не знал, возможно, из-за того, что я был слишком слаб, чтобы удержать в памяти события сна.

Проснулся я днём, в разрушенном замке, а рядом сидела Джойсан, она глядела на меня, и её лицо выражало сильную озабоченность. Я не хотел этого... хотел вернуться туда, назад, и узнать...

Джойсан... Беспросветное отчаяние наполнило меня, когда я узнал, что она угодила в одну из ужасных смертельных ловушек, что разбросаны в этом краю... А потом я вспомнил тот огромный всплеск радости и облегчения, испытанный мною всего лишь вчера, когда я держал её в своих руках во время нашей встречи, когда позабыл обо всём на свете, о всех тревогах, и мог только держать её в своих объятиях...

Куда же теперь исчезли эти чувства? Нет, они ещё чуть шевелились... где-то в закоулках моей души. Я считал, что это так, что их поглотило овладевшее мною стремление, чтобы она ушла.

Поэтому я и вынуждал её уйти, чтобы не подвергать мучениям моих дальнейших поисков. Хотя я понимал, даже когда говорил, что не только решимость Джойсан удерживает её рядом со мной, что если она и захочет

вернуться в Долины, то мне придётся проследить за тем, чтобы она благополучно покинула Пустыню, а я не мог тратить время на такое путешествие. Меня крепко держала эта земля. Я был уверен, что никогда не освобожусь от её заклатья...

Я не мог выдать из себя ни слова, пока мы скакали из замка, вниз, к дороге, не делая никаких попыток объясниться. Она, должно быть, думала, что я сошёл с ума — или околдован. Я вдруг заметил, что она смотрит на меня, озабоченно нахмутив брови, и попыталась приблизиться ко мне.

Но теперь это был только призрак Джойсан, двигавшийся в этом призрачном мире. Единственное, что было реально, — это те два голоса в темноте — Пивора и Галкура. В том, что Галкур был из числа самых ужасных Повелителей Тьмы, я уже не сомневался. Ну, а Спящий... Что же я увидел, когда он открыл глаза и встретился взглядом с моими? Какие узы связывали нас? Быть может, и не очень крепкие, но они могут ещё усилиться — в этом я был убеждён.

Мы скакали в лучах утреннего солнца, не проронив ни словечка... по крайней мере, я уж точно. А потом мы сделали стоянку у входа огромного туннеля, прорезанного Прежними в этих холмах, чтобы дорога, помеченная многочисленными символами и знаками, оставалась ровной и лежала на одном уровне. И тут я почувствовал, несмотря на звезду, которая, охраняя путников, покрывала участок земли, что нам угрожает опасность. Всё верно — враг, которого я не знал, сделал свой первый ход.

Глава 15

ДЖОЙСАН

Больше всего мне хотелось, чтобы мой господин понимал меня. Понимание приходит изнутри, нет никакого другого внешнего источника. Его приветствие оказалось

ещё более горячим, чем я смела надеяться, хотя потом он поспешно вырвался из моих объятий. Я не могла сразу требовать от него любви — мне следовало осторожно подступать к нему, как разведчик во вражеском тылу!

Когда мы добрались до замка, начался страшный ливень, отчего Керован казался лишь бледной тенью среди других теней. Мне было страшно жаль, что стояла такая темнота и я не могла рассмотреть его получше. Да и пока лил дождь, здесь нельзя было разжечь даже костра. Но мне нужно было слышать его голос, и я заставила его рассказывать о своём путешествии, о его встрече со Всадниками-Оборотнями.

Изменение формы тела вообще-то не было чем-то для меня новым. Мы, люди Долин, ещё с детства слушали странные легенды и судачили об остатках былых знаний. Но всё равно никто не верил в истинность этих историй. Впервые в жизни я услышала рассказ, который основывался на настоящих фактах.

— Должно быть, они мастера в создании иллюзий, — рискнула высказать я предположение после того, как Керован поведал мне о жеребце, который встал на дыбы позади стола их повелителя, и о снежном коте, зарывавшем рядом с ним. Создание иллюзий было основным оружием, которое Препные использовали против людей.

— Я так не думаю. Хотя они и были вооружены и облачены в доспехи, главная их сила заключается в перемене формы тела. Даже если это и была иллюзия, то очень мощная, ни о чём подобном я никогда не слыхивал.

— Как ты думаешь, они присоединятся к Долинам?

— Не знаю. Если и присоединятся, то лишь, заключив какую-либо сделку. Они понимают, что эта война не может не затронуть Пустыню и, возможно, они боятся, что сражения развернутся в такой близости от них. Им чрезвычайно не понравился мой рассказ о фасах — созданиях, живущих под землёй.

Да, Имгри — хороший военный стратег, он умело создаёт свою армию. Я думаю, верны и его сведения, добытые у пленных, что набеги на Долины совершаются не просто так. Они ищут то, чего мы сами и не знаем.

— Какое-то Могущество, — я кивнула, соглашаясь. — И оно принадлежит тёмным силам, поскольку именно такова сущность этих захватчиков, — я почувствовала, как моя верхняя губа напряглась, словно собираясь оскалить зубы и зарычать, как кошка.

Кошки! Когда начался дождь, их не было поблизости. Наверное, мелькнула мысль, они воспользовались каким-то другим прибежищем.

— Могущество Тьмы, — задумчиво произнёс Керован. — Может ли такое Могущество ощущать, что его ищут, и потому в предвидении этого собрать своих слуг — вроде этих фасов?

— С какой целью? Любая Сила Тьмы отнесётся к этим Гончим Алисона, как мы в Долинах относимся к преступникам, — подчеркнула я. — Вскоре захватчики обнаружат, что, вызывая к запретным силам, они окажутся в таком подчинении, что им и не снилось...

— Снилось... — точно эхо, повторил вслед за мной Керован. — Да, сон...

— Какой ещё сон?

Я почувствовала, что он имеет в виду что-то очень важное для себя. Я хотела знать, мне нужно было знать как можно больше о нём, его жизни, мыслях, даже снах. И эта потребность неудержимо росла во мне. Мне пришлось приложить всё своё старание, чтобы не потерять над собой контроль и задушить это желание, пока я не взорвалась мириадами вопросов, от которых он тогда вновь обернётся ко мне спиной, ещё более далёкий, чем прежде. И пока Керован не откроет передо мной врата в свою внутреннюю крепость, пытаться проникнуть насильно через них я не решалась.

— Просто сон, — теперь стало абсолютно ясно, что он твёрдо решил не сообщать мне об этой довольно существенной части его жизни. Керован быстро, словно чтобы поскорее избавиться от всякого упоминания об этом сне, стал расспрашивать о моём путешествии.

Мне снова ужасно захотелось, чтобы было хоть чуть-чуть светло — видеть его лицо, что оно выражает.

Разговаривать в такой темноте — значит быть слепым. Мы поговорили об Элис и Джервоне, во мне ещё не угасло видение их бегства от фасов. Однако мне очень хотелось спросить у своего лорда, заметил ли он, какими тесными узами связаны они друг с другом, и, даже если им не позволят остаться в Долинах, гармония между ними абсолютно не будет нарушена. Но только спрашивать об этом, подсказывала мне интуиция, сейчас нельзя было.

Поэтому я просто рассказала о своём бегстве из ловушки в темноте с помощью странного заклятия, заключённого в шаре с грифоном. Поговорили ещё о кошках. Затем я показала Керовану кольцо — единственное, что сохранилось в комнате с драгоценностями, которые мне всё-таки удалось увидеть, прежде чем я позволила самому времени захватить свою добычу.

И в тот момент браслет на его руке ярко вспыхнул, и мы оба поняли, что находка моя содержит в себе какое-то Могушество. Я всё же была уверена, что это лишь тень прежнего заклинания, потому что тепло от него не превосходило жара, исходившего ранее от шара с грифоном, хотя оно и сидело на пальце как влитое.

И тут я наконец решила и, протянув руку, обняла его. К моей великой радости пальцы его крепко сжали мои, он не отталкивал меня.

— Только одной дорогой ты можешь выбраться из Пустыни, — резко сказал он и сжал мне руку до боли. Но последнее, что я бы сделала тогда, так это попыталась освободиться. — Я встретился с теми, к кому меня послал Имгри, а большего он от меня и не требовал. Теперь мы можем поскакать на восток...

Я не пыталась спорить с ним. Однако хорошо понимала, так же хорошо, как будто кто-то кричал в унылом тёмном зале, что мы никогда не вернёмся назад. Пустыня пометила нас обоих своими отметинами — и никуда нам от неё не сбежать, не скрыться. У меня не осталось в Долинах ничего, за чем стоило бы вернуться. Может, и здесь мне снится сон, и мне только кажется, что этот сон реален...

Мы устроились на ночь, но отдельно... Как всегда. Я

немного всхлипнула в тишине и темноте, когда во мне угасли последние остатки надежды. Керован уснул очень быстро. Я слышала его ровное дыхание... и мне так захотелось увидеть его лицо, последить, как он спит... Не знаю, почему, просто я была не в силах подавить это желание, как будто таким образом мне удастся отвлечь от него все беды и напасти, встать между ним и его ужасными снами.

Грифон на груди сиял мягким светом, когда я вновь уселась и обхватила колени пальцами, задумавшись о вещах, причинявших мне невыносимые страдания, во мне медленно нарастало отчаяние. И вот тут я увидела блеск... засветившихся в темноте глаз...

Рука сама собой потянулась к рукояти ножа, который дал мне мой господин. И всё-таки, почти сразу же я догадалась, кто пришёл сюда в этой тишине. Испугавшись, что, разговаривая вслух, мы можем разбудить моего лорда, я попыталась привести свои мысли в порядок, чтобы вести мысленную беседу.

«Что происходит?»

«Ничего не происходит, — раздался быстрый ответ, и мне показалось, что я узнала мысленную речь кота. — Что ты носишь на пальце, чужеземка?»

Я вытянула руку. Камень в кольце теперь также чуть светился, хотя и слабее, чем грифон.

Но едва я начала мысленно рассказывать: «Это я нашла в запертой комнате...» — как мне пришло в голову, что кот каким-то образом уже прознал об этом. Может, его бесило, что я вновь оказалась замешанной в тайну, которой не понимала? Я размяла пальцы другой руки, чтобы стащить кольцо и избавиться от него, если последует такой приказ от кота.

«Ты, ныне владеющая кольцом, когда-то была знатной леди, — пришла мысль, порождённая воспоминаниями событий, в которых я никогда не участвовала. — Если ты видишь, что кольцо не спадает с твоего пальца — оставь его себе в качестве подарка от неё. Только по её воле оно может передаваться от одного человека к другому».

«Кем «она» была?» — рискнула я спросить.

«Имена с годами забываются. Она когда-то жила, пылко любила, была отважна и отдавала всю себя служению другим. Она ушла от нас своим путём, когда настал час. Довольствуйся этим, чужеземка. Мне кажется, ты попала к ней в милость, хотя это выше твоего понимания».

Глаза внезапно исчезли, так же, как и кот из моего разума. Мне так хотелось обладать — о, как мне её недоставало! — самоуверенностью Керована, и мне хотелось узнать ещё больше. Но я понимала, что никогда этого не будет. Я подняла руку с кольцом к щеке, прижала камень к коже. Он был гладким и... Я не могла найти слов для того, что истекало из него в меня, утешая... словно прохладная рука, которую положили на пылающий в лихорадке лоб, или прикосновение холодной воды к пересохшим губам. Я снова улеглась, удовлетворённая, отбросив все мысли о будущем, зная лишь то, что рядом со мной лежит мой лорд, спит, и я могу дотянуться до него, мы вместе, и потому может произойти всё, что угодно... и я не думала, что потом может произойти такое, что отвернёт моё сердце от него.

Так что я легко уснула, а утром, когда солнечный луч проник в наше убежище, я встала, потягиваясь, разминая свои одеревеневшие конечности. Этой ночью я спала не на траве, а седельная сумка, которую я подложила под голову, была недостаточно мягкая.

Раздался какой-то звук. Я быстро посмотрела на Керована. Его волосы разметались по лбу мокрыми от пота, а в выражении лица было нечто такое, от чего у меня перехватило дыхание. Глаза его закрыты... он спит? Но что же это за сон, отчего его лицо исказилось, словно от боли?

Но затем оно приняло спокойное выражение, на нём снова застыло полное безразличие. Казалось, черты его лица выточены из тёплого коричневого камня — не было видно ни одной искорки жизни. Он казался памятником, поставленным в честь какого-то древнего героя.

Я так давно не видела его спящим... сбросившим всю ту защитную оболочку, которую он напяливал на себя, когда

просыпался. Таким он был те два-три дня, когда мы возвращались из Пустыни по пути домой после сражения с Роджером и тем демоном в женском обличии, которая дала жизнь моему лорду, но которая не была ему матерью. Тогда это было вызвано слабостью и шоком от сурового испытания в противоборстве этих двух сил Могущества.

Что будет дальше, я не могла знать. Да и Керован не разговаривал со мной на эту тему. Всадники-Оборотни посоветовали ему искать свой народ. Возможно, этим-то нам обоим и нужно заняться.

Долины... я решительно покачала головой. Мы уже выполнили свой долг. Мой народ в безопасности, насколько я могла этого добиться, Керован выполнил приказ Имгри. Мы ничем не обязаны Верхнему Халлаку и свободны.

А затем я осознала странность этой мысли, ибо я была чистокровной леди Долин. И всё же... Я схватила шар с грифоном, крепко прижала его к себе. Всю жизнь мне твердили, что опасно хранить таким, как я, какую-либо вещь Прежних. На ум пришло моё обращение к Элис — научить меня пользоваться Даром, подобным тому, которым она сама обладала и управляла. Я ошиблась. Она поняла это и избегала меня. Этот путь был не для меня. Да, можно научиться некоторым вещам: произносить заклинания, призывать силы Могущества. Но само Могущество не придёт таким образом — оно внутри тебя.

Грифон оказал мне помощь в темноте, когда таковая мне понадобилась, только тогда я поняла его ценность и как его можно использовать. Я хотела э т о г о. Что же ещё он может сделать, если я попытаюсь? Я потрогала его пальцем и погрузилась в размышления.

Я была уже не та Джойсан, что прежде, когда мы бежали из Итдейла. Но тогда кто же? Это должна узнать я сама. Как и мой лорд должен узнать, кто он такой, или что. В тот миг я наконец поняла, что эти поиски в настоящий момент являются самым важным для него.

И в то мгновение, когда как бы разрозненные картинки в моём сознании встали на свои места, давая мне новое

понимание, Керован открыл глаза. Однако этот суровый, замкнутый взгляд не исчез.

— Добрый день, — радостно приветствовала я его, чтобы убедить себя, что никакое равнодушие не оттолкнёт моего лорда от меня. — Ровная дорога тянется перед нами по этим долинам... и она приведёт нас... — затем я использовала древние формулы напутствий, добавив, чтобы к нам благоволила удача.

Он встал, провёл пальцами по волосам, так что, взъерошенные, они встали, словно петушиный хохолок. Глаза скользнули в сторону, так и не встретившись с моими. Я увидела, как его тонкие губы напряжённо сжались, будто он стоял перед необходимостью выполнить что-то нежелательное, но избежать чего он не мог.

Меня охватило желание спросить, в чём дело, но я понимала, что более мудрым будет промолчать, ожидая, когда он сам решит сказать мне об этом. И пока он не распахнёт дверь передо мною, я не должна пытаться проникнуть внутрь его, в ту его часть, которая была настоящим Керованом... которую он скрывал с такой отчаянностью от самого себя.

Ни слова не говоря, он встал. Повернувшись ко мне спиной, прошёл к дверям и выглянул во двор, словно по какой-то причине не хотел, чтобы я видела его лицо. А может, он не хотел сам смотреть на меня?

— Возьмёшь кобылу и пони с поклажей и отправляйся. Тебе нужно ехать на восток, — по-прежнему Керован стоял спиной ко мне.

А затем повернулся, словно, услышав скрип сапог какого-то зрага, должен был встретить его лицом к лицу.

Но выражение замкнутости исчезло с его лица. Я видела там лишь боль — боль, которая заставила меня вскочить на ноги и сделать несколько шагов к нему.

Он выбросил вперёд руку, чтобы оттолкнуть меня. Несмотря на твёрдую решимость сохранять терпение, в этот момент я испытывала настоящие мучения.

— Я... не могу... уехать, — я с паузами выдавливала из себя эти слова, и каждое из них причиняло боль.

— Клянусь жаром Истинного Пламени! — прогрохотал Керован, словно бросая воинственный клич. — Я должен ехать... на запад! — он поднял руки, чтобы прикрыть лицо и, закрывшись таким образом, произнёс несколько слов, приглушённых и с холодком отчаяния: — Там могут быть ловушки... Я могу угодить в них и погибнуть... но ты... ты должна уехать!

— Керован! — властно воскликнула я, чтобы он наконец-то прислушался и ко мне. — Я также имею право выбора... — я совсем потеряла контроль над собой и бросилась к нему, оказавшись совсем рядом. С силой, о которой даже не подозревала, я рванула его руки вниз, чтобы взглянуть ему в глаза.

Вот теперь его глаза точно были живыми! Губы криво изгибались, а глаза пылали, как янтарь на солнце. Я и раньше видела, как пылающая ярость вспыхивала на лицах мужчин, и сейчас он едва сдерживал эту ярость, так что я заколебалась, но всё-таки не отпускала его. Так мы и стояли, связанные этим прикосновением, хотя я понимала, что в любой момент он может вырваться.

— Я пойду с тобой, — ровным голосом объявила я. — Я всегда поступала, как хотела. Ты можешь связать меня, но как-нибудь я освобожусь и отправлюсь вслед за тобой.

— Ты что, не понимаешь? — воскликнул он. — Ты мне не нужна. Ты просто помеха, ты мне ничем не обязана. Я же тебе это уже много раз говорил. Мне не нужно никакой леди! Кроме того... я покончил со всем в Долинах! Со всем! Мне теперь до них нет никакого дела!

Рассматривая его вблизи, я заметила в нём одну странность. Он избегал моего взгляда, и даже когда с такой взволнованностью говорил эти слова, казалось, что кто-то другой вкладывает их в его уста. Это был не тот Керован, которого я знала. Я вспомнила страдания, написанные на его лице, когда он спал... и сделала глубокий вдох.

Он не ранил меня этими словами, нет, хотя и вёл себя так, словно я внушала ему отвращение... так что я не могла и надеяться когда-либо соединиться с ним так, как Элис с Джервоном. Ну, да... ведь этого же от него и ожидали...

ожидали! Какие чары наложили на него, пока он спал? Теперь, внимательнее приглядевшись к нему, я увидела, что хотя он и смотрел на меня, но как-то странно, не фокусируя взгляд, как будто не видя меня, может быть, даже не сознавая, где находится и что делает.

Да только я теперь не оставалась той кроткой девицей, какой была в замке. Я бросила всё, когда отправилась из Норсдейла. И научилась... кое-чему. Я чувствовала, что впереди нас ждёт что-то ужасное... возможно, битва, страшная битва. Но, когда пробьёт её час, я повернусь к своим врагам лицом и встречу их. Керован не может прогнать меня какими-то словами.

— Ну, хватит! — медленно проговорила я. — Мы одни в этом краю, совсем не дружелюбном. Совсем одни, как раз поэтому-то и должны отправиться вперёд вместе.

Он моргнул, словно только что проснувшись. Увидев происшедшую с ним перемену, я выпустила его руки. Он покачал головой, словно что-то, едва осязаемое, упало ему на лицо.

— Дождь кончился. И сияет солнце...

Я стояла, сбита с толку такой резкой переменой в нём. Возможно, только теперь он по-настоящему подошёл к дверям. И никогда не произносил тех безумных, причиняющих боль слов. И, поскольку я хотела получить хоть какое-то объяснение, то рискнула спросить:

— Ты снова видел сон?

— Сон? — переспросил он, словно никогда раньше не слышал этого слова или не понимал его значения. — Может быть. Когда кто-то спит, приходят грёзы. Мне... мне кажется, — неуверенно начал он, словно чуточку удивлённый, — я снова попал под чей-то контроль... и но на этот раз это был не Имгри. Тебе лучше не ехать со мной.

— Ты часто признавался, — подчёркнуто осторожно начала я (я не доверяла его поведению. Может, действительно настоящий Керован вновь находится некоторым образом под чьим-то контролем? Я знала лишь то, что теперь мне нужно быть постоянно настороже), — что тебя волнует моя безопасность, и поэтому ты не позволишь мне

ехать одной, — я была по нему своей беспомощностью, беспомощностью, которой в себе не ощущала. — Разве я едва не погибла, попав в ловушку сил Тьмы, и разве можно, если здраво поразмыслить, надеяться, что такого вновь не случится?

— Ты свободна, — тупо повторил он старую фразу, огонь жизни снова покидал его, возвращался тот замкнутый в себя взгляд, словно он был заперт в стенах, которые я не смогла разрушить.

— А ты сам? Не забывай, Керован, однажды я уже потеряла свободу. Когда меня схватили, чтобы принудить служить силам Тьмы. Что ты тогда сделал?

Он отвернулся от меня в сторону, словно не слышал больше моих слов. Он словно постарел.

— Ты не понимаешь, — промямлил он. Мне захотелось потрясти его, вырвать из состояния, в котором он пребывал. Но в то же самое время я знала, что в этом нет никакого смысла. Керован склонился рядом с сумкой, которую снял с пони накануне вечером, и теперь искал в ней пакет с едой.

— Они и не подозревают... — монотонно бубнил он, и я вздрогнула, осознав, что говорит он не со мной... Керован затерялся где-то в другом месте, и не было способа выгнать его из той страны призраков. — Нет, они не знают, что они пробудили к жизни, эти глупцы из-за моря. Это нападение на Долины — только уловка. Он призвал их к себе.

— Керован, — я опустилась на колени рядом с ним и тихо спросила, — кто это ОН? Из твоего сна?

Он покачал головой.

— Я не могу тебе сказать. Не «не скажу», но «не могу». Я был... Нет, этого я не знаю. Но там есть тот, кто ждёт... и я должен идти.

— Но мы пойдём вместе, — ответила я, призвав на помощь всё мужество, какое только имела. Мне показалось, что моим спутником стал умирающий человек, который ещё может говорить и передвигаться, но внутренне уже полностью опустошённый. Я попыталась

вспомнить имя, которое он выкрикнул во время битвы тех Могуществ... но не смогла. Возможно, подобные имена не в состоянии произнести человеческие губы.

Я обнаружила, что потеря того Керована, которого я знала, ещё более ужасна, чем когда он выехал из Норсдейла. Если бы мы больше делились между собой, больше узнали друг о друге, когда мы были по-настоящему близки, возможно, его не смогли бы так легко околдовать. И всё же я не позволю ему уехать одному. Должен же найтись способ вновь вернуть к жизни настоящего Керована.

Перекусив, я занялась устройством сумок, которые Элис оставила мне. Наконец я обнаружила расчёску и привела в порядок волосы. Как жаль, что я лишилась оружия, когда меня схватили фасы. Керован не просил, чтобы я вернула ему нож, поэтому я засунула его себе за пояс в ножны.

Перед уходом я воспользовалась возможностью собрать ещё несколько дынь в дополнение к нашим припасам. И никаких признаков тех кошек.

Керован всё молчал. Да я и не пыталась его беспокоить. Иногда его взгляд натёкался на меня, но казалось, он меня не видел. Вот так мы и поскакали вперёд от развалин, направив наших коней вниз к дороге. Керован настоял, чтобы я скакала на кобыле, в то время как он пошёл пешком, ведя на привязи пони рядом со мной.

То, что здесь недавно прошёлся ураган, было видно по сломанным веткам и вырванной траве, но сейчас над головой ярко сияло солнце. А дорога всё так же тянулась в сторону холмов, или — как мы позднее обнаружили — с к в о з ь них!

Меня удивила такая гигантская работа: то, что они просто пробили в скалах туннель, чтобы проложить дорогу вперёд. Должно быть, это заняло много лет... или же это был результат какой-то мощной магии, понять которую людям не дано. Мы остановились перед входом в этот туннель, чтобы пообедать и дать возможность нашим коням пощипать траву.

Пока мы скакали, мне часто казалось, что, хотя Керован

и шагал рядом со мной, сам он витает где-то в другом месте. Меня пробирал озноб, а надежда, что он вернётся, таяла. Если он в руках Прежнего, знающего силы Могушества, как могла я освободить его?

Когда я резала дыню ножом, он вдруг сказал:

— Ты сделала неверный выбор.

— Но я его сделала, — коротко ответила я.

— Так что в том, что случится, будешь виновата ты сама...

Какое ужасное пророчество хотел он сказать, я так и не узнала. Я увидела, как расширились его глаза; взгляд переместился от меня куда-то вдаль. Возникло сильное чувство холода... словно ветер принёс замёрзшую льдинку — которая угодила в лопатку.

Керован вскочил на ноги, в миг избавившись от своего похожего на транс состояния. Я видела, что за шлемом скрывается то же лицо, что было у него, когда он вскидывал стальной меч, чтобы разить Гончих.

Этот холод проникал внутрь меня. Это не было материальным оружием... и всё-таки оно могло убивать. Я упала на один бок, перевернулась, а затем вновь выпрямилась. Рядом стоял Керован, слегка согнувшись, словно готовый прыгнуть. Однако он не вытащил меч. А то, что ждало здесь долгие годы, поднялось прямо у обочины дороги...

Женщина, темноволосая, с гибким телом и внешностью демона. Лицо искажено маской ненависти и отчаяния. И хотя ветер шевелил траву у её ног, ни одежда её, ни вуаль даже не колыхнулись. Я узнала её... Но ведь она мертва! Поражённая своей же грязной магией.

Это была леди Тэфана, та, кто породнилась с Тьмой, чтобы родить сына, но её ждала неудача, когда оказалось, что её сын — совсем не такой, как она предполагала. Тэфана стояла и смотрела на нас, а в глазах её светилась та же неприкрытая ненависть, которая горела в ней в последние секунды жизни.

Но она ведь давно мертва! Я не могла поверить в то, что видела. Это какой-то обман.

Керован шевельнулся, когда я покачнулась, крепко

прижимая к груди грифона. Я не позволила, чтобы мной овладел страх перед этим призраком из прошлого.

Теперь у неё в руке не было жезла. Ну да, ведь он разлетелся на кусочки во время той битвы. И она не поднимала руки, чтобы призвать к себе силы. Тэфана только стояла, глядя на непокорного сына пылающими глазами. Не глазами — скорее пустыми глазницами в черепе, без кожи и плоти.

— Идиотка! — раздался крик Керована. На его лице снова застыла невозмутимость. — Идиотка, — он поднял вверх руку. На запястье вспыхнул голубым пламенем его браслет. Луч света ударил в мёртвую голову женщины. Но, казалось, что он угодил в какую-то преграду, отразившись куда-то вбок.

— Покажись! — губы Керована исказились в волчьем оскале. Он приказывал так, словно был уверен в себе и своём могуществе.

Это иллюзорное существо (если это была иллюзия) шевельнулось. Её рука быстро взметнулась вверх. И я увидела клешнеподобную руку, когда рукав упал вниз. А затем она бросила то, что держала. Полоса пламени понеслась по воздуху.

Этот снаряд был направлен прямо в голову Керована. Но он быстро среагировал, вскинув в защите свою руку к лицу. Раздался грохот, напомнивший удар молнии, а затем яркая вспышка, так что на мгновение я ослепла и не могла ничего видеть.

Как в тумане я смотрела на раскачивавшуюся женщину. И видела горевшую в её глазницах жгучую ненависть, которая постепенно угасала, в то время как голова её превращалась в призрачную чёрную массу. Пламя пожирало её тело. Казалось, она пытается поднять руки в бесполезной попытке защититься, пальцы оставляли в воздухе чёрные следы. Мне захотелось закрыть глаза, но я всё ещё не могла этого сделать.

— Это всё, что ты можешь? — до меня донёсся искажённый эхом голос Керована. — Вызывать мёртвых — это признак слабости!

— Слабости... слабости... слабости... — возвратилось эхо.

Ужасное создание отступало, уменьшаясь в размерах. Керован стоял, с застывшим лицом, глядя, как оно исчезает. И когда его совсем не стало, он повернулся ко мне.

— И это только начало. Может быть, это только проверка, или предупреждение.

— В этом... не было никакой силы, — еле выдавила я из себя.

Керован покачал головой.

— Мы не можем быть в этом уверены. Никогда нельзя быть уверенным ни в чём, когда имеешь дело с Могуществом... — он погладил другой рукой браслет на запястье. — Мне кажется, нам здесь не пройти, нам не дадут покоя в этом краю... до тех пор, пока мы, наконец, не встретимся в последней битве с...

— С Тэфаной? Но ведь она мертва...

— С другим существом, имени которого я пока не знаю, и он направит против меня — и тебя, потому что ты со мной, — всё, что только сможет призвать, чтобы покончить с нами.

И всё-таки, говоря это, он не казался потерявшим всякую надежду или даже чем-то обеспокоенным. И не закрывал лицо, полненное энергией. В нём бурлила новая жизнь. Я чувствовала, что его скорее возбудило, окончательно пробудив, а не встревожило это ужасное предупреждение.

Глава 16

КЕРОВАН

Мне показалось, что передо мной встаёт чёрный, со шрамами, призрак из прошлого, словно повернулось вспять само время. Та, кто дала мне жизнь, но кто никогда не был моей матерью. Только теперь она стояла одна, без Роджера с его Силой, которую он так и не научился правильно

использовать. И у неё не было жезла, этого символа власти, который исчез в небытие во время нашей последней схватки в прошлом. Тем не менее я поднял руку, словно щит, но не потому, что на запястье был браслет, который так хорошо служил мне.

И я начал говорить, но это были не столько мои мысли, сколько того, другого, кто пробуждался сейчас во мне, и чьего присутствия — его сущности — я так боялся. И всё же я не мог избавиться от мысли, что этот незванный гость добьётся большего, чем вся наша отчаянная борьба, чтобы вышвырнуть Гончих Алисона из Долин.

Итак, произнося эти слова под властью какого-то колдовства, я собирал всю свою волю, концентрируюсь на браслете, призывая на помощь всю его силу. Я не понимал, что говорю, что делаю, потому что только так можно было противостоять этой... этому существу. Ибо то была мёртвая женщина, снова возвращённая к жизни злой силой... хотя в это я ещё сам до конца не поверил.

В ответ на мою мольбу в эту иллюзию ударил луч света, но щит призрака оказался таким крепким, что свет не смог его пробить, и лишь пробежал по щиту, пытаясь проникнуть сквозь него и уничтожить это мёртво-живое создание.

Я видел, что она несёт смертельную угрозу. Руки её вздёрнулись, словно к запястьям крепились ниточки как у марионеток. И это было бессмысленно, потому что ей не мог помочь мой страх — ей, бывшей воплощением (или кем она должна была быть) ужаса и отвращения. Но мы никак не реагировали на это, не позволяли усилить её таким вот образом, и она, вспыхнув, исчезла. Ещё раз она стала жертвой свой давней ненависти. Но кто же хотел использовать её так... и зачем?

Отвратительные чёрные отростки начали произрастать из её рук. Но вдруг они остановились, не в силах продолжать плести свой узор. И я почувствовал внутри себя жалость. Неужели это всё, на что способны силы Тьмы? Конечно, никто из истинных кудесников не призвал бы на помощь столь жалкого защитника.

Было ли это в действительности иллюзией самой Тефа-

ны, остатками сохранившегося зла, ещё раз обретшими видимую форму, поскольку как же сильна должна была быть её ненависть, чтобы сохраниться и после самой смерти? А может, в Пустыне даже такой испорченный дар, как у неё, способен на это?

Только... она потерпела неудачу. Смерть поглотила её во второй раз, и, быть может, именно огонь её ненависти, вспыхнув ярким пламенем, сжёг её дотла. Она сгорала. Я ещё долго наблюдал, как пылало её подобие, не уверенный, что она не бросится на меня ещё раз. Было ли это делом рук Галкура?.. Хотя, конечно, такие, как он, представляют собой куда более серьёзную опасность.

Я вздрогнул, когда раздался голос Джойсан. Я совсем забыл о ней.

— Это была иллюзия... или нет, Керован? Ведь она... я же знаю, она мертва!

Не будь я настолько погружён в свои мысли, захваченный врасплох, то ответил бы с большей осторожностью, стараясь, чтобы это походило на правду.

— Она очень сильно ненавидела меня. Возможно — в этом краю Могушества — какая-то её часть оставалась живой, и, собрав достаточно сил, чтобы...

— Разве может быть так, чтобы ненависть сохранялась после смерти? — я увидел, как Джойсан, пристально посмотрев на меня, вздрогнула.

Оболочка, в которую я был заключён после сегодняшнего ночного сна, треснула и отвалилась, когда я приготовился сражаться. Я подошёл к ней и стиснул её руки. Они дёргают нас за ниточки, как марионеток, эти обладатели Могушества. Теперь мне не нужно было от них ничего — ни помощи, ни нападения. Я желал лишь сражаться против них — со всеми! Теперь я чувствовал — это единственный путь. Я должен сохранить в себе частицу реального мира — остаться Керованом. Джойсан была моим прибежищем. Моим прибежищем? Это что, яд Могушества уже прикоснулся ко мне, что я начал прикидывать, как бы использовать её для своих целей.

Джойсан была настоящей. Она выражала любовь, а не

ненависть, хотя я не мог ответить ей тем, что мог бы назвать истинной любовью. Я не использовал Джойсан... и не буду использовать! Я спорил с самим собой, но одновременно крепко прижимал её к себе.

Тело Джойсан подходило к моему так же, как две половинки, соединившись, образуют единое целое. Я целовал её во второй раз с тех пор, как узнал её, и теперь осознавал, какая же в ней таится глубина мужества и силы духа. Она была такой прекрасной и преданной, о какой только может мечтать мужчина в этом мире обмана, загадок и тёмного зла.

Мы прижались друг к другу, и теперь я даже радовался появлению этого впавшего в ярость призрака моей матери. Потому что теперь мы были вместе — и сильнее любых тайных происков Пустыни.

Локон волос Джойсан упал ей на лицо, и я поцеловал его с нежностью. Она снова положила руки мне на плечи, лёгкие, как пёрышки, но я ощутил их милое давление сквозь доспехи... и это ощущение останется со мною навсегда.

— Керован, — выдохнула она, — если из-за этой фальшивой иллюзии ты наконец-то оказался со мной, то, может быть, нам следует почаще подвергаться нападениям!

Ещё раз я коснулся губами её губ, надеясь, что она не сможет прочесть выражение моего лица. Потому что только на эти несколько мгновений я был вырван из потока времени и был человеком — целостным человеком. А теперь на меня вновь навалилось принуждение — хотя я и пытался с ним бороться, но на этот раз с ещё более крепкими тисками. Я поцеловал её... но чувство уже ушло.

Она быстро провела руками по моей груди и оттолкнулась, отскочив назад, потому что я сразу же разжал руки. Когда она посмотрела на меня, в её глазах стояло беспросветное отчаяние, и я ощутил эту боль, хотя и не мог отвечать на её чувство так, как я этого жаждал — да! — как я жаждал, даже будучи околдованным.

— Ты... ты снова покинул меня, — её голос был совсем

тихим, неровным, словно она вот-вот зарыдает, и одна только гордость удерживает её от этого. — К чему всё это? Что есть во мне такого, что тебе не по душе? — она свела свои обветренные и загорелые руки вместе жестом человека, доведённого до грани отчаяния. Розовое свечение её кольца сменилось в этот момент серым.

Я повернулся, не в силах более глядеть на неё — с таким сверкающим взглядом, прелестными глазами и чертами лица. Тот, другой, что вёл сейчас схватку со мной не на жизнь, а на смерть, сражался с таким упорством, что тело моё на мгновение оказалось парализованным. Но всё это было безнадежно. Я был крепко-накрепко привязан к будущему, которого не понимал и не желал, и там, быть может, не окажется места даже для Джойсан, несмотря на всё величие её души.

— Это не твоя вина... не твоя! — резко сказал я. — Никогда не думай, что Ты потерпела неудачу, — позволить ей так думать было бы слишком жестоко с моей стороны. — Это моя вина — проклятье лежит на мне. Поверь этому, пожалуйста, поверь этому!

И снова я повернулся к ней лицом. Я хотел положить руки на плечи Джойсан и трясти, пока она не даст мне обещание, что сделает то, о чём я попрошу её. Это была истинная правда — у меня нет ничего, что я мог бы дать ей, и я не буду, не буду принимать — пока она такая же бледная, как кольцо на её руке — знаков любви от неё, которых сам не был способен дать ей. Она д о л ж н а понять это!

— Я верю тебе, — ответила Джойсан. Она стояла, обессиленно уронив руки, но выпрямившись и с поднятой головой, рыдая, но уже без того разрывающего душу взгляда. — Я верю тебе, да, верю. Но только я верю и в то, что где-то там, внутри тебя, всё ещё находится в плену мой лорд Янтарь, и ты ещё вернёшься ко мне.

Лорд Янтарь? Мгновение я пребывал в замешательстве, пока не прояснилась память. Этим именем Джойсан назвала меня при нашей первой встрече, когда она возглавляла своих людей, — тогда она принимала меня за

одного из Прежних, зачем-то пришедшего к ним на помощь.

— Ты — это он, и ты — Керован, — продолжила Джойсан, — хотя ты также можешь быть и другим. Но в любом случае ничто не заставит меня покинуть тебя. Ты не сможешь принудить меня... не сможешь никогда!

Я не спорил с ней. Я должен был принять во внимание её нестигаемую волю, той же закалки, что и мой меч. И я так боялся — за неё. Мне хотелось умчаться вперёд... бежать... но всё равно я должен был признать её правоту.

Мы сделали все приготовления на ночь, несмотря на то создание зла, которое материализовалось здесь. Чуть дальше впереди зиял пролом в стене, к которому устремлялась дорога — теперь скрывшаяся в тени, и у меня не было особого желания путешествовать по ней в сгустившихся сумерках. И вновь, не способный по-настоящему отдохнуть, я следил за появлением на ней отпечатков чьих-то ног, перемешавшихся как бы в тумане, так что создавалось впечатление, что по дороге идут множество людей, не видимых и не слышимых в этом мире. Сна не было ни в одном глазу. Фактически мне и не хотелось забыться в нём, с этим можно было подождать. Достаточно этих снов.

Но, похоже, и Джойсан не особенно была расположена к отдыху. Она присела рядом со мной и также стала следить за дорогой, одной рукой обхватив грифона в кристалле, крепко прижимая его к груди.

— Они идут... — наконец разорвала она долгое молчание, но произнесла эти слова почти что шёпотом. — Интересно, живые эти невидимые существа, или же они заколдованы бесконечно путешествовать по этой дороге? Или они только призраки из прошлого?

Я удивился, хотя и непонятно почему, что она тоже может видеть эти туманные отпечатки следов.

— Я думаю, — добавила Джойсан, — что они идут с какой-то миссией, хотя их время, их мир больше не являются нашими. Керован, — она так быстро переменяла тему разговора, что этим испугала меня, и я ответил ей, чего не собирался делать, — о чём твои сны? Может быть, они из другого мира или времени?

— Я не знаю. Я... — и тут словно какая-то рука крепко зажала мне рот и не дала говорить. Я не мог, даже если бы захотел, рассказать ей о том сне. Если это был сон.

— Керован! — она схватила мою руку, хотя старалась не прикасаться ко мне после того, как я закрыл перед ней свою душу. — Взгляни!

Она указывала вперёд, в сторону пролома, через который вилась дорога, как белая лента между двумя высоченными глухими стенами. Там кроме сияющих в ночи символов, звёзд и множества отпечатков ног можно было заметить ещё кое-что.

Тёмные комки падали сверху с холмов прямо на дорогу, и в увеличивающемся количестве пятен я увидел проявление зла. Я тут же подумал о военных машинах, виденных мною в лагере Имгри, которые предназначались для швыряния камней в самую середину вражеской армии.

От самой дороги, в свою очередь, исходило сияние. Падение камней (резкие звуки ударов о дорогу) и комков земли продолжалось. Не было ли это попыткой засыпать дорогу, запечатать проход?

Я вскочил на ноги, одновременно наклоняясь, чтобы помочь встать Джойсан.

— Мы должны идти — и немедленно! — если дорогу засыплет, мы пропали! Снова чужое знание, которое не могло быть моим, всплыло у меня в голове, будто скрывалось там в ожидании этого момента.

Джойсан окинула меня твёрдым взглядом и кивнула.

— Если это должно быть сделано — что ж, так тому и быть! Оставим здесь наши сумки. Я поскачу на пони, а ты возьми Бьюрал.

Мы схватили бутылки с водой и часть припасов — то, что было поближе, оставляя остальное на произвол судьбы. Как и до этого, ни одна из лошадей не выказывала страха перед этой дорогой... поначалу. Впереди тёмные кучи нагромождались друг на друга, но это длилось недолго, так как вскоре эти завалы стали как бы растекаться грязными ручейками. Казалось, от прикосновения к дороге куски земли становились жидкими и потоком устремились к обочинам.

— Этот запах — запах фасов! — закричала Джойсан.

Я также почувствовал его, ту самую вонь, которая исходила от развороченной земли на лугу, где Джойсан угодила в ловушку, но только ещё более отвратительную. Кобыла, издав громкое ржание, мотнула головой, ей ответил пони. Лошади упирались, но я заставлял, прилагая все силы, идти свою вперёд. Джойсан не позволит своему пони повернуть назад; я слышал её подбадривающие крики.

Упавшая земля ручейками стекала с поверхности дороги, в то время как вонь, напротив, буквально пропитала всё вокруг. Я заметил движение на гребне скалы, намного выше стен пролома, хотя и не мог чётко разглядеть фигуры существ, пытавшихся с таким бешенством преградить нам путь в горы. Они стали видны лучше, когда спустились пониже, пытаясь обрушить эти холмы. Похоже, им не удалось забаррикадировать дорогу, и теперь они решили попытаться схватить нас, как им уже однажды удалось, когда они поймали Джойсан в земляную ловушку, потому что только такого рода было их Могущество.

Передние копыта кобылы плюхнули по первому ручейку чёрной почвы, и она издала такой дикое ржанье, какого я ещё никогда не слышал, а затем прыгнула вперёд, словно наступила в груды горящих углей. Я услышал хлопающий звук, когда она вырвалась из засасывающей земли.

— Скачи — и поживее! — бросил я назад Джойсан и выгашил меч.

Ей не нужен был этот приказ, потому что она уже погоняла пони, ударяя его по крупу. Чёрные потоки уплотнились вокруг ног обеих лошадей, словно пытаясь, как трясина, затащить нас вниз. А затем я увидел, как грифон, заключённый в шар, начал светиться, всё ярче и ярче. От него исходил луч яркого света. Пробудился и браслет на моём запястье, загоревшись холодным пламенем.

Джойсан сняла цепочку с шеи и начала размахивать шаром. Его сияющий свет разгорался всё сильнее, и липкая чёрная грязь, сплошь покрывавшая дорогу перед

нами, начала уклоняться в сторону от этого сияния, как человек уклоняется, когда ему угрожает болезненный удар.

Моя спутница сжала пони коленями, и конь успокоился, так же, как и моя кобыла, когда сияющий шар пронёсся над её головой. Моя леди двинулась вперёд, и вместе с этой грязью уползали с её пути и те земляные кучи и камни, которые всё ещё падали на дорогу, и, таким образом, мы шли в узком коридоре, где нам ничто не угрожало.

Я слышал вопли атакующих. Там, с холмов, по обе стороны от нас, где они до этого молча пробирались под прикрытием темноты, теперь раздавались гортанные крики. Их призрачные силуэты карабкались вверх. Я был уверен, что они послали вниз по обеим стенам другие группы, чтобы перехватить нас. Но только они не могли, не отваживались, не рисковали ступить на саму дорогу.

Оба наших коня покрылись потом; и этот противный животный запах смешался с вонью фасов. Лошади мотали головами, но продолжали уверенно скакать вперёд, пока мы не достигли дальнего края земляного оползня.

Крики карабкавшихся по скалам усиливались. Я приготовился в скором будущем к атаке, когда фасы дойдут до полного отчаяния, что мы ускользаем. Джойсан по-прежнему размахивала шаром в воздухе, словно мячом. При его свечении я в одно мгновение чётко разглядел существо, которое выбросило вперёд, закрывая глаза от света, лапу, похожую на обрубок, издало пронзительный вопль и исчезло, вцепившись в стену, по которой стало карабкаться, как ящерица. Всё тело его было в волосах, и в нашу сторону смотрели глаза, бледные диски, поблескивавшие из-под спутанной массы, покрывавшей его голову. А затем тьма поглотила и их.

Оказавшись в безопасности, где нам не угрожала бомбардировка камнями, наши кони тем не менее убыстрили свой ход, и мы не пытались сдерживать их стремительное бегство. Лучше побыстрее убраться подальше от этих фасов. Я надеялся, что они не смогут догнать нас, так как, если судить по силуэтам их тел, они не предназначены для долгого преследования.

Прямая как клинок меча, перед нами распростёрлась дорога, залитая ярким светом, словно при полной луне. И это было очень кстати, так как сияние шара Джойсан стало угасать, в то время как с каждым шагом наших коней валуны и скалы с обеих сторон от нас вставали всё выше и выше. Наверное, мы скакали по дну какой-то глубокой расщелины...

Глубокой расщелины? Я почувствовал, как по телу пробежал холодок — это же та самая расщелина, что была в моём сне! Только здесь я скакал по её дну, а не парил над ней в небе. Я запрокинул голову и посмотрел назад. Теперь я видел ночное небо... бледные звёзды в вышине... Казалось, что я пойман в ловушку, заточён в темницу. Я попытался глубоко вдохнуть, чтобы наполнить лёгкие воздухом, которого вдруг стало не хватать, словно я на самом деле оказался погружённым в ту жидкую землю, которая осталась позади.

Я взглянул на Джойсан и увидел, к моей тревоге, что её тело валится вниз. Она держалась обеими руками, но не за импровизированные поводья, которые мы сделали для пони, а за гриву.

— Джойсан!

Я заставил кобылу подойти поближе. Услышав мой крик, она слегка приподняла голову, поворачиваясь побелевшим лицом ко мне. И я еле успел подъехать к ней, подхватить и удержать её обмякшее тело, когда она с закрытыми глазами уже готова была выскользнуть из седла.

— Джойсан!

Я крепко держал её рукой за талию, хотя пони фыркнул, когда моя кобыла слегка толкнула его, и попытался отпрыгнуть в сторону. Но мне каким-то образом удалось взять свою леди на руки и уложить головой на своё плечо, лицом к небу. Глаза её по-прежнему были закрыты.

— Джойсан! — в третий раз закричал я, но теперь в полную мощь. Шар на её груди больше не светился, даже хотя бы небольшим, тусклым свечением, указавшим бы на его деятельность. Не сжёг ли он себя? Не привело ли это

доблестное использование его силы, благодаря которому мы благополучно отразили атаку фасов, к тому, что энергия, которую можно было вызвать из него, исчерпалась полностью?

И Джойсан — что произошло с нею? Я вспомнил её рассказ о том, как она заставила своей волей грифона вывести её из подземной пещеры, и о том, что после этого она почувствовала себя чрезвычайно ослабевшей. Возможно, то, что она уже во второй раз за такой короткий срок использовала его, оказалось слишком большим испытанием для неё. Меня изводило собственное бессилие. Только благодаря одной Джойсан мы невредимыми выбрались из этой битвы с силами Тьмы... отнюдь не благодаря мне. И теперь мне следовало помочь ей... и ободрить...

— Джойсан!

Только после этого четвёртого крика веки её зашевелились. Она вздохнула, но ничего не сказала и не посмотрела на меня. Я не знал, как долго сможет кобыла нести двойной груз. Поэтому должен был слезть с неё и идти дальше пешком, поскольку стало ясно, что Джойсан не в состоянии теперь ехать на пони. Оставаться здесь, где над нами маячили очертания скал, было глупо. Фасы вполне могли повторить свою попытку, но на этот раз уже с успехом. Мы должны были выбраться из расщелины — если у неё только есть конец... С удивлением я глядел вперёд, и мне всё больше и больше становилось не по себе.

Я привязал девушку к седлу кобылы — она весила так мало. Пони не выдержал бы моего веса, но у меня-то были крепкие копыта на ногах — ими я и воспользовался. Покрытие дороги было гладким и ровным. Я начал передвигаться рысцой, обнаружив, что легко поспеваю за кобылой. Пони трусил по другую сторону от меня, ибо я старался держаться поближе к Джойсан, боясь, что если верёвки соскользнут, то она сразу упадёт.

Казалось, она просто погрузилась в глубокий сон. Я смотрел то на неё, то на холмы по обе стороны дороги. И хотя я вслушивался в любые звуки, которые перекрывали стук копыт, но так ничего и не расслышал.

Вони больше не ощущалось. Однако я знал, что сама земля подчиняется воле фасов, и от них вполне можно ожидать новой каверзы. Я не рисковал покидать дорогу.

В ту ночь я так и не заснул. Я шёл, как в старые времена, когда служил разведчиком и во время морозной пурги оказывался захваченным каким-нибудь шквалистым ветром, пытавшимся швырнуть моё жалкое тело на землю.

Одеревеневшие ноги, устав от ходьбы, начали ныть. Через некоторое время я заметил, что кобыла перешла на ходьбу, тяжело дыша и фыркая, а пони, опустив голову, плёлся, отстав от нас на три-четыре шага. Но всё также упрямо следовал за нами.

Я огляделся затуманенными глазами. Холмы стали пониже. Теперь они не производили впечатления, будто простираются до небес. Я постоял так некоторое время, кобыла снова фыркнула. Порывшись в седле, я достал бутылку с водой и сделал глоток, совершенно не утолив жажду. Мы в такой спешке покинули лагерь, что это была вся наша вода. И Джойсан тоже нужно было напиться.

Я заставил кобылу двигаться дальше, но теперь она устало шагала, время от времени останавливаясь, пока я не дёргал за поводья или шлёпал по крупу. И я был так поглощён этим занятием, что не заметил, как кончилась ночь, и холмы по обе стороны дороги осветились сероватыми лучами зарождавшейся зари.

Вот так хромой тащил хромого, пока внезапно не обнаружил, что мы наконец-то вышли к концу этого разлома, поперёк которого лежала долина и...

Дороги больше не было!

Я покачнулся, тупо уставившись вверх на скалистую стену горы, возвышавшейся как раз перед нами. И дорога упиралась прямёхонько в неё, как будто всю эту гору перенесли с какого-то другого места и бросили здесь, чтобы перерезать нам путь.

Каким-то образом мне удалось спустить Джойсан вниз. Дальше дороги не было. Местность здесь была открытая, так что враг не мог незаметно к нам подкрасться и атаковать. Я совсем выдохся, как и кони. Невдалеке в этой

долине протекал ручей, и здесь росла трава. Я уложил Джойсан, подсунув ей под голову сумку, и устроил её как можно удобнее.

Лицо её было бледным, тело лежало безвольно. Если она по-прежнему спала, то, должно быть, крепко. Лошадь отправилась к воде и погрузила морду в ручей. Рядом уже расположился пони. Я опустился рядом с Джойсан, положив обе руки на её ладонь с кольцом. Голова моя стала клониться на бок, хотя я и знал, что должен охранять её.

Однако я слишком устал, чтобы думать о будущем, за исключением того, что подъём этой горы вытянет из меня все силы. А попытаться подняться по её отвесным склонам без пищи и помощи со стороны — нет, об этом не стоило даже мечтать.

Должно быть, вскоре моя голова поникла...

А потом...

Потребность — настоящая потребность — охватила меня, заполнила и вытеснила из меня всё, за что я так упорно цеплялся: ту часть Керована, которая была человеком... ту часть, которая тянулась к Джойсан... ту жизнь, о которой он знал. Я стал... другим...

Глава 17

ДЖОЙСАН

Проснулась я уже при свете дня. Стряхнула с себя туманные сны и страхи. Позади осталась крошечная тьма, и в её тенётах шевелилось зло. Даже слабое воспоминание об этом заставило меня содрогнуться. Возможно, призрак леди Тэфаны и не обладал достаточным Могуществом, но что-то, гораздо более худшее, могло преградить нам путь. Меня удивляло, почему же силы Тьмы не использовали против нас всей своей мощи, ибо я не понимала, каким образом мы смогли бы отразить такую атаку. Я была бы вынуждена ещё раз направить свою волю на грифона и...

Я подняла голову и огляделась. Я лежала на поверхности

дороги с небольшой сумкой под головой. Здесь не ощущалось вонь фасов. Очень медленно поворачиваясь, я с огромными усилиями обнаружила, что над нами больше не нависают скалистые стены разлома. Должно быть, мы каким-то образом одержали победу, хотя я не понимала причин этого. Но теперь перед нами возвышалась настоящая гора, её гребень скрывался в тумане или в облаках, и снизу нельзя было сказать, какой высоты она достигала.

Дорога подходила прямо к круто поднимавшемуся вверх склону, а затем... С места, где мы находились, казалось, что какое-то Могущество передвинуло эту гору сюда и перегородило дорогу, поставив непреодолимую преграду. Просто голая скала — с трещинами, пятнами, какими-то отметинами, указывающими, как мне подумалось, на нападение неведомой неистовой силы.

Прямо передо мной стоял, повернувшись ко мне спиной, Керован. Пальцы его бессильно обвисших рук безостановочно то сжимались в кулак, то снова разжимались. А тело было как-то неестественно напряжено, как будто желание добиться своей цели только добавляло ему скованности.

Каким-то образом я поднялась на ноги, сделала неуверенный шаг. Я была такой слабой, словно перенесла долгую изнуряющую лихорадку. Но уже после первого шага я почувствовала прилив сил. Керован не оглядывался, как будто только эта гора интересовала его сейчас.

Я кое-как подковыляла к нему, чтобы увидеть его лицо. Беспощадность прорывалась на нём из-под маски решимости. Внезапно Керован вытащил меч, быстро шагнул вперёд и попытался вонзить острое клинка в трещину в скале, которая неровной линией тянулась у основания монолита.

Когда я более внимательно присмотрелась к этой трещине, то увидела, что там когда-то был вход в пещеру, ныне специально запечатанный кем-то чрезвычайно могущественным, потому что каменные стены в этом месте потемнели от огня и казались застывшими, как те куски металла, которые охотники приносили из Пустыни. Хотя разве что-нибудь может расплавить с к а л у?

Керован без какого-либо результата пытался протиснуть меч в эту трещину, тот предупреждающе звенел, и мне показалось, что клинок вот-вот сломается. В гневе и раздражении Керован отбросил меч в сторону, и тот гулко шлёпнулся на покрытие дороги, а сам он направился вперёд и навалился голыми руками на эту скалистую преграду.

Я начала поднимать руки. А потом меня осенило. Грифон! Я быстро схватила его — охраняющий меня талисман. Керован... Мог ли Керован посылать волны энергии, когда я, истощённая, лежала, вздрагивая от холода?

Его плечи напрягались в страшном усилии. Откуда-то появилась аура могущества, теперь охватившая и то место, где стояла я. Я уже верила, что вижу призрачный свет, очерчивающий контуры его тела. По коже пробежали мурашки, и коротко подстриженные волосы сами по себе зашевелились у меня на лбу. Шар между моих рук засиял.

Он использовал свою волю — всю внутреннюю силу, которую только мог призвать, как это делала и я. Эта сила захватила и меня, пленила, теперь и я не могла ни двигаться, ни говорить.

Тело его стало медленно уменьшаться в размерах, как будто твёрдая плоть и кости утончались, оставляя только сосуд, в котором хранилось что-то другое. Это видение было так ужасно, что мне захотелось закрыть глаза... Но я ничего не могла поделать — только наблюдать за этой титанической битвой, а это действительно была битва — человек сражался с древним неподвижным камнем.

Фигура Керована становилась всё более тонкой, теперь это был всего лишь призрак человека. В испуге я вновь попыталась извлечь наружу то, что скрывалось в глубине меня. Керован исчезает, я должна помочь ему — он не должен оставлять меня! Проснувшись, я думала, что моя сила воли полностью исчерпалась. А теперь обнаружила, что в нас скрываются резервы, о существовании которых мы и не подозреваем, пока в них не возникает великая нужда.

Шар... у меня был только он. Я подняла его обеими руками до уровня согбленных плеч Керована. Если он так хочет пробиться сквозь эту скалу, что ж, я сделаю всё, чтобы помочь ему.

Но на этот раз ожил не шар — нет, сам грифон! Я увидела, как шевельнулось его маленькое тельце, и это не было игрой воображения. Шар треснул — и разлетелся на кусочки, крошечные, как порошок, просыпавшиеся между моими пальцами. Пленник, столь долго находившийся в заточении, наконец освободился! И не просто вырвался на свободу, но и стал расти. Одна мгновение я держала его в своих ладонях. Затем он взмахнул крыльями и взлетел в воздух...

Грифон издал торжествующий радостный крик, и моё сердце ответно затрепетало. А после это создание по спирали унеслось ввысь, хлопая крыльями по воздуху, впервые за много-много лет. Несколько раз он пролетел над нашими головами, всё увеличиваясь — сначала размером с орла, а затем став таким огромным, что тень от его распростёртых крыльев закрывала солнце.

Глаза его вспыхивали фантастическим огнём, он разинул свой изогнутый клюв и снова издал крик. А затем ринулся прямо на эту стену, туда, где Керован, по всей видимости ничего не заметивший, по-прежнему тщетно пытался пробить вход.

Я затаила дыхание. Это огромное летающее существо, не сворачивая, несло к стене как стрела. И... как перед этим создавалось впечатление, что Керован уменьшается в размерах, так и сейчас стена покрылась дымкой. И крылатый грифон исчез в ней. А следом в проход ввалился Керован, когда твёрдая преграда, о которую он опирался, внезапно исчезла. Вновь обретя способность передвигаться, я бросилась за ними, страшась, что могу потерять их.

Там меня охватило наполненное страхом ощущение абсолютной темноты и безграничного холода, исходившее из пространства, в котором нет места живым людям. Я не способна была тогда даже вздохнуть, как бы сильно не хотела этого.

И вдруг я оказалась в ином месте. Только эти слова я

могу подобрать для описания — иное место. Я всегда верила, что попасть в иной мир было сокровенной мечтой моих соплеменников, но очутившись в мире, настолько отличном от моего, подчиняющемся совсем другим законам и обычаям, я потеряюсь в нём и, возможно, навсегда. Потому что я отправилась туда по собственной глупости неподготовленной и в одиночестве.

Но нет, я НЕ была одинока. Я увидела, как Керован встаёт с колен. Он, должно быть, упал, провалившись вперёд после исчезновения этой преграды. А вдали, быстро пропадая в облаке тумана, махал крыльями грифон.

Керован встал с тупым и безжизненным выражением на лице, как у человека, подумалось мне, усыпленного каким-то колдовством. Я понимала, что мне не достучаться до него, что даже если я закричу, ударю его, он ничего не услышит, ничего не ощутит. Керован повертел головой из стороны в сторону, и я почувствовала, что его видение совсем не кажется ему необычным. Потом он быстро зашагал вперёд, направляясь за грифоном по чьему-то приказу. Мне нельзя было отстать, поэтому я побежала за ним вдогонку.

Время от времени я быстро оглядывалась (так как боялась, что если надолго отведу взгляд от Керована, то он исчезнет в силу каких-нибудь свойств, присущих исключительно такому странному месту). Было достаточно светло, хотя ни факелов, ни ламп не было видно. Мы спускались по длинному проходу между огромными колоннами, такими огромными, что их вряд ли могли бы обхватить два человека.

Колонны пестрели высеченными в них строчками на давно забытом языке — если только этот язык был когда-либо известен в моём мире (в чём я сомневалась). Над нами зависло, медленно дрейфуя, облако тумана, в то время как впереди ярко сиял столп света, который, как я предполагала, и был целью Керована.

Он зашагал ещё быстрее, пока наконец не перешёл на бег. Задыхаясь, я из последних сил старалась догнать его, но мне мешала усталость, так и не прошедшая во время сна, да и шар высасывал из меня энергию. У меня начало

колоть в боку, от чего я тяжело задышала, сбиваясь с темпа бега.

Я испугалась. Если Керован пропадёт из виду, я могу навсегда потерять его. И я по-прежнему не видела никакого способа разрушить чары, околдовавшие его.

Вперёд и вперёд, а свет разгорался всё ярче и ярче. Я уже различала отдельные знаки, высеченные на колоннах. Для меня они были просто символами, хотя наверняка являлись посланиями, настолько важными, что мы не могли об этом даже судить. Пустыня — место, где творились всевозможные чудеса, как добрыми силами, так и злыми. Она была, я знала, местом сосредоточения огромного Могушества... и до сих пор я не могла понять — доброго или злого. А может быть, есть третий путь, не относящийся ни к Свету, ни к Тьме, где действуют свои законы?

А затем, перекрывая стук ботинок, раздался звук какого-то пения. Послышались звуки, напоминающие удары по барабану, а за ними — рёв труб, возвещающих о победе, тут же смолкших.

Свет вспыхнул ещё ярче. Не ответ ли это на песню. И я увидела в самой середине этого сияния помост, развёрнутый как раз в ту сторону, откуда мы приближались. На этой платформе находилась клетка с какой-то полупрозрачной субстанцией. Сверху восседал грифон, вцепившись когтями в клетку, а задними лапами опираясь о помост. Серебристо-белые крылья слабо трепетали в воздухе, и именно из его клюва и исходило то пение.

Керован, пошатываясь, стоял на расстоянии шага от возвышения. Одну руку он поднёс к голове, словно удивляясь, где он находится или что делает. Грифон не смотрел ни на одного из нас. Он держал голову высоко поднятой, по-прежнему напевая. Мне показалось, что в его песне появились какие-то просящие интонации.

Медленно, очень медленно Керован сделал последний шаг на помост и скорее упал, а не наклонился, вперёд, схватившись руками за клетку, и на этом всё закончилось. Голова его замерла между рук, словно пришёл конец всей его борьбе. В свою очередь грифон склонил свою голову, нацелив клюв...

Я попыталась прокричать предупреждение, но что-то мешало мне разжать губы. Собрав всю свою волю, я побрела, спотыкаясь, к Керовану. Если он не мог защитить себя от этого хищного клюва, то, возможно, я смогу ему помочь. Пока грифон был заключён в шаре, он служил мне. А на свободе?.. Я не знала — и могла только надеяться.

Но, приблизившись к моему лорду, я увидела, что этот клюв нацелен вовсе не на его голову или плечи. Крылатое создание било клювом по обшивке клетки. Я хотела было взять за руки Керована и попытаться оттащить его отсюда, но, увидев, что лежит там внутри, я изумлённо застыла на несколько долгих мгновений.

Человек? Нет! Чудовище? Опять же нет. Спящий не вызывал во мне ужаса, хотя у него было нечеловеческое тело. Наполовину это был грифон, наполовину — человек. Но существо, захороненное в этой усыпальнице, своими размерами намного превосходило как грифона, так и человека, — это сразу бросалось в глаза.

Я вдруг поняла, что тоже стою на коленях. Но лишь крепче сжала пальцы, держа Керована за плечи, и потому смогла подтащить его немного к себе, подальше от того места, где огромный клюв пытался разбить прозрачную поверхность усыпальницы спящего. Так мы и прижимались друг к другу, когда раздался ужасный треск: по раскалывавшимся стенкам усыпальницы быстро побежали многочисленные трещинки, и это напоминало то, как перед этим треснул в моих руках шар с грифоном.

Мой лорд попытался встать, но тут же повалился на меня, и мне снова пришлось поддерживать его обмякшее тело. Мы оба не смотрели друг на друга, больше занятые тем, что происходило позади нас. Трещины расширились. Потом прозрачная субстанция принялась разваливаться на куски, когда грифон, воодушевлённый первым успехом, с ещё большим усердием и быстротой принялся долбить её.

А затем стенки просто не стало — один только белый порошок. И вновь грифон вознёсся над головой спящего, широко раскрыв клюв. Только на этот раз он не пел, а кричал, возможно, о чём-то предупреждая.

Глаза спящего открылись. Они горели тем же ярко

красным неистовым пламенем, как и у этой чудовищной птицы, зависшей над ним. Он оторвал руку от эфеса меча, по-прежнему покоившегося на его груди, и поднял её вверх. Летающая бестия склонила голову на бок, и этот человек поскрёб пальцами между её перьев, словно лаская любимую гончую.

После этого, осознав наконец свою свободу и окончательно пробудившись, он огляделся. Через миг его глаза встретились с моими, и я увидела в них мудрость, внушающую благоговение, и ещё кое-что, чему не могла подобрать названия — и что ни один из рода человеческого не смог бы понять. Я не могла отвести взгляда, хотя и моргнула, — казалось, этот чужак вторгается в мой мозг и черпает оттуда больше знаний, чем человек может накопить за всю свою жизнь.

Затем он повернулся к Керовану, выпрямившись, с мечом в одной руке, другой опёршись о шею грифона, который опустился на землю, чтобы поддерживать его. Это существо с ужасным клювом успокаивало своего повелителя.

Но лицо Керована всё так же было бесстрастным, никакого страха и благоговейного ужаса, которые испытывала я. Человек-грифон наклонился вперёд, отложил меч в сторону, взял своей рукой, больше похожей на птичью ножку с когтями, подбородок моего лорда, приподнял его и пристально взгляделся в его пустые глаза.

Меня охватил ещё больший страх. И как до этого я пыталась спасти своего лорда от ударов клюва грифона, так и теперь я выбросила вперёд руку, чтобы столкнуть руку с подбородка Керована. И снова эти нечеловечески жестокие глаза пронзили меня всю насквозь, удивлённые... а потом снова мысленное вторжение, которого я не могла понять.

Он отклонился назад и переложил меч в другую руку, чтобы использовать его так же, как Мудрая Женщина пользуется жезлом, рисуя в воздухе символы своей Силы. Меня отбросило назад. Грифон издал ещё один пронзительный крик и качнул головой в мою сторону, а его только что пробудившийся хозяин нацелил меч мне в грудь.

После этого сила, которой я не могла противостоять, потащила меня прочь от помоста к ближайшей колонне. Острие меча переместилось, а я вдруг поняла, что совсем не могу двигаться. Человек-грифон, обезоружив меня таким образом, вновь переключил всё своё внимание на Керована.

Он потянулся, как человек, который пробудился от долгого крепкого сна. На нём не было никакой одежды, вместо неё его серебристо-белое тело окутывала пелена силы. Я почувствовала, что с лёгкостью могу стать такой же, как мой лорд, — потерявшим разум слугой.

Хотя я не чувствовала присутствия какого-либо зла, во мне нарастал гнев, что мой лорд с такой безропотностью подчинился чужой воле — даже если это был один из Прежних. И я продолжала внутренне сражаться за свою свободу, а если её не удастся отвоевать, то попытаюсь внушить Керовану, что он равен кому угодно на всём белом свете — если он примет это. Мой дорогой Лорд Янтарь не должен никому ни кланяться, ни служить...

Человек-грифон, высоко подпрыгнув, подскочил поближе ко мне. Если это чуждое лицо что-то и выражало, то его значение ускользало от меня.

А затем мой разум поразил удар, такой обжигающий, что я, возможно, даже закричала от боли, а вслед за ним — мысль, как будто кто-то проорал мне в ухо:

«Почему ты так боишься за него? Разве сейчас идёт братоубийственная война?»

Это мысленное послание было намного мощнее, чем те, что передавали кошки, но я была готова к этому.

— Что вы с ним сделали? И кто вы? — Прежний он или нет, я не буду так раболепствовать перед ним, как Керован.

«Ничего, просто привёл его к настоящей родне».

Грифон взревел... никогда не думала я, что из птичьего клюва могут вырываться такие звуки. Теперь он поднялся на задние лапы, выдвинул когти, словно для защиты от какой-то угрозы, повернулся и стал пристально всматриваться в проход между колоннами.

Резко обернулся и его хозяин, тут же отпрыгнул назад и схватил меч. Затем, указывая, взмахнул рукой. Керован

сделал шаг ко мне, по-прежнему двигаясь как во сне. После этого Прежний подошёл к нам, а грифон, взмахнув крыльями, стрелой полетел в сторону, куда показал его хозяин.

Рука человека-грифона мелькала, словно луч света. Кончиком меча он провёл круглую линию вокруг нас, и я вдруг поняла, что могу двигаться, даже вынужденная к этому. Линия засветилась, ярко вспыхивая, посылая потоки света далеко вверх.

С той стороны, куда умчался грифон, вдруг показался тёмный вихрь, рывками приближаясь к нам, словно что-то затрудняло ему передвижение. Он немножко продвигался вперёд, затем его отбрасывало назад, а потом снова толкало вперёд. И хотя мы больше не видели чудовищной птицы, которая ринулась сражаться с этим вихрем, её непрекращающиеся яростные крики были хорошо слышны.

Я ухватилась за Керована. Земля затряслась под ногами. Неподальёку от кружившегося тёмного призрака вдруг вздулось покрытие зала, и наружу хлынул густой чёрный поток. Человек-грифон зажал меч между колен, и начал водить обеими руками по воздуху, сотворяя какие-то знаки. Вокруг нас образовалась какая-то туманная стена, вспыхивавшая пятнами точно такого же яркого света. Ко мне протянулись руки Керована, его лицо снова ожило.

И тут — нас поднял и завертел какой-то вихрь. Я не смела смотреть вниз. Мы словно оказались в клетке из света. Одна рука человека-грифона покоилась на плече моего лорда, а другая — на моём.

И это дружеское прикосновение приносило спокойствие, изгоняло страх. Однако меня сейчас больше волновало то, что мои руки покоились в руках Керована, а не эта попытка ободрения со стороны чуждого моему роду существа.

От мельтешивших потоков света у меня закружилась голова, и я закрыла глаза, но ощущение полёта не исчезало. Я больше не слышала криков грифона. Может, он проиграл свою схватку? Я страстно желала ошибиться в этом предположении.

«Тельфер в безопасности».

Этот незнакомец снова ободрял меня. Так кто же он? И в этот миг нас так быстро понесло вниз, что я ещё крепче вцепилась в своего лорда, почувствовав, что он сделал то же самое.

Свежий воздух... Я открыла глаза. Мы стояли под лучами солнца. Здесь росли цветы — кажется, мы снова оказались в своём времени и мире. А затем, снова торжественно трубя, над нами пронеслось крылатое создание, усаживаясь на широкую арку ворот.

И хотя мы стояли на открытом пространстве, по-прежнему четыре стены окружали нас. В каждой — ворота с широкой аркой, трое из них, судя по выпавшим из кладки камням, довольно крепко были потрепаны временем, но четвёртые, на которые уселся грифон, казались совсем нетронутыми. На занесённой через полуразрушенные ворота почве росли цветы.

Человек-грифон теперь стоял в стороне от нас. Сверкающее сияние, в которое он был укутан в усыпальнице, так и не исчезло. Он медленно поворачивался, становясь лицом к каждым воротам по очереди. Не думаю, что он сознавал, что мы слышим его, но, может быть, благодаря возникшей между нами связи из-за его вторжения в наши разумы, я уловила его мысли, в которых преобладали обертоны печали.

— Матр, Йоер, Рллен! Как давно меня не было здесь и как же далеко вы теперь ушли!

Он слегка поклонился каждой из дверей, как бы приветствуя старых верных друзей. Но уже в следующий миг всё своё внимание переключил на нас двоих.

— У нас совсем мало времени. Если Галкур рискнёт напасть на этот зал, то это будет очень скоро... — он снова, как и до этого, начал пристально вглядываться в Керована. Но теперь мой лорд не казался безвольным и безжизненным.

— Да, — продолжил Прежний, — сейчас я не могу до конца понять, что же движет поступками Галкура. Вот только кажется, что его Могущество изрядно уменьшилось, быть может, из-за времени? А теперь...

Он вскинул голову, и из его клювоподобного рта вылетел рёв, правда, совсем не похожий на те, что издавал перед этим грифон, летая в темноте. В этом крике прозвучала странная величественность, наполняя собою, вдруг подумала я, и небеса, и землю. И пришёл ответ...

Под аркой, где сидел грифон, показался человек, похожий на жителей Долин и он шёл к нам. На нём была одежда странствующего купца. Только я знала его и произнесла его имя — с облегчением:

— Пивор!

В ответ он дружески улыбнулся мне, как мой дядя, когда я была ребёнком и тревожила его своими детскими печальями и заботами. Конечно, улыбка эта была человеческая и ободряющая. Он вселял во всё вокруг себя уверенность и поддержку, как тёплый плащ, укрывающий от зимней стужи.

Но мой лорд среагировал совсем не так, как я. Он чуть отпрянул от меня. Но я верила, что сейчас к нему придёт эта же уверенность и поддержка, которые наполнили меня спокойствием.

«Итак... Пивор... ты тоже в этом замешан?» — мысленно произнёс повелитель грифона.

— А разве не так было с самого начала, Ландисл? Теперь я пришёл, чтобы сыграть свою роль при завершении этого дела. Разве, лелея свои гнусные замыслы, Галкур не мечтал разрушить твою усыпальницу? Он намеревался изготовить инструмент в виде человека, — Пивор кивнул в сторону Керована, — для своих целей, используя человеческую глупость. Однако кто-то вмешался и помешал ему. Может, Ландисл, теперь ты расскажешь о последствиях твоих видений?

Человек-грифон засмеялся нечеловеческим хохотом.

«Да, именно я провалил планы Галкура... даже пребывая во сне. А что касается вот этого человека, — он, мягко прикоснувшись когтем к плечу Керована, снова крепко обхватил его, — его ещё ждёт испытание. Пивор, ты ведь знаешь Закон: будущее зависит только от...»

Но тот прервал его:

— Возможно, теперь всё зависит только от Галкура. И лишь мы вчетвером можем нанести ему поражение.

Глаза Ландисла вспыхнули, словно рубины, когда на них падает солнечный свет.

«Какие-то силы Могушества с течением времени растут, какие-то слабнут. Думаю, что часть своей силы Галкур утерял. Иначе бы он, конечно, не стал пользоваться помощью той никем не обученной колдуньи для реализации своих планов, так легко сорванных. А что ты на этот раз задумал, Пивор? Ведь ты сам выбрал годы скитаний для себя, так что же ты узнал за время беспрестанных путешествий?»

— Никогда не стоит недооценивать таких, как Галкур. Он вовлёл в свои планы новые элементы, Ландисл. Расу порочных и злых людей из-за моря, которые проникли в этот мир через Врата. Они — существа Тьмы, их знания — совсем иного рода, чем наши, и они не подчиняются нашему Закону. Вот потому-то они опасны вдвойне. Теперь они развернули войну, и поэтому требуется наше вмешательство.

При помощи своих средств обнаружения — и в некоторой степени даже Галкура — они узнали об Арвоне и о том, что может скрываться в этом месте. Хотя их знание о Могушестве искажено, и они не понимают, как им пользоваться, они ищут его. Они пришли с войной в Долины, пытаясь таким образом пробиться к нам. И они того сорта, кто всегда обспечат поддержку тем, кто питает здесь силы Тьмы.

Теперь Галкур раздумывает, оказывать ли им помощь. Столько Великих Прежних ушло, исследуя собственные Врата, — которые вели в новый мир. А из тех, кто остался, лишь несколько обладают необходимыми познаниями, и лишь горстка опытных и знающих, подобно Галкуру. Поэтому...

«Поэтому ты с помощью чар отправил этих двоих, чтобы они пробудили меня?»

— «Отправил»? Нет, неправильно. Именно благодаря твоим усилиям один из них попал сюда, и это тебе хорошо известно, — он кивнул в сторону Керована. — Но лишь

благодаря своей силе воли и мужеству они добрались до этого места, — в голосе Пивора прозвучала резкая нота. — У них с избытком этих качеств. У Керована этого не отнять по праву рождения. Дочь моя, — теперь он глядел прямо на меня, снова улыбаясь той милой дружеской улыбкой, и мне захотелось броситься ему в объятия, — я же говорил тебе однажды, что у тебя есть Ключ... который будет использован в нужном месте в нужный час. И ты с этим превосходно справились. А теперь нам остаётся только благополучно завершить дело.

Грифон, сидя над нами, издал яростный крик. Пивор обернулся и посмотрел сквозь ворота.

— Похоже, время настало, — заметил он.

Глава 18

КЕРОВАН

Снова я шёл по залу моих грёз. Так, значит, я пробудился — или это опять сон? Иллюзия ли это, или, может, верно то, что понять устремления и замыслы Прежних людям не дано? Был ли я чем-то большим, чем полукровка, с чуждой кровью? Что во мне перевешивало, было сильнее?

На этот раз я наблюдал пробуждение спящего; а затем произошла первая схватка между древними, давно противостоящими друг другу Могуществами. А мы вновь стояли в мире, который хорошо знаком моей человеческой половине. Нас ждала схватка, хотя вместо четырёх теперь нас было пять — целая небольшая армия! И эта повторит битву, в которой я однажды уже участвовал, спасая мою дорогую леди, выступив против сил Тьмы.

Я был обречён по какой-то причине, существовавшей, возможно, ещё до моего рождения — а может, даже и раньше — следовать по этому пути, также, как и Джойсан. Может, я и исполнял какую-то роль в этом спектакле... но не так обстояло дело с моей леди.

Будь на это моя воля, я бы схватил её и немедленно перенёс в какое-нибудь безопасное место. Ибо когда я

смотрел на неё, спящую, пробудилась та часть меня, моего внутреннего «я», которую я до этого держал в жёстких тисках и пытался выкорчевать, пробудилась так же, как этот спящий. И я понял, что как бы я ни страшился этого, нам уже никогда не расстаться. Мы действительно были крепко связаны друг с другом неразрывными узами, хорошо ли это или плохо.

Но не потому, что нас использовали для поисков союзников для Долин. Нас связывало нечто гораздо более сильное. Джойсан обладала не меньшим мужеством, что и у меня. Внутренний огонь, пылавший в её сердце, сражался с холодом моей души, вызывая лучшую часть меня вернуться снова к жизни. И этот осколок льда был растоплен навсегда.

Мои ножны были пусты. У меня не было ни лука, ни даже ножа. Однако я не думал, что тому, кого мы ждем, можно будет нанести хоть какой-то вред каким-нибудь оружием, выкованным людьми. Пивор держал в руках один лишь посох из необработанного куска дерева, может быть, он отломал его от какого-то деревца, на нём ещё оставалась кора. Спящий... Да, он держал меч, но каким-то образом я смутно осознавал, что этот меч не предназначен для нанесения или отражения ударов, рубки в жестокой открытой сечи. Грифон сверху ворот слегка шевельнулся, его клюв немного раскрылся, так что его змеиный язычок вывалился наружу, он замахал крыльями.

Не знаю, почему или каким образом в тот момент моя рука потянулась к кошельку на поясе — моя левая рука. Пальцы нащупали застёжку, потом проникли внутрь. И я вытащил кусочек голубого металла, который нашёл в том отвратительном гнезде в Пустыне.

Это был всего лишь сломанный кусок металла, я крепко держал его сейчас... Конечно же, он никак не мог пригодиться в предстоящей схватке. Но у меня не было никакого другого оружия, и я стоял плечом к плечу с Джойсан. Я видел, как её пальцы потянулись к груди, потом упали, пустые, когда она вспомнила, что шара больше нет.

Прямо за воротами из-под земли вылетела полоса

сгустившегося мрака, подобного тому, какой мы видели в проходе, ведущем в зал спящего. Возможно, это сама земля, не в силах удержать, извергала из себя зло. Это была атака на силы Света, дня, воздуха, на то место, где мы находились.

Ещё раз грифон издал крик вызова. Однако на этот раз он не взлетел, чтобы встретить приближавшихся. Я взглянул на Пивора, затем на Ландисла. Ни один из них не выказывал ни удивления, ни страха. Но всё-таки я почувствовал настороженность, несмотря на их внешнее кажущееся спокойствие.

Рука Джойсан нашла мою. Медленно сжала пальцы, словно опасаясь, что я сброшу их. Но именно в тепле её рук я и нуждался сейчас больше всего — она снова, не утаивая, давала мне всё то, чего у меня ещё не было.

Эхо крика грифона медленно затихало. Та чёрная масса за воротами закружилась, стала меньше, но гуще, твёрже. И тёмное облако трансформировалось в человека. Хотя... можно ли было назвать его ч е л о в е к о м?

Он был высоким и, как и Ландисл, без какой-либо одежды. До талии он был великолепно сложенным мужчиной. Голову его покрывала густая шевелюра кудрявых тёмных волос, а лицо имело мужественную красоту. Чем-то он напоминал древних легендарных героев-королей.

Только... всё это можно было отнести лишь к половине его тела. А дальше... Ниже талии его кожа была покрыта волосами, которые были грубее любых волос или меха, а толстые ноги заканчивались...

Я поспешно отвёл взгляд в сторону. Копыта! Хирон предполагал, что я найду на севере родичей. Не был ли этот человек той же крови, что и я.... вернее, той, другой моей половины?

От вида подобной смеси благородства и звериной сущности во мне возникло отвращение и даже пришло жгучее желание убить его. А также бежать и скрыться с глаз тех, рядом с кем я стоял, потому что я нёс на своём теле то же самое клеймо, что и он. Снова во мне пробудилось к жизни равнодушное одиночество, с которым я так долго жил. Во мне текла такая же кровь, как и в... Возможно, этот

человек-зверь потребует от меня верности, как от родича.

— Нет!

Но вовсе не я прокричал этот гневный ответ вслух, как не исходил он от Пивора или Ландисла. Джойсан! Она ещё не видела этого чудовища, уже подошедшего ближе к вратам, где сидел грифон; глаза Джойсан требовательно взирали на меня, а хватка её только усилилась.

«Нет... ты не часть его!» — я видел, как её губы произносили эти слова, но расслышал я их у себя в голове. И таким мощным было это мысленное послание, что сила его заполнила пустоту моей души.

— Привет! Кого я вижу!.. — Галкур (если это был Галкур) оборвал этой фразой краткий миг нашего с Джойсан единения. Он обладал глубоким, звонким и, как мне показалось, обольстительным голосом, говорил он вслух, не мысленно.

Ни Пивор, ни Ландисл ему не ответили. Получеловек улыбнулся. Такой улыбкой, если не смотреть на то, что лежит ниже туловища, можно очаровать даже самых недоверчивых людей.

Вот тогда-то я и зашевелился, а может, это он решил, что пора дёрнуть за какую-то ниточку, которая связывала нас.

— Ты попал в странную компанию, сын мой, — последние два слова он особенно выделил.

Клеймо, которое он оставил на моём теле, возможно, всегда было моим проклятием. Я нёс на себе отметину Тьмы — могло ли это через столько лет вдруг проявиться? Снова ко мне возвращались тяжкие сомнения.

Пивор поднял свой посох, преграждая мне этой деревяшкой путь. Я судорожно пытался освободиться от хватки Джойсан. Ведь это БЫЛО правдой! Я кровно привязан к силам Тьмы. Разве они не видят этого? Честолюбие моей матери, желания этого Повелителя Тьмы привели к моему появлению как проклятия рода! Если я останусь с ними, то стану причиной поражения тех, кто рядом со мной. Чужой среди них, действующий помимо своей воли, я окажусь тем ключом, с помощью которого он проникнет в их твердыню.

— Только если ты согласишься... согласишься... с этой ложью. Этот выбор — всецело твой, Керован.

Джойсан! Она не выпускала моих рук, как бы пленив меня, прижимала их к своей груди, как это часто делала с шаром с грифоном.

— Держись своей леди, если ты этого так хочешь, сын мой, — снова эта ободряющая и зачаровывающая улыбка.

— Кто же захочет, чтобы любящие друг друга расстались?

В этих словах звучала насмешка. Я сжал свободную руку. Пусть простят меня все силы Могушества, но часть меня ответила ему. Что мне надо было от этой девушки из Долин, мне, кто мог позвать и иметь любую женщину, захоти я того?

Чёткие, подробные видения затопили моё сознание. Я уподобился похотливому псу, преследующему суку в период течки. Это было непристойно, и мне предлагали принять участие в этой мерзости. Джойсан больше ничего не значила для меня.

Я с такой силой вырвал руку, что Джойсан отшатнулась. В моём мозгу проносились картины столь омерзительные, что очиститься от этой гнусности можно было, лишь испепелив самоё плоть.

— Приди! — зывал он ко мне. Чары, которые он вложил в одно это слово, заставили затрепетать всё моё тело. Куда ещё идти такому, как я? Каждый должен жить среди себе подобных...

Сжав кулаки, я кусал нижнюю губу, не чувствуя боли, хотя по подбородку стекала кровь. Я часть этого чудовища, поэтому я должен покинуть тех, у кого светлый разум и несмешанная кровь.

— Керован!

Я покачал головой — прежде всего я должен уйти именно от неё. Я — дитя Тьмы... дитя зла и обмана. Те, другие, пытались спасти меня... или же обманывали меня и использовали для своих целей. Больше они не могли удерживать меня.

Джойсан упала на колени, я остановился и сорвал с её пояса нож, который когда-то дал ей. Добрая сталь, острый клинок, вполне пригодный для того, что мне необходимо

сделать. Я не мог напасть на то, что ждало меня там... Но я всё же мог кое-что сделать — уничтожить ключ, сделать так, чтобы наверняка не стать предателем!

И я привычным жестом, с лёгкостью, которую приобрёл давным-давно, когда ещё совсем юным изучал под руководством мастера основы боевого искусства, взмахнул рукой. Острое лезвие оказалось рядом с моим горлом. Полыхнуло пламя, обжигая запястье руки с ножом, прямо у самых глаз. Рука упала, словно под огромной тяжестью. Огонь жёг и другую руку — всего меня охватила безудержная боль. Только там не было ничего, что могло бы... убивать.

Я как в тумане смотрел на руки. Лезвие лежало на дороге у моих ног, но огонь всё ещё прыгал вокруг моего запястья, между пальцами, которые обхватывали тот кусок металла из гнезда.

— Керован! — Джойсан снова бросилась ко мне и схватила мою отяжелевшую вдруг руку, словно боялась, что я вновь подниму её. И тут в голове раздалась стремительная мысль:

«Только те, кто служат силам Света, могут держать или носить это железо, мой мальчик. Поверь в себя сначала».

Ландисл? Да! Я не был, я никогда не мог быть родственником Галкура. Я мысленно произнёс его имя с такой свирепостью, как будто выкрикивал боевой клич. Я был утомлён, ослаблен, но теперь вновь ожил после этой вспышки гнева. Моя судьба — в моих собственных руках. И только что я получил материальное подтверждение этому. Имею ли я какое-нибудь право решать, каким будет моё будущее? Я шёл, скакал, епал и снова просыпался, и всё это время искал правду. Теперь я её знал.

И дело тут не столько в моём пробуждении, сколько во многовековом противостоянии сил Света и Тьмы — в котором я всего лишь частица, к тому же весьма незначительная. Я пристально посмотрел на человека-зверя. И хотя он по-прежнему улыбался, ободряющей теплоты уже не было — осталось только скрытое презрение.

Во мне всё сильнее разгорался гнев. Я не обладал Могуществом, как они и предполагали. Гнев мой был

чисто человеческим. Возможно, Прежние могли использовать в своих играх внутреннюю сущность человека. Но пришла пора, когда раб может вырваться на свободу.

И хотя на мне была отметина существа, служащего Тьме, — но она не повелевала мною. Не был я и слугой сил Света. Я был сам по себе.

Воля... воля — вот суть определённого рода Могушества. Я и до этого тренировал её. Сражаясь со слабостью, я медленно поднял левую руку. «Не забывай, — резко сказал я себе, — о словах Ландисла относительно браслета и отломанного куска металла. Это вещи Света, как ты всегда и думал. Ты — Керован. Не имеет значения, какого ты происхождения, какое колдовство вызвало твоё появление на свет, в чьей утробе ты рос, — ты всегда был и будешь в стороне ото всех, один. Всё зависит лишь от одного тебя».

Мы пребывали в тишине. Джойсан, глядя на меня, стояла со скрещёнными на груди руками, словно перед ней оказался совсем не тот человек, какого она знала, но и не чудовище. Я стал самим собою. Мною не управляли, не пользовались, я никому не принадлежал. Я был свободен сделать такой выбор, какой посчитал бы необходимым, и, начиная с этого момента, у меня не было ни прошлого, ни родственников, только я один — и Джойсан! Джойсан навсегда!

Мы союзники — вот что выбрал я... Пивор, Ландисл, грифон, Джойсан и я — мы союзники.

— Галкур... — я почувствовал удовлетворение, произнося имя своего врага. Находясь в таком измождённом состоянии, мне нужна была даже та частичка поддержки, которую я мог бы получить от высказывания его имени вслух.

Теперь он уже не улыбался. Тень благородства, которой он прикрывался, исчезла. Остались лишь черты существа, служившего Тьме, искажённые ужасной гордыней.

— Сын... — начал было снова он своим лелейным голосом, но это была лишь хитрая уловка.

— Я не сын тебе! — я вновь приложил горячий металл к запястью, удерживая этот кусок ладонью другой руки.

— На тебе моя печать, — он жестом указал на копыта.

— У человека могут быть золотые волосы, но тем не менее он не будет салкаром, — я не знал, откуда с такой лёгкостью пришли эти слова.

— Сын мой — приди ко мне!

Он произнёс эти слова резким тоном — словно приказывая. Что-то во мне зашевелилось в ответ на этот призыв, но теперь едва заметно. Я ещё крепче стиснул левую руку с огнём, который держал в ней. Я Керован!

Он начал водить рукой перед собой. Я смотрел, как в воздухе возникали какие-то грязные пятна.

И снова меня потянуло — ещё сильнее. Я же, упёршись копытами, застыл в неподвижности. Я Керован.

— Я не гончая псина для тебя, Галкур, — не повышая голоса, я, казалось, говорил о совсем пустяковых делах. — Тебе ведь нужен послушный слуга, каким ты всегда хотел меня видеть. Но у тебя нет ни сына, ни слуги.

Его лицо посуровело, стало безучастным, и очень мало в нём напоминало теперь человека.

— Ты — гончая, ты — раб, ты — мой!

Вдруг я услышал карканье, нечеловеческий хохот.

— Галкур, когда ты признаешь, наконец, что твоё колдовство закончилось неудачей? Да ты же должен был понимать это с самого начала. Ты же никогда не был дураком.

Маска равнодушия была сорвана — и под ней проглянула наружу холодная ненависть.

— А какое вам до этого дело? — выплюнул он в Ландисла. — Есть Законы...

— Законы? Так теперь Ты пытаешься укрыться за ними? Неужели ты верил, что можешь призывать Могущество, и я не узнаю об этом, даже пребывая в долгом сне — неужели ты думал заточить меня? Ты разыскал Лорда Ульмсдейла, когда его леди возжелала — ты тогда пытался передать ему свою внутреннюю силу... Так скажи мне теперь, Галкур, что же произошло. Что же на самом деле произошло?

Прежний, который служил Тьме, повернул голову, теперь у него было лицо демона из самого ужасного ночного кошмара.

— Посмотри на его тело! На нём моя отметина, и это видят все! Ты не можешь отрицать это. Я всё ещё утверждаю, что он мой!

Его взгляд встретился с моим... и задержался. Его глаза расширились, в них пылал огонь, и тёмные глубины готовы были проглотить меня. Всё остальное исчезло, остались только эти ожидающие меня глаза. И сейчас они меня проглотят...

Я Керован! Я принадлежу себе! Этот огонь, темнота, вонь — не мои. Вера в себя — вот мой девиз, мой щит. Я — не порождение тёмных сил.

— Ты по-прежнему утверждаешь это, Галкур?

За пылающими глазами раздался ясный голос.

— А если я, или Пивор, придём ему сейчас на помощь? Он борется, потому что является тем, кого он из себя создал, — а не тем, что ты задумывал. На самом деле он родился совсем не потому, что ты так захотел, — и не потому, что этого хотела его мать, хотя на его теле и есть эта твоя отметина. Но едва только он родился, он а уже знала, что потерпела неудачу! И это моя работа, Галкур... моя!

— Ты не мог... — пылавшие глаза сузились, огоньки больше не пытались дотянуться до меня. Просто глаза на зверином обличье. — Ты не мог... подчиняясь Закону...

— Ты нарушил Закон, Галкур, когда влез в это дело. И это дало возможность мне вмешаться. Он — настоящий сын Ульрука, хотя частично что-то в нём есть и от матери... но есть ещё что-то, намного большее. Вскоре ему предстоит, если он будет готов к этому, сделать свой выбор, выбор другого пути. И не ищи теперь лазейки для себя в Законе. Стань лицом ко всем нам!

Из меня исходила энергия, сливаясь энергией от других источников — Ландисла, Пивора, который уже поставил на пол свой посох... и, конечно же, Джойсан. Грифон закричал. Побледневшее лицо Джойсан застыло в напряжении. Я хотел прижать её к себе — но сейчас всю нашу энергию нужно было направить к одному определённом месту.

Позади Галкура возникали какие-то призрачные фигу-

ры, чтобы таким же способом, как и мы, передавать Галкуру энергию. От них веяло таким ужасом, что любой здравомыслящий человек, посмотрев на них, тут же отвёл бы взгляд. Однако среди них попадались и такие, кого можно было принять за людей Долин. Мне подумалось даже, что здесь может быть и Тэфана.

Поток энергии усилился. Над головой внезапно появился пылающий кнут, чтобы поразить мои глаза. Но я — Керован... всё это лишь иллюзии, созданные врагом. Ему не удалось околдовать меня — не удастся и теперь! Треснул посох Пивора, разламываясь на две половинки. Одна из них острым концом полетела ему в лицо. Но её встретил браслет с голубым пламенем. Я, не раздумывая, выбросил вперёд кисть, подчиняясь интуиции.

Джойсан, полуобернувшись, упала на колени и вскинула руки вверх, чтобы отражать невидимые удары. Я увидел, как кровь заструилась по её щеке.

Во мне вспыхнул гнев, такой же яростный, как пламя в тех глазах. Я повернул запястье — и голубой луч ударил в Галкура. Одна из бесформенных фигур позади него взорвалась, оставив после себя только вонь.

Наконец и грифон взмахнул крыльями и, опустившись вниз, завис над телом Джойсан, лежавшей ничком. А после укрыл её своими крыльями, защищая и издавая гневное шипение. Сломанные части посоха Пивора зажали своими собственными жизнями, приподнялись и стремительно понеслись к воротам, атакуя силы Тьмы. Они не попали в Повелителя Тьмы, но поразили, словно метко брошенные копья, фигуры, стоявшие рядом с ним.

Я двинулся вперёд, шаг за шагом, больше не пытаюсь попасть в самого Галкура, но направляя луч на его компаньонов. Каждый уничтоженный соучастник в этой битве лишит его части силы.

Повелитель Тьмы схватил одного из своих слуг-чудищ, скатал его в шар и швырнул в меня. А следом прыгнул вперёд и сам.

Но рядом со мной, когда я уничтожал эту шарообразную тварь, появился ещё кое-кто. Между мною и существом с копытами встал Ландисл, высоко подняв свой меч.

Галкур попытался остановиться. Его тело начало изгибаться. Я увидел, как несколько призрачных фигур исчезло, когда он поглотил их субстанцию. Жёсткие волосы его нижней части тела ошетинились, и на них заиграл желтоватый свет.

Серебристое тело Ландисла сияло так же ярко, как меч, который он теперь держал обеими руками. Волны мощи исходили от его острия, рябью стекая с клинка, окружая его тело. Он превратился в колонну света.

Изменениям подвергся и Повелитель Тьмы. Чёрное пламя исходило от него, изгибаясь, потом суживалось и устремлялось вверх, становясь как бы огромным придатком, чтобы прихлопнуть пылающий факел, каким стал Ландисл... хлопнуть и отпрыгнуть, не получив ответного удара.

Долгое время казалось, что обе силы равны — они замерли без движения. Но затем острие белого луча ударило вперёд, словно мечом, и коснулось извивавшегося Повелителя Тьмы. Тёмное пятно поползло вверх, расширяясь и приглушая блеск белого луча. Я пошатнулся, когда из меня резко стали вытягивать энергию. Как в тумане от слабости, я видел Пивора, сторбившегося, прикрывшего глаза, с лицом такого же серого цвета, как и его одежда. Грифон и Джойсан теперь были позади меня; однако я чувствовал, как мимо меня течёт их энергия — к Ландислу.

И пятно прекратило рост, едерживаемое белым лучом. А потом полыхнула яркая, огромная вспышка света, полностью ослепившая меня. Я вскинул руки вверх, защищая глаза, и упал ничком. Во мне больше не оставалось никаких сил.

Глава 19

ДЖОЙСАН

Я думала, что никогда больше я не увижу схватки, подобной той, что произошла у моего лорда в Пустыне с равными ему по крови. Но теперь она казалась мелкой

стычкой с бандитами по сравнению с битвой, которая разыгралась с Повелителем Тьмы Галкуром.

Я не видела достаточно ясно конца этой битвы, так как сил у меня почти не оставалось, но почувствовала, когда он наступил, потому что ощутила, как в меня стало вливаться тепло. Прикрывая меня от сил зла, передо мной стоял грифон, прижимая меня к своей груди, как когда-то я прижимала его. Меня охватило такое чувство покоя и безопасности, несмотря на слабость, что я, кажется, даже всхлипнула, как ребёнок, просивший утешения и получивший его.

Я увидела, как поднялась огромная волна света, а затем обрушилась вниз на ужасный мрак, угрожавший нам. Полоса непроглядной тьмы съёжилась. Клин белого света приподнялся ещё раз, теперь он был похож на огромный указательный палец, и снова обрушился на тьму.

Воздух раскололся. Ужасный звук ударил не по ушам — всё моё тело содрогнулось. В этом вопле смешались боль поражения, страх смерти и — всё ещё — презрение. А я соскользнула в гостеприимную тьму, где меня уже ничто не могло потревожить.

— Джойсан!

Я больше не ощущала щекой мягкой серебристой гривы грифона, скорее твёрдость доспехов. Я открыла глаза и увидела то, о чём столько мечтала. Наверное, всю свою жизнь я желала этого, даже не понимая до конца, чего же я лишена.

Мой дорогой лорд... Но не тот, что не осмеливался глядеть на меня, с напряжённо сжатыми губами и отрешённым лицом, державший себя в руках силой воли, от которой стыло моё сердце, а тот, о котором я столько мечтала и надеялась, что когда-нибудь он захочет стать таким и станет им.

Я подняла руку, хотя это было трудно сделать, потому что она казалась свинцовой. Но я упрямо поднимала руку, а потом провела ею по его щеке, чтобы удостовериться прикосновением, что это действительно он, а не иллюзия, порождённая моими грёзами. Камень на моей руке запульсировал красным светом, будто наполненный кровью.

Обручальное кольцо, подумала я, теперь оно стало факелом, показывающим дорогу к другому сердцу, широко распахнутому, готовому принять меня.

— Керован...

Сам-то он произнёс моё имя громко, чтобы вернуть меня к жизни. Я же позвала его тихо, потому что это слово было так дорого мне.

— Дело сделано, — сказал он.

Какое дело — битва? Какое это теперь имело значение. Всё это осталось в прошлом, и прошлое больше не держит нас. Всей душой я стремилась теперь в будущее.

— Что же...

За плечом Керована возник Пивор, человек в сером. У него было осунувшееся, постаревшее лицо. Когда он заговорил, мой лорд оглянулся и посмотрел на него. На мгновение я даже испугалась, ибо на его лице мелькнула тень прежней суровости, того внутреннего «я», с которым я так долго сражалась.

— Дело сделано! — решительно повторил он Пивору.

— А грифон? — я попыталась приподняться, чтобы оглядеться. — Где мой грифон?..

Мне ответил Пивор. Руки моего лорда так крепко сжимали меня, что доспехи причиняли боль. Но эта боль была дорога мне, поскольку я понимала, чем она вызвана.

— Они исполнили предназначенное им, — ответил мне Пивор.

Я не могу сказать, что мне не хватало Ландисла — он был чужд мне и пробуждал только благоговейный ужас. Но я прикоснулась к груди в том месте, где когда-то висел грифон, и вспомнила, как он укрывал меня, пока длилась битва. Я с грустью ощутила пустоту утраты.

— Керован, — Пивор снова обращался к моему лорду, голос его звучал как никогда резко. — Запомни эту неудавшуюся попытку. Хотя Галкур и пытался прибрать тебя к рукам, у него ничего не вышло.

Мой лорд как-то странно улыбнулся. На его лице появилась печальная умиротворённость, столь не свойственная ему ранее.

— Он не прибирал меня к рукам, только пытался

погубить, не в этом ли Вы пытаетесь убедить меня, мой Лорд? Ладно. А Ландисл — он-то кто?

Лицо Пивора разгладилось.

— Он принимал участие в тебе... с тем, чтобы ты со временем...

— Нет! — прервал Пивора мой лорд, качая головой. — Нет, Пивор. Я не пойду по пути Могущества — как Вам хотелось бы. У меня, наверное, есть некоторое право выбора, я не хочу быть владельцем Силы. Я хочу быть собой, я — Керован. Я не хочу, чтобы из меня делали нечто большее... или меньшее.

— Но, в общем-то, ты со мной согласен, — Пивор пристально разглядывал нас. Он сделал лёгкое движение рукой, словно бросил что-то по ветру. — Значит, таков твой выбор? Ты отдаёшь себе отчёт в том, что шанса изменить этот выбор у тебя может никогда не быть? — и хотя человек в сером не сделал ни шага назад, внезапно нам показалось, что нас разделила пропасть.

— Я хочу быть Керованом, никаким не повелителем, но обыкновенным ч е л о в е к о м, — сказал мой лорд, но затем добавил скорее для меня, а не для Пивора: — Быть только самим собой.

— Что, в общем-то, важнее всего, — я легко нашла нужные слова. — Ты — мой лорд, твои желания исполнятся только благодаря твоим собственным усилиям. Тебе определять наше с тобой будущее.

Пивор улыбнулся.

— Прекрасно, дети мои. Ступайте в мир, который вы выбрали. Предвижу, что что всё у вас будет хорошо, и, возможно, вы ещё встретитесь кое с чем удивительным.

И он исчез, словно кто-то задул свечу. А я удовлетворённо вздохнула в объятиях своего лорда.

— Наш мир.

Я притянула его к себе, и наши губы встретились, а их тепло превратилось в пламя, и в этом пламени мы оба будем пылать вечно.

ПРОКЛЯТИЕ ЗАРСТОРА

Глава 1

Бледный солнечный свет коснулся верхушек скал на краю безымянной западной долины, куда недавно в своих бесцельных скитаниях забрела Бриксия. Долина лежала достаточно далеко от разорённых земель на востоке, чтобы ощущать сомнительную безопасность — если, конечно, сохранять осторожность. Присев на корточки, девушка хмуро взглянула на далёкие облака на востоке — предвестник плохой погоды. Она водила лезвием своего ножа по оселку, с беспокойством разглядывая тонкую стальную полоску. Хотя нож и был выкован из хорошей стали, это случилось так давно в прошлом, что девушка даже не пыталась припомнить. С тех пор лезвие уже столько раз затачивали, что теперь, она это хорошо знала, ей нужно быть очень осторожной, или эта тонкая полоска металла лопнет, и она останется без оружия, без инструмента — без всего.

Руки у неё теперь были загорелые и покрытые шрамами. Ногти на пальцах обломаны, под ними темнели полоски грязи, и она даже песком не могла вычистить их. Трудно поверить, что когда-то она держала веретено или челнок ткацкого станка, иголкой вышивала разноцветные картины на кусках плотной ткани, которые развешивали потом на стенах крепости. Так жила совсем другая девушка, нежная и надёжно защищённая, жила в Верхнем Халлаке, прежде чем пришли захватчики. Та девушка умерла когда-то, в длинном коридоре времени, начало которого вспоминается теперь с большим трудом.

Со времени бегства из осаждённой врагами крепости, которая всегда была её домом, Бриксия стала крепкой и выносливой, как металл, который теперь держала в руке. Она узнала, что время — это всего лишь один день от рассвета до того, как удастся найти убежище в надвигающихся сумерках. Никаких пиров, никаких отличий одного месяца от другого — только времена жары и времена холода, когда промерзают даже кости; в такие периоды она кашляла и боялась, что больше никогда не согреется.

Никакой лишней плоти на её теле не осталось, она ныне

тонка и крепка, как тетива лука. И — по-своему — почти так же смертельно опасна. То, что когда-то она надевала тонкие ткани, носила ожерелье из янтаря и золотые кольца на пальцах, казалось теперь сном, тревожным сном.

Она скиталась в постоянном страхе, пока тот не стал близким другом, и если бы он вдруг исчез, девушка почувствовала бы себя обнажённой и потерянной. Бывали дни, когда где-нибудь в пещере или под деревом она готова была закрыть глаза, сдаться, отказаться от упрямого желания выжить, принять смерть, которая шла по её следу, как охотник за раненым оленем.

Но в ней сохранялась упрямая решимость — наследие её рода. Разве не течёт в её жилах кровь Торгуса? Во всех долинах Верхнего Халлака известна Песнь о Торгусе и об его победе над Силой Камня Ллана. Род Торгуса, может быть, не был богат землями и драгоценностями, но его дух и сила всегда высоко ценились.

Девушка убрала рукой прядь выгоревших на солнце волос, неровно подрезанных на шее. Для бродяги в диких краях не очень-то подходят переплетённые золотом косы обитательницы будуара. Продолжая точить нож, она тихонько напевала Вызов Ллана, так тихо, что даже собственными ушами не слышала этих звуков. Хотя слушать здесь было некому — она тщательно обыскала всё это место вскоре после рассвета. Разве посчитать слушателем птицу с чёрным хохолком, которая угрожающе прокричала что-то с вершины ближайшего изогнутого ветром дерева.

— Так, так... — она проверила острие лезвия на прядке волос, упавшей на глаза. Заточенная сталь легко перерезала прядку, в пальцах осталось несколько волосков. Девушка выпустила их, ветер подхватил и унёс тонкие нити. И тут Бриксия снова ощутила страх. Местность была ей совершенно неизвестна, и лучше было закопать унесённую ветром частичку себя. Ведь старые предания гласят, что существуют какие-то малоизвестные силы, которые могут использовать волосы, ногти, слюну для злого волшебства.

Впрочем, подумала она, тут некого бояться. Конечно, здесь, рядом с Пустыней, сохранилось множество свиде-

тельств пребывания тех, кто когда-то владел этой страной, — Прежних. Они оставили каменные монолиты, странные места, некоторые из них притягивают к себе, а некоторые — пугают.

Но всё это лишь следы давно исчезнувшей силы, или сил. Те, кто владел этой силой, давно исчезли. Чёрная птица, словно отрицая это, снова громко крикнула.

— Эй, ты, чёрная! — девушка перестала напевать и взглянула на птицу. — Не больно-то высовывайся. Или хочешь встретиться с Утой? — и она испустила негромкий, но резкий свист.

Птица неистово завопила, словно знала, кого призывает девушка. Потом снялась с ветки и улетела, держась совсем низко над землёй.

Из зелёной травы (здесь давно уже не было овец, чтобы ощипать её) поднялась пушистая голова. Показав зубы, кошка зашипела, глаза её раздражённо проследили за улетающей птицей, которая, последний раз хрипло крикнув, тут же исчезла.

С невозмутимым достоинством своего племени кошка неторопливо направилась к Бриксии. Девушка приветственно протянула ладонь. Они уже давно бродили и ночевали вместе, и девушка была польщена, что Ута выбрала её в спутники во время этих бесцельных блужданий.

— Как охота? — спросила она кошку, которая села на расстоянии вытянутой руки от неё и принялась облизываться. — Или теперь, когда отсюда ушли люди и нечего красть, пропали и крысы? — Ута давала Бриксии единственную возможность поговорить во время одиноких странствий.

Снова усевшись, Бриксия принялась рассматривать развалины внизу. Судя по этим руинам, жители долины когда-то процветали. Укреплённое главное здание с прилегающей защитной башней — впрочем, здание теперь стояло без крыши и со следами пожара на рухнувших стенах — должно быть, выглядело весьма внушительно. Она насчитала также не менее двадцати крестьянских

домов, хотя от них остались только очертания стен, и разглядела большую грудку обломков, возможно, бывший постоянный двор. Дома располагались вдоль дороги. Бриксия предположила, что дорога уходит к ближайшему речному порту. И все торговцы, направлявшиеся в верхние долины, должны были проходить здесь. Так что странные и с трудом терпимые люди, которые бродят в Пустыне, разыскивая следы Прежних, могли найти здесь хорошее место для продажи своих находок.

Девушка не знала, как жители называли своё поселение. И могла только догадываться, что опустошило его. Захватчики, разорившие во время войны Верхний Халлак, не могли забраться так далеко вглубь. Но война порождает зло.

Когда войска Долин ушли, чтобы отразить нашествие захватчиков, гораздо более свободно почувствовали себя на западе двуногие волки — разбойники из Пустыни. Они грабили и убивали. Бриксия не сомневалась, что если порыться в развалинах, то наверняка можно найти свидетельства того, как погибло селение. Оно явно было разграблено, даже руины, наверно, не раз прочёсывались. Она не единственная бродит в безлюдье. Но всё же она надеялась, что хоть что-нибудь полезное осталось, пусть даже сломанная чашка.

Бриксия провела руками по бёдрам, с беспокойством заметив, как износилась ткань брюк, на колене уже просвечивает кожа. Длинное платье она бросила ещё во время бегства. Сжав нож в руке, она потянулась к другому своему оружию — крепкому охотничьему копыю. Его наконечник недавно тоже был заострён, и она хорошо знает, как им пользоваться.

Мешок она оставит здесь, в зарослях. Задерживаться в развалинах долго не придётся. Может, она вообще зря потратит на них время. Если тут живёт кто-то больший, чем крысы или луговые прыгуны, Ута предупредит её, а всё-таки хоть что-то можно найти. Ведь своё копыё она нашла в такой же сожжённой крепости.

Хотя долина, насколько она могла судить, была совер-

шенно пустынно, Бриксия двигалась крайне осторожно. В неведомой местности всегда можно ожидать неприятных сюрпризов. Последние три года научили её, что между жизнью и смертью может быть очень короткий промежуток.

Она постаралась забыть о прошлом. Воспоминания о нём только ослабляют дух. Жить — значит помнить только о сегодня. Она знала, что может поздравить себя с тем, что дожила до этого дня и благополучно добралась до этого места. И неважно, что когда-то такая же крепость была её домом, что худое, мускулистое теперь тело когда-то носило мягкую шерсть, тщательно выделанную и разукрашенную. Вся одежда, которая сейчас на ней, добыта в странствиях...

Брюки, изношенные и истончившиеся, из грубого жёсткого материала, куртка из шкур прыгунов, выделанных и сшитых её собственными руками, рубашку она нашла в сумке мёртвого жителя Долин, попавшего в разбойничью засаду. Тот воин сумел прихватить с собой своих врагов. И она считала, что рубашка — это дар ей, сделанный храбрым человеком. Ноги у неё сейчас были босые, хотя в мешке хранились сандалии с деревянными подмётками, но они ждут более тяжёлых дорог. Подошвы её загребели, ногти на пальцах ног давно уже сломаны.

Волосы перепутались, потому что расчёсывает она их только пальцами. Когда-то они были цвета самого крепкого яблочного эля, блестящие, тщательно заплетённые. Теперь, выгоревшие на солнце, они больше похожи на увядшую осеннюю траву. Но Бриксия больше ничем не гордилась в своей внешности, только силой и способностью выжить.

Перебегая от одного укрытия в кустах к другому, всё время напряжённо ожидая сигнала тревоги, какой могут дать глаза, уши или нос, Бриксия бегло подумала, что слово «леди» теперь гораздо больше подходит Уте. Для домашней кошки она, правда, великовата. Но, возможно, она никогда и не грелась у разведённого человеком огня и с самого рождения была дикой. Тем более странным кажется её союз с Бриксией.

Примерно год назад девушка проснулась после беспокойного ночного сна (календаря у неё не было, поэтому точного времени она не могла назвать) и увидела, что у её костра сидит Ута; глаза кошки светились, как большие красноватые монеты. Бриксия тогда ночевала в какой-то заросшей мхом, лишённой крыши развалине, оставленной Прежними. Она быстро обнаружила, что другие бродяги, которые могут оказаться врагами, не любят такие развалины. Но там никакой опасности не было — только стены, быстро возвращавшиеся в землю.

Во время той первой встречи она слегка опасалась Уты. Но если не считать пристального немигающего взгляда — кошка словно оценивала её, — ничего примечательного в Уте не было. Шерсть у неё тёмно-серая, на голове, лапах и хвосте темнее, на солнце даже отсвечивает синевой. Шерсть густая и мягкая, как драгоценные ткани, которые когда-то привозили заморские торговцы, задолго до того, как война с захватчиками перевернула верх дном всю жизнь в Долинах с востока до запада, разбила эту жизнь на осколки, и никто из выживших уже не может их собрать.

На тёмной мордочке Уты поблескивают странного цвета глаза — иногда синие, иногда зелёные, но по ночам в них всегда горит красноватая искра. И глаза эти знающие. Иногда, когда они обращены к девушке, Бриксия чувствует себя неудобно, как при первой встрече, словно в этих суженных зрачках светится разум, сравнимый с её собственным, и этот разум изучает её и оценивает.

Девушка и кошка по кустам вместе пробрались к заросшим развалинам того, что когда-то, по мнению Бриксии, было гостиницей. От неё остались только две стены, обожжённые и обрушившиеся, не выше плеча девушки. В земле чернело отверстие, ведущее в погреб, но оно почти почти доверху было забито обломками. Рыться здесь не имело смысла.

Нет, лучше посмотреть в доме лорда. Хотя, конечно, этот дом и разграбили в первую очередь. Но если огонь вышел из-под контроля до того, как грабители закончили...

Бриксия подняла голову. Ноздри её расширились, ловя запахи. В диких краях она, как и животные, больше полагалась на обоняние, и, хотя девушка не сознавала этого, даже не думала о подобных вещах, обоняние её сильно обострилось от постоянной практики.

Да! Горящее дерево!

Она опустилась на четвереньки и с осторожностью охотника проползла до края гостиницы, отыскивая промежуток в густых зарослях. А там легла на землю, осторожно подтянула к себе копьё и приподняла низко нависшие ветви, чтобы расширить поле зрения.

Огонь в такое время года, когда нет гроз и молний, может означать только человеческий лагерь. А в этой местности лагерь — это разбойники. Или те, кто когда-то здесь жили, могли вернуться, чтобы посмотреть, что ещё можно спасти. Девушка обдумала такую возможность и не стала полностью отвергать её.

Но даже вернувшиеся жители деревни могут стать её врагами. Достаточно им её увидеть, и она превратится в преследуемую добычу. Оборванная, она ничем не отличается от разбойников, разграбивших это место. Её могут принять за разведчика другой банды.

Внимательно рассматривая вид перед собой, Бриксия не обнаружила никаких признаков лагеря. Дом слишком разрушен, решила она, чтобы служить убежищем. Но башня сохранилась, и хотя окна её лишены ставен и открыты ветру и дождю, всё же она в целом выглядела неплохо.

Те, кто остановились здесь, должны находиться в башне. И не успела она прийти к такому выводу, как у входа в башню что-то шевельнулось, кто-то вышел из неё. Бриксия мгновенно застыла.

Мальчик, юноша, невысокого роста, голова такая же непричёсанная, как и у неё. Но одежда целая, в хорошем состоянии. Тёмно-зелёные брюки, сапоги, кожаная куртка с нашитыми металлическими кольцами, с рукавами до запястий. Пояс, в ножнах меч с простой рукоятью.

У неё на глазах он откинул голову, вложил пальцы в рот

и свистнул. Ута шевельнулась и, прежде чем Бриксия смогла остановить её, выбежала из укрытия и, высоко задрав хвост, пошла к башне. Но не она одна ответила на призыв. Из-за башни неторопливо вышла лошадь, подошла к юноше, опустила голову и потянулась к его груди, а он ласково почесал её чёлку.

Ута также подошла к нему и села, охватив хвостом лапы; Бриксия была уверена, что кошка разглядывает мальчика тем же оценивающим взглядом, каким нередко смотрела и на неё. Уход кошки вызвал её раздражение. До сих пор Ута была её единственным спутником, Бриксия привыкла думать о ней как о товарище. Но сейчас кошка ушла от неё к незнакомцу.

Девушка нахмурилась сильнее. Ей тут нечего делать, возможности поискать что-нибудь полезное нет. Если что и осталось, то найдут и без неё. Лучше как можно быстрее уходить, предоставив Уту её судьбе. Похоже, кошка сама была готова сменить свою привязанность.

Юноша взглянул на кошку. Отпустил лошадь, опустил-ся на колено и протянул руку.

— Красавица... — сказал он с акцентом верхних долин, и его слова поразили слушавшую девушку. Как же давно она не слышала никакого голоса, кроме собственного.

— Иди сюда... леди...

— Яртар?

Бриксия увидела, как юноша вздрогнул и оглянулся через плечо на открытую дверь башни.

— Яртар... — другой голос прозвучал низко, и было в нём что-то... Бриксия опёрлась подбородком о руку, даже дыхание затаила.

По крайней мере, двое. Лучше пока не шевелиться. Хотя она и уверена, что сумеет уйти незаметно.

Мальчик встал и ушёл в башню. Лошадь махнула головой и направилась к густым зарослям травы. Но Ута вслед за мальчиком пошла ко входу в башню.

Бриксия рассердилась. У незнакомцев и так всего много: одежда, меч, лошадь, а у неё ничего, кроме Уты. И она теперь даже кошку может потерять. Пора уходить. Но девушка продолжала лежать на месте.

Она уже так давно одна. И хотя Бриксия прекрасно знала, что её безопасность — в одиночестве, на неё нахлынули непрощенные воспоминания. С тоской смотрела она на вход в башню. Мальчик вовсе не выглядел опасным. У него был меч, но кто теперь на этой земле не носит оружия? В последние годы здесь нет ни закона, ни силы лорда Долины, которая смогла бы защитить. Безопасность каждого заключена в его собственных руках, в силе и ловкости тела. И хоть изнутри башни она слышала только один голос, низкий мужской голос, это не значило, что там не может быть и ещё кого-то.

Благоразумие требовало немедленно уходить. Но потребность, порождённая голодом духа, может подгонять так же неумолимо, как телесный голод. Ей так захотелось слушать голоса, увидеть хоть кого-то... До этого момента Бриксия не осознавала, как велика эта потребность.

Глупость, строго говорила она себе. Но всё равно поддавалась этой глупости. А потом оказалось, что уходить уже поздно.

У двери обозначилось какое-то движение. Ута, уже подошедшая к двери, грациозно отскочила и снова села, обернув лапы хвостом. Первым вышел мальчик, но на этот раз он поддерживал спутника.

Высокий мужчина, по крайней мере, высоким он казался рядом с мальчиком. Шёл он странно, волоча ноги, низко опустив голову, словно вглядываясь в землю. Руки безжизненно свисали, и хотя его тело облегла тщательно отделанная кольчуга (а не просто нашитые кольца на коже, как у мальчика), меча в ножнах на поясе не было.

Широкоплечий, мужчина был узок в талии и бёдрах. Волосы были подстрижены, но давно, потому что теперь завивались за ушами и на шее, свисали на смуглый загорелый лоб. Волосы очень тёмные, как и брови, которые поднимались вверх по краям у висков. Что-то в его лице показалось Бриксии тревожно знакомым. Когда-то она видела такого человека...

Что-то такое рассказывали... впервые за много месяцев она пыталась вспомнить то, что в другое время старалась

забыть. Да! Шёпотом рассказывали о том, другом человеке, лорде с западной долины, проведшем одну ночь в их крепости; он тогда сидел за столом на почётном месте справа от её отца. Он — полукровка! Она с торжеством вспомнила это слово. Один из тех, на кого народ Долин поглядывал искоса и с кем старался не иметь дела; один из тех, чьи отцы женились на странных женщинах, из народа Прежних, большинство из которых давно покинуло Верхний Халлак, ушло на север или запад, куда не пойдёт ни один разумный человек. О полукровках всегда ходило много рассказов, считалось, что они обладают неведомыми способностями. Но отец открыто приветствовал того незнакомого лорда и, казалось, гордился тем, что тот заночевал у него под крышей.

Но вскоре она увидела, что между тем человеком, которого она вспомнила, и этим, в башне, имеются различия. Этот человек сделал несколько неуверенных шагов, по-прежнему не поднимая головы, продолжая смотреть в землю. Лицо у него было странно пустое. Ни следа бороды (возможно, тоже результат чуждой наследственности), рот расслаблен, хотя подбородок решительный. Если бы не эта пустота, отсутствие выражения, его даже можно было бы назвать красивым.

Мальчик вёл его, держа за руку, а мужчина покорно слушался, опустив голову. Подведя человека к груде камней, мальчик усадил его.

— Хорошее утро... — Бриксии показалось, что юноша говорил напряжённо, произнося слова слишком быстро и громко. — Мы дома, в Эгтерсдейле, мой Лорд. Это правда, Эгтерсдейл, — мальчик огляделся, словно искал помощи.

— Яртар... — впервые заговорил мужчина. Он наконец-то поднял голову, хотя лишённое выражения лицо даже не дрогнуло, и громко позвал: — Яртар...

— Яртар... умер, мой Лорд, — мальчик схватил человека за подбородок и попытался повернуть его голову к себе. Мужчина, не сопротивляясь, повернул голову, и Бриксия видела, что выражение его лица ничуть не изменилось, взгляд не оживился.

— Мы дома, мой Лорд! — мальчик, схватив мужчину за плечи, сильно встряхнул его.

Тот подчинился рукам мальчика. Не сопротивляясь, не показывая, что узнаёт юношу, понимает его слова, узнаёт место, где сидит. Его молодой товарищ со вздохом отступил и снова осмотрелся, словно искал помощи, которая могла бы снять наложенное на его господина заклятие.

Потом склонился, взял руки мужчины в свои и прижал их к своей груди.

— Мой лорд, — Бриксии показалось, что мальчик из последних сил старается сохранить спокойствие, — это же Эгтерсдейл, — он произносил каждое слово медленно и отчётливо, как говорят с полутглухим, который, если постарается, ещё может что-то расслышать. — Вы у себя дома, мой Лорд. Мы в безопасности, мой Лорд. Вы у себя дома, в безопасности.

Ута встала, потянулась и легко подпрыгнула к мужчине и мальчику. Подойдя к мужчине справа, она положила ему на колени лапы.

И впервые на лице, лишённом выражения и эмоций, что-то изменилось. Мужчина медленно повернул голову. Он словно боролся с какой-то невидимой силой, делая это простейшее движение. Но он не посмотрел на кошку. Мальчик явно удивился, а потом встревожился, внимательно глядя на мужчину и кошку.

Губы лорда зашевелились. Человек как будто не мог заговорить, хотя и прилагал усилия. Так продолжалось несколько мгновений. Потом он перестал интересоваться окружающим. Снова лицо его потеряло выражение, стало зеркалом разрушенного разума, как развалины вокруг — отражение некогда существовавшего строения, которое мальчик называл домом.

Ута убрала лапы с колен мужчины, посмотрела на пролетающую бабочку и с игривостью, которую редко проявляла, погналась за ней. Мальчик отпустил руки мужчины, прыгнул за кошкой, но она ловко увернулась от его рук и исчезла среди камней.

— Кис, кис... — он принялся искать кошку среди кам-

ней, лихорадочно призывая, как будто снова найти её было для него самым важным делом в мире.

Бриксия сухо улыбнулась. Она могла бы сказать ему, что все эти усилия напрасны. Ута всегда ходит своим путём. Сначала кошку заинтересовали люди в башне. Но теперь её любопытство удовлетворено, и они могут больше никогда её не увидеть.

— Кошка! — мальчик кулаком застучал по обломкам стены. — Кошка... он же узнал, хоть на миг... Клянусь Клыками Окстора, он узнал! — мальчик откинул голову и выкрикнул, как боевой клич: — Кошка... он узнал... ты должна вернуться... должна!

И хотя произнёс он это, как Мудрая Женщина, взывающая к Силе, ответа он не получил. Должно быть, для него слабая заинтересованность его лорда кошкой значила очень много. Может, впервые его лорд заинтересовался чем-то после раны или болезни, превратившей его в пустую оболочку. Понятно, что мальчик захотел иметь Уту под рукой, надеясь...

Бриксия чуть шевельнулась. Юноша был так поглощён своими надеждами и страхами, что она вполне могла встать и открыто уйти, а он её бы и не заметил. Она должна уходить. Но любопытство, возможно, чем-то сродни любопытству Уты, удерживало её на месте. Эти двое не казались опасными.

— Кис... — голос мальчика смолк.

Мужчина чуть шевельнулся и, когда мальчик повернулся к нему, приподнял голову. Его помертвевшее лицо не изменилось, но он запел, как мог бы запеть менестрель на пиру.

*Обрушилась Сила
По вызову Элдора —
То свирепая гордость,
Мощь, которая царствует вечно,
Пришла по его призыву,
Чтобы сделать его
Господином всего.*

*Но Зарстор обнажил
Меч разума,
Поднял щит воли
И поклялся смертью,
Всем жаром и всем сердцем
Не сдаваться.*

*Сверкнуло звёздное Проклятие,
Мрачно и ярко,
Тьма восторжествовала
Над Светом.*

*Пуста земля Зарстора,
Поля его голы.
И никто уже не знает,
Кто здесь некогда правил.
Так из-за гордости Элдора
Смерть и разрушения
Воцарились повсюду.*

*Звёзды сдвинулись —
Пришло ли время
Снова взглянуть в лицо
Силам ночи?
И кто осмелится во тьме и позоре
Испытать силу Проклятия Зарстора?*

Не очень-то хорошие стихи, такие может сочинить и неграмотный крестьянин, но что-то в них заставило Брик-сию вздрогнуть. Она никогда не слышала о Проклятии Зарстора. Но у каждой долины свои легенды и предания. И некоторые из них не выходят за пределы холмов, ограждающих каждую долину. Мальчик застыл. Недоверчивость на его лице сменилась надеждой.

— Лорд Марбон!

Но его радостный возглас вызвал противоположный эффект. Мужчина снова опустил голову. Руки его беспокойно зашевелились, касаясь кольчуги на груди.

— Лорд Марбон! — повторил мальчик.

Мужчина слегка повернул голову, словно прислушиваясь.

— Яртар?..

— НЕТ! — мальчик сжал руки в кулаки. — Яртар мёртв. Он уже двенадцать месяцев как мёртв и давно сгнил! Он мёртв, мёртв, мёртв — ты меня слышишь? Он мёртв!

Его слова гулким эхом отозвались в развалинах.

Глава 2

Молчание, наступившее вслед за этими полными отчаяния словами, нарушила Ута. Кошка уселась мордой к зарослям, в которых пряталась Бриксия. Из её пушистого горла вырвался звук, похожий на женский крик. Бриксия слышала такой звук и раньше — это призыв Уты. Но то, что она теперь обращалась к ней, буквально ошеломило её.

Мальчик повернулся, мгновенно опустив руку на рукоять меча. Теперь Бриксия уже не могла незаметно уйти, она слишком долго ждала. А лежать здесь, трусливо дожидаясь, пока её поднимут... Нет! Она не будет дожидаться этого.

Она встала, продралась сквозь заросли и вышла на открытое место, держа копьё в руке. Так как лука и стрел она не видела, то считала, что копьё — вполне достаточный ответ на меч.

Ута после своего предательства спокойно перевела взгляд на юношу. Лицо у того было напряжённое, подозрительное. Он извлёк меч из ножен.

— Кто ты? — в резком вопросе тоже прозвучала настороженность.

Её имя ничего ему не скажет. За месяцы одиноких странствий оно и для неё стало мало что означать. Она теперь оказалась слишком далеко от родной долины, слишком далеко от земель, где имя её рода может вызвать понимание. Она никогда не слышала об Эгтерсдейле; логично предположить, что и здесь, в изолированной западной долине, не слышали о Мурачдейле, о Доме Торгуса, который правил в ней до того дня, когда всё кончилось в крови и пламени.

— Просто путница... — ответила она, тут же подумав, что, отвечая, демонстрирует собственную слабость.

— Женщина! — он небрежно сунул меч в ножны. — Ты из семьи Шейвера?... или Хамела?... у него, кажется, было две дочери...

Бриксия напряглась. Тон его голоса... Гордость, о которой она уже начала забывать, заставила её распрямиться. Она может внешне казаться крестьянской девчонкой (по-видимому, он так и решил), но она — Бриксия из рода Торгуса. А сам-то он откуда? Здесь только почерневшие от огня развалины — и больше ничего.

— Я не связана с этой землёй, — спокойно ответила девушка, но смотрела она вызывающе. — Если ты ищешь крестьянку из владений твоего лорда... ищи в другом месте, — и не добавила никакого уважительного титула.

— Разбойница! — губы юноши скривились. Он встал рядом со своим лордом, приготовившись к защите. Посмотрел вправо, влево, пытаясь разглядеть, кто ещё скрывается в зарослях.

— Это ты так говоришь, — ответила она. Как она и думала, он принял её за члена разбойничьей банды. — Не называй так никого, молодой человек, если не уверен в том, — Бриксия произнесла это весьма холодно, вспомнив некогда усвоенное умение удерживать на расстоянии одной лишь речью. Так ответила бы леди на дерзость.

Он молча смотрел на неё. Но прежде чем юноша смог ответить, его лорд пошевелился и встал, без интереса взглянув пустыми глазами на девушку, может, даже не замечая её.

— Яртар задерживается... — мужчина поднёс руку ко лбу. — Почему он до сих пор не пришёл? Нам необходимо завтра утром выступить...

— Лорд, — по-прежнему не отрывая взгляда от девушки, мальчик попятился и взял лорда за руку. — Пора отдыхать. Ты болен, мы выедем позже...

Мужчина нетерпеливо вырвал руку.

— Больше никакого отдыха... — голос его прозвучал чуть уверенней. — Никакого отдыха, пока дело не завер-

шено, пока мы снова не овладеем древней силой. Яртар знает путь... где же он?

— Лорд, Яртар...

И хотя мальчик снова схватил мужчину за руку, тот не обратил на это никакого внимания. Пустое равнодушное выражение покинуло его лицо, на нём появилась тень сознания. Ута подошла к этой паре ближе и остановилась возле лорда. Затем испустила негромкий звук.

— Да... — мужчина с усилием высвободился, опустился на колени и протянул обе руки к кошке. — Со знаниями Яртара мы сможем идти, не так ли? — но вопрос этот был обращён не к спутнику, а к кошке. И взгляд его встретился с немигающим взглядом животного.

— Ты это знаешь, пушистая: Ты пришла как весть? — мужчина кивнул. — Как только Яртар придёт, мы двинемся, — оживление покинуло его лицо, оно снова стало пустым. Теперь он походил на человека, который больше не может бороться со сном.

Мальчик схватил его за плечи.

— Лорд... — но смотрел он не на мужчину, которого поддерживал, а на девушку.

В его взгляде читалась такая враждебность, что Бриксия крепче перехватила копьё. Он как будто так её ненавидел, что был готов открыто напасть. И тут она поняла. Им двигал стыд... стыд, что кто-то увидел его лорда, потерявшего разум.

Инстинктивно она поняла, что если сейчас сделает движение, скажет что-нибудь, покажет, что поняла, то тем самым только ухудшит положение. Не зная, что теперь делать, она как можно спокойнее посмотрела на юношу. Облизнула губы, но ничего не ответила.

Они долго смотрели друг на друга, потом он снова нахмурился.

— Уходи! У нас нечего красть! — и он снова потянулся к мечу.

Бриксия рассердилась. Почему эти слова хлестнули её, как бичом, она не могла сказать. Эти двое — ничто для неё. Чтобы выжить, она научилась быть одной.

Но девушка сдержалась. Пожала плечами и отступила к изгороди, из-за которой появилась. Осторожность не позволила повернуться спиной к этой паре. Но она чувствовала, что ей нечего бояться их.

Мальчик снова поднял мужчину и повёл его к двери башни, негромко уговаривая. Бриксия не слышала его слов. Она посмотрела, как они исчезают, а потом ушла сама.

Разумно было бы совсем уйти из этой долины, говорила она себе, поднимаясь по склону. Но не ушла. Метко брошенный камень ошеломил одного из прыгунов в траве, она искусно освеживала тушку, а шкурку припрятала, чтобы обработать позже. Из шести таких шкурок получится короткий плащ, а у неё уже имеются три в мешке, что спрятан у костра в её лагере.

Понимая, что не она одна могла заметить тех, кто остался в развалинах, Бриксия приняла дополнительные предосторожности. Если кто-то из разбойников увидел лошадь, меч мальчика, этого вполне достаточно, чтобы привлечь банду. Бриксия подумала, понимает ли мальчик, как опасно останавливаться в развалинах. Пожала плечами. Не её забота учить его.

Разжигая небольшой костёр из тщательно подобранных дров, так, чтобы они давали как можно меньше дыма, она размышляла о двоих внизу. Теперь Бриксия была уверена, что их только двое.

Мальчик назвал этот посёлок Эггерсдейл и говорил о нём, как о доме. Его лорд явно не может сам позаботиться о себе, как же они собираются здесь жить? Конечно, тут есть дичь. Но без лука приходится рассчитывать только на меткость и сбивать камнем прыгунов. Она сама чуть не умерла с голоду, ела личинок и жевала траву, пока не научилась добывать пищу. Один прыгун — едва ли достаточный обед для одного человека.

Бриксия, сидя на корточках, поворачивала над огнём куски своей добычи, поджаривая их, чтобы потом съесть хотя бы полуготовыми. Она не успела осмотреть сад внизу, но была уверена, что едва ли за годы разрухи здесь могли

сохраниться съедобные растения. Можно собирать травы, и она это иногда делала. Но их никогда не бывает в больших количествах. Если у этих двоих нет продуктов, как они будут жить?

Бриксия снова повернула палочки с мясом, глядя на вспыхнувшие языки пламени и жалея, что нечем подхватить капающий жир. При запахе жареного мяса рот её наполнился слюной.

Негромкий звук по другую сторону костра мгновенно привлёк её внимание.

— Ты мне не друг, — строго сказала она, глядя на Уту. — Если ты сменила знак Дома на щите, леди, тогда иди и проси места за чужим большим столом... а ко мне не приходи, — но она всё же взяла одну палочку, сняла с неё мясо, защищая листком пальцы, и положила полупрожаренное мясо перед Утой. Пусть поступает, как хочет: берёт или отказывается.

Кошка сидела, ожидая, пока мясо остынет. Время от времени она поглядывала на него, но больше смотрела своим немигающим взглядом на Бриксию. Девушка поёжилась. Так Ута всегда смотрит; нет причины думать, что она оценивает её мысли.

— Да, иди к ним, Ута. Мужчине ты, кажется, понравилась.

Девушка сузила глаза и пристально посмотрела на кошку. Её удивило поведение Уты по отношению к тому лорду. Не впервые она пожалела, что не может понастоящему общаться с кошкой. Раньше это желание порождалось одиночеством, когда то становилось тюрьмой для девушки. Тогда одного лишь физического присутствия кошки было недостаточно, чтобы прогнать мрачные мысли. Бриксии нужно было слышать другой голос, хоть на время избавиться от вызывающего боль одиночества.

Теперь же она хотела обладать способностью общаться с кошкой из любопытства. Каким-то образом Уте удалось проникнуть в затуманенный мозг лорда Марбона, вызвать пробуждение его сознания. Почему... и как?

Бриксия принялась размахивать в воздухе палкой с насаженным мясом, чтобы остудить его.

— Что ты с ним сделала, Ута? — спросила она. — Он словно поражён луной. От раны это или какая-то хитрость захватчиков? Может, болезнь... И кто этот Яртар, которого он зовёт? Мальчик говорит, что он давно мёртв, — девушка принялась энергично жевать жёсткое мясо. Ута тоже ела, даже не поднимая головы в ответ на её вопросы.

И та песня... такую не сочиняют певцы... грубая, плохо составленная... словно сочинил её кто-то, не владеющий искусством, но подгоняемый необходимостью. Бриксию слегка смутил такой поворот её мыслей. Но в них есть свой смысл. Какова цель этой песни? Проклятие Зарстора... как ещё оно было названо в песне? Звёздное Проклятие.

Кто-то, по имени Зарстор, обнажил меч против врага и был уничтожен, потому что у врага оказалось это оружие. Бриксия покачала головой. Существует много легенд о древних войнах и битвах. Во всех имеется зерно истины, но эта истина сегодня уже ничего не значит. Если только тёмное Проклятие Зарстора по-прежнему не лежит на земле этой Долины.

Всё возможно в долинах Верхнего Халлака. Прежние, до того как покинули земли у великого моря, ушли на север и запад, за саму Пустыню, обладали необычными знаниями и силами. От них остались места, которых следует сторониться, и другие... Бриксия даже перестала есть, воспоминание пришло столь яркое, словно девушку мгновенно перебросили во времени и пространстве.

Она вспомнила день, когда пришло известие, что защита не выдерживает, и они бежали из крепости Мурачдейла. Дыхание Бриксии участилось. Они бежали, бежали в сумерках... убегали от огня и криков. Ей показалось, что она снова ощущает резкую боль за рёбрами и в ногах, снова борется с длинным шлейфом платья, чувствует во рту привкус страха.

Вверх, на хребет. Рядом с ней бежит Куниггод, поторапливая её. Куниггод... лицо Бриксии исказилось при этом воспоминании. Она так хотела бы забыть... но воспомина-

ния не уходили. Куниггод, вставшая с постели, где лежала, чихая и кашляя... она не убежала, сначала убедилась, что её воспитанница ушла из женского будуара, где её ожидала смерть... вывела её по внутренней лестнице к потайной калитке.

Они бежали ночью, одни, остальные выжившие бежали другим путём. Именно Куниггод провела её узкой тропой между высоких камней, поддерживая полуживую от страха Бриксию. Она не знала, по какому пути они идут, и попала в это Место, сама не понимая того.

Никто из жителей долины добровольно не приходил в места, которые когда-то использовали Прежние для своих целей... Только Мудрые Женщины, которым уже известна неписаная мудрость. Но и они приходили сюда осторожно и тихо, потому что здесь их могли ожидать злые Силы... и они могли восстать без предупреждения. Бриксия слышала, что такие места имеют свою особую атмосферу, их можно услышать, почувствовать, прежде чем безвозвратно попадёшься в сеть.

Куниггод привела её в одно из таких мест, которого обычно все сторонились. Однако старая нянька, по-видимому, знала, что делает. Она, задыхаясь от кашля, опустилась на землю, изо всех сил цепляясь за девушку, не давая ей убежать.

— Оставайся... здесь... — с трудом проговорила она. — Тут... нет... зла...

И Куниггод упала лицом вниз, и на этот раз Бриксия обняла её, нежно обхватив руками, а женщина кашляла и задыхалась. Девушка поняла, что её нянька не может идти дальше, а она тоже не может уйти и оставить её. И вот она лежала под луной, полной и яркой — казалось, она висела непосредственно над ними, освещая местность во всех подробностях.

Внимательно разглядывая окружающее, она увидела, что камни не образуют полный круг. Серебристо-серые, ярко блестящие под луной камни выстроились двумя полумесяцами, их заострённые рога находились на некотором расстоянии друг от друга, оставляя два прохода в

центр, где теперь и лежали беженки. Поверхности камней были обтёсаны. Бриксия видела, что у вершины каждого камня нанесены какие-то линии, но не могла сказать, рисунок ли это или остаток какой-то выветрившейся надписи.

И чем дольше она рассматривала камни, тем больше ей казалось, что свет каким-то образом задерживается на них. Они напоминали ей большие свечи, и свет исходил не только от вершин, где должны были находиться фитили, но и от боков камней. Правда, этот свет от самих камней далеко не отходил, а только окутывал каждый сверкающим одеянием.

Глядя на эти светившиеся камни, Бриксия почувствовала, как её оставляет страх перед неизвестным. Сердце, вначале отчаянно бившееся, постепенно успокоилось. Девушка, не осознавая этого, дышала теперь равномерно и глубоко. Её охватила какая-то вялость, апатия, странное спокойствие. Голова Бриксии опустилась, она ощущала странную сонливость.

Она легла, по-прежнему держа голову Куниггод на коленях, чувствуя себя в полной безопасности, и крепко уснула.

Проснувшись поутру, она сразу увидела Куниггод, но долго не могла понять, где она и что с ней. Страх не возвращался. Между нею и прошлой ночью опустился занавес, как годы отделяют одну часть жизни от другой. Бриксия почувствовала в себе новые силы, какое-то беспокойство, связанное с целью, которой она не понимала. Но само по себе это непонимание её не беспокоило.

Девушка ощутила лишь лёгкую печаль, когда поняла, что душа Куниггод рассталась с телом. Бриксия сложила руки своей старой няньки на неподвижной груди, поцеловала её в лоб. Потом встала и посмотрела на каменные столбы. В свете утра вокруг лежали просто камни. Но девушка продолжала ощущать умиротворённость, отсутствие эмоций, свободу от страха. Она теперь понимала, что ей предстоит жить одной, что она должна выжить ради какой-то цели — но какой, она ещё не знала.

Она не задавала вопроса, доброе это место или злое. Это место дало ей силы выжить, и она сохраняла его, как щит и опору.

И вот Бриксия сидела в своём лагере над Эгтерсдейлом, смотрела на огонь и думала. Что возникло в ней той ночью, которую она провела между двумя знаками новой луны? Почему именно сейчас вернулось это воспоминание и с такими подробностями, если раньше она никогда не вспоминала о том месте? Почему ей кажется, что всё её прошлое до той ночи не имело никакого значения, а всё, что произошло потом, как-то связано с будущим?

Почему? И почему? И почему?

— Так много почему... — вслух сказала она Уте. Кошка умывалась, но, услышав голос Бриксии, опустила лапу и посмотрела на девушку.

— Я — Бриксия из рода Торгуса. Так ли это, Ута? О, я не имею в виду красивые платья, почётное место за пиршественным столом, способность приказывать людям: «Сделайте то и то», и они делают. Не это подлинные признаки рода. Взгляни на меня, — она рассмеялась и тут же удивилась, поняв, как давно не слышала звука смеха, — я выгляжу так, словно пришла попрошайкой на пир или меня прогнали камнями из посёлка, чтобы не связываться с подозрительными бродягами. Но я всё равно Бриксия из рода Торгуса, и только я сама могу отобрать это у себя — каким-нибудь поступком, недостойным своего рода. Я сама должна буду тогда осудить себя и выбрать наказание.

Твой юный друг в долине слишком поспешно высказал обо мне суждение, Ута, — Бриксия покачала головой. — Хотя мне давно уже казалось, что я отбросила гордость как совершенно бесполезное чувство. Гордость не положит пищи в рот, не прикроет тело, не сохранит в нём дыхание. Но есть особая гордость. Я хочу сказать: «Ты не можешь победить меня, тень страха!» Вот такую гордость я считаю настоящей.

Она кивнула. Но всё же девушка ощущала неудовлетворённость. Она слишком многое ещё помнила, хотя сейчас всё это и казалось далёким и туманным. Как этот мальчиш-

ка смотрел на неё — этот взгляд начинал жечь её всё больше.

— Да будет так! — Бриксия сжала правую руку в кулак и ударила по ладони левой. — Эти двое ничто для меня, Ута. И мысли их меня не трогают. Мы уйдём утром, и пусть лорд остаётся в своих развалинах.

В её словах царил здравый смысл. Но всё же...

Бриксия приготовилась к ночи: отыскала щель, похожую на пещеру, покрыла пол сухими листьями и травой, устроив что-то вроде гнезда; при этом время от времени она останавливалась и поглядывала на башню внизу. Она не пряталась и не пыталась скрыть своё присутствие. Потому что была уверена: юноша не станет её искать, заботы о хозяине занимают всё его внимание.

Она видела, как он вышел из башни и отвёл лошадь к ручью. Когда животное напилось, он привёл его назад на огороженное поле. Потом снова сходил к ручью, захватив с собой кожаную бутылку, наполнил её и отнёс в башню. Он не оглядывался, не смотрел вверх. Должно быть, уже забыл о ней.

Это снова укололо её. Хотя Бриксия не понимала, почему это так задевает её. Однако она осмелела. Не скрываясь, сама спустилась к ручью со своей изношенной фляжкой. Задержалась, чтобы умыться. Она пожалела, что поблизости не нашлось спокойной поверхности, которая смогла бы послужить зеркалом. Впрочем, наверное, это даже хорошо, решила она, расчёсывая пальцами волосы и вытаскивая из них сухие листья и веточки, попавшие туда, когда она пробиралась через живую изгородь.

Почему она задерживается, почему ночует тут, Бриксия не понимала. Остановка не имела цели, но когда она пыталась подумать об уходе, её охватывало какое-то беспокойство. Она не могла уйти отсюда. В тревоге бродила она по возвышенности. Даже когда сбила камнем ещё одного прыгуна, собственное мастерство и неожиданное пополнение припасов не принесло ей радости.

Вернувшись в свой лагерь, Бриксия увидела, что Ута вновь сидит на камне. Голова кошки была наклонена так,

что она смотрела не на башню вниз, а вдоль хребта, на запад, где кончалась долина и начиналась страшная Пустыня.

— В чём дело? — Бриксия видела в прошлом такую сосредоточенность Уты и знала, что она может означать.

Хотя за время скитаний чувства девушки и обострились, они всё же уступали способностям кошки. Бриксия подняла голову, напрягая всё: зрение, слух, обоняние, чтобы отыскать, что вызвало такое серьёзное внимание Уты.

Из башни поднимался дым. Те, что там находятся, очевидно, не знают, как подбирать сухие дрова, чтобы не выдавать присутствия огня. А может, не беспокоятся, что их присутствие будет замечено. Нет, это не крепость...

Девушка опустила на колени в тени скал, прижавшись плечом к камню, который выбрала Ута, и, стараясь не показываться, осмотрела долину. Обрушившиеся стены, обозначавшие поля, сады. Вдоль стен уже вырос кустарник. К западу темнела небольшая роша.

Из этой-то роши и выпорхнули птицы. Они кружились в воздухе и хрипло кричали. Бриксия схватила копьё. Она хорошо знала, что это означает. Кто-то вторгся в лес... эти птицы никого не боятся, кроме... человека!

Захватчики... или из пустыни? Если бы они были из того же отряда, что и двое внизу, то они приближались бы с востока по старой дороге. Нет, это разбойники, крысы и волки из Пустыни, собрались, чтобы подобрать то жалкое, что ещё можно найти в руинах... как собиралась и она сама.

Да, крысы и волки, но у них есть клыки и когти!

Мальчишка с мечом... мужчина с повредившимся разумом... и никакого предупреждения.

Эти двое ничто для неё. А что есть у неё? Источенный нож, который сломается при первом усилии? Охотничье копьё? Это глупость, совершенная глупость...

Мысли неслись стремительно. Но она уже бежала от своего убежища, спускалась по склону, используя все возможные укрытия. Рядом с такой же осторожностью кралась Ута.

Глупость, но почему-то она должна её совершить.

Глава 3

Хорошо понимая, что за башней уже могут наблюдать из леса, который находился прямо напротив последнего укрытия, которое она выбрала для себя, Бриксия в растерянности присела, думая, что же делать дальше. Было ясно, что хочешь не хочешь, а придётся выйти на открытое место, чтобы добраться до двери. Если бы она была Утой...

Ута! Пушистая головка прижалась к её руке. Девушка взглянула на кошку, которая в ответ внимательно посмотрела на неё. Потом Ута сдвинулась вправо и тут же исчезла в кустах. Поневоле Бриксия на четвереньках поползла за ней, с трудом пробираясь сквозь густые заросли.

Из зарослей показался камень — основание стены, которая когда-то была внешней защитой крепости. Стена была сделана грубо, просто один необработанный камень лежал на другом. Ута использовала их как лестницу, поднимаясь вверх.

Бриксия провела руками по камню. Достаточно щелей и углублений, чтобы она тоже смогла подняться. Она колебалась, прижав руки к камню. Какая глупость! Она ещё может повернуться и уйти, незаметно подняться на склон долины. Почему она этого не делает?

Ответа у неё не было, но что-то внутри, какое-то побуждение двигало ею. Повесив копьё на плечо за ремень, на котором носила его в пути, девушка вцепилась пальцами рук и ног в углубления и начала подниматься.

Ута ждала её на верху стены, глядя вниз; она словно проверяла, следует ли за ней Бриксия, прежде чем продолжать путь. И когда Бриксия начала подниматься, кошка махнула хвостом и исчезла.

Скрывают ли развалины главного здания её от тех, кто наблюдает из рощи? Бриксия не знала, она могла только надеяться. Настороженно вслушиваясь, она по-прежнему слышала крики встревоженных птиц, и заключила, что затаившиеся в лесу люди ещё не вышли.

По другую сторону стены тянулся мощёный двор, окружавший некогда укреплённый, а теперь наполовину разрушенный дом и башню рядом с ним. Бриксия спрыг-

нула в траву, выросшую у основания стены на нанесённой ветром почве.

Отсюда она перебежала к стене дома, прошла вдоль неё, теперь оставалось преодолеть только небольшую открытую площадку до самой башни. Ута уже бежала возле башни, вскоре она исчезла во входе. Бриксия перевела дыхание и сняла со спины копьё. Она не собиралась входить невооружённой. Возможно, её встретят не как друга... и не как союзника.

Она пробежала к двери и влетела в неё, прежде чем шум смог предупредить об её появлении. Внутри башни огонь в очаге лишь частично разгонял сумерки. Мужчина сидел неподвижно, тупо глядя на пламя, рядом с ним устроилась Ута. Но мальчик, едва увидев её, вскочил с обнажённой сталью в руках.

Бриксия заговорила, прежде чем он двинулся. Она не хотела схватки с ним.

— В лесу прячутся. Их, наверное, привлёк ваш дым... — она одной рукой указала на очаг, другой по-прежнему сжимая копьё. — Или вас выследили на пути сюда. У вас есть лошадь, кольчуга, — она указала на мужчину. — Они одни привлекут любого разбойника.

— А тебе-то что? — угрюмо спросил мальчик.

— Ничего. Но я не разбойница, — Бриксия отступила на шаг. Мысли её смешались. Почему они пришла к этим двоим? Они ведь действительно ничто для неё?

Продолжая наблюдать за ней, мальчик подошёл к мужчине.

— Ты один, — продолжала Бриксия, — по крайней мере в схватке. Они слизнут тебя так легко, как Ута мышь, и даже быстрее, потому что охотятся не для забавы.

Выражение подозрительности не исчезло с его лица. «А если я тебе не поверю?»

Она пожала плечами. «Поступай, как знаешь. Я не толкаю тебя в битву». Она осмотрела помещение, в котором они нашли убежище. Справа располагалась крутая лестница, ведущая на второй этаж. У стены притулились скамья, стул, на котором сидел мужчина, пара седельных

мешков. Два плаща были привязаны к прутьям и выстелены травой — постели. И всё.

Она снова посмотрела на скамью. Жалкая возможность, но это всё, чем они располагали. Она не думала, что им теперь удастся уйти. Мальчик, возможно, смог бы бежать через заросли, но с ним этот человек...

— Мы можем поставить это поперёк двери, — она указала концом копья на скамью. — Если бы не огонь, можно было бы спрятаться там, — кивнула на лестницу. — Если, конечно, они не следили за вами и не знают, как вас мало.

Он сунул меч в ножны и подошёл к скамье. Бриксия повесила копье и взялась за другой конец. Нагнувшись, мальчик посмотрел на неё.

— Оставь всё как есть! Ты нам не нужна! Я остаюсь с лордом Марбоном...

— Оставайся. Но если у меня нет лорда, за которого нужно сражаться, то свою жизнь я должна защитить, — она схватила второй конец скамьи и напряглась. Вдвоём они установили поперёк двери низкую преграду, почти бесполезную, как в глубине души решила девушка.

— Если бы только... — мальчик взглянул на сидевшего у огня человека. Бриксии показалось, что он говорит не с ней, а просто думает вслух. Потом его внимание вернулось к ней, и лицо его снова приняло враждебное выражение. Он сплёл пальцы рук, похрустел костяшками.

И снова заговорил, слова вырывались словно насильно, как будто ему ненавистен факт, что он их произносит.

— Здесь может быть выход... он должен знать.

Бриксия, вспомнив, как сама когда-то бежала из такого же места, почувствовала надежду, которая тут же исчезла. Если в Эгтерсейде и имелся какой-то потайной выход, то он либо разрушен, либо его тайна погребена в мозгу хозяина.

— Он не вспомнит... — но добавила, потому что так трудно отказаться от надежды. — Или всё-таки вспомнит?

Мальчик пожал плечами. «Иногда может немного...» Он склонился к мужчине.

Ута снова приподнялась и положила передние лапы на колено мужчины. Он погладил её голову, продолжая смотреть на огонь.

— Лорд, — мальчик взял его за руку, — лорд Марбон...

Бриксия встала у двери, следя за происходящим в помещении и одновременно прислушиваясь к звукам, которые могли оповестить о приближении врага. Заржала лошадь, девушка напряглась, крепче ухватила копьё.

— Лорд Марбон, — голос мальчика прозвучал резко, настойчивей, — Лорд Яртар прислал сообщение...

— Яртар? Он наконец пришёл?

— Лорд, он встретится с тобой. Он ждёт у выхода из потайного пути.

— У потайного пути? А почему он не пришёл открыто?

— Лорд, нас окружили враги. Он не смеет подъехать открыто. Разве не в обычае лорда Яртара приходиться и уходить незаметно?

— Правда. Идём потайным путём, — мужчина встал, Ута прижималась к его ногам. Он взглянул на кошку, лицо его ожгло. — А, пушистая! Хорошо, что ты снова в доме, в союзе с нами, как когда-то. В потайной путь!

Он свободно, совсем не так, как раньше, прошёл в конец помещения, в углубление, в котором находился очаг. Погладил там камень, как только что гладил Уту.

Но тут пальцы, двигавшиеся привычно и уверенно, вдруг застыли. Одну руку он опустил, другой потёр лоб и взглянул на мальчика.

— Что... — голос опять стал совсем безжизненным. — Что...

Ута встала на задние лапы, передние повисли перед мягкой шерсткой на животе. Она негромко и повелительно мяукнула. Лорд Марбон посмотрел на неё. Он словно прислушивался, словно понимал мяуканье кошки.

— Лорд, — мальчик подошёл с другой стороны, — вспомни: лорд Яртар ждёт.

Человек оглянулся. Он не утратил осмысленного выражения, хотя лицо его снова стало апатичным.

— Это... это... не... неправильно... — он осмотрел комнату, голые стены.

Бриксия чуть не грызла от нетерпения пальцы. Воображение рисовало картины подкрадывавшихся снаружи врагов. Они не смогут удержать башню. Она сердилась на себя за то, что по какой-то непонятной глупой причине попала в ловушку. Но они действительно в ловушке. Даже если мальчик сказал правду и в крепости есть потайной ход, совсем не обязательно, чтобы он вёл именно отсюда. И если свихнувшийся разум не вспомнит...

— Яртар, да! — казалось, имя вновь привело в порядок разбежавшиеся мысли; так куклу тянут за нитку, и резное дерево и кожа оживают (Бриксия когда-то видела такое представление).

Снова лорд Марбон положил руки на стену. Бриксия услышала снаружи то, чего опасалась, — этот звук мог вызвать только сапог, задевший камень. Она подняла копьё и посмотрела на лестницу. Почему она раньше не увидела эту возможность? Они вдвоём — копьё и меч — могли бы удержать верх лестницы, выиграть несколько мгновений жизни. А нож на поясе послужит её последним ключом к уходу из жизни; лучше это, чем та судьба, что её ожидает здесь.

Звук снаружи не повторялся. Но она не сомневалась, что слышала его. Однако в этот момент услышала более громкий скрип и быстро повернула голову. Рядом с очагом в стене появилась щель. И в эту щель мальчик молча и настойчиво толкал своего лорда. Ута уже исчезла в темноте, потом мальчик прошёл след за хозином, никак не предупредив Бриксию. Девушка рванулась к очагу. Щель уже начала закрываться, но Бриксия, вставив копьё как рычаг, всё-таки успела проскользнуть в ход. Потом она убрала копьё, и стена закрылась, оставив её в полной темноте, такой густой, что она сомкнулась над ней, словно плащ.

Бриксия услышала звуки справа и медленно протянула в ту сторону руку. Она стояла в очень небольшом пространстве, слева стена, другая непосредственно перед ней. Не зная, предстоит спускаться или подниматься, Бриксия копьём стала ощупывать дорогу и осторожно двинулась направо.

Продолжая ощупывать пол, она сделала пять шагов, и тут пол исчез. По-прежнему с помощью копыя девушка определила, что это начало лестницы. Звуки продолжали доноситься с того же направления. Если она хочет отыскать выход, нужно идти туда.

Бриксия с помощью копыя проверяла каждый шаг, прежде чем сделать его. Левой рукой она держалась за стену; вначале та была просто грязной, но потом, чем глубже спускалась девушка, тем более влажным становился проход. Запахло стоячей водой и гнилью. Дважды она задевала руками за грибы, от едкого запаха которых даже закашлялась.

Она насчитала двадцать ступенек, потом копыё показало, что перед ней снова ровный пол. Звуки впереди совсем стихли. Бриксия удивилась, как они могли уйти так далеко. Наверное, они двигались без предосторожностей, которые ей пришлось из благоразумия принимать.

Света не было никакого, темнота давила на неё, вызывала страх, какой всегда ощущают люди перед ночью и тем, что может таиться в ней. Скользкие стены вызывали отвращение, но ей приходилось касаться их, используя как дополнительный указатель направления. Ведь было неизвестно, как далеко ведёт этот потайной путь. Такие проходы устраиваются обычно так, чтобы можно было выйти за пределы осаждающих. Проход в Мурачдейле был вдвое длинней деревенской улицы — так она слышала.

Вскоре она почувствовала прикосновение воздуха к щеке. Дуновение не настолько сильное и свежее, чтобы устранить гнилой запах, но оно свидетельствовало о наличии вентиляции. Бриксия шла вперёд, её подошвы скользили по той же слизи и плесени, какая росла и на стенах. Один раз девушка чуть не потеряла самообладание, когда под её ногой что-то дёрнулось. Она прыгнула вперёд, поскользнулась, и только резкий выворот тела удержал её от падения в грязь на полу.

Бриксия, ударившись лицом о правую стену, обнаружила, что проход делает поворот. Слева вдали показался очень слабый серый свет; он дважды затмевался и откры-

вался снова — эта перемена могла означать, что там проходили остальные.

Коридор пошёл вверх, и девушка облегчённо вздохнула: она решила, что приближается к концу. И испытала немалое разочарование, добравшись до источника света. Свет пробивался сквозь щель в скале; но расщелина оказалась такой узкой, что не пропустила бы и древко копья. Однако этот слабый свет показал другой поворот, на этот раз направо.

Бриксия прошла ещё пять шагов и только тогда увидела настоящий свет, красно-оранжевый свет пламени впереди. Она изо всех сил заторопилась к нему. При свете она увидела, что проход заканчивался карнизом, с которого открылся вид на природную пещеру без всяких признаков вмешательства человеческих рук.

У стены, держа факел, стоял лорд Марбон. Она увидела также спину мальчика, который на коленях заползал в отверстие по другую сторону пещеры. Уты не было видно. Но хотя лорд Марбон и держал факел, он явно потерял тот пробудившийся разум, который провёл их этим подземным путём. Лорд пустым взглядом смотрел перед собой, глаза его были широко раскрыты и совсем не мигали в ярком свете. Но когда Бриксия проходила мимо, чтобы уже самостоятельно углубиться в следующий проход, он повернул голову и взглянул на неё.

Что-то пробудилось в его взгляде, губы шевельнулись:

*Сверкнуло звёздное Проклятие
Мрачно и ярко,
Тьма восторжествовала
Над Светом.*

Девушка вздрогнула. Но потом узнала эти строки — песнь о Проклятии Зарстора.

— Найти его... я должен найти его... — мужчина заговорил торопливо, сливая слова. Марбон даже схватил её за руку, проявляя удивительную силу, удерживая её неподвижно, и она поняла, что сама вырваться не сможет.

— Всё неправильно... из-за Проклятия Зарстора, — он чуть опустил голову, приблизив к ней лицо. — Должен найти... — глаза его на мгновение ожили.

— Ты не Яртар! Кто ты? — голос его прозвучал резко, повелительно.

— Я Бриксия, — ответила она, думая, надолго ли вернулся к нему разум.

— А где Яртар? Он послал тебя? — Марбон продолжал крепко держать её, встряхивая, так что сотрясалось всё тело.

— Я не знаю, где Яртар, — девушка пыталась найти слова, которые удовлетворили бы лорда, который, по словам мальчика, постоянно звал давно уже мёртвого человека. — Может быть, — она использовала тот же предлог, — он ждёт снаружи.

Лорд Марбон задумался: «Он знает, по древним рунам... только он знает... оно должно быть моим! Он пообещал, что оно будет моим. Я последний из рода Зарстора. Я должен получить его!»

Он опять потряс её, как будто хотел добиться исполнения своего желания таким грубым обращением. Рука Бриксии легла на рукоять ножа на поясе. Если понадобится воспользоваться им, чтобы защититься от безумца, что ж, она сделает это.

Но не только явное безумие лорда испугало её, нет, что-то было и в ней самой. Голова... ей захотелось вскрикнуть... вырваться из рук Марбона и бежать... потому что... она стояла перед дверью, и если эта дверь откроется...

Это совсем не то чувство, которое нормальный человек испытывает при соприкосновении с безумцем. Нет, новое чувство, совершенно чуждое. Бриксия не могла повернуть голову, оторвать взгляд. Какая-то необходимость поглотила её... она должна что-то сделать... и ничто в этом мире не имеет значения, пока она не осуществит то, что пленило её. Она прошептала:

— Проклятие Зарстора...

Вот оно! Вот что она должна найти... это даст истинную жизнь... приведёт в порядок всё, что исказилось с появлением этого Проклятия в её жизни.

Бриксия мигнула раз, другой. Чувство исчезло... необходимость пропала. Всего на мгновение лорд околдовал её своим безумием! Она дёрнулась, вырвалась и отшатнулась от него вдоль стены.

Но Марбон не попытался снова схватить её. Как будто она, вырвавшись, позволила и ему снова погрузиться туда, где нет никаких знаний. Лицо его неожиданно разгладилось, стало совершенно пустым. Он тупо смотрел на стену, а вовсе не на неё. И рука, которой он удерживал её, бессильно опустилась.

Отверстие, которое могло привести под открытое небо, неудержимо манило девушку, но Бриксия боялась пуститься в путь на четвереньках, оставляя спину незащищённой, чтобы мужчина снова не схватил её. Так они и стояли у стены пещеры, а девушка судорожно старалась придумать выход.

— Лорд... — в отверстии неожиданно появилась голова мальчика, — вокруг всё спокойно.

Бриксия бросилась вперёд, желая поделиться с ним опасным знанием.

— Твой лорд сошёл с ума.

Лицо мальчика исказилось от ярости, он вскочил.

— Ты лжёшь! Он получил тяжёлую рану в проходе Унго... когда был убит его приёмный брат. Боль и рана на время отняли у него понимание, что мы делаем и куда идём. Но он не сумасшедший!

Губы его изогнулись в рычании. Бриксия подумала, что он в глубине души с ней согласен, но почему-то не хочет этого признавать.

— Он вернулся... к себе домой, — продолжал мальчик.

— Лекарь сказал, что когда он окажется в знакомом месте, память вернётся к нему. Он... он считает, что находится в поиске. Это старое предание его рода — предание о Проклятии Зарстора. Он должен овладеть Проклятием и загладить всё зло, причинённое им. Эта вера сохранила ему жизнь.

Это очень старая легенда. Зарстор, владетель Эгтерсдейла, поссорился с братом своей жены — она была из рода Прежних — Элдором, и Элдор в гордыне и гневe сгово-

рился с тёмными силами, и на Зарстора и на весь его род легло Проклятие, даже на принадлежавшую ему землю, приведшее к тому, что чем больше люди приобретали, тем больше теряли.

Когда в прошлом году война пошла совсем неудачно, мой лорд стал всё больше и больше думать о Проклятии. И лорд Яртар, который интересовался старинными легендами, особенно если они имели отношение к Препим, часто говорил с ним об этом. Вскоре мой лорд поверил, что в этой легенде кроется правда. Он договорился с лордом Яртаром, который поклялся, что открыл некие тайны, которые могут прояснить историю Проклятия, договорился, что они вместе будут искать правду о Зарсторе и о том, что скрыто в прошлом...

— Но как узнать тайны прошлого? — вопреки своему желанию Бриксия почувствовала, что её охватывает возбуждение. Впервые за долгие дни её заинтересовало что-то такое, что не связано непосредственно с необходимостью прожить день от восхода до заката и потом от заката до следующего рассвета.

Мальчик пожал плечами, рот его горько исказился, брови нахмурились.

— Спроси у лорда Яртара, вернее, у его тени! Он мёртв, но Проклятие живо в сознании моего лорда. И, возможно, навсегда овладело им.

Бриксия прикусила губу. Мальчик уже отвернулся от неё. Может, Марбон и его околдовал, как околдовал её в тот короткий миг, когда они оставались одни. Возможно, не совет лекаря, а мания лорда привела их в эту разорённую долину.

Бриксия видела, как мальчик взял факел у своего подопечного, подвёл лорда Марбона к дыре, осторожно заставил опуститься на четвереньки и подтолкнул к отверстию. Лорд Марбон не сопротивляясь пополз в темноту. Когда он исчез, мальчик сунул факел в щель в скале и последовал за хозяином.

Бриксия, не намеренная оставаться под землёй, когда совсем рядом находится выход, поползла за ними.

Узкий проход оказался коротким, и вскоре они выбрались в тень нескольких деревьев и кустов, закрывавших выход. Они оказались на северном склоне окружавших долину холмов. Усевшись под укрытием кустов, Бриксия осмотрела лежавшую внизу крепость. В окнах башни мерцал слабый свет, в очаге ещё горел огонь. Она увидела также пять лохматых худых пони, на каких обычно ездят разбойники, если им повезёт и они раздобудут лошадей.

— Пять... — услышала она рядом с собой голос мальчика. Он тоже прополз немного вперёд, так что они соприкоснулись плечами.

— Может, и больше, — с удовлетворением ответила она.

— В некоторых бандах людей больше, чем лошадей.

— Надо снова уходить в холмы, — мрачно заметил он.

— Туда или в Пустыню.

Вопреки своему желанию, Бриксия посочувствовала ему. Она негодовала из-за того, что нужно думать о ком-то, кроме себя самой, но если эти двое уйдут без запасов, без умения жить в дикой местности — а она догадывалась, что у них нет этого умения, — их можно считать погибшими. Её раздражало, что что-то не позволяет ей уйти, предоставить этих двоих судьбе, которую они заслужили своей глупостью.

— У твоего лорда нет родичей, которые приютили бы его? — спросила она.

— Нет. Он... его не всегда принимали жители нижних долин. Я же говорил, что у него другая кровь... ИХ кровь... — у жителя Долин слово «ИХ» могло означать только одно — чужаков, которым когда-то принадлежала эта земля. — Это... это и сделало его таким, каким он был... каков он есть. Ты не понимаешь... Ты видела его только здесь и сейчас, — голос мальчика стал страстным шёпотом, как будто он боялся потерять контроль над собой. — А он великий воин... и учёный. Он знает такое, чего не знают и не понимают другие лорды Долин. Он мог призвать к себе птиц и говорить с ними — я видел, как он это делал! И не было такой лошади, которая не пришла бы к нему и не позволила сесть на себя. Он насылал сонные чары на

раненых. Я даже видел, как он наложил руки на рану, чёрную от яда, и приказал плоти излечиться — и так и случилось! Но никто не может излечить его самого, никто!

Мальчик опустил голову и спрятал лицо в руках. Он лежал неподвижно, но Бриксия пошевелилась, словно от него на девушку перешло всепоглощающее ощущение боли и потери.

— Ты был его оруженосцем?

— Да, после смерти Яртаря я нёс его щит. Но на самом деле я не оруженосец. Наверно, стал бы им когда-нибудь, если бы всё было хорошо. Лорд принял меня в свой дом от дальних родственников своей матери. Мне не на что было рассчитывать... у нас всего лишь пограничная сторожевая башня... и у меня двое старших братьев... так что меня там ничего не ждало. Всё равно теперь уже ничего нет... ничего, кроме моего лорда... кроме моего лорда.

Голос его звучал хрипло, он обессиленно согнул плечи. Бриксия знала, что он ненавидит себя за это проявление чувств. Нужно оставить его одного и больше не расспрашивать.

Отвернувшись, она отползла от наблюдательного пункта. Но... там, где они оставили лорда Марбона, никого не было. Она быстро осмотрелась: кругом ничего не было видно...

Глава 4

— Он исчез!

Услышав её крик, мальчик тут же подполз к ней и вскочил на ноги, совершенно не обращая внимания на возможных наблюдателей снизу. Бриксия попыталась схватить его, напомнить об опасности. Но не успела, он уже исчез в кустах по другую сторону этой небольшой поляны. Очевидно, его интересовал только его господин.

Бриксия осталась на месте. Теперь, когда они ушли из ловушки, ей незачем больше сопровождать этих двоих. Совсем незачем. И всё же, что бы ни говорило ей благоразумие, спустя какое-то время она неохотно двинулась вслед за мальчиком.

Уты тоже не было видно. Может, кошка по какой-то причине ушла с лордом Марбоном. Бриксия медленно пробиралась через кусты в том направлении, в котором исчез мальчик.

Судьба по-прежнему благоприятствовала им: за кустами оказалась выемка, заросшая лианами и молодой порослью кустарников. Сломанные ветви и листья обозначили дорогу безумца. Бриксия осторожно шла по этой ложбине. И хотя вероятность, что на неё мог напасть какой-нибудь дикий зверь, была невелика, в таких зарослях могли прятаться и другие опасные существа.

Что-то угрожающее было в этих кустах, в этой поросли с мясистыми тёмно-зелёными листьями, такими тёмными, что казались почерневшими. Некоторые были покрыты красными или ржавыми красно-коричневыми прожилками, похожими по цвету на засохшую кровь.

Рядом со сломанными ветками ощущался сильный неприятный запах, отличный от запаха растительности.

Сами стволы и ветви были чёрными; касаясь тела и рук Бриксии, они оставляли полосы, словно выделяли какую-то жидкость. Девушка с помощью копья, как могла, отводила их со своей дороги.

Вскоре Бриксия заподозрила, что эта ложбина, проходившая между двумя склонами, не могла быть естественной. Если бы она шла вниз по склону, с севера, то ещё можно было бы подумать, что её оставил пересохший ручей. Но она шла с востока на запад, вдоль хребта. Наверное, эта канава была когда-то выкопана, чтобы скрыть тех, кто выбирается из потайного хода, и тайно вывести их к Пустыне.

Бриксия дважды останавливалась, собираясь повернуть назад или по крайней мере уйти с этой зловещей тропы. Но каждый раз, с сомнением осмотрев откосы (заросли там были гораздо гуще), она отказывалась от этой мысли.

Во время последней остановки какой-то незнакомый звук заставил её схватить копьё. Не голос, не хруст ветви впереди или сзади. Она стояла в тёмном туннеле, по-видимому, совершенно одна.

Нет, этот звук не от шевелящихся на ветру листьев, не...

Девушка посмотрела назад, туда, откуда пришла, пытаясь определить, что же это был за звук. Какое-то звяканье, стук, как будто стучали зубы. Она слышала раза два такой звук, когда Ута следила за птицей, которую не могла достать.

— Ута! — негромко позвала Бриксия, но в глубине души она понимала, что это не кошка. Звуки были вполне членораздельные, как речь на чужом языке, которую она не может перевести.

Сзади? Нет, напряжённо прислушавшись, она была теперь уверена, что звук исходил не сзади и не спереди по ходу ложбины, которая так сильно заросла, что ветви начали соединяться у неё над головой. Она взглянула вниз, и в ней за клубился холодный страх: звук доносился из-под земли!

Инстинкт говорил ей, что нужно бежать вперёд. Но... может быть, её и подталкивают к этому. Она заставила себя остановиться и наклонила голову, вслушиваясь в невнятное щёлканье. И увидела: дорога впереди, едва заметная в сумерках и тени растений, на глазах изменялась! Под толстым ковром листьев, в который бесшумно погружались босые ноги, появилась впадина. Сама поверхность изгибалась — да, она видела изменение. Внезапно она представила себе, как тропа опускается вниз, в какую-то пропасть, прихватив и её с собой. А там, в пропасти, у неё под ногами, ждёт...

Больше она не могла рисковать колебаться здесь! Бриксия со страхом взглянула на толстый слой земли, превращавшийся в грязь под ногами. А что, если оттуда вылезет... какое-то существо и схватит её?

Девушка вздрогнула и побежала. Стены ложбины постепенно поднялись — или тропа углубилась — и путь стал более отчетливым. Больше не нужно было пробираться сквозь заросли. Напрягая зрение, Бриксия различала следы в пыли. Остальные — или по крайней мере один из них — впереди. Теперь ей чрезвычайно захотелось попасть в общество нормальных людей.

Она боялась даже подступающих теней. От зловония сломанных стеблей и полуразложившихся листьев тошнило. Бриксия торопливо шла вперёд. Тропа постепенно поднималась, словно нацеливалась пересечь гребень хребта. Угол подъёма увеличился, дважды девушка подскользнулась. Множество следов показывало, что другие тоже падали и вынуждены были подниматься с не меньшим трудом.

Чуть впереди показалась куча обломанных ветвей, некоторые ещё дрожали. Перебравшись через них, она наконец-то оказалась на открытом месте под низким, душным небом. Но света было достаточно, и девушка приободрилась. Прямо перед ней тропа переходила в карниз, который отвесно обрывался в пропасть, и на какое-то мгновение девушка представила, что юноша и лорд Марбон сорвались в неё с этого узкого насеста. Бриксия плохо переносила высоту; впрочем, тут свидетелей не было, поэтому она встала у левого края карниза на четвереньки и заглянула вниз.

То, что она увидела, несказанно поразило её. Несомненно, тут приложил руку человек — или какое-то разумное существо изменило природу в своих целях. Потому что по крутому утёсу проходила настоящая лестница. Выветренные, покрытые мхом ступени круто вели вниз, в узкую долину. А на скальных стенах рядом с лестницей пестрели углубления и выпуклости — резьба, тоже сильно выветренная и покрытая мхом и лишайниками.

Быстро сгущалась тьма. В слабом свете угасающего дня эти линии и углубления, казалось, насмехались или хмурились, образуя такие чуждые лица, что Бриксия быстро отвернулась от стены. Затем она услышала шум падения камня вниз и заметила там движение. Дно пропасти было затянуто какой-то дымкой; и у девушки сложилось впечатление, что долина здесь расположена очень глубоко, гораздо глубже, чем по другую сторону хребта, откуда они пришли.

Внизу лежали густые тени. Но не настолько они были

темны, чтобы она не различила две фигуры у каменного выступа. У неё на глазах большая фигура вырвалась, высвободилась от меньшей. Меньшая хотела было помешать, но более высокий отбросил спутника и решительно направился на запад; шёл он большими, но экономными шагами опытного странника.

Решив догнать их, Бриксия быстро встала и, борясь с головокружением, начала спускаться по лестнице. Одной рукой она придерживалась за резьбу на камне, потому что от пустоты пропасти справа кружилась голова. Девушка сознательно заставляла себя смотреть только на то, что непосредственно вставало перед ней.

К тому времени как Бриксия добралась до конца лестницы — а она не смела торопиться, — те двое ушли уже далеко вперёд. Эта вторая долина на их пути оказалась непонятно почему лишённой всякой растительности, и Бриксия видела ушедших, хотя очертания их странно колебались.

Бриксия потёрла глаза, решив, что собственное зрение мешает ей видеть удалённые предметы. На мгновение путь прояснился, но потом, стоило лишь посмотреть под ноги или на окружающие скалы (а их вокруг было очень много), зрение затуманивалось.

Воздух был чист, она дышала свободно, удушливое зловоние, как на тропе вверху, пропало. Но идти босиком было довольно трудно, гравий и обломки камня причиняли боль даже её огрубевшим подошвам. Бриксии пришлось идти медленно, чтобы не поранить ноги. Она с тоской вспомнила сандалии в своём мешке — тот, наверное, навсегда остался в долине Эггерсдейл. Несколько раз ей хотелось крикнуть, позвать ушедших вперёд, попросить подождать её. Но уже скоро вечер, и они всё равно будут вынуждены остановиться.

К тому же с того времени, как она вошла в подземный ход в крепости, девушка не видела кошку и теперь начала сомневаться, что Ута вообще проходила верхней тропой. Почему-то для неё было важно, чтобы Ута оставалась с ними. И она беспокоилась, не ушла ли Ута по своей воле куда-либо.

Сумерки сгустились, и девушка становилась всё более и более осторожной. Может, эти странные невидимые создания сверху и не последовали за ней, но у Бриксии сохранялось ощущение, что она не одна, что кто-то подглядывает за ней, и это ощущение с каждым шагом становилось всё сильнее.

Остановиться здесь она не могла. Ей требовалось общество — любое общество, только чтобы избавиться от ощущения, что она во власти неизвестного. Время от времени она останавливалась и прислушивалась — и обнаружила, что в долине отсутствуют обычные успокаивающие ночные звуки. Не жужжали насекомые, не кричали птицы — стояла полная тишина, так что даже собственное дыхание казалось очень громким, а скрип копья о камень звучал как призыв боевого рога.

Бриксия тщетно старалась подавить своё воображение. Неправда, что она идёт в толпе невидимых существ! Здесь ничего не двигалось, кроме неё самой. Судорожно вздрагивая, но вовсе не от ночной прохлады, Бриксия прислонилась к камню высотой ей по плечо.

Пальцы коснулись выпуклости, впадины... Она повернула голову. Лицо!..

Какое волшебство позволило этой грубой резьбе выделиться, стать видимой в темноте, она не могла догадаться. Как будто её прикосновение пробудило искру жизни в самом камне.

Лицо?.. Нет, ничего даже отдалённо человеческого не было в той каменной маске. Огромные круглые глаза, и в каждом мерцала искорка, точка зеленовато-белого цвета. Рот и нос были намечены лишь слегка, каким-то дьявольски реалистическим искусством, из чуть приоткрытого, но широкого провала рта-пасти торчали концы острых клыков.

Остальное — Бриксия заставила себя смотреть, она не позволит запугать себя, ведь она уже преодолела первый испуг и изумление — остальное всего лишь намечали линии в камне... ничего больше... только глаза и рот. Наверно, тот, кто это сделал, рассчитывал на воображение

зрителя, оно должно было восполнить недостающее. Стыдясь, что на неё подействовала эта уловка, Бриксия ударила копьём по камню и быстро зашагала вперёд, не обращая внимание на боль в ногах. Она не оглядывалась, не смотрела по сторонам, но ощущение, что за ней исподтишка следят, так и не оставляло её.

Девушка больше не сомневалась, что находится в одном из мест Прежних. И это такое место, думала она, где вторжение людей не приветствуется. Это не убежище, как та площадка, куда её привела Кунигтод. Напротив. Тут, скорее, затаилась угроза её племени.

Узкая долина, ранее сжатая высоченными стенами хребта, насколько она могла судить, перешла в более широкую равнину. Девушка снова начала колебаться. Идти дальше ночью без проводника, наверное, было бы глупо. Пока она не видела никаких следов того, что те, кого она преследовала, после спуска с лестницы и дальше шли втроем. Но теперь по крайней мере жёсткий гравий уступил место полоскам травы.

Переходя от одной такой полоски к другой, девушка больше не передвигалась по прямой, зато это избавляло её натруженные ноги от дальнейшей пытки. А впереди... неужели эти двое настолько неосторожны, что разожгут костёр? Здесь, на открытой местности, они этим только привлекут к себе внимание всех, кто бродит в ночи.

Пустыня всегда считалась злым местом, ходили упорные слухи о чуждой жизни, которую можно здесь встретить. Зловещие пустоши протянулись вдоль западных границ Долин, и здесь живут только разбойники и те странные люди, которых больше всего интересуют следы Древних. Но именно к Пустыне лорды Долин обратились в прошлом году за помощью, за помощью в борьбе с захватчиками. И помощь пришла, Всадники-Оборотни, не люди, но страшное сочетание человека и дикого зверя. Об этом Бриксии рассказывали те немногие встречные, к которым она решалась подойти, чтобы выменять на шкуру прыгуна пригоршню соли.

За последние два года в своих скитаниях она не раз

приближалась к Пустыне. Главным образом потому, что часто между ней и убежищами, которые она могла отыскать дальше на востоке, оказывались многочисленные враги. Иногда она следила за отрядами разбойников, выходившими из Пустыни или скрывавшимися в ней. Но в глубь Пустыни никогда не заходила.

Вполне можно было ожидать, что лорд Марбон, с его повреждённым разумом, решится на это. Но что она должна идти за ним... Бриксия присела на полоске травы, растирая нывшие ноги, широко раскрыв глаза, настороженно приглядываясь и прислушиваясь... Тьма не давала ничего увидеть, но наконец-то появились обычные звуки ночи, больше не было той пугающей тишины, что царила в долине.

Девушка высоко подняла голову... Ноздрей её коснулся некий аромат, прямая противоположность грязному запаху узкой верхней тропы. Сладкий, свежий... навевающий мысли о луговой траве ранним утром, о паутине на покрытых росой травинках, о цветах, раскрывающихся навстречу дню. Сад... раннее утро... цветы созрели, их можно срывать и сушить, чтобы потом освежать ими постель и бельё...

Не сознавая, что делает, Бриксия снова встала и устремилась в ночь, привлечённая ароматом, который становился всё сильнее. И подошла к подножию дерева... Его ветви были странно изогнуты, и на них совсем не было листьев. Зато их сплошь покрывали белые цветы. И над каждым цветком, как маленькая свеча, трепетал язычок пламени.

Бриксия подняла руку, но почему-то не решилась коснуться ветви или цветка. Девушка просто стояла в удивлении и благоговении, пока не пришла в себя от резкого хрипа.

Девушка оглянулась, подняв копьё наготове. В слабом свете цветков она увидела тех, кто окружали её. Они были небольшого размера, но когда увидели, что она их заметила, то подняли громкий шум. Да, маленькие, но вызывающие ужас.

Если бы жаба могла встать на задние лапы, и если бы в

её выпуклых глазах засветился злой разум, а в пасти появились клыки — как раз получилось бы существо, похожее на этих квакающих тварей. Кроме того у этих жабообразных созданий кожа была не гладкая, кое-где её покрывали пучки жёстких волос... волос... или тонких щупалец. В углах пасти и над глазами эти щупальца были длиннее. И они непрерывно двигались, словно обладали собственной жизнью.

Бриксия прижалась спиной к стволу дерева. Но существа не приближались к ней, как она ожидала. В том, что цель у них зловещая, она не сомневалась. Сознание её уловило холодную ненависть ко всему, что представляет она и чего нет у них. Однако существа не нападали открыто, вначале они окружили дерево и начали двигаться по кругу одно за другим — ужасающая пародия на круговой танец, какие бывают на пирах.

Теперь они молчали, но каждое, проходя мимо неё, смотрело в её сторону, и в каждом взгляде она читала злобу и нечестивое вожеление. Бриксия обошла вокруг ствола, продолжая касаться его плечами, проверяя, полностью ли она в окружении.

Девушка не могла догадаться, что им нужно. Но она понимала, что в их танце заключена какая-то цель. Она вспомнила некоторые рассказы Куниггод. Можно творить заклинания, повторяя ритуальные слова или движения. Может, именно это и происходит сейчас?

Если это так... она должна нарушить их танец, прежде чем колдовство не завершится. Но как это сделать?

Держа копьё наготове, Бриксия оторвалась от ствола и устремилась к ближайшей части круга. Существа отступили, но не намного и продолжали окружать её за пределами досягаемости копья. И от них исходило ощущение удовлетворённости и злорадства. Девушка преисполнилась уверенности, что они её не боятся и будут продолжать прыгать, пока не добьются своего.

Если она разорвёт их круг, перепрыгнет через него или разгонит копьём, освободится ли она по-настоящему? Уйти от света, который давали цветы дерева, значило

погрузиться в полную тьму на незнакомой местности, где на неё любой сможет беспрепятственно охотиться.

Бриксия снова попятилась под защиту ветвей и стоячих огоньков. Она заметила, что с каждым оборотом круг танцоров слегка сужался. Скоро придётся принять решение и выполнять его. Либо вырваться, либо оставаться у дерева и безучастно смотреть, что произойдёт. Обычно девушка не позволяла нерешительности взять верх, но раньше ей не приходилось встречаться с врагом, столь чуждым по внешности.

Правда, под деревом она ощущала безопасность. Хотя, наверное, это лишь иллюзия. Бриксия коснулась коры и вздрогнула. Как будто притронулась к тёплому телу. И в мгновение контакта её сознание получило какой-то импульс. На самом ли деле это произошло? Или опять только её воображение... может, порождённое колдовством этих существ?

Мог быть только один способ проверить. Прислонив копьё к сгибу руки, Бриксия другой рукой осторожно потянула ветвь прямо над головой. И вспомнила слова, которые произносила Кунигтод, когда собирала растения. Она говорила их каждой травке, кусту, каждому растению, прежде чем сорвать цветок. Кунигтод твёрдо верила, что у растений есть душа, и сборщик растений должен помнить об этом.

— Подари мне часть твоего изобилия, зелёная сестра. Ты богата плодами своего тела. Красота и сладость принадлежат тебе, и я возьму только то, что ты дашь добровольно.

Девушка накрыла ладонью цветок. Свет, который отбрасывали лепестки, куда-то убрал обветренность и загрубелость её кожи, она приобрела жемчужный отблеск. Бриксии не понадобилось прилагать усилий, чтобы сорвать цветок с ветви. Нет, он сам высвободился и упал прямо ей в руку.

Она долго стояла в нерешительности, забыв даже о танце жабоподобных существ, ожидая, что чудо, отделившись от ветви, поBLEКнет, утратит сияние. Но ничего подобного не случилось, и девушку охватило спокойствие,

ощущение единства со всем миром, правильности окружающего. Ничего подобного она не испытывала с того самого утра, как проснулась после бегства в месте Прежних.

Она вновь обратилась к дереву — а может, не к дереву, но к невидимому существу, которое неощутимо, но которое в нём неоспоримо присутствует.

— Благодарю тебя, зелёная сестра. Твой добровольный дар — моё сокровище.

Двигаясь словно во сне, Бриксия выпустила копьё и осталась совершенно беззащитной по нормам своего племени.

Подняв цветок в руке, она вышла из-под защиты дерева к кругу, который к этому моменту уже сильно сузился и почти дошёл до места, над которым нависали ветви. Не медля, девушка направилась к дёргающимся фигурам, чей танец стал ещё быстрее, она шла уверенно, крепко держа цветок. И вместе с ней двигалось облачко аромата.

Послышалась квакающая речь, жаба перед ней застыла. Её широкая пасть раскрылась, оттуда полились бессмысленные звуки — может, неведомые человеку слова. Бриксия протянула руку вперёд. Свет цветка пробивался меж пальцев.

Жаба отступила, гневно крича. Только мгновение она вызывающе смотрела. Потом повернулась и, по-прежнему гневно вскрикивая, исчезла во тьме. Те, что танцевали рядом с ней, тоже отступили. Хотя и не торопясь, оборачиваясь, рыча и болтая, неуклюже шевеля лапами. И несмотря на то, что в лапах у них не было никакого оружия, в их криках ясно слышалась угроза.

Но цветок установил между ними и девушкой стену, неяркую, но и не тускнеющую. Существа попятились ещё дальше. Бриксия не пыталась преследовать их, не выходила за пределы ветвей дерева. Она знала — неизвестно, откуда, — что навес древесных ветвей представляет собой преграду, даёт ей убежище.

Существа попытались снова начать танец. Но хотя они по-прежнему квакали и болтали, ни одно из них не приблизилось к месту, где стояла девушка с цветком в

руке. И, наконец, они повернули и ускокали в темноту, правда, не совсем покинув поле битвы: вернувшись и сев у ствола, Бриксия слышала их кваканье, болтовню в темноте и догадывалась, что находится в осаде.

Хотелось есть и пить. Девушка снова вспомнила о мешке, который оставила в долине в начале этого приключения, и вздохнула от своей глупости. Но голод и жажда были какие-то приглушённые, они затрагивали лишь часть её, почему-то как бы отделённые от той личности, что сидела под деревом и держала цветок, лепестки которого были словно вырезаны из драгоценного камня.

Бриксия глубже вдохнула аромат цветка и, не вполне сознавая, что делает, повернулась к стволу. Потом осторожно положила цветок на землю, наклонилась, обняла ствол и прижалась к гладкой коре ртом. Язык её коснулся коры и пробежал по шершавой поверхности. И хотя язык её — не то, что когти Уты, девушке показалось, что он буквально разорвал кору. Она ощутила влагу. Из коры выделилась жидкость, которую она легко могла слизывать.

Не сладкая и не кислая, Бриксия не могла определить её вкус, жидкость выделялась всё в больших количествах, и девушка продолжала лизать кору. Глотала, сосала, снова глотала.

Исчезли жажда и голод. Бриксия ожила. Она перестала слышать бормотание жаб. Подняла голову и весело рассмеелась.

— Так ты и вправду зелёная мать! Благодарю тебя, госпожа цветов! Ах... как мне отблагодарить тебя?

Она ощутила печаль. Такую печаль ощущаешь, глядя в дверь на место, полное радости, но не смея войти туда. Больше никогда она не позволит порочить это волшебство (а что это, как не волшебство?) в своём присутствии. Девушка снова прислонилась к дереву и прижалась губами к коре, не для еды, а для радости и восхищения.

Потом легла, свернувшись, положив рядом с лицом цветок, совсем забыв о своём копье. И в полной уверенности в безопасности уснула.

Глава 5

Бриксия проснулась спокойная и счастливая. Солнце уже поднялось высоко и посылало свои золотые пальцы в Пустыню. Девушка сонно смотрела на дерево, она испытывала странное удовлетворение от зрелища перекрещивавшихся над нею ветвей.

Цветы, бывшие ночью маленькими светильниками, теперь плотно закрылись прочной красно-коричневой кожей. Ни один не увял, не упал с ветви. Слегка повернув голову, девушка увидела свой цветок рядом с собой на земле, он тоже закрылся, превратившись в цилиндр, такой же жёсткий и коричневый, как и цветы на дереве.

Итак, она не голодна, тело больше не болит. Напротив, она полна сил и бодрости. И...

Бриксия покачала головой. Неужели и днём продолжается сон? Она могла, даже закрыв глаза, видеть тропу. И её наполняло нетерпение, желание идти дальше, к цели... которая ей пока неведома.

Она подобрала плотно закрывшийся цветок и сунула его под рубашку, где он будет лежать, касаясь её кожи. Поднявшись, девушка повернулась к дереву и негромко произнесла:

— Зелёная мать, я недостаточно мудра, чтобы понять твоё волшебство. Но я не сомневаюсь, что ты облегчила мне путь. И ради тебя я отныне буду внимательна ко всему растущему от корней, поднимающему ветви и листья к небу. Мы поистине живём одной жизнью — этот урок я никогда не забуду.

И правда. Больше она не сможет без удивления смотреть на растительную жизнь, столь не похожую на неё саму. Наверное, только слепой и неожиданно прозревший может смотреть на мир с таким же удивлением, как она в то утро.

Каждая травка, каждая ветвь превратились для неё в редкое и прекрасное зрелище. Все они отличаются друг от друга, представляют бесконечное разнообразие форм.

Бриксия подобрала копьё. Зелёный мир обрёл отныне

для неё новую жизнь, но и она обрела новую целеустремлённость. Она должна идти, больше нельзя задерживаться. Её ждут.

И она быстро пошла. Жабоподобные существа, которые ночью пытались околдовать её, куда-то исчезли. Девушка, непонятно почему, знала, что солнечный свет для них — непреодолимая преграда.

Время от времени она замечала следы обуви. И рядом с ними отпечатки лап Уты. Трое проходили этим путём.

В одном месте она даже увидела целую вереницу отпечатков лап кошки. Бриксия довольно кивнула. Она была уверена, что Ута сознательно оставила эти следы для неё, Бриксии, — это дорожный знак, такой же ясный, как знаки на дорогах Долин.

Девушка больше не думала о смысле собственных поступков. Она смутно понимала, что не может повернуть, сойти со следа.

В Пустыне есть своя жизнь — но этим утром ничего угрожающего не было видно. Перед ней несколько раз возникали прыгуны, убегая огромными прыжками, которые и послужили причиной такого названия. Бриксия также заметила бронированную ящерицу, с розовыми чешуйками почти такого же цвета, как песок, на котором она лежала. Блестящие глаза равнодушно следили за тем, как она проходила мимо. Ящерица явно не разделяла страха прыгунов.

С земли с криками поднялась стая птиц, они отлетели недалеко и снова опустились в поисках насекомых. Их серое оперенье сливалось с поверхностью пустыни. Тут совсем не было яркой зелени, как и цветов в траве. Растительность по цвету почти не отличалась от почвы. Бриксия разглядела в округе лишь несколько отдельных растений с мясистыми серо-красными листьями. Вокруг их стеблей валялись хитиновые панцири жуков, рогатые лапки — остатки пиров, нападавшие с листьев, готовых ухватить новую добычу.

Эта часть Пустыни была весьма неровная, она представляла собой ряд закруглённых холмов, похожих на песчаные

дюны на берегу, только холмы образовывал не песок, и их не шевелил ветер. Поэтому путь Бриксии лежал не по прямой, он вился среди этих холмов. Они постепенно поднимались всё выше, а горизонт сужался.

Ощущение единства с миром, охватившее девушку под деревом, постепенно слабело по мере того, как Бриксия углублялась в холмистую местность. Склоны холмов здесь поросли жёсткой травой, она была непохожа на настоящую растительность, скорее напоминала шерсть присевшего перед прыжком зверя. И эти звери позволили ей зайти поглубже в свою стаю, чтобы она стала потом их лёгкой добычей...

Воображение... но вообще-то такие воображаемые картины ей отнюдь не свойственны. Бриксия даже дважды останавливалась и тыкала концом копья в холм, чтобы удостовериться, что это только земля и трава, что никакой угрозы нет.

В сознании её возник вопрос. Эти пригнувшиеся угрожающие существа — это ведь не порождение её разума. Да, она привыкла к страху, но всегда опасалась чего-то осязаемого: волков её собственного племени, холода, голода, болезни — всего того, что готово обрушиться на беспомощного или неосторожного. Но никогда она не боялась воображаемого противника.

Бриксии хотелось убежать — куда угодно, в любую сторону, только подальше от этого извилистого пути. Уж лучше сухая выжженная пустыня, чем это! Но она боролась с этим желанием; вместо того, чтобы побежать, сознательно замедлила шаг, сосредоточилась только на одном деле — поиске следов, оставленных теми, кто прошёл здесь перед ней.

И только тут Бриксия поняла, что хотя время от времени ей попадались вполне отчётливые следы обуви, она уже довольно давно не видела ни одного кошачьего следа. Не могла же Ута не оставить ни одного отпечатка!

Бриксия резко остановилась. Отсутствие отпечатков кошачьих лап — для неё явный сигнал тревоги. Девушка не понимала, почему ей так важно идти по следам кошки,

но это было так. Она остановилась и начала оглядываться.

Мысль о том, чтобы вернуться по своим же следам, ей не понравилась. Наверное, в этом нет необходимости, убеждала она себя. Однако... рука её невольно устремилась к цветку, лежавшему в безопасности на груди... Но... она была так уверена, словно услышала произнесённый вслух приказ... уверена в том, что она должна это сделать.

А холмы вокруг приобретали всё более странные, угрожающие очертания. Бриксии казалось, что только когда она смотрит прямо на них, они неподвижны. Краем зрения она замечала, борясь со страхом, что они то увеличиваются, то уменьшаются, приобретая странные очертания...

И она всё-таки побежала, по-прежнему прижимая рукой цветок к сердцу, в другой держа наготове копьё. Потом...

Прямо перед ней возник холм, он словно выскочил из-под земли, преграждая ей путь. Её собственный след лежал перед ней... и исчезал на склоне этого холма. Не может быть... это обман зрения. Девушка вспомнила полузабытые рассказы Куниггод. Подняла копьё и, не раздумывая, метнула его изо всех сил.

Острие вонзилось в землю, древко задрожало. Не иллюзия. Холм преграждал ей возвращение. Она попала в какую-то ловушку. Бриксия подошла и выдернула копьё.

Она не должна поддаваться панике. Но она дрожала, руки у неё вспотели. Так не хотелось поворачиваться спиной к этому холму, которого здесь не должно было быть. Но придётся сделать выбор. Оставаясь на месте, она ничего не добьётся. Бриксия давно научилась, получив предупреждение, идти навстречу опасности, встречать лицом то, чего нельзя избежать и лучше раньше, чем позже, пока страх не ослабил решимости.

Вновь она пошла по тропе, по которой шагала раньше. Отпечатки обуви были вполне заметны. Но на самом ли деле здесь проходили трое? Не отвлекли ли её от настоящего следа? Бесплезно задавать себе эти вопросы сейчас. Теперь она должна рассчитывать только на себя.

Однако тот, кто установил эту ловушку, не торопился

показаться, объявить о своём присутствии. И это тоже чрезвычайно утомляло девушку. Постоянно быть готовой к нападению, которое всё не происходит, — это так притупляет бдительность, как может затупиться лезвие.

Обогнуть один холм, потом другой, потом...

Бриксия как будто вышла из затемнённой комнаты на полный свет дня. Ей же хотелось оказаться в пустыне, избавиться от теней, отбрасываемых холмами, — и вот девушка увидела, что её желание осуществилось, но увиденное отнюдь не обрадовало её.

Перед ней протянулась открытая голая местность, лишённая даже отдельных кустов или островков травы, какие встречаются на краю Пустыни. Только жёлтая, с красными полосами земля, изрезанная щелями, расходящимися в разных направлениях. Бриксия не могла поверить, что их прорезала вода во время какого-то прошлого наводнения.

Подобно кулакам, грозящим небу, из земли вставали каменные столбы, тускло-красные, с чёрными прожилками, а в небе неподвижно висело солнце, и жар от него исходил такой, как из открытой двери печи.

Бриксия ахнула. Идти дальше, поставить босую ногу на эту раскалённую почву — это просто невозможно. Как ни опасается она лабиринта холмов, всё же придётся туда возвращаться. Она должна вернуться...

Но где же проход, через который она только что прошла сюда?

Бриксия покачнулась, вцепившись в копьё, упираясь им в землю. Покачала головой, закрыла глаза, подержала их закрытыми какое-то время, потом снова открыла.

То, что она увидела, могло быть только иллюзией! Огромные массы земли не могут перемещаться за такие короткие мгновения, чтобы успеть закрыть ей проход, по которому она пришла. Но поворачивая голову направо и налево, девушка видела только крутую земляную стену, безо всяких разрывов и щелей.

Бриксия бросилась туда, где должен был находиться проход. Вонзила копьё в землю одной рукой, а другой ухватилась за траву и подтянулась. Если нельзя просто пройти, она попытается перелезть.

Края травы оказались такими же острыми, как только что заточенное ею лезвие — неужели всего день назад она его точила? Девушка ахнула, поднесла пальцы ко рту и слизнула кровь, выступившую яркими полосами на ладони и запястье. И отдернула ногу, на которой появились такие же глубокие порезы.

Присев у основания кручи, где влажная почва встречалась с сухой землёй, Бриксия попыталась рассуждать логически. Несомненно, произошло нечто недоступное человеческому пониманию. Она должна признать, что это угроза. Что-то бесконечно чуждое всему, что ей знакомо, заставило Бриксию прийти к этому месту.

И девушка сделала мрачный вывод, что пути к отступлению нет. Она могла пойти вдоль основания стены на север или на юг, но сомневалась, чтобы таким образом ей позволили отдалить ожидавшую её участь. Полное ощущение страшного сна, наступления ужасной ТЬМЫ.

Остаться на месте и покорно ждать катастрофы — ну нет, и она призвала всю свою решимость, с какой не раз в прошлом встречала опасность.

— Я жива, — яростно заявила она пустыне. — У меня есть руки, ноги, тело, есть мозг... я Бриксия! И повинюсь только своей воле!

Никакого ответа на её вызов, только далёкий резкий крик какой-то птицы. Она облизала пересохшие губы. Как давно пила она сок дерева. А в этой красно-жёлтой пустыне водой и не пахло.

Если ей и придётся туда идти — то только по своей воле, когда она сама решит, а не по воле чуждого разума, заманившего её сюда. Бриксия сняла кожаную куртку и принялась ножом разрезать ремни, которые сама же с таким трудом изготавливала. Потом смастерила грубую обувь, обернув ноги кожей до голени и связав ремни самыми прочными узлами.

Закончив эти приготовления, девушка встала и, прикрывая глаза от солнечного блеска, снова оглядела рассечённую трещинами местность. Трещины образовывали такую густую сеть, что проложить среди них прямой

путь было просто невозможно. Вдали виднелись скальные выступы, под ними могла оказаться тень. Но горизонт был весь затянут дымкой, и девушка не знала, поднимается местность или опускается.

Бриксия пожала плечами. Дальнейшее ожидание ничего ей не даст. Она считала, что полдень уже давно прошёл, а с наступлением сумерек станет прохладнее. Готовая использовать копьё как посох, если понадобится поддержка, Бриксия двинулась в глубь пустыни.

Скальные выступы достаточно отличались друг от друга, она легко могла выбрать ориентир впереди, чтобы не ходить кругами. Вон там закруглённая башня, словно одинокий палец, торчащий в небо. Она выбрала её своей первой целью.

Дважды ей приходилось искать обход, потому что трещины оказывались слишком широкими для прыжка. Всё равно что делаешь три шага вперёд и два назад. И хоть иногда встречались полосы земли, покрытые следами, отпечатков обуви она больше не видела.

Самый чёткий попавшийся отпечаток представлял собой четыре растопыренных пальца, каждый длиной с её подошву. Птичий след, но такая птица должна быть с её ростом, даже выше!

Но если здесь имелись признаки жизни, то должны существовать и средства для поддержания этой жизни. Бриксия знала, что ни один живой организм не может существовать без воды — следовательно, земля эта не так мертва, как кажется. Она остановилась, подобрала маленький красный камешек и положила его в рот — эта хитрость часто помогает путникам.

Возле камня-пальца она задержалась в небольшой полоске тени, чтобы выбрать следующую цель.

И тут молчание выжженной пустыни разорвал крик в вышине. Бриксия отскочила, так что плечи её прижались к камню. Подняла голову...

В небе кружила птица, далеко, было трудно различить, то ли это ястреб, каких она видела раньше, то ли какой-нибудь стервятник, облетающий свои владения.

На первый крик пришёл ответ. Появилась ещё одна птица. Вместе они закружили над камнем-пальцем, и Бриксия теперь была уверена, что их добыча — она. Они спустились пониже, и девушка ахнула.

Даже золотой орёл, который величественно парит над Верхним Халлаком, покажется певчей птичкой по сравнению с этими. Если бы они встали с ней рядом, их щёлкающие клювы оказались бы на уровне её головы.

Бриксия замерла у скалы, которая по крайней мере хоть спину ей защитит, и крепко, до боли сжала древко копья.

Птицы ныряли, кружили, скользили, удерживая её на месте, как жабы, которые стремились захватить её под деревом. Появились третья, четвёртая...

Девушка хорошо видела, что это хищники. Самую серьёзную угрозу представляли сильные клювы и зловещие когти. Если бы они застали её на открытой местности, то легко могли бы одолеть. Но, как ни странно, они не торопились нападать.

Всё больше птиц появлялось рядом, её осаждали уже шесть, а седьмая парила высоко над ними. Она же резко кричала, а остальные молчали. Бриксия подумала, что её положение напоминает положение барса, застигнутого собаками на каком-нибудь снежном карнизе: собаки удерживают его в ожидании прихода хозяина.

Кто же хозяин этих птиц? Бриксию всё сильнее охватывало ощущение, что она застряла в каком-то кошмаре. Может, она по-прежнему спит под деревом и всё это ей снится?

Но даже если это был сон, она ощущала несомненные жару, жажду и страх. Нет, это не сон, мозг её бодрствовал. Она напряжённо следила за птицами, неспособная хоть что-либо предпринять. Однако опустила на колени и подобрала несколько подходящих по размеру камней. Если она может сбить камнем прыгуна, то при удаче попадёт и в самоуверенную птицу.

Бриксия тщательно выбирала камни, взвешивала их в руке, оценивала форму. Она знала необходимость такой подготовки. Наконец отобрала девять подходящих, слыш-

ком тяжёлых, чтобы рассматривать их как гальку, и удобных по форме.

Птицы продолжали молча кружить над ней, их тени проносились по земле взад и вперёд. Бриксия аккуратно разложила камни на уступе скалы так, чтобы брать их стоя, и тут послышался ответ на птичий крик.

Продолжительный крик, не похожий на птичий. И, насколько могла судить девушка, доносился он с земли, а не сверху. Бриксия крепче взялась за копьё и всмотрелась в пустыню перед собой.

Дальше теснилось гораздо больше каменных пней, в дымке они почти сливались друг с другом. Иногда ей даже казалось, что они образуют такие же холмы, как те, что она преодолела. И у одного из камней слева возникло движение, что-то приближалось с юго-запада.

Одинокая птица-часовой полетела навстречу этому движению. Снова прозвучал крик. Человеческий? Бриксия не была в том уверена. Может быть, то, что собирается охотиться на неё, и обладает человеческой внешностью. Но в таком месте любая внешность может скрывать чужое злое существо. Пустыню никогда нельзя судить человеческими мерками.

То, что приближалось, как будто бежало. Похоже на человека. Подняло две руки, похожие на человеческие...

И — взлетело в воздух. Перед бегуном раскрылась одна из трещин, и он совершил огромный прыжок, широко расставив верхние конечности. Они словно расширились, превратились в крылья. И существо, опираясь на эти широкие крылья, легко преодолело пропасть, как птица.

Вскоре оно оказалось совсем близко, дымка его больше не скрывала, и Бриксия поняла, что её догадка верна. Это не разбойник, сумевший каким-то образом приручить птиц, как охотники учат соколов, нет, это одно из легендарных чудовищ Пустыни, какой-то потомок Прежних, их слуга или хозяин, рыскающий в поисках добычи по этой рассечённой местности.

Хозяин... нет, хозяйка!

Худое тело, в полупрыжках-полувзлётах поднимавшее-

ся над землёй, несомненно было женское, одежда не скрывала тяжёлые груди, алые соски окружали колечки сероватых перьев. Повсюду на теле торчали пучки перьев, подражавшие волосам на теле человека. На голове трепетал гребень, стоявший теперь вертикально. Широкие крепкие перья начинались от запястий, быстро увеличивались в размере и у плеча почти достигали длины самой руки.

Но черты лица были скорее птичьи, а не человеческие. Глубоко посаженные глаза разделял соединивший рот и нос мощный изогнутый клюв ярко-красного цвета. Ладони с четырьмя пальцами на концах рук-крыльев были вооружены мощными когтями, хорошо приспособленными для разрывания добычи, а на нижних конечностях блестели настоящие птичьи когти.

Существо было выше Бриксии, но с худым телом, а конечности — просто кости, обтянутые кожей. Оно ещё немного приблизилось, и девушка разглядела хвост, пучок перьев, дрожавший в прыжках.

Последний прыжок, и существо остановилось вне пределов досягаемости копья Бриксии. Тут оно начало расхаживать взад и вперёд, слегка наклонив голову набок, как птица, рассматривающая что-то привлёкшее её внимание.

Птица, сопровождавшая это существо, села на камень и сложила крылья. Однако остальные шесть продолжали кружить вокруг Бриксии. Существо из Пустыни раскрыло клюв и крикнуло — но это был не крик птицы, не песня. Нет. Бриксии показалось, что оно заговорило. Однако слова оставались непонятными.

Но оно хоть не напало сразу. Может, несмотря на совершенно чуждую пугающую внешность, оно всё же способно понять, что Бриксия никому не угрожает, она только хочет идти своим путём? Крупные птицы долин, если на них не нападают, не вторгаются на их охотничью территорию, склонны вести себя мирно с путниками, которые им не угрожают. Если это справедливо и здесь... Попробовать не помешает.

Бриксия постаралась забыть о когтях, об остром клюве. Продолжая держать копьё в правой руке, она сделала вид, что это всего лишь посох. И подняла левую руку ладонью вверх как знак мира.

Голос её охрип от жажды, но она постаралась выговорить как можно отчётливее.

— Друг... друг... — как можно отчётливее повторяла она это слово.

Глава 6

Птица-женщина по-прежнему наклоняла голову из стороны в сторону, словно хотела рассмотреть Бриксию каждым глазом по очереди, когда внезапно раскрылся её клюв-рот. Оттуда послышался не прежний крик, а пародия на злобный человеческий хохот. Она высоко подняла руки, перья растопырились, и руки стали особенно напоминать крылья. Её пальцы-когти мелко задрожали, готовые разорвать беззащитную плоть. И взглядом, в котором не было ничего даже отдалённо напоминавшего человеческое, она продолжала разглядывать Бриксию.

Седьмая птица, сидевшая на высоком камне за своей хозяйкой, поднялась в воздух и направилась прямо к девушке. Бриксия рефлекторно пошарила рукой, подчиняясь импульсу, выработанному годами жизни в опасности. Нашупала камень и бросила его, едва прицелившись.

Послышался новый крик. Потеряв зловонное перо, птица повернула, поднялась в воздухе и присоединилась к остальным, по-прежнему державшим в осаде скальный выступ.

Бриксия крепче перехватила копьё, готовая встретить нападение птицы-женщины. Но та не стала нападать. Напротив, запрыгала с одной когтистой лапы на другую в каком-то странном танце. Но больше не смеялась. И остальные птицы больше не приближались к Бриксии.

Девушка не могла понять, что их сдерживало. Разве что... рука её сама собой потянулась к спрятанному на груди цветку... Может, закрывшийся цветок дерева,

которое защитило её ночью, и здесь послужит защитой?

По-прежнему держа копьё в готовности, девушка достала цветок. Он был закрыт, как и утром, плотная коричневая кожа накрывала лепестки, отрезала их свет и аромат.

Но, охватив его рукой плотнее, Бриксия вздрогнула. И не ослабила хватку, скорее наоборот — сжала теснее. Цветок оказался тёплым, не просто теплым, он пульсировал в её руке. Как будто она сжимала медленно бившееся сердце!

Не отрывая взгляда от женщины-птицы, Бриксия разжала ладонь и позволила себе взглянуть в неё. Нет, цветок по-прежнему не раскрылся. Оставался плотно закрытым.

Снова женщина-птица расправила крылья и замахала ими, обдав девушку потоком горячего пустынного воздуха и песка, зловонным запахом своего тела. Её прыгающий танец стал быстрее, лапы с когтями вздымали с земли облака пыли.

Один такой прыжок послал в лицо Бриксии перо, упавшее из крыла птицы. И перо не упало назад на землю. Оно поднялось в воздух, как стрела, выпущенная из лука в цель.

Бриксия увернулась. Но стрела была нацелена не в лицо ей, как она вначале подумала. Напротив, перо поднялось и устремилось к кулаку, в котором был зажат цветок. И это не случайность, в этом девушка была уверена.

Но выполнит ли перо желание своих хозяев из пустыни? Девушка отчаянно затрясла рукой, пытаясь отцепить перо. Перо не отлетело, продолжая удерживаться у её кулака. А выпустить копьё и оторвать перо другой рукой Бриксия не решалась: может, именно этого они ждали.

Перо...

Прикосновение его было настолько легко, что девушка даже засомневалась, а касается ли оно вообще руки. И почему? Почему оно так прилипло к ней?

Чёрное перо как огромный чёрный палец, оно закрывало от цветка свет дня.

Чёрное перо?

Бриксия затаила дыхание. Чёрное — нет! Цвет пера менялся, чёрное постепенно блекло, посерело...

Птица-женщина снова закричала, и её хриплый крик подхватили птицы вверх. Этот звук заставил Бриксию поднять голову и снова прижаться к камню. Она ждала нападения, которое предвещали эти крики.

Но если забыть о танце, птица-женщина не двигалась. А перо становилось всё светлее и светлее. Вот оно приняло цвет пепла, вот стало почти совершенно белое...

Бриксия трясла рукой, опускала её и поднимала, надеясь стряхнуть перо. Бесплезно. Перо стало жемчужно-белым. Не просто белым; казалось, оно притягивало к себе свет, даже само засветилось по краям. Но свечение — как можно его видеть в ярком свете пустынного солнца?

И в то же время в плотно сжатом кулаке Бриксии что-то шевельнулось, словно цветок пытался высвободиться. Девушка обнаружила, что совершенно без её усилий пальцы начинают разжиматься.

Рука её дернулась, хотя она не хотела этого. Перо наконец отделилось, поднялось вверх и полетело...

Птица взвилась в воздух. По форме и размеру такая же, как те, что осаждали девушку. Но только жемчужно-белого цвета, что и цветы дерева. Поднявшись в воздух, птица устремилась к голове птицы-женщины.

Существо из Пустыни ударило птицу вытянутыми крыльями, гневно закричало. Птицы, служившие ей, разорвали круг и устремились вниз, на помощь хозяйке.

Бриксия уронила копье. Крепко прижимая к себе цветок, она хватала камни и бросала их в птиц и в их яростно прыгавшую, плясавшую, кричавшую хозяйку. Две птицы опустились на землю. Женщина-птица громко вскрикнула, одно её крыло повисло, и она как будто не в силах была снова поднять его.

Но в пустыне началось какое-то смутное движение. Бриксия была так занята схваткой, что пока не сознавала, что в действие вступила новая сила. Меж камнями заматались существа, передвигаясь так быстро, что их трудно

было рассмотреть. Бриксия поняла, что их сватка вызвала большой интерес, но не надеялась, что пришедшие помогут ей.

Белая птица не нападала с помощью клюва и когтей, хотя была вооружена тем и другим. Но она пыталась смутить, сбить с толку чёрных птиц и их хозяйку. Иллюзия? Другого ответа не может быть, подумала Бриксия. Но кто создал эту иллюзию? Не она. Она не Мудрая Женщина, не знает забытого волшебства Прежних. Она...

И тут она ощутила во рту слабый вкус целительного древесного сока. И одновременно аромат цветов. Она впитала всё то, что предложило дерево, не сознательно, но потому, что это казалось совершенно естественным. Но что же вошло в неё?

— Зелёная мать! — голос девушки прозвучал хриплым шёпотом. — Я не знаю, что сотворила... Если бы я знала...

Снова цветок в её руке забился, так сильно, что задрожала рука. Может, это ответ? Заверение? Бриксия не знала, что происходит с ней... да и некогда ей было приводить в порядок мысли.

Но птицы снова закричали, и их крик породил новый звук, не эхо, а скорее ответ. Странные существа появились из-за камней, но двигались они так быстро, что у Бриксии сложилось только общее смутное представление о тонких длинных телах, лишённых волос и шерсти либо покрытых чешуёй. Они набросились на птицу-женщину, а та с гневным криком отбивалась от них. Но не поворачивалась спиной к Бриксии. Как будто не знала, какое оружие применит девушка теперь, когда эта птица-женщина сражается со своими явными старыми недругами.

Бегство! Не появилась ли такая возможность? Бриксия не могла сказать, но понимала, что пока идёт сражение между двумя группами жителей пустыни, у неё есть шанс, другого не будет. И в тот момент когда она приняла решение уходить, цветок снова забился, словно поддерживая её. Или предупреждая... Но пока Бриксия намеревалась следовать собственной воле.

Она прижалась к камню и медленно скользнула влево,

так, чтобы камень оказался между нею и сражением. Схватка скрылась за камнем. С копьём в одной руке и с цветком в другой девушка изо всех сил побежала — не в пустыню, а назад, к тёмной линии холмов. Она не знала, придётся ли ей подниматься на кручу, убегая от пустынных существ. Но если она пойдёт дальше в неизвестное, у неё и одного шанса не останется.

Вскоре над ней нависли холмы, голые и тёмные под заходящим солнцем. Мало утешительного смотреть на холмы с такого расстояния. Она вовсе не хотела провести по соседству с ними ночь. Но лучше уж это, чем пустыня.

Бриксия миновала гребень песка и гравия и увидела перед собой неприступную стену, покрытую жёсткой травой. Но несмотря на эти острые лезвия, ей придётся как-то подняться, чтобы по крайней мере один холм находился между нею и пустыней. Она не знала, смогут ли птица-женщина и её стая — конечно, если они победят в битве, — последовать за ней в холмы.

Тело у неё болело, её мучил голод, ещё сильнее жажда. Сколько уже времени она на ногах, девушка не знала. Не знала даже, в этом ли месте она вышла к пустыне — или была приведена сюда чьей-то злой волей.

Вверх, придётся с этим справиться. Изо всех сил Бриксия вогнала копьё в холм на уровне своих плеч и приготовилась подтягиваться.

И упала, ударившись и вымазавшись в земле, так что дурно пахнувшая почва заполнила ноздри, набилась в рот. Долго ошеломлённый мозг не мог понять, что же произошло. Но наконец она смогла встать и увидела...

Холм, на который она приготовилась карабкаться, — исчез! Она лежала в узком проходе между двумя холмами на влажной почве, и садившееся солнце освещало впереди только сгущавшиеся тени. Проход снова открылся.

Бриксия так устала от бегства и падения, что некоторое время могла только лежать, тяжело дыша, пытаясь вытереть лицо рукой.

Она уже проходила этой дорогой. Так неужели снова пойдёт по ней, чтобы попасть в новую западню, какой

оказалась пустыня? Если это правда, зачем ей торопиться навстречу неведомой опасности?

Поэтому Бриксия оставалась на месте, пока последние лучи солнца за её спиной не исчезли, а тени становились всё темнее и темнее, они словно тянули к ней свои голодные пальцы. Девушка пыталась привести мысли в порядок, понять, что с нею случилось, — если только она сможет это сделать!

И Бриксия пришла к выводу, что с того момента как она очутилась в развалинах Эгтерсдейла и ввязалась в приключение с этим безумным лордом, она перестала быть собой, тем человеком, которого она знает, каким стала, чтобы выжить.

Неужели какая-то Воля, без её согласия, даже без того, чтобы она о ней знала, использует её в своих целях? Она из Долин, в ней нет крови Прежних, она не похожа на лорда Марбона, который действительно может легко поддаться их влиянию.

Жители Долин — даже женщины — время от времени попадали в ловушки колдовства, оставленные Прежними, хотя с их ухода прошли столетия. Во всех крепостях рассказывали, что может случиться с глупым или неосторожным человеком в запретных местах. Бриксия в своё время наслушалась таких рассказов. Люди отправлялись туда за сокровищами и возвращались безумными, умирающими или не возвращались вовсе. Некоторые шли туда из любопытства, которое подгоняло их так же сильно, как других алчность. Они искали знаний. Мало кто находил их... и потом обнаруживал, что соплеменники боятся и сторонятся таких людей.

Куниггод... Не в первый раз за годы своих блужданий Бриксия задумалась о загадке своей старой няньки. Куниггод была властной женщиной, она как хозяйка правила домом Торгуса, потому что когда в первой же битве с захватчиками пропал отец Бриксии, она была ещё слишком мала, чтобы править самой. Судьба отца так и осталась неизвестной. Мать девушки умерла при родах, и поэтому никакой другой госпожи в долине не оказалось.

Но кем же была Кунигтод? И сколько ей было лет? Бриксия помнила няньку с самого своего младенчества, и Кунигтод не старела, она всегда была одинакова. И хоть не утверждала, что она Мудрая Женщина, владеющая тайными знаниями, она была знахаркой и знатоком трав. Лучше её сада Бриксия ничего не видела. Впрочем, она тогда мало что видела за пределами долины.

Но путники из других долин восхищались этим садом. Многие годы до вторжения разносчики-торговцы приносили Кунигтод корни и семена из разных мест. Дважды в год она ездила в Аббатство в Норсдейле и всегда брала Бриксию с собой, когда та подросла. И там Кунигтод разговаривала с Аббатиссой и её хозяйкой трав как равная.

У неё, как говорят крестьяне, были «зелёные пальцы», и всё, что она сажала, росло и процветало. А во время посева Кунигтод всегда бросала в пашню первую горсть зерна, произнося благословение Гунноры Урожайной, отдавая семена ждущей почве.

Теперь Бриксия догадывалась, что у Кунигтод были свои тайны, о которых девочка ничего не знала. И, быть может, вчера дерево отдало ей цветок, потому что она вспомнила кое-что из знаний Кунигтод? Бриксия была теперь полностью уверена, что цветок отдан ей добровольно.

Она раскрыла ладонь и посмотрела на него. Цветок больше не лежал плотным коконом. Тёмная верхняя кожа раскрылась. Сквозь щели пробивался мягкий свет. И доносился аромат — слабый, но вполне отчётливый.

Цветок не увял, не поплёк. Это явно было не обычное растение, которое можно встретить в долинах. Цветок раскрывался быстро, прямо у неё на глазах. Опыляющий аромат утолял голод и жажду Бриксии.

Она с трудом оторвала взгляд от сияния и посмотрела на пустыню. Шум битвы незаметно утих. И девушка из своего убежища не замечала никакого движения.

Опираясь на копьё, она встала и решительно повернулась в сторону тёмного, так неожиданно открывшегося

прохода. Потом Бриксия медленно, опираясь только на силу воли, пошла в глубь холмов; измученное тело с трудом подчинялось. Но девушка хотела уйти подальше, чтобы её невозможно было увидеть из пустыни, туда, куда не смогут добраться ночные чудовища.

И как и раньше, открывшаяся тропа начала извиваться между холмами. Иногда Бриксии казалось, что она движется в общем направлении на север, куда вели следы, в которых ещё заметны были отпечатки лап Уты. Но через некоторое время она начинала думать, что заблудилась и движется не вперёд, а назад.

Но всегда перед ней лежала тропа. А цветок в руке горел всё ярче, спасая её от тьмы. Она страстно хотела вернуться к дереву, хотя опасалась, что это невозможно. Наконец она начала спотыкаться и поняла, что идти дальше не сможет.

Бриксия упала спиной к холму и вытянула усталые ноги. Копьё положила у ног, руки на колени, тут же лежал цветок, теперь полностью раскрывшийся, сверкавший собственным светом, пульсировавший так, словно он дышал в такт работе её лёгких.

Сколько же она уже продержалась — без пищи и воды? Не хотелось думать, что завтра утром нужно будет продолжать путь. И девушка решительно обратилась к своему умению жить только настоящим, не думая о будущих опасностях.

Невозможно было заставить себя сделать ещё что-то сегодня. Невозможно было бороться со сном, от которого закрывались глаза, тело становилось тяжёлым и неподвижным. Бриксия закрыла глаза, чтобы не видеть окружающих холмов.

Цветок теперь лежал у неё на груди. Неужели он действительно подстраивается под такт её дыхания и биения сердца? Бриксия не могла об этом думать. Но постепенно её дыхание успокоилось, чередования света и тени стихли, девушка уснула глубоким сном.

Видела ли она сны? Бриксия не могла бы сказать этого. Какое-то смутное воспоминание у неё сохранилось. Она видела Куниггод в месте Прежних — Куниггод лежала,

причём не мертвая, а просто спала, спала, как сейчас её собственное усталое тело, но в каком-то ином и более важном отношении она не спала. И Куниггод — вернее, та её сущность, что важнее тела, — видела Бриксию. Бриксия не могла вспомнить, желала ли ей Куниггод добра, ничего такого не помнит. Но что-то важное произошло между ними, да. В этом она была уверена.

Девушка открыла глаза. Тьма ночи отступила от её тела, мрак удерживал на расстоянии свет цветка. Небо было затянуто тучами, скрывшими звёзды.

Бриксия долго лежала. Потом то, что пробудило её, снова проникло в сознание. Она встала на колени, одной рукой нащупала копьё. Тело, казалось, больше не принадлежало ей, оно должно было незамедлительно выполнить какое-то задание.

Девушка встала и пошла. Цветок освещал землю только на один-два шага. То, что, возможно, ждало её в темноте, оставалось скрытым. Но она должна была идти по тропе, и как можно скорее. Бриксия искала в себе причину этого. Может, ей нужно догнать остальных? Или просто не следовало задерживаться в опасной местности? То, что однажды завлекло её в ловушку, может сработать и снова.

Во тьме раздавались странные звуки. Сначала она решила, что это птицы, потом подумала о ползунях, каких она видела в пустыне. Ещё, может быть, жабы... В темноте могло таиться столько опасностей, что не перечислишь и за день.

Но чем больше она вслушивалась, тем больше удивлялась. Как будто кто-то что-то говорит, но это было за гранью понимания разборчивой речи. Много голосов, некоторые высокие, другие низкие и сильные. Бриксия напрягалась, стараясь разобрать хоть слово. И хотя шла она довольно быстро, приблизиться к говорящим не удавалось. Её влекла теперь надежда отыскать дерево.

Бриксию не оставляло впечатление, как будто обыденная жизнь долины обтекала её, оставаясь за пределами прикосновения, в тени. А может, она сама была тенью, оторванной от реального мира.

Ночью можно представить себе всё что угодно. Особенно если кружится голова от голода и жажды. Может, подействовал и запах цветка: ведь сок и плоды растений могут усыпить и даже лишить разума неосторожного.

Бриксия шла и прислушивалась, а голоса оставались недостижимыми и непонятными. Иногда ей казалось, что холмы прикрывают развалины крепостей, и во тьме шепчут души тех, кто жил здесь когда-то. О таких вещах рассказывают легенды.

Странно, но никакого страха она больше не испытывала. Как будто цель, к которой она стремилась, окружила её непроницаемым покровом. Направо, потом налево — тропа всё время поворачивала. И повсюду вокруг царил темнота.

Провела ли она в пути весь остаток ночи? Этого Бриксия впоследствии не могла сказать. Не знала она, и сколько времени проспала, прежде чем пошла. Под конец она просто механически переставляла ноги. Даже не пыталась разглядеть, что впереди: воля, двигавшая ею, полностью подавила её.

Поэтому поначалу она не заметила, что местность вокруг изменяется. Холмов стало меньше, но те, что оставались, показались ей гораздо выше. Потом древко копья, которым она пользовалась как посохом, упёрлось не в мягкую землю, а во что-то твёрдое, и неожиданный звон пробудил её от полусна.

Бриксия подняла голову. Небо посветлело. Девушка опустилась на колени; принуждение, которому она подчинялась, отступило. Свет цветка упал на поверхность перед нею. Широкие каменные плиты, плотно прижатые друг к другу. Дорога. Прикрытая тонким слоем почвы. И на этой почве отчётливо проступал след кошачьей лапы. Словно был оставлен здесь сознательно.

Глава 7

Бриксия чуть ли не робко коснулась пальцем этого следа. Он на самом деле реален, это не обман зрения в тусклом свете утра. Ута... если этот след оставила Ута,

значит, Бриксия хоть на время вырвалась из ловушки. Она заторопилась. Теперь она сможет отыскать остальных, чтобы не оставаться одной в таком месте, где защитой для неё служит только цветок.

Бриксия с трудом поднялась и пошла дальше. Цветок снова закрывался, правда, медленнее, чем открывался. И он пока ещё освещал тропу. Девушка внимательно искала другие следы, оставленные Утой на участках мягкой почвы.

Холмы расступились, и наконец-то появилось и кое-что другое — кустарники, которые она могла узнать. Их колючие ветви были сплошь увешаны ягодами. Бриксия тут же набила ими рот, чувствуя, как сок утоляет голод и жажду. И она принялась жадно есть, не обращая внимания на царапины, срывая тёмные ягоды с ветвей. Не очень-то хорошая пища, плоды были маленькие и кислые. Но в тот момент девушке казалось, что ни на одном пире она не пробовала ничего вкуснее.

Бриксия не только наелась до отвала, но и, сколов шипами несколько листьев, до верха наполнила ягодами получившийся непрочный мешок. Вряд ли в дальнейшем ей так повезёт.

Небо уже окрасилось первыми лучами солнца, когда она кончила собирать припасы. И только восстановив силы, Бриксия начала внимательнее разглядывать окружающую местность.

Могли ли холмы, через которые она прошла, быть останками древних сооружений или нет, она не знала, но теперь она увидела немало доказательств тому, что шла путём Прежних. Тут и там виднелись следы стен, а вперёд к далёкому хребту уходила мощёная дорога. Этот хребет гораздо выше пройденных ею холмов тёмным пятном выделялся в северной части горизонта.

Следы Уты вели туда, значит, и ей нужно было идти туда, тем более что всё, связанное с пустыней, вызывало в ней отвращение. А это место не пробуждало никакого «чувства»: ни мира и доброжелательности, как в некоторых старых развалинах, ни угрозы, предвещающей зло.

Дорога уходила вперёд, её плиты легко было разглядеть, хотя местами их прикрывала почва, трава, а кое-где и кусты.

Итак, в усиливавшемся свете дня Бриксия повернула на север, лицом к хребту, и уверенно пошла, хотя и соблюдая осторожность, к которой привыкла за последние годы.

Путешествие прошло без происшествий. Наконец она приблизилась к хребту. Его предгорья тоже поросли травой, тускло-зелёной и какой-то увядшей. Дальше виднелись большие вершины. Дорога уходила прямо в распадок между двумя холмами.

По обе стороны дороги у входа в ущелье стояли два каменных столба. Они поднимались высоко, почти до вершин холмов. Столбы были прямоугольные, но с выветрившимися, изъеденными краями, на них лежал тот же отпечаток глубокой древности, что и на резьбе вдоль спуска к Пустыне. А на вершинах столбов были установлены изваяния.

Справа возвышалось изображение существа, похожего на жабу. Сходство было вполне различимо, несмотря на работу ветра и воды. Изваяние угрожающее, возможно, предупреждение: жаба присела перед прыжком, будто готовая спрыгнуть со столба на дорогу.

Напротив, глядя не на дорогу, как жаба, а в проход между холмами, но в то же время искоса посматривая на противоположный столб, сидела кошка. Сидела в той же спокойной позе, в которой часто сидела Ута, охватив хвостом кончики лап. И в этом изваянии чувствовалась не угроза, а одно лишь спокойное любопытство.

Взглянув на жабу, Бриксия невольно протянула руку к груди и взялась за закрывшийся цветок дерева. На этот раз она не удивилась, когда в ответ ощутила успокоительное тепло.

За первыми же холмами дорога резко сузилась; разведя руки, девушка могла коснуться откосов по обе стороны тропы.

И вскоре Бриксия заметила кое-что ещё. Хотя она и пыталась идти равномерно, здесь продвижение вперёд

замедлилось. И не по её желанию. Ей казалось, что на каждом шагу приходится преодолевать невидимую вязкую преграду, которая стремилась удержать её. И с каждым шагом ей приходилось прикладывать всё больше и больше усилий.

Голод, частично утолённый ягодами, вернулся, начала мучить и жажда. Болели ушибленные ноги, грубые сандалии плохо защищали их. Вода... пища... боль в ногах... тело её всё больше и больше обмякало, требовало отдыха.

В то же время отчасти вернулось ощущение мира, единства со всем окружающим, какое охватывало её утром под деревом. Может, это служило знаком, что она не должна уступать просьбам плоти.

И Бриксия упрямо продолжала идти. Полоска неба над головой была чиста от облаков. Но холмы закрывали утреннее солнце, и с их откосов волнами скатывался холод. Девушка вздрагивала и часто оглядывалась. С каждым вздохом её всё сильнее охватывало ощущение, что её опять преследуют. Может, какое-то существо из пустыни скрывалось позади. Бриксия часто смотрела вверх, опасаясь увидеть чёрные крылья. И всё время прислушивалась, уверенная, что рано или поздно услышит бормотание жаб или те непонятные звуки, что сопровождали её в холмах.

В то же время Бриксия постоянно приглядываясь к почве, где видела множество следов Уты. И они всегда оказывались слева, с той стороны, где стоял столб с кошкой.

Какую роль племя Уты когда-то играло в Пустыне? Бриксия видела работы Прежних: маленькие фигурки, гротескные, среди них встречалось мало красивых, некоторые были забавны, большинство — отталкивающе уродливы, и в основном породы, неизвестные жителям Долин. Иногда попадались изображения лошадей и собак (хотя со странными особенностями, которых лишены животные Долин), но ни разу не видела она изображения кошки. Бриксия считала, что кошки, как и люди Долин, здесь пришельцы, они заняли землю, покинутую Прежними.

Но было совершенно ясно, что скульптура кошки на

столбе не менее древняя, чем скульптура жабы. И потому сама Ута вполне могла прийти не из какой-нибудь разграбленной крепости, как до того думала Бриксия, а из самой Пустыни... А доверять тому, что приходит из Пустыни, глупо.

Девушка шла всё медленнее, потому что невидимое сопротивление на каждом шагу становилось сильнее. Рот снова пересох, и горсть ягод не принесла облегчения. Вода... ручей... речка... Можно ли найти их здесь? Или в Пустыне тайны воды известны лишь коренным обитателям, кто ползает, летает или ходит в ней?

Мысль о воде теперь не оставляла девушку. Она видела небольшие пруды, ключи, бьющие из земли...

Вода...

Бриксия резко подняла голову, повернувшись направо. Она была уверена, что расслышала звук правильно. Вода... где-то текла вода. Она посмотрела на крутой откос. Сразу за холмом, иначе она не услышала бы так отчётливо! Вода... она провела языком по пересохшим губам.

И тут...

Жар... жар, словно раскалённое железо прижали к обнажённой коже. Девушка вскрикнула, схватилась за грудь. Под рубашкой...

Сорвав одежду, она осмотрела тело. Цветок! Хотя он не раскрылся, но излучал теперь не только свет. Сильный жар, какого она не чувствовала даже при встрече с птицей-женщиной.

Бриксия достала цветок. Его жар не уменьшался. С кончика, где лепестки касались друг друга, потоком стекал свет, который снова напомнил девушке огонёк свечи.

Она поднесла цветок к склону, по которому хотела подняться. Свет мигнул, жар усилился настолько, что она выронила бы цветок, если бы не ожидала подобной реакции.

Девушка прикусила губу. Жар — предупреждение? Она мысленно задала себе такой вопрос, и цветок словно ответил, что её ждёт опасность. Но как же вода? Девушка попыталась снова услышать звук, такой ясный и отчётливый...

Его не стало. Неужели то была приманка в новую ловушку? Теперь, когда она видела цветок, её снова охватило ощущение спокойствия и единства с миром. Да, её уверенность в себе росла, как растёт цветок, за которым заботливо ухаживают.

Итак, звук воды — ловушка! Но кто её поставил? Бриксия не думала, что она была нацелена только на неё... наверное, она находилась здесь уже давно... Может, и сам хозяин её исчез, забыл о ней, а она всё действует.

Но жажда не стихала; только когда она держала цветок перед глазами, становилось легче. Она не должна прятать цветок, им нужно пользоваться, как копьём, как остро натченным ножом, это мощное оружие.

Однако Бриксия понимала, что хоть цветок и помогает ей обнаруживать ловушки, помочь в преодолении невидимого препятствия он не может. Все знают, что магия бывает сильная и слабая. Говорят, некоторые заклинания могут двигать горы и изменять мир, а другие едва поднимут камешек. Так и цветок может быть талисманом против опасности, но не действовать в других случаях.

Свет его не ослабевал. Это подбодрило девушку. Холмы становились выше, тень между ними сгущалась. Теперь, чтобы увидеть небо, приходилось запрокидывать голову.

Холмы перед ней смыкались, образуя высокую стену. Но тропа не кончалась, она уходила в тёмное отверстие пещеры, которое обрамляла каменная арка, какая бывает над дверьми. Но никакой двери не было. Путь открыт, но идти туда совсем не хотелось.

Бриксия остановилась. Её охватил озноб, цветок вспыхнул ярче. Это — место Силы! Девушка не обладала подготовкой Мудрой Женщины, но это она почувствовала и без всякой подготовки, почувствовала эту Силу всем своим телом.

Но бывают силы и силы. Всё в мире уравновешено, свет и тьма, добро и зло. Так и Силы: Тьма в одном месте может быть такой же мощной и всепобеждающей, как Свет в другом. Что же сейчас открывалось перед нею? Она пыталась учуять зло, уловить какое-нибудь внутреннее предупреждение.

Но надежды её могут основываться только на цветке. Он, как и дерево, с которого он слетел, уже спасали её. Бриксия несколько не сомневалась, что существа-жабы, которые пытались опутать её своей сетью, принадлежали Тьме. А цветок защитил её в Пустыне и недавно предупредил о ловушке со звуком воды. И здесь он действует. Хотя Бриксии казалось, что она ощущает здесь присутствие зла.

Но выбора у неё не было. Принуждение, которое привело её в Пустыню, становилось всё сильнее. Теперь она могла идти только вперёд.

Шаг за шагом Бриксия приближалась к зияющему отверстию. Хоть бы свет этого бутона не погас! Бутон? На ладони её лежал полностью раскрывшийся цветок. Девушка торопливо разжала руку, освобождая место лепесткам. От них поднимался чистый и очищающий запах, а свет стал ещё сильнее.

Поглощённая этим чудом нового расцвета, она прошла под каменной аркой и углубилась в проход, такой же тёмный, как и тот, что вывел её из крепости.

Стены несли следы обработки, но уже в нескольких шагах от входа они потемнели от влаги. Хотя Бриксии и хотелось пить, она не могла заставить себя лизнуть эти камни. Капли были густые и маслянистые, как будто какая-то отвратительная жидкость просачивалась сквозь трещины в камне.

Аромат цветка боролся с запахом влажной гнили. И Бриксия уже не в первый раз подумала, сколько ещё времени не увянет этот цветок, поражаясь столь долгому цветению.

Проход уходил всё глубже и глубже. При свете цветка на полу были хорошо видны кошачьи следы. Значит, остальные — или, по крайней мере, Ута — проходили здесь.

Что ищет лорд Марбон? Для его свихнувшегося разума старое предание стало истиной. Если это так, он должен идти вперёд, ни на что не обращая внимания, пока не упадёт от усталости. Или мальчик сумеет разорвать эту одержимость и спасёт своего господина?

«Проклятие Зарстора», — Бриксия произнесла эти слова, но не вслух. Что это такое? Существует много преданий об утраченных талисманах, вещах, которые давали тем, кто ими обладал, огромные возможности. Но и приносили им беды. Похоже, Проклятие Зарстора из числа последних. Недаром оно стало Проклятием. Но почему лорд Марбон ищет его? Чтобы отомстить своему врагу?

Война окончена. Даже до таких бродяг, как Бриксия, доходили новости, что захватчики изгнаны, зажаты между ненавидящими их людьми Долин и морем и истреблены. Конечно, по-прежнему по стране шаталось много разбойников и грабителей, в основном они действовали по небольшим долинам, где местный лорд не мог собрать достаточно сил для защиты от них. Земля всё ещё охвачена пламенем, и рука каждого подозрительно поднимает оружие перед любым встречным. Найдётся множество причин, почему человек ищет «проклятие», которое может оказаться оружием.

Интересно, далеко ли ушли от неё остальные. Если мужчина, мальчик и кошка шли быстро, они могли опередить её на целый день. Но они должны были отдыхать...

Послышался какой-то шум. В свете цветка впереди и внизу загорелись две зелёные точки. Бриксия остановилась, поудобнее перехватила копьё, а потом протянула цветок вперёд и вытянула голову, пытаясь рассмотреть, что там внизу покажется.

Поднялась узкая голова. Существо было похоже на ящерицу, которую девушка видела на входе в Пустыню. Но не жаба. Когда цветок осветил его, существо не убежало, как того ожидала девушка. Напротив, оно ещё выше подняло голову и начало покачивать ею на тонкой шее. Раскрылись челюсти, мелькнул язык. Существо зашипело и чуть попятилось. Но попыток убежать не делало.

— Хаа! — девушка крикнула, надеясь, что звук сделает то, чего не смог сделать свет. Хоть существо и небольшое, но оно могло быть ядовитым.

Однако голос не обратил его в бегство. Ящерица поднялась ещё выше. Теперь стало видно, что у неё шесть

лап, не то, что у ящериц привычного мира. Животное стояло на четырёх задних лапах, хвоста у него не было. А две передние лапы странной формы, больше похожие на руки, с когтями-пальцами, свисали под брюхом.

Бриксия стояла неподвижно. Ящерицы могут передвигаться с молниеносной скоростью. Девушка сомневалась, что сможет отразить её нападение копьём. Но ящерица, даже поднявшись, не достигала ей и до колена, так что размер и вес в её пользу. Однако больше всего она надеялась на цветок.

— Я не причиню тебе вреда... — девушка не знала, почему заговорила с животным, слова вырвались сами, как и тогда, когда она обращалась к дереву. — Я хочу только пройти здесь. Не бойся меня, чешуйчатая.

Язык больше не мелькал. Узкая голова чуть наклонилась набок, немигающие глаза разглядывали её, разглядывали оценивающе, как часто смотрела Ута.

— Я не враг тебе и твоему племени. Клянусь этим даром зелёной матери, — она протянула руку и поднесла цветок к ящерице, — смотри, я не причиню тебе вреда.

Язык, такой длинный, что, казалось, не может вмещаться в пасти животного, устремился вперёд, почти коснулся цветка, снова скрылся. Ящерица сдвинулась к краю тропы, освобождая проход. Бриксия решила, что та поняла её.

— Благодарю тебя, чешуйчатая, — негромко сказала она. — Пусть исполнятся твои желания.

Она прошла мимо стоявшей на задних лапах ящерицы, заставляя себя не бояться. Она должна показать, что уходит и никакого вреда не причинит.

Бриксия не позволяла себе идти быстрее. Если это создание принадлежит Тьме, цветок снова оказался её достойным хранителем. Ну, а если ящерица — союзница Света, цветок послужил пропуском.

Тропа продолжалась, и Бриксия задумалась, через какой же огромный холм она проходит. Тропа не опускалась и не поднималась. Хотя тут и не было гравия, который кромсал бы изношенные подошвы, ноги у неё горели, она очень устала. Но отдыхать в этой тьме, нет, она не может заставить себя сделать это.

Наконец она, уже совсем хромая, вышла под открытое небо. И увидела долину в форме огромной чаши, окружённую высокими склонами, полого опускавшимися вниз. С того места, где она стояла, в этих стенах не было видно ни одного прохода.

Но её внимание сразу привлекла середина этой долины, точнее вода в ней. На ближайшем к ней берегу горел костёр, от него поднимался тонкий столб дыма. От воды к костру направлялся мальчик. Лорда Марбона она не увидела; может, он лежал в высокой траве.

Вода её привлекала больше, чем общество. И девушка задержалась только чтобы снова спрятать цветок. Потом побрела вперёд, опираясь на копьё. Мягкая трава принесла облегчение натруженным ногам.

Она уже прошла половину расстояния до озера, когда рядом с ней из травы неслышно появилась Ута. Кошка громко мяукнула, повернулась и повела Бриксию к маленькому лагерю. Но мальчик не разделял гостеприимства животного.

— Зачем ты пришла? — его враждебность с их первой встречи отнюдь не уменьшилась.

Ответ Бриксия дала, не сознавая, что говорит. Как будто эти слова продиктовал ей кто-то другой.

— Должно быть трое... трое должны искать... и одна... одна, чтобы найти и потерять...

Лорд Марбон действительно лежал в траве. Он приподнялся, словно её слова снова пробудили в нём способность связно мыслить.

— Трое должно быть... и четвёртая... Это так. Три пойдут... одна достигнет... Поистине это так.

Глава 8

Мальчик рывкнул:

— Как ты смеешь укреплять его в этом безумии? Он совсем перестал слушать меня после выхода из потайного пути. Говорит только о Проклятии и готов загнать себя до смерти.

Может, он и действительно перестал слушаться, однако лицо лорда Марбона больше не было пустым и лишённым разума. Но смотрел он не на них, а на озеро, причём смотрел требовательно. На его лице появилось выражение недоумения.

— Оно там — и его нет там... — голос его звучал вопросительно. — Как может что-то быть и не быть одновременно? Это не пустая легенда, я стою на земле Зарстора!

Мальчик продолжал хмуриться, глядя на Бриксию. «Видишь? Ночь и день он шёл сюда, как будто сразу после Эггерсдейла узнал, куда надо идти. Как будто искал хорошо знакомое место... но мне он ни о чём не говорил!»

Ута оставила девушку и подошла к краю озера. Вода здесь не была окружена растительностью, на берегах ничего не росло. Только чёткая линия песка и овальная сине-зелёная жемчужина, неестественно ясная, подёрнутая тёмным серебром.

Кошка через плечо оглянулась на троих людей. Словно призывала следить за её действиями. Потом изящно коснулась лапой воды, ровная поверхность заколебалась. Больше ничего не происходило на этом ровном зеркале. Насекомые не касались поверхности, пузыри рыб не разрывали её.

Бриксия обошла мальчика и направилась к кошке. Опустила копьё и наклонилась, чтобы взглянуть на своё отражение. Но никакого отражения не увидела.

На первый взгляд вода показалась нечистой, мутной под спокойной поверхностью. Хотя нет, не мутной, потому что цвет её был не коричневый и не жёлтый. Бриксия осторожно протянула руку и, потрогав тепловатую жидкость, смочила пальцы. Быстро отдёрнула пальцы и осмотрела их: никаких следов на загорелой коже. Поднесла руку к носу: никакого запаха.

Однако было совершенно ясно, что озеро необычное, если судить по стандартам Долин. И тут, когда она снова наклонилась, стараясь рассмотреть, что там, под поверхностью, цветок выпал у неё из-за пазухи. Она попыталась подхватить его, но безуспешно.

Девушка взяла копьё, чтобы подтянуть его, но тут мальчик воскликнул:

— Что... что случилось?

Цветок поплыл по глади озера, но не по воле ветра. Он удалялся от берега по широкой спирали. И там, где он проходил, вода прояснялась. Цвет сохранялся, но становились видны глубины.

Под прозрачной поверхностью появились стены и купола. Под озером скрывалось какое-то поселение, а может, одно обширное здание странной формы.

И чем дальше уплывал цветок, тем отчётливее становилось видно строение, что он открывал. Резьба на затонувших стенах, цвета, приглушённые слоем воды. Всё дальше к центру озера открывался вид здания. И не было видно никаких признаков разрушения или эрозии.

— Ан-Як!

Бриксия, вздрогнув от неожиданного звука, еле удержалась от падения в воду, схватившись за длинную траву.

— Лорд!

Марбон прошёл мимо неё решительным длинным шагом и остановился, только когда вода стала ему по пояс. Он протянул руки к тому, что лежало под водой. Мальчик с плеском устремился за ним, тщетно пытаясь вытащить своего господина из воды.

— Нет, лорд!

Марбон вырывался, чтобы ещё глубже войти в воду. Он даже не смотрел на своего спутника, внимание его было полностью поглощено тем, что открывал цветок.

— Пусти! — он отбросил мальчика в сторону. Но Бриксия, которая наконец-то обрела равновесие, схватила его сзади за плечи. И удержала, несмотря на все попытки освободиться, а потом ей пришёл на помощь мальчик.

Вместе им удалось вытащить его из озера. Тут он потерял силы, обвис, и им пришлось вести его к костру. Уложив ставшего вдруг апатичным человека, Бриксия сказала мальчику:

— Мы смогли одолеть его только потому, что он совсем ослаб. Но не думаю, что мы сможем увести его отсюда.

Мальчик опустился на колени и коснулся лица хозяина.

— Знаю. Он... он околдован! Что это ты бросила в воду? Это оно вызвало...

Бриксия быстро отошла. «Я ничего не бросала. Он сам выпал у меня из рубашки. Это цветок. Но он хорошо служил мне», — и девушка кратко рассказала о дереве и цветке.

— Кто знает, что можно найти в Пустыне? — закончила она. — Здесь может оставаться многое, принадлежавшее ранее Прежним. Твой лорд назвал это, — она указала на воду. — Его он искал? Это действительно место Проклятия?

— Откуда мне знать? Он шёл как одержимый, у меня не было выхода, только идти за ним. Он шёл без отдыха, не ел и не пил, не давал мне остановиться. Он был полностью погружён в свои мысли; кто знает, о чём они?

Бриксия снова взглянула на озеро. «Ясно, что его невозможно увести отсюда. И унести его мы не сможем».

Мальчик сжал кулаки, ударил ими по земле, лицо его искажилось от страха и тревоги.

— Это правда... — говорил он негромко, слова произносил с трудом. — Не знаю, что делать. Раньше он был как ребёнок, и я мог его вести. Я привёл его в Эгтерсдейл, потому что думал, что там к нему вернётся разум. А теперь он привёл меня сюда... и он далёк от меня, словно нас разделяет море. Он околдован, и я не знаю, как снять эти чары. Ничего не могу придумать. А об этом Проклятии знаю только с его слов. Но суть его — для меня тайна, — и мальчик беспомощно закрыл лицо руками.

Бриксия прикусила губу. Скоро ночь. Она осмотрелась, привычно оценивая местность. Никаких деревьев, никакого укрытия. Костёр горел на прибрежном гравии, и не было даже камней, чтобы соорудить баррикаду. Цветка она не видела; если он ещё и плавал, то где-то в центре озера.

Девушке не нравилась перспектива ночи на открытом месте. Но ничего лучшего она всё равно не увидела. И снова медленно подошла к озеру.

От жажды жгло горло. И хотя она боялась этой воды, а

ещё больше того, что она скрывала, девушка наклонилась, набрала в пригоршни воду и осторожно поднесла её к губам. Никакого вкуса и запаха. Ута присела рядом и беспечно принялась лакать воду. Можно ли поверить чувствам кошки?

Нескольких капель из рук ей не хватило. Смирившись и пожав плечами, девушка набрала ещё и стала пить, потом плеснула воды на лоб. Вода освежила её, даже подкрепила решимость противостоять тому, что может их ждать.

Глядя на озеро, она всё ожидала, что вот-вот вернётся замутнённость, снова спрячет строение внизу. Но этого не происходило, она по-прежнему видела стену, купол, крышу, уходившие в глубину.

Прямо перед ней начиналась мошёная дорога, ведущая к стенам.

Запах жареного мяса вернул её к костру. Мальчик жарил свежееосвежёванного прыгуна, четвертушки которого насадил на прутики.

— Он ещё спит? — Бриксия кивнула в сторону лорда Марбона.

— Спит... или околдован. Кто может сказать? Ешь, если хочешь, — неловко предложил он, не глядя на неё.

— Ты из его Рода? — спросила она, поворачивая прут, чтобы мясо жарилось равномерно.

— Меня усыновили в Эгтерсдейле, — он смотрел в огонь. — Я тебе говорил, я младший сын маршала Итсфорда, меня зовут Двед, — он пожал плечами. — Наверное, больше некому звать меня так. Итсфорд давно разрушен. Эгтерсдейл ты видела. Он тоже мёртв...

— Яртар?..

Они повернули головы. Лорд Марбон приподнялся на локте и смотрел на Бриксию. Она уже хотела отказаться, сказать, что она не та, кого он ищет, но пальцы юноши с силой сжали ей руку. Она догадалась, чего он хочет: уступить лорду Марбону и, может, тем самым увести его от озера. Или заставить его объяснить свою одержимость. Как можно более низким голосом Бриксия ответила:

— Да, лорд?

— Всё, как ты говорил! — лицо у него стало оживлённое, радостное. — Ан-Як! Ты видел его, в озере? — лорд Марбон сел. В нём чувствовалась сила, Бриксия увидела совсем другого человека.

— Да, он здесь, — она отвечала как можно короче, чтобы не выдать себя каким-нибудь словом.

— Точно, как в легенде, которую ты рассказывал, — Марбон кивнул. — Если Ан-Як здесь, в нём должно находиться и Проклятие... а с ним... да, с ним!.. — он с силой свёл руки. — Что мы с ним сделаем, Яртар? Сведём с неба луну, чтобы давала нам свет? Или звёзды? Будем как Прежние? У того, кто обладает Проклятием, нет ограничений!

— Между нами и этим лежит озеро, — негромко сказала Бриксия. — Тут колдовство, лорд.

— Конечно, — мужчина кивнул. — Но должен быть путь, — он взглянул на потемневшее небо. — Ничто ценное не приходит к человеку легко. Мы найдём путь, найдём с рассветом.

— Лорд, без сил человек ничего не сделает, — Двед взял одну из палочек с мясом и протянул Марбону. — Ешь и пей. Готовься к тому, что ждёт тебя днём.

— Разумные слова, — лорд Марбон взял прут, потом слегка нахмурился, разглядывая лицо мальчика в свете костра. — Ты... ты... Двед! — он торжествующе выкрикнул это слово. — Но... как... — мужчина слегка покачал головой, на лице появился отголосок прежней пустоты. — Нет! — голос его снова прозвучал резко. — Ты приёмыш. Ты появился у нас прошлой осенью.

Лицо Дведа осветилось надеждой.

— Да, мой лорд. И... — но он оборвал себя на полуслове. — И... — мальчик, очевидно, пытался сменить тему. — Мы пришли сюда, но до сих пор, милорд, ты не рассказал нам, что за сокровище мы ищем.

Бриксия была довольна его находчивостью. Пока Марбон не впал в свою привычную апатию, нужно узнать как можно больше.

— Проклятие... — медленно ответил Марбон. — Это

легенда... Яртар лучше знает её. Расскажи парню, брат... — он повернулся к Бриксии.

Итак, находчивость мальчика всё-таки обернулась ошибкой. Бриксия пыталась вспомнить слова песни, которую слышала в Эгтерсдейле.

— Это песня, лорд, старая песня...

— Песня, да. Но мы доказали, что в ней правда. Вот погружённый в воду Ан-Як. Мы нашли его! Расскажи нам о Проклятии, Яртар. Это история моего и твоего рода, и ты лучше её знаешь.

Бриксия оказалась в ловушке. «Лорд, это и твоя история».

Он внимательно посмотрел на неё через костер. «Яртар, почему ты называешь меня «лорд»? Разве мы не братья?»

Бриксия не смогла найти ответ.

— Ты не Яртар! — Марбон отбросил жареное мясо. Прежде чем она смогла встать, он оказался рядом, двигаясь с кошачьей ловкостью и быстротой. Схватил её за плечи, повернул лицом к себе.

— Кто ты? — он тряс её изо всех сил, но теперь уже девушка сопротивлялась. Бриксия сама схватила его за запястья и напрягала все силы, чтобы вырваться. — Кто ты? — вторично спросил он.

— Я — это я... Бриксия... — она пнула его по голени и ахнула от боли в ноге. Потом резко повернула голову и впилась зубами в его запястье с той дикой яростью, с какой могла бы сопротивляться Ута.

Он закричал и отбросил от себя девушку, она мешком упала в траву. Но у неё хватило сил и ярости, чтобы перевернуться и тут же вскочить. Копьё осталось у огня, но она уже держала в руке нож.

Но Марбон не последовал за ней. Напротив, покачнулся и поднял руку, глядя на оставленные зубами следы. Потом посмотрел на Дведа.

— А где Яртар? Он же был здесь... а потом... колдовство! Где Яртар? Почему он выглядит как... как...

— Лорд, ты спал, и тебе всё приснилось. Иди поешь...

Бриксия следила, как Двед ведёт лорда к костру. Может,

он сумеет успокоить Марбона. Ей во всяком случае пока лучше держаться подальше от костра, чтобы не встревожить его. Голодными глазами девушка поглядела на мясо.

Дведу удалось успокоить Марбона. Он уговорил лорда сесть, снова дал ему мяса. Жизнь опять утасла в глазах мужчины, рот снова расслабился, сильная энергичная личность исчезла.

Бриксия смотрела, как мальчик укладывает своего господина спать. И только когда прошло немало времени, а лежавший не шевелился, девушка подошла к мясу и начала торопливо глотать его, почти не жуя. Послышался холодный голос Дведа:

— Он тебя не принимает. Тебе лучше идти своим путём...

— Будь уверен, я так и сделаю, — ответила она. — Я попыталась сыграть в твою игру, ничего хорошего из этого не вышло. И если окончилось плохо, не моя вина.

— Нам лучше расстаться. Почему ты пошла за нами, ты ведь ничем ему не обязана?

— Я не знаю, почему пошла за вами, — откровенно ответила девушка. — Что-то, чего я не понимаю, заставило меня.

— А почему ты сказала о трёх, когда пришла? — настаивал мальчик.

— Опять не могу ответить. Это не мои слова, я их не знала, пока не произнесла. В этих старых местах царит колдовство... — она вздрогнула. — Кто может сказать, как оно подействует на неосторожных?

— Неосторожных не будет! — резко ответил он. — Тебя здесь не должно быть! Нам ты не нужна... И если он решит, что ты скрываешь от него Яртар, он совсем перестанет меня слушаться.

— А кто такой этот Яртар... кем он был... я слышала, ты говорил, что он умер? Почему это имя так действует на твоего лорда?

Двед бросил быстрый взгляд на спящего, словно опасаясь, что тот услышит, потом ответил:

— Хотя Яртар был приёмным братом моего лорда, они

были ближе кровных родичей. Я не знаю, из какого он Рода... хотя у него был свой Род. Как мне описать Яртару тому, кто не знал его? Он не владел никакой долиной, но всякий встречный с первых же слов называл его лордом. Мне кажется, в его прошлом скрывалось что-то странное. У моего лорда тоже... говорили, что у него смешанная кровь... что у него есть связи с Препными. Но если это правда о Марбоне, то вдвойне правда о Ярtare. Он знал многое... странное!

Я сам видел однажды... — Двед глотнул и продолжил, — если ты скажешь, что это невозможно, — он сердито взглянул на девушку, — я повторю, что видел это своими глазами. Яртар обратился к небу, и поднялся ветер, который загнал врага в реку. Но потом Яртар был бледен, он дрожал и так ослаб, что мой лорд должен был поддерживать его в седле.

— Говорят, те, кто используют Силу, сами слабеют, — заметила Бриксия. Она не сомневалась, что Двед точно описал увиденное. Многие рассказывают о том, что при желании могли проделывать Препные.

— Да. И он мог лечить. Лонан получил рану, она не заживала, всё время открывалась. Яртар ушёл один, вернулся с листьями, размял их и прижал к ране. Потом сидел, держа руки на листьях, довольно долго. А на следующий день рана начала зарастать, и никакого дурного запаха не было. Она зажила, не осталось даже шрама. Мой лорд тоже мог такое... этот дар отличал его от других.

— Но Яртар умер... — напомнила Бриксия.

— Он умер, как может погибнуть любой из нас, — от удара мечом в горло. Он стоял над телом моего лорда и отбивался от этого сброда, который забрасывал нас камнями. Он был ранен, потекла кровь, такая же, как у всех, и он умер, а мой лорд этого не знал. После удара камнем по голове он очнулся с повреждённым рассудком... как ты видишь. Но о Ярtare он говорит так, словно тот ждёт его где-то и должен помочь найти Проклятие. Вначале он говорил, что должен это сделать из-за Яртары... теперь... ты сама слышала! Я не больше тебя знаю, что он ищет.

Сюда он шёл уверенно, не оглядываясь, как человек, который твёрдо знает, что делает. Теперь, кажется, он решил, что то, что он ищет, спрятано здесь... — Двед указал на скрытое в темноте озеро. — Не знаю, что с ним делать. Вначале он был очень слаб от раны в голове, и я мог вести его, куда хотел, заботиться о нём. Но теперь сила вернулась к нему. Иногда он совсем не со мной, думает о чём-то, чего я не понимаю.

Двед говорил быстро, словно испытывая облегчение, наконец-то рассказывая о своей ноше. Но мальчик не ждал сочувствия от Бриксии, нет, вероятно, он отвергнет такое сочувствие, он просто получил облегчение от того, что высказался.

— Могу я... — начала было она.

— Мне не нужна помощь! — Двед отказался раньше, чем она смогла предложить. — Он мой лорд. И пока он жив, это не изменится. На нём какое-то заклятие... проклятая земля могла наложить на него свой отпечаток навсегда, его мозг был слишком слаб и открыт. Но только я должен освободить его.

Он отвернулся от Бриксии и устроился рядом с лордом, укрыв его изношенным плащом. Бриксия легла по другую сторону костра. Она очень устала. Двед хочет, чтобы она ушла. Её собственный инстинкт самосохранения говорит о том же. Но сейчас у неё не было для этого сил.

Здесь Бриксия не испытывала ощущения, что её охраняют, что она в безопасности, как то было под деревом. Девушка свернулась в траве, и неожиданно к ней прижались тёплое мурлыкающее животное. Ута снова решила разделить с ней постель. Бриксия погладила кошку от головы с настороженными ушами до пушистого хвоста.

— Ута, — прошептала она, — куда ты привела меня? Ведь я из-за тебя встретила с этими двумя, может, себе на погибель.

Кошка продолжала мурлыкать, и от этого звука сами собой закрывались глаза. И хоть все прошедшие годы приучили Бриксию к осторожности, подняться она не могла. Уснула.

— Где он?

Ошеломлённая, она никак не могла прийти в себя от сна. Её трясли чьи-то руки. Бриксия открыла глаза. Это был Двед. И смотрел, как смотрит враг из-за края щита.

— Где он, ты, разбойничье отродье?

Он схватил её за голову, продолжая трясти.

Бриксия вырвалась.

— Ты с ума сошёл! — выдохнула она, отходя подальше.

Села и увидела, как он побежал мимо углей костра к берегу озера.

— Лорд! Лорд Марбон! — голос его звучал как крик раненого. Двед вошёл в воду, отчаянно плеская руками.

Бриксия начала понимать. На берегу оставались только она и Двед, ни Марбона, ни Уты не было видно. Она сразу поняла, чего испугался Двед. Неужели лорд проснулся, вошёл в воду, как накануне, — и нашёл смерть под её поверхностью?

Девушка вслед за Дведом подошла к краю озера. Вода снова утратила свою прозрачность. Всё опять скрылось под её поверхностью, ровной и гладкой, как зеркало, кроме того места, где бился Двед. Но поплыть он почему-то не мог. В воду-то он вошёл, но как ни старался, дальше пройти не мог.

Он продолжал всё так же бесполезно биться, когда из травы неожиданно выскользнула Ута и подошла к воде. Кошка мяукнула, громко и требовательно, Бриксия знала такой крик: Ута требует внимания.

— Двед... подожди!..

Вначале он её, наверное, не расслышал, потом повернулся. Бриксия указала на кошку.

— Смотри! — сказала она, надеясь, что он послушается.

Ута повернулась и пошла, время от времени оглядываясь и проверяя, идут ли за нею. Бриксия побежала вслед. Всплесков больше не было слышно; она оглянулась — Двед вышел из воды и пошёл за ними.

Так втроем они шли по траве, пока не наткнулись на глубокую выемку, поросшую травой. В ней стоял лорд Марбон. Выемка была довольно глубокая, и потому его.

совсем не было видно, пока они не оказались рядом. Рядом с ним лежало копьё Бриксии, вымазанное землёй, в руках он держал меч Дведа. Концом меча он раздвигал камни, перегородившие канал.

Дамба, удерживающая воду в озере! Марбон взглянул на них.

— Работайте! — нетерпеливо приказал он. — Разве вы не видите? Мы должны выпустить воду. Это единственный способ добраться до Ан-Яка!

Глава 9

— Лорд Марбон!

Он оглянулся, голова обнажена, лицо снова освещено светом разума, оно даже помолодело. Итак, он услышал её призыв. Бриксия указала на стену, которую разбирал мужчина. Его усилия уже принесли плоды, между камнями начала просачиваться вода.

— Вы работали тут, не думая о последствиях, — сказала девушка. — Всё равно что вытаскиваешь пробку из полного меха. Сейчас вся вода озера выльется на Вас.

Марбон снова оглянулся на стену, потом провёл рукой по испачканному лицу. Сузившимися глазами он смотрел на дамбу. Теперь он был похож на околдованного человека, который всё же сохраняет способность рассуждать разумно.

— Это правда, Лорд, — Двед прыгнул в канал и встал рядом с ним. — Стоит пробить эту дамбу, и вода всё смое.

— Может быть, — в ответе Марбона звучала сила. Он снова принялся бить древком копья по камням.

Бриксия хорошо видела, что воды с каждым мигом просачивается всё больше.

— Лорд Марбон... Двед... Уходите оттуда! — закричала она. — Дамба не выдерживает!

Почти не сознавая, что делает, девушка опустилась на колени, протянула лорду Марбону руку, так как он был ближе, и выхватила своё копьё. Потом, бросив оружие за спину, потянула Марбона за руку. Двед ухватился за него

с другой стороны, изо всех сил выталкивая хозяина из канала.

Какое-то мгновение Марбон сопротивлялся. Всё его внимание было обращено к стене. Но потом вырвался из рук Дведа и сам поднялся к склонившейся девушке.

— Давай наверх! — Марбон тоже встал на колени и, схватив Дведа за кольчугу, рывком поднял мальчика к себе. И как раз вовремя.

Между камнями показались ручейки. И вдруг, буквально в один миг, дамба уступила и по каналу устремился поток воды.

— В сторону! — Лорд Марбон увлёк за собой Бриксию и Дведа подальше от края канала. Они, спотыкаясь, отбежали. Позади разнёсся какой-то звук: оглянувшись, Бриксия увидела, как вода фонтаном взметнулась над краем канала.

Лорд Марбон зашагал назад, к высвобождённой им бушующей реке, Двед пошёл рядом с ним. Даже Ута присела на краю, глядя на ревущую воду.

Присоединившись к остальным, Бриксия увидела, что поток не уходил далеко. Вообще-то склон долины должен был отразить воду и послать её назад, в озеро. Но поток просто исчезал совсем неподалёку. Лорд Марбон подошёл к этому месту и посмотрел на бурлящий водоворот.

— Под землю, — сказал он. — Подземная река...

Но он не стал долго смотреть на это. Заторопился назад, к озеру.

Вода быстро уходила. Над озером уже появился шпиль. Затем показалась вершина одного купола, потом другого.

— Ан-Як, давно потерянный! — торжествуя воскликнул лорд Марбон. — Три и одна — мы пришли, чтобы отыскать то, что забыто, что тщетно искали другие!

Вода продолжала опускаться. Показались мокрые стены. Бриксия поняла, что здание не походит ни на что виденное ею ранее. Лабиринт стен ограждал участки без крыш. В середине этого переплетения возвышались два купола, которые разделяла стройная башня, не очень высокая, не выше сторожевой башни крепости. Вода

продолжала опускаться, открывая всё новые и новые подробности, и тут Бриксия в недоумении потёрла глаза.

Что-то очень странное было в этом сооружении, которое лорд Марбон называл Ан-Як. Все стены и купола оказались совсем невысокими, словно смотришь на здание с далёкого расстояния, уменьшая тем самым обычный размер. Девушка не могла объяснить эту странность, но теперь сама себе казалась огромной, словно великан среди сооружений, предназначенных для карликов.

Существа, похожие на жаб, были невелики; статуя одного из них охраняла подход к Ан-Яку. Может, это их древнее жилище? Храм? Бриксия почти ожидала, что сейчас над поверхностью воды появятся бородавчатые щупальца-волосы.

Стены, как и вода, были переливчатого голубого и зелёного цвета, словно по влажным поверхностям змеились светлые и тёмные полосы.

Купола окружали тёмно-зелёные металлические пояса. На них в ярких лучах солнца сверкали драгоценные камни. Похоже, долгое погружение в воду нисколько не сказалось на этом сооружении.

Наконец вода ушла совсем. Вернее, в середине озера оставалась лишь мелкая лужа, плескаясь о стены, но в канал вода больше не уходила.

— Сердце Ан-Яка! — Лорд Марбон решительно спрыгнул с берега. Вначале вода достигала ему щиколоток, потом поднялась до колен.

Бриксия вскрикнула. Когти впились ей в плечи, прорвали рубашку, расцарапали кожу. Она взяла Уту на руки. Двед уже шлёпал вслед за своим хозяином. Ута как будто подталкивала девушку за ним; вероятно, кошка хотела, чтобы Бриксия несла её.

Странное восприятие размера здания (потому что теперь Бриксия наверняка убедилась, что это всё единое сооружение) сохранилось. Вот только теперь здание казалось нормальным, зато она сама — слишком большой и неуклюжей. Вода лениво плескалась у её ног.

Небольшая волна, поднятая теми, что прошли впереди,

коснулась её ног. А на ней... Придерживая Уту, Бриксия наклонилась. Она права! Пальцы её сомкнулись вокруг плотно закрытого бутона, который вчера плавал по поверхности озера, открывая то, что под ней. Цветок придал девушке уверенности. Под солнцем он вновь был плотно закрыт, словно никогда и не распускался. И в нём больше не чувствовалась пульсация жизни. Бриксия сунула его под рубашку, ощутив кожей приятную влагу.

Не было видно никаких ворот, никакого входа в этот лабиринт стен вокруг двух куполов. Трое с плеском обошли сооружение вокруг, но так и не нашли входа. Дорога, которую они видели ещё с берега, заканчивалась тупиком у одной из стен. Сами же стены поднимались немного выше головы лорда Марбона и гораздо выше головы Бриксии. Девушка решила, что, став на цыпочки, едва дотянется до верха стены.

Однако Марбон не смутился. Обойдя всё кругом, он повернулся лицом к стене, ухватился руками за верхнюю кромку и подтянулся. С того момента, как лорд спустился в озеро, он не произнёс ни слова и никак не показывал, что он не один.

И хотя безжизненное выражение исчезло с его лица, глубокая сосредоточенность полностью отрезала Марбона от остальных. Он видел только то, что перед ним. Все его движения выражали крайнюю напряжённость.

Он поднялся на стену, прыгнул по другую сторону и исчез из вида.

— Лорд!.. — Двед, должно быть, сразу понял тщетность своего призыва и подпрыгнул вслед за лордом. Первый прыжок закончился неудачно. Мальчик только проскрёб пальцами полосы по стене. Но прежде чем Бриксия подошла, он прыгнул снова, на этот раз удержался и с отчаянными усилиями поднялся на стену.

Девушка оторвала когти Уты от рубашки и подняла кошку. Нравится это Уте или нет, придётся ей идти самой. Бриксия не могла подняться на стену с одной рукой. И как будто Ута это поняла.

Вскоре девушка присоединилась к Дведу на верху сте-

ны. Отсюда чуждость архитектуры сооружения стала ещё заметней. Стены окружали участки, которые расходились от двух куполов, как... как лепестки цветка. Они словно заострялись к концу, каждый участок представлял собой грубый овал, узким концом к куполу. И на этих участках не было ничего, кроме воды, стоявшей довольно высоко, так как её удерживали стены.

Марбон, пробираясь по пояс в воде, уже добрался до самого узкого места ограждённого участка, на который не раздумывая прыгнул. Двед тоже прыгнул, упрямо следуя за своим хозяином. А Бриксия заколебалась.

Возможно, до сих пор её вело любопытство. Теперь же она не знала, продолжать ли ей идти вперёд. В ней ожило старое недоверие, страх перед силами Прежних. Дведом руководит верность хозяину, но у неё-то нет этой причины. А ощущение чуждости этого места заставляло её всё больше и больше тревожиться.

Ута легко пробежала по верху стены. Она быстро поравнялась с Марбоном и обогнала его, направляясь к куполам. Бриксия покачала головой. Это не её дело. И девушка оставалась на месте, не желая двигаться дальше, но в то же время не способная вернуться.

Вода внизу была мутная, грязная. Под её поверхностью могло скрываться всё, что угодно. У Марбона и Дведа ноги закрыты, у неё нет. Как хочется вернуться...

Но всё же Бриксия не могла заставить себя сделать это. Она встала и, следуя примеру Уты, старательно сохраняя равновесие, пошла по стене. Ноги скользили по влажной поверхности камня, и девушка шла довольно медленно. Ей вовсе не хотелось упасть сверху.

Лорд Марбон наконец добрался до конца ограждённого участка и поднялся на стену. Она видела, как он встал перед ближайшим куполом. И тут со стены прыгнула Ута, но не ему на плечо, а мимо, на поверхность самого купола. И громко мяукнула, словно требовательно позвала за собой.

Бриксия покачнулась, пытаясь сохранить равновесие. Этот кошачий крик! Девушка руками зажала уши. Голову пронзило болью, словно её ударили ножом. Нет!..

Она больше не слышала этого пронзительного звука, но прямо-таки чувствовала его. И боль сопровождала каждый вдох.

Перед глазами всё затянулось туманом — сине-зелёным. словно от поверхности воды поднялось густое удушливое облако.

— Лорд!..

Голос Дведа... слабый... далёкий... отчаянный...

Боль ослабла. Бриксия напряжённо всмотрелась сквозь туман...

Ута на куполе... Марбон перед ней... Девушка отняла руки от ушей, потёрла глаза. Она шаталась от слабости на верху стены, но заставила себя продвигаться вперёд. Один осторожный шаг, другой. Что же произошло? Этот звук... потом боль...

Зрение наконец прояснилось. Теперь она хорошо видела купол. Уты там больше не было. Лорд Марбон прыгнул вперёд — и соскользнул. Он пытался достичь места, на котором раньше стояла Ута.

У Бриксии кружилась голова, её слегка тошнило. В конце концов девушке пришлось сесть на стену. А лорд Марбон мощным броском всё-таки добрался до верха купола. Потом... он исчез! Бриксия видела, как Двед отчаянно прыгал, пытаясь последовать за ним, но каждый раз соскальзывал назад.

— Лорд!.. Лорд!.. — голос его звенел, но этот звук не вызывал боли, как крик Уты.

Ни Марбона, ни кошки так и не было видно. Бриксия добралась до конца стены. Двед, тяжело дыша, стоял у основания купола и бил по нему кулаками. Бриксия осторожно поднялась и встала рядом с ним.

Теперь она ясно видела нарушение в гладкой поверхности купола. Там было отверстие! Но как до него добраться? Она сказала Дведу:

— Поднимемся здесь. Там дверь.

Он присоединился к ней, по-прежнему тяжело дыша от усилий подняться на купол.

— Он исчез! — выдохнул Двед.

Бриксия снова села, свесила ноги и опёрлась на руки.

— Мы не можем сейчас пойти за ним.

Двед яростно покачал головой. «Куда идёт он, туда и я!»

— процедил он сквозь зубы.

Ну что ж, пусть сам решает задачу, подумала Бриксия. Тут Двед пнул её ногой.

— Подвинься, — сказал он. — Если я разбегусь и прыгну...

Девушка пожалала плечами. Пусть попробует. Она никак не могла понять, почему зашла так далеко за этими безумцами. И отодвинулась, позволяя Дведу действовать.

Мальчик попятился. Упёр руки в бока и постоял какое-то время, измеряя глазом стену, пространство за ней, крутизну купола. Потом сел, снял обувь и засунул её за пояс. Босиком отступил ещё дальше.

Развернувшись, Двед изо всех сил побежал, И Бриксия следила за ним, вопреки себе захваченная надеждой, что ему удастся. Мальчик подпрыгнул, ударился о поверхность купола, ухватился одной рукой за край отверстия и повис.

Упираясь ногами в купол, он подтянулся и ухватился второй рукой. Потом перебрался через край и тоже исчез. Бриксия осталась одна.

Взгляд её скользил по куполу. Ну, что ж, они своего добились. Пусть этот свихнувшийся лорд и его упрямый приёмыш ищут то, что им нужно. Это не её дело. Девушка беспокойно потёрла колени.

А какова роль Уты во всём этом? Кошка первой перебралась на купол... Закричала так, что ей ответил страшный звук (или крик самой Уты так подействовал?). Бриксия не могла этого отрицать. Но какова цель?..

— Проклятие Зарстора... — произнесла она вслух. Голос её прозвучал странно глухо и отдалённо. Вода успокоилась и неподвижно лежала внизу. Девушку охватило ощущение... полного одиночества.

Бриксия давно привыкла к одиночеству. Она воспринимала это состояние как необходимое условие безопасности. Но это другое одиночество. И снова она ощутила, что ею что-то движет, какое-то принуждение извне...

Она покачала головой, стараясь разобраться в своих ощущениях... смутных мыслях... пытаясь отделаться от них. Одна... Бриксия посмотрела на небо. Ни одной птицы. Вся долина казалась заброшенным запретным местом. Её буквально окутывала тишина.

Вопреки своему желанию она снова посмотрела на купол... на отверстие в нём, которое отсюда казалось тенью. Это... не... её... дело... Но её пальцы с силой вцепились в стену.

Бриксия начала бороться. Она не пойдёт! Никто не сможет её заставить! Она повернёт... пойдёт назад... Подалее из этой ловушки.

Ловушка! Ожили воспоминания.

Ловушка, в которую её заманили и из которой помог вырваться цветок. А не сможет ли цветок подействовать и здесь? Девушка высвободила одну руку, пальцы с трудом ей повиновались, достала бутон.

Он, казалось, закрылся ещё плотнее. Цветок был мёртв... должен быть мёртв... он не мог так долго прожить после того, как его сорвали.

Бриксия подняла руку и поднесла закрытый бутон к подбородку. От него по-прежнему исходил слабый аромат. И он почему-то внушал надежду.

Она глубоко вдохнула раз, другой... Потом подняла голову и посмотрела на купол и отверстие. Она не хуже Дведа сможет до него добраться. И она это сделает! Не останется одна... она часть трёх...

Снова спрятав цветок, Бриксия уверенно встала. Как и Двед, девушка отступила вдоль стены, тщательно измерила расстояние... разбежалась... и прыгнула!

Руки её ухватились за край отверстия. Она подтянулась, перевалилась через край и... полетела в темноту, словно нырнула в озеро. Но пролетела недолго и, кувыркнувшись, приземлилась.

Здесь не было темно. Напротив, откуда-то лился слабый синеватый свет, к которому зрение быстро привыкло. Осмотрев пустое помещение, девушка заметила проход в направлении второго купола. Встав, она пошла туда.

Проход привёл в другое помещение. Тут она увидела тех, кто проник сюда раньше неё. И...

Бриксия вскрикнула и устремилась вперёд.

На столбе, пригнувшись, с полуоткрытой пастью, сидела Ута, сжимая в челюстях маленький ящичек. Шерсть на спине кошки встала дыбом, одну переднюю лапу она угрожающе подняла, хвост гневно хлестал по бокам.

Марбон с ножом в руке медленно обходил кошку, а Двед, тоже с ножом, двигался с другой стороны. Ута увидела девушку. Прыжком, каким настигала добычу, она прыгнула на плечо Дведу, а оттуда сразу к Бриксии, вцепившись в неё когтями.

Обняв одной рукой кошку, а другой выхватив нож, Бриксия посмотрела на двоих. Выражение их лиц привело её в ужас. Сначала лицо Марбона было пустым, потом молодым и энергичным. Но теперь на неё смотрело нечто худшее, чем злоба жаб. Потому что такое выражение свойственно её племени — или тем, кто принимает облик её племени. Лицо же Дведа расслабилось. Казалось, мальчик впал в состояние, в котором раньше находился его хозяин, но продолжал двигаться с жестокой целью. А добычей их обоих должна была стать Ута.

Двед встал между Бриксией и дверью, через которую она вошла. Девушка попятилась и прижалась спиной к стене, как тогда, когда стояла перед птицей-женщиной. По какой-то причине на неё не торопились нападать. Если бы напали, то, конечно, быстро свалили бы. Но хоть она и была уверена, что они убьют её, если она не отдаст им кошку, пока они не приближались.

Безумный гнев отразился в глазах Марбона, исказил его лицо. Лорд сделал быстрый шаг вперёд. Но впечатление было такое, будто он хотел пройти сквозь стену. Бриксия поразилась: Марбон ударился о какую-то невидимую преграду. Ута повернула голову. Кошка по-прежнему сжимала в зубах ящичек, но теперь она смотрела на Марбона.

Двед задержался у выхода, сжимая в руке нож и предоставив активную роль хозяину.

Рот Марбона дрогнул, губы зашевелились. Но если он

и заговорил, Бриксия не слышала ни звука. Она только почувствовала, как напряглась кошка. В голове снова вспыхнула боль, она заполнила всё, заставив девушку ахнуть. Словно Марбон беззвучно произносил заклинание, усиливающее её попытку.

Вокруг столба, на котором до того сидела Ута, за клубился серый туман, поднимаясь, как поднимается лоза. Марбон продолжил попытки добраться до Бриксии; сначала с одной стороны, потом с другой. Туман дошёл до вершины столба, потянулся к крыше помещения. Потом выпустил вверх широкие крылья: словно дерево из тени раскинуло ветви. Ветви протянулись повсюду ровно, только непосредственно над девушкой их не выросло. Защита, сработавшая против людей, действовала и здесь.

Ута требовательно толкнула её головой. Ящикек... Ута хочет, чтобы она взяла его? Бриксия протянула руку — Ута отдернула голову. Но что же тогда?..

Кошка носом ткнулась в разрез её рубашки. Бриксия, по-прежнему держа нож в руке, приоткрыла шею, и Ута бросила туда ящикек. И стала решительно вырываться; Бриксия выпустила кошку, её исцарапанные пальцы покрылись кровью. Приземлившись, Ута сделала ещё один прыжок — и оказалась снова на столбе.

Марбон повернулся. Внимание его было приковано к кошке. Он продолжал шевелить губами, но теперь Бриксия разобрала слова: «Кровь, чтобы связать, кровь, чтобы засеять, кровь, чтобы заплатить. Таково требование!»

Он протянул вперёд левую руку и ударил по ней ножом. Затем, не моргнув, взмахнул раненой рукой, брызнув кровью на столб. Двед приблизился со стороны двери, он шёл как во сне.

— Кровь, чтобы заплатить... — его высокий голос повторил слова лорда. Он тоже порезал руку и брызнул кровью на столб.

Щупальца тумана протянулись дальше, накрывая капли крови. Бриксия видела, как от каждой капли поднимались тёмные струйки, как будто туман впитывал их, кормился ими.

Цвет тумана изменился. Туман потемнел, стал непрозрачным. Девушке показалось, что теперь ветви окутывают столб, ползут к потолку. Бриксия подняла глаза и увидела нависшие ветви над своей головой, они утолщались, наливаясь тёмным соком. От ветвей отделились тонкие щупальца, раскачивавшиеся в воздухе взад и вперёд.

Она беспокойно взглянула на Уту, опасаясь, что кошку уже захватила густая поросль на колонне. Но там оставалось незанятое место, и как раз в нём, рыча, прижималась к столбу Ута.

— Мы ничто — Сила вечна! — воскликнул Марбон.

— Судьба предопределена, — продолжал он, — нашему племени предназначено достичь самых дальних морей. Мы достигнем последних границ земли и кончим пылью, которую путник стряхивает с обуви. Но впереди в небесах ждёт Сила, и с ней Повелители из космоса!

Бриксия в смятении думала: есть силы и силы. Та сила, что собралась здесь, — злая сила. Туманное дерево, становившееся всё материальней, пахло злом. Тот же отвратительный запах, что и от жаб со щупальцами, наполнил её ноздри. Нож выпал из руки. Источенное лезвие раскололось о каменный пол. Но девушка не стала собирать эти обломки металла. Нет, она нащупала мёртвый потемневший бутон. И когда сжала его в руке, превратилась всего лишь во врата, в уста, через которые иная личность будет произносить слова. Она поняла, что теперь она слуга и в полной власти того, кто овладел ею.

Глава 10

Кончиком языка Бриксия облизала губы. Чувствовала она себя весьма странно... словно между нею и её прошлым поднялась завеса... Кто призвал её сюда, использовал как рупор... или инструмент? Та воля, что овладела ею (она не могла определить её природу), не рождена ею самой, это не её мысли, не её воля.

— Ненависть не бывает вечной, сколь бы сильна и горяча она ни была вначале, — заставила произнести её эта

другая воля. — Если то, что вызвало появление ненависти, уходит, она тоже чахнет и умирает. Но в ярком свете прошлого могут лежать семена будущей славы, — так говорила эта чуждая воля.

Марбон смотрел на девушку. Сейчас он снова был вполне нормален, такой, каким, наверно, был раньше. Глаза его наполнились жизнью. В них сверкали красные голодные искорки. Бриксия прямо чувствовала, как этот требовательный взгляд впивался в неё.

— Это мысли Яртара! — прошипел он. — Не знаю, как, но готов поклясться в этом! Но Яртар... — голос его стих, щёки вспыхнули.

Воля, овладевшая Бриксией, заговорила снова. В её собственных ушах этот голос казался иным, более резким и низким.

— Ненависть умирает... но пока она жива, она может изуродовать и измучить неосторожного, призвавшего её на помощь. Даже ненависть, которая опирается на Силу, может утратить свою мощь...

— Лорд!

Крик Дведа, полный страха и удивления, оборвал её речь. Мальчик на один-два шага отошёл от двери. Лицо его больше не было расслабленным, на нём тоже отразилась чья-то сильная воля.

Вокруг его тела вилось толстое шупальце тумана. Двед пытался высвободиться, яростно отбиваясь свободной рукой. Но бесполезно, потому что туман становился всё осязаемее, освободиться от него не удавалось.

Лицо мальчика исказилось от страха, он яростно вырывался, но не мог вырваться. Туман только казался полупрозрачным, надёжно удерживая Дведа в рабстве.

— Лорд! — снова умоляюще закричал Двед.

Марбон даже не повернул к нему головы. Он продолжал пристально смотреть на Бриксию, как человек, обнаживший меч перед противником.

— Элдор, ты здесь, чтобы защитить Проклятие! — вызывающе произнёс он. — Я тоже здесь! Я из рода Зарстора, у нас древняя вражда; если не боишься, покажись!

— Лорд! — туман всё больше окутывал Дведа. Теперь оставалось видно только побледневшее, искажённое от страха лицо. — Лорд, спаси меня!

То, что оставалось Бриксией, что ещё не полностью подчинилось чужим мыслям и эмоциям (Яртару или Элдора, кто знает?), эта частичка сознания понимала, что у мальчика не хватает сил сопротивляться. Что мужество его сломлено. А господин, перед которым он преклонялся, терпит поражение.

— Проклятие! — Марбон по-прежнему не обращал внимания на своего приёмыша.

Он вновь попытался приблизиться к девушке, в гневе ударив по невидимой преграде. Даже взмахнул в воздухе ножом.

— Отдай мне Проклятие! — закричал он.

Теперь и у его ног собирался туман, сгушался, образовывал лужицы. Потом начал подниматься по телу вверх. Коснулся колен, прилип к бёдрам, а Марбон словно не замечал этого.

Двед беспомощно и неподвижно повис в колдовской паутине. Ключья тумана коснулись его щёк, зацепились за подбородок. На лице мальчика застыло выражение ужаса.

— Проклятие! — повторил Марбон.

Ута поднялась на задних лапах и яростно ударила передними по языку тумана, пытавшемуся добраться до неё. И в тот же момент Бриксия — опустела. У неё не было другого слова, чтобы описать это ощущение. Что-то ушло, отступило. Она снова осталась одна, открытая, беззащитная. Даже нож её расколот.

Рука её конвульсивно сжалась, словно она могла снова схватить оружие. Но держала она в руке бутон. И он шевельнулся! Девушка разжала кулак, и цветок начал распускаться.

Тускло-коричневая внешняя кожа раскололась. Изнутри полился слабый свет, тот самый, который освещал ей тропу, подбадривал её во время ночного пути по Пустыне.

Силы и силы, лихорадочно думала Бриксия. Свободная

рука девушка потянулась к ящичку, который отдала ей Ута.

Марбон шевельнулся. Лицо его перестало быть лицом человека, которого она знала, — ни расслабленное, ни полное жизни. Неужели черты лица могут так искажаться, принимать совершенно чуждое обличье? Если даже это иллюзия, то не предназначенная для нормального зрения. Бриксия ощутила ледяной холод, её охватил такой ужас, что она не могла заставить себя сделать хотя бы попытку к бегству, хотя Двед больше не закрывал выход.

Человек, стоявший перед ней, высоко поднял руки. Лицо его обратилось к нависшим вверху туманным змеям. И он выкрикнул:

— Яртар... сле... фрава... ти!

Туман закрутился, от одного вида этого движения кружилась голова. Поэтому теперь, когда взгляд Марбона больше не держал её, Бриксия закрыла глаза, чтобы не потерять сознания от вида этого тумана. Но тут аромат цветка прояснил её сознание.

Она не могла даже догадаться, к чему он призывал. Но... что-то ответило ему. Оно здесь, рядом... девушка не открывала глаза, но чувствовала, что появилось что-то новое... и тянется...

Ящичек и цветок — она не понимала, почему в её сознании возникли эти два предмета, но чувствовала, что соединение их необходимо. Ящичек и цветок... Не смотреть! То, что появилось, должно было затуманить её мысли, уменьшить способность к защите. Она не должна поддаваться.

И снова она воскликнула, обратилась к единственному, что могло дать защиту в этом менявшемся чуждом мире:

— Зелёная мать, что мне делать? Это не моя магия, я здесь целиком потеряюсь!

Произнесла она это на самом деле или только подумала, обратившись с просьбой к силе, которой не понимала? Кто эти боги, великие источники Могушества, которые используют людей как орудия? И есть ли против этого защита? Может, она не своей воле попала в центр борьбы между чуждыми силами?

«Открой!»

Приказ — отданный кем? — или чем? Существом, вызванным Марбоном? Если так, то она действительно в опасности. Бриксия продолжала держать глаза крепко закрытыми, пытаясь то же самое сделать с сознанием. Как туман пленил Дведа, так чужая воля пыталась овладеть ею — не телом, а сознанием.

— Позволь мне, во имя того, что я держу, — воскликнула Бриксия, — позволь мне устоять!

Ящичек и цветок...

Руки её шевельнулись, сводя вместе эти два предмета. Она не знала, действует ли по приказу Света или Тьмы. Но дело было сделано. И в тот же момент она открыла глаза.

И увидела...

Туман больше не затягивал помещение со столбом. Она стояла в большом пиршественном зале крепости. К каменным стенам прикреплены кольца, в них ярко горели факелы. Стол был накрыт многоцветной скатертью, цвета её переливались друг в друга. А на скатерти были расставлены питьевые рога из сверкающего хрусталя, из богатого зелёного малахита, из тёплого красно-коричневого сердолика. Такого не может себе позволить даже богатейший владыка Долин.

Перед каждым сидением стояло серебряное блюдо. И по всему столу множество тарелок и кубков, резных, украшенных драгоценными камнями.

Вначале Бриксии показалось, что она стоит в пустом зале, но потом она увидела собравшееся здесь общество. Однако те, что сидели за столом, были видны лишь как слабые тени, такие призрачные, что сначала она не могла разобрать, кто мужчина, а кто женщина. Неодушевлённые предметы она ясно видела, но живые существа в её глазах были тенями; жители Долин считают, что такие призраки держатся в злых местах и враждебны всему живому, потому что ревнуют к жизни, гnevаются на жизнь из-за своего состояния.

Бриксия вскрикнула. И покачнулась в попытке сойти со своего места прямо перед центральным троном, чтобы тот,

кто правил этим сборищем, не заметил её присутствия. Но бежать, даже сдвинуться с места девушка не смогла, так что ей предстояло встретить лицом к лицу то, что её ждёт.

Вспышка... и если свет может быть чёрным, а не белым... то именно такой свет вспыхнул между нею и тронном, как меч может поставить преграду на пути движущейся стали. Контролируемая воля, не вполне злая, но с отчётливым отпечатком тьмы, словно удар обрушилась на неё, пытаясь поглотить. Ударила, как хлыстом. И ей показалось, что призрак на троне взглянул на неё глазами красного пламени.

Тень начала сгущаться, она заструилась, изменяясь, как только что черты лица Марбона, становясь всё материальнее. И на троне, как показалось девушке, восседал не благородный лорд, который должен владеть таким залом. Нет, на неё издевательскими пламенными глазами, которые могли быть созданы из огня самого ада, смотрел разбойник, отвратительный, худший из тех вырожденков, от которых она бежала в прошлом, хорошо понимая, что произойдёт с ней, если она попадёт в их руки.

Исчез!

На троне теперь сидела жаба из Пустыни — непристойно разбухшая, раскрыв зубастую пасть, вытянув лапы. Гигант среди своего племени, ростом с того разбойника, фигуру которого она заменила. И она искажённо произнесла:

— Проклятие... Проклятие!

Ящичек и цветок...

Бриксия почувствовала, что до боли прижимает их к груди. Ящичек и цветок...

Жаба исчезла. Её место заняла птица-женщина. Щёлкая клювом, она высоко подняла свои руки-крылья, выставила когти; казалось, вот-вот она поднимется в воздух и нападёт на Бриксию.

Иллюзии? Девушка не была уверена. Каждое появлявшееся видение было материально, прочно, как и трон, на котором оно возникало. Ящичек и цветок...

А теперь... теперь это был Двед! Окутанный туманом, он

не сидел, а лежал на троне, целиком скрытый, кроме части его лица. Он еле-еле поднял голову, посмотрел на неё затуманенными от ужаса глазами, и в них читалась отчаянная мольба:

— Проклятие! — это единственное слово прозвучало мучительным шёпотом в зале.

И он исчез. Его место заняла Ута... Ута, ясно видимая, схваченная чудовищем, дёргавшаяся, пытавшаяся освободиться, а уродливая лапа неумолимо ползла к её пушистому горлу, чтобы сдавить, выдавить жизнь.

— Проклятие! — промяукала кошка.

И, как и все остальные, Ута исчезла. Трон какое-то время оставался пустым. Потом на троне появился мужчина, не призрачный, из тени, а реальный, как Марбон в помещении со столбом.

Но не в шёлковой одежде для пирующих, а в кольчуге и шлеме, который затенял лицо.

— Марбон! — Бриксия едва не произнесла имя вслух, но тут же увидела, что это не повелитель Эгтерсдейла, хотя и очень похожий на него. На лице у этого человека отпечатались резкие черты гордости и высокомерия. Рот был искривлён, словно он только что попробовал что-то неприятное, кислое и испортил себе удовольствие от пира.

Остальные, как и их господин, тоже стали видны отчётливее. И далеко не все они, как с дрожью поняла Бриксия, были людьми. Справа от лорда сидела женщина в платье цвета свежей весенней зелени. Но волосы у неё тоже зеленели, как и платье, прекрасные, но нечеловеческие. По другую сторону, слева от лорда, над столом виднелась кошачья голова, по цвету похожая на Уту, но по размеру вдвое больше.

Вокруг сидели и другие: молодой мужчина в шлеме с гребнем в виде вставшей на дыбы лошади, тоже с безошибочно нечеловеческим лицом; ещё одна женщина, в платье стального цвета и поясе из металлических пластинок, причём на каждой сиял молочно-белый драгоценный камень. Волосы у неё были белые, как эти камни, уложенные короной. На спокойном лице застыло высокомерное

выражение. Но что-то говорило, что она в этом обществе стоит особняком, наблюдатель, но не участник происходящего. На груди у неё лежала подвеска из того же белого камня со сложно вырезанным узором. И Брикия поняла, что эта подвеска — оружие посильнее любого лезвия.

У дальнего конца стола, отдельно от остальных (как будто они не совсем желанные здесь гости) сидели ещё двое. Ясно разглядев их, Брикия затаила дыхание.

В памяти возникло гротескное тощее существо, которому служили птицы... Но это не совсем его точная копия. Более округлая фигура сидевшей имела несомненное сходство с женщиной, и она тоже была не одета, если не считать перьев и пояса, украшенного драгоценностями. На широком, похожем на воротник ожерелье также сверкали самоцветы. Но существо, конечно же, было родственно тому, из Пустыни.

А рядом с ней — жаба... только это чудовище обладало почти святотатственным сходством с человеком. При этой мысли Бриксию охватило отвращение, но она, несмотря на все усилия, не могла оторвать взгляда от этого существа.

Глаза жабы злобно блестели, и девушка догадывалась, что хотя чудовище и принимают тут, но само оно всех собравшихся ненавидит.

Казалось, присутствие самой Бриксии не вызвало интереса у пирующих. Ни одна пара глаз не выразила удивления, на неё даже не смотрели. Она не понимала, с какой целью оказалась здесь. А потом...

Девушка больше не стояла беспомощно перед тронном. Она с изумлением поняла, что по какому-то капризу приведшей её сюда силы теперь висит в воздухе над пирующими, так что одним взглядом может охватить весь зал.

Высокий трон лорда, как и до сих пор во всех крепостях, стоял лицом к большой двойной двери зала. И вот с грохотом, от которого стихли все разговоры пирующих — Брикия слышала их как лёгкие вздохи ветра, — створки двери не просто распахнулись, они отлетели в стороны, ударившись о стены. Как будто летний гром прозвучал в зале.

В широком проёме — эта дверь могла пропустить целый отряд вооружённых солдат в строю — стоял человек. Как и лорд этого зала, он был одет не для пира, но также в кольчугу и шлем. Плащ был отброшен на спину, словно для того, чтобы освободить руки.

Но меч у человека покоился в ножнах, а другого оружия у него не было. Кроме ненависти на лице. И Бриксия, которая при первой встрече назвала Марбоном владыку зала, была теперь почти убеждена, что не ошиблась бы, назвав так пришельца.

Он не стал сразу входить в зал, как будто ожидая приглашения от лорда на троне. Стоял, спокойно разглядывая собравшихся, а за ним видны были другие воины.

Впечатление было такое, словно взрослый стоит в кругу детей. Воины, как вставшие по бокам от него, так и плотно собравшиеся за спиной, были такого роста, что он сам казался гигантом. Но воины эти были отнюдь не детьми, обладая внешностью взрослых, часто даже пожилых мужчин.

И тела у них были не коренастые, как у гномов, а стройные и изящные. Доспехи не закрывали только руки и красивые лица. А всё остальное — в кольчугах цвета перламутра, из перекрывающих друг друга пластин, и шлемах на головах — либо настоящих раковин, либо сознательно повторявших их рисунок.

— Приветствую, родич...

Молчание, наступившее после грохота, с которым раскрылись двери, нарушил лорд, хозяин зала. Он слегка улыбался, но неприятной, насмешливой улыбкой.

Человек у входа посмотрел ему прямо в глаза. Он не улыбался. Напротив, лёгкие морщины в углах рта и глаз говорили, что он с трудом сдерживает ярость. И дальше в зал он не входил.

— Ты не сообщил, что окажешь нам честь своим присутствием, — продолжал лорд. — Но для родственника всегда найдётся место в Катале...

— Такое же, как в Ан-Яке? — впервые заговорил вновь пришедший. Говорил он негромко, и у Бриксии появилось

странное ощущение, что в ней тоже возникает напряжение, подобное тому, с каким пришелец еле справлялся.

— Станный вопрос, родич. Что бы он значил? Может, у тебя и твоего водяного народа какие-то неприятности?

Человек у двери рассмеялся. «Правильный вопрос, Элдор! Неприятности, говоришь? А почему ты спрашиваешь? Ведь ты умеешь читать мысли, у тебя много глаз и ушей, слушателей травы, птиц и всего остального, и ты должен знать, что случилось».

Лорд покачал головой. «Ты переоцениваешь мои возможности, лорд Зарстор».

— Да, неприятности, — взорвался Зарстор. — Те, что происходят от злых желаний, от сношений с силами, одна мысль о которых грязнит человека. У меня нет таких возможностей, как у тебя, Элдор, но я слышал о призывах, переговорах, свиданиях, о том, что началось странное оживление. Мне говорили о Проклятии...

Когда он произнёс последнее слово, снова наступило молчание... такое молчание предшествует громкому боевому кличу. Никто из сидевших за столом не шевельнулся. Они как будто мгновенно застыли.

Молчание нарушила женщина с белыми камнями.

— Ты говоришь в гневе, лорд Зарстор, и слишком торопливо.

Впервые взгляд Зарстора оторвался от Элдора; пришедший взглянул на женщину и сразу снова на лорда, как будто у него имелась причина постоянно видеть хозяина зала. Заговорил он уважительно, но при этом не смотрел на женщину:

— Ваша светлость, я сердит, да. Но человек имеет право сердиться на несправедливость и тем вооружиться против зла. У моих друзей тоже есть силы. На меня и на Ан-Як наложено Проклятие... Перед твоим алтарём, в полном свете луны я готов поклясться в этом!

Женщина повернула голову и взглянула прямо на Элдора.

— Мы слышали, что на лорда и его землю наложено Проклятие. На это должен быть дан ответ...

Улыбка Элдора стала шире. «Не беспокойтесь, ваша светлость. Разве не правда, что отношения родственников — тайна, и должны оставаться только между ними?»

Но теперь вмешался юноша в шлеме с гребнем в виде лошади. В тени его шлема видно было, как он нахмурился.

— Да, лорд Элдор, только родич может вмешаться в спор двух родственников, таков обычай. Но Проклятие — не такое простое дело, чтобы забыть о нём без обсуждения. С самого начала оказавшись здесь, я задаю себе вопрос, почему оказана такая честь некоторым из присутствующих, — и он лёгким наклоном головы указал на жабу и птицу-женщину на другом конце стола.

Среди гостей поднялся негромкий ропот, как показалось Бриксии, одобрительный. Но ни жаба, ни птица-женщина не проявили ни удивления, ни гнева.

Вслед за ропотом раздался голос женщины с зелёными волосами, голос лёгкий, как шелест весенней листвы:

— Лорд Элдор, невежливо гостям так говорить, но в наше время, когда силы стоят против сил, может быть, разумно тебе забыть о вежливости и всё-таки ответить...

Глава 11

— Правильно говоришь ты, леди Лалана, что невежливо спрашивать у хозяина, почему и кого он приглашает на пир. Но так как в нашем обществе все откровенны... что ж, мне не нужно скрывать свои поступки, — он говорил уверенно и высокомерно.

— Это правда, что есть отчуждение между нами, из Арвона, и теми, кто живёт в дикой местности. Главным образом потому, что никто не задаёт себе вопроса о причине этого. У нас нет общей крови, мы разных родов, но мы долго мирно жили по соседству...

Женщина в белых камнях встала. Бриксия подумала, что та своим спокойным лицом хочет упрекнуть говорящего. Женщина подняла руку к груди и сделала жест, за которым девушка не смогла уследить. Но в воздухе вспыхнул белым огнём символ. Несколько мгновений он и

оставался белым, как свет полной луны летом. Но потом словно кровь стала примешиваться к нему и загрязнять белизну. Розовый оттенок становился всё темнее, но края символа оставались чёткими и хорошо заметными.

Символ стал алым. Но изменения ещё не закончились. Он всё темнел и темнел, в конце концов почти почернев. Потом задёрнулся в воздухе, как будто стал живым существом, которому эти изменения причиняют муку.

И вот белый символ стал совершенно чёрным, и вся его суть изменилась. А сидевшие за пиршественным столом выглядели всё более мрачными и встревоженными. Только жаба и женщина-птица оставались равнодушными и спокойными.

Даже Элдор сделал шаг назад. Он поднял руку, словно хотел стереть этот мрачно светившийся знак. Потом снова опустил руку. Лицо его стало серьёзным.

Но не он нарушил молчание. Все в зале затаили дыхание, ожидая конца этого катастрофического происшествия. Заговорила женщина, начертавшая символ:

— Да будет так... — эти три слова прозвучали, как приговор суда, определяющего судьбу целых народов.

Очевидно в ответ на эти слова большинство сидевших за столом встало, повернув к Элдору напряжённые обвиняющие лица. Однако тот держал голову высоко и вызывающе смотрел на них.

— Я лорд Варра! — он произнёс это подчёркнуто, словно слова его имели ещё один, тайный смысл.

Женщина с белыми камнями слегка наклонила голову.

— Ты лорд Варра, — спокойно согласилась она. — Ты подтвердил своё господство. Но лорд отвечает за свою землю — в конечном счёте всегда отвечает.

Его зубы сверкнули в волчьей улыбке. «Да, за право быть лордом нужно отвечать. Вы полагаете, ваша светлость, я не задумывался над этим до того...»

— До того как сговориться с этими! — Зарстор сделал несколько шагов в глубь зала. Он поднял руку и указал на жабу и птицу-женщину.

Элдор рывкнул: «Я сказал, что мы с тобой одни решим

дело, родич! Ты стыдишь меня, и за это я наложу и на тебя, и на твою землю, и на этих людей-рыб, с которыми ты живёшь, ещё худший стыд! Едоки грязи, живущие в грязи, осквернители мира... — голос его перешёл в крик. — Ты опозорил наш род, ты унизил нашу кровь, превратил её в пыль...»

Однако чем больше гневался Элдор, тем спокойнее становился Зарстор. Воины в чешуйчатых доспехах теснее окружили его, положив руки на рукояти своих мечей; Бриксия видела, как они бросали быстрые взгляды по сторонам, словно ожидая, что со стен зала на них набросятся враги.

— Спроси себя самого, Элдор, — заговорил Зарстор, когда хозяин замка смолк, чтобы перевести дыхание, — спроси себя, с кем ты общаешься. Чем ты заплатил за Проклятие? Может, пообещал Варр...

— Ахxxx! — ответом послужил гневный вскрик. Но тут внимание Бриксии привлекло лёгкое движение в конце стола.

Птица-женщина подняла свой кубок и теперь внимательно смотрела в него. То, что она там видела, должно быть, интересовало её гораздо больше спора двух лордов. Она неожиданно опустила голову. Отпила ли она жидкости или наоборот — плюнула в неё? Бриксия не могла бы сказать. Но неувловимым движением она бросила кубок на середину стола, прямо перед тронем Элдора.

Полыхнула вспышка — может ли пламя быть чёрным? — от ударившегося о стол кубка. Послышались крики. Сидевшие отшатывались от языков чёрного пламени.

Даже Элдор отступил, закрыв лицо руками. А остальные, и среди них зелёная женщина, бежали от жадного пламени.

Пламя становилось всё темнее и выше. Оно закрыло сцену перед Бриксией. Она еле смогла увидеть, как гости бежали через дверь, с ними смешались Зарстор и его воины.

И в то же время Бриксия почувствовала, что ящичек, который отдала ей Ута, стал тёплым — нет, горячим, — его

прикосновение вызывало боль! Но она не могла разжать руку и выронить его.

Зал исчез — вместе с чёрным пламенем. Девушка оказалась в серой пустоте. Она тяжело дышала, как будто здесь не хватало воздуха, чтобы заполнить лёгкие.

Серая завеса превратилась в полосу местности — голую... изрытую бороздами... но эти борозды были не от плуга. Нет, словно большой меч рубил и рубил эту землю, изгоняя всё живое отсюда.

Туман поднимался выше, открывая всё большие пространства этой серой безжизненной поверхности. Но Бриксия откуда-то знала, что когда-то здесь процветала прекрасная страна — до того, как на неё опустилась тень. Она видела каменные плиты, тронутые временем и языками пламени, и точно знала, что некогда здесь возвышалась крепость, гордая и великолепная.

И вот из тумана — а он рассеялся только на небольшом расстоянии — вышли два человека. Из окружала дымка, которую девушка узнала: вуаль ненависти, она уничтожила в этих людях всё, чем они жили. И это место — не их земля («Откуда я всё это знаю?» — бегло подумала Бриксия), а ад, который они сами создали себе. Неважно, кто был прав вначале, теперь оба были запятнаны, загрязнены своей взаимной враждой, в отчаянии и гневѣ обратившись ко Тьме, не получив поддержки от Света. И теперь они захвачены, должны вечно бродить по своему аду.

Кольчуги их почернели, покрылись засохшей кровью. Оружейные перевязи обоих были лишены мечей. Только ненависть оставалась их оружием.

Один из них поднял руку и швырнул шаровую молнию ненависти и гнева в своего противника. Шар разбился о его грудь облаком чёрных искр. Соперник пошатнулся, отступил на шаг-другой, но не упал.

Тот, в кого пришѣлся удар, хлопнул в ладоши. Никакого звука не было слышно. Но бросивший шар задрожал с ног до головы, как молодое деревце под порывом бури.

Бриксия, против своего желания, абсолютно без участия собственной воли, прошла вперѣд и остановилась

между этими двумя. Они слегка повернули головы, и она увидела их лица в тени измятых шлемов. Лица их выжгла страсть, но девушка узнала в них Элдора и Зарстора, состарившихся в ненависти.

Каждый протянул руку, не упрасивая, а повелительно. Заговорили одновременно, резким тоном приказа:

— Проклятие!

И они не исчезали, как предыдущие: разбойник, жаба, Ута, — напротив, их фигуры стали отчётливее, ярче. Она не шевельнулась, и тогда заговорил Элдор:

— Дай его мне, кому говорю! Оно моё, я его создал, я сговорился с теми, кому не верил, я многое за него отдал. Если отдашь добровольно, я призову тех, что служили мне, и теперь они будут служить тебе. Выбирай!

Так же настойчиво заговорил Зарстор:

— Оно моё! Оно было призвано уничтожить меня и всех тех, кто со мной, и по праву Силы, которое я обрёл, победив это Проклятие и его владельца, я наслал на него то, что он пробудил против меня, — по этому праву оно принадлежит мне!

В одной руке Бриксия держала горячий ящичек, в другой — цветок. Ей казалось странным, что они такие тяжёлые, но весили они одинаково, и она почему-то должна была удерживать равновесие между ними. Девушка должна была стать судьёй между этими двумя, произнести приговор, но как это сделать, она не знала. Один из них угрожал ей — Элдор. Слова другого, Зарстора, можно было понять как оправдание и просьбу.

— Я изготовил его!

— Я сражался за него!

Они воскликнули это одновременно.

— Почему? — её вопрос, казалось, удивил их. Но как она может рассудить их, если так мало знает о правах каждого, о деле, из-за которого они так ненавидят друг друга?

Несколько мгновений они молчали. Потом Элдор сделал шаг к ней и протянул руки, словно собирался отобрать ящичек силой.

— У тебя нет выбора, — яростно сказал он. — Те, кого

я вызову, обязательно ответят. И это станет твоим проклятием!

— Отдай ему, если испугалась! Но тогда ты никогда не узнаешь, какими пустыми были его угрозы, — вмешался Зарстор. — Отдай ему, и всю жизнь проведёшь в страхе... и даже после жизни этот страх не кончится! Будешь, как и мы, проклятая, бродить в этой пустыне.

Ящичек и цветок...

Бриксия обнаружила, что может отвести от них взгляд, высвободиться. Она посмотрела на свои руки, на то, что удерживала в равновесии.

Ящичек открылся! В нём лежал овальный камень, его поверхность слабо светила серым светом, как плёнка тени — если тень может быть светом. Цветок тоже полностью раскрылся, но свет, исходивший от него, был не чисто белым, как раньше, а зеленоватым, мягким и успокаивающим взор.

— Так вот оно какое, Проклятие, — медленно проговорила девушка. — Зачем оно было сделано, Элдор, скажи правду, зачем?

Лицо его оставалось жёстким и мрачным.

— Чтобы иметь дело с врагами, я должен...

— Нет, — Бриксия покачала головой. — У тебя ведь был выбор. А почему он стал твоим врагом?

Жёсткое лицо стало ещё суровей. «Почему? Потому что... потому что...» — голос смолк, Бриксия видела, как Элдор прикусил губу.

— Ты забыл? — спросила девушка.

Элдор сердито нахмурился, но ничего не ответил. А она повернулась к Зарстору.

— Почему он так ненавидел тебя, что сделал эту злую вещь?

— Я... я...

— Ты тоже не помнишь, — на этот раз она не спрашивала. — Вы оба не помните, почему стали врагами... Разве теперь так уж важно, кому это принадлежит? Вам обоим это больше не нужно, разве не так?

— Я Элдор, Проклятие моё по праву, я могу делать с ним, что захочу!

— Я Зарстор, Проклятие принесло всё это, — он развёл руки, указывая на опустошённую землю вокруг.

— А я Бриксия, — сказала девушка, — и... но я не знаю, кто я ещё на этот раз. Но то, что живёт во мне, говорит: да будет так!

Она положила цветок на ящичек, и зеленоватый свет смешался с серым.

— Сила уничтожения — сила роста и жизни. Посмотрим, какая победит!

Серая пленка на камне застыла. Теперь она покрывала камень словно корой. Зелёный свет омывал её, и кора начала трескаться, раскалываться, а под ней обнаруживался новый блеск. А свет цветка гас, лепестки его начинали увядать. Бриксия хотела отдёргнуть его от этого губительного камня, но рука не повиновалась ей. Всё больше и больше засыхал цветок, а камень засветился ярче и начал пульсировать. Но не серостью смерти — теперь это был зелёный огонь, стремящийся разорвать оболочку, как семя, готовое к новой жизни.

А от цветка осталась только хрупкая шелуха, тонкий скелет. А потом вообще ничего. Рука опустела. Но ящичек в другой руке тоже распадался, перестав держать камень, превратившись в пыль.

И сам камень больше не был тёплым. Если в нём ещё жила какая-то энергия, теперь она была изолирована. Но он был так прекрасен, что Бриксия ощутила благоговейный страх. Она подняла голову и посмотрела на Элдора и Зарстора.

А потом протянула камень Элдору.

— Хочешь его теперь? Мне кажется, он больше не такой, каким ты его сделал, но хочешь ли ты его?

Лицо, испещрённое жёсткими морщинами, со следами старинной ненависти разгладилось. На нём отразилось достоинство и властность, но прежде всего — свобода. Глаза Элдора горели, однако он торопливо отвёл руку.

— Этого я не делал. Его не наполняет данная мне Сила. Я больше не могу его требовать.

— А ты? — Бриксия предложила камень Зарстору.

Он смотрел не на неё, а на камень. Потом, не поднимая взгляда, ответил:

— То, что было моим Проклятием, — нет, это не оно. Зелёная магия — это жизнь, а не смерть. Я не могу разрушить это, как разрушил бы Проклятие — и тем выпустил бы его зло на всех. Это твоё, леди, ты можешь поступить с ним, как хочешь, — он поднял руку, огляделся, и на лице его воцарились спокойствие, мир и огромная усталость. — Цепи, удерживавшие нас в этом мире, порваны. Настала нам пора отдохнуть.

Они оба отвернулись от Бриксии, Элдора и Зарстор, плечом к плечу, как будто они братья по оружию, а не смертельные враги, и пошли куда-то по дороге, смутно различимой сквозь туман.

Бриксия сжала камень обеими руками. И, словно просыпаясь от тревожного сна, осмотрелась.

Она была уверена, что это место не принадлежит её миру и её времени. Но как ей вернуться? Сможет ли она вернуться? Тревожное беспокойство сменилось страхом. Она громко позвала:

— Ута! Двед! — и наконец: — Марбон!

Затем прислушалась, надеясь услышать ответ. Крикнула вторично, на этот раз ещё громче — и ничего не услышала, когда её голос утих.

Имя — она знала, что имя обладает властью, что оно — такая же часть человека, как кожа, волосы или зубы. Имя, данное при рождении, может подвергнуться опасности зла или быть усилено добром. Теперь у неё оставались только имена. Но те, кого она призывала, никак не связаны с ней, они могут не захотеть ей помочь, к тому же среди них животное, которое вообще чуждо её племени. Может, у неё нет никакой власти, чтобы призывать их.

Бриксия подняла сведённые вместе ладони и посмотрела на камень. Поистине это предмет Силы. Он был создан, чтобы принести зло, как утверждал Элдор и что подтвердил Зарстор. Но зло уничтожено цветком. Может ли камень послужить ей? Ведь она не может распоряжаться Силами, у неё нет подготовки Мудрой Женщины.

— Ута... — на этот раз она не произнесла имя вслух в туман, а негромко проговорила его в камень. — Ута, если ты хорошо относишься ко мне... если я заслужила твоё внимание и ты можешь спасти меня... где ты, Ута?

Свет камня начал пульсировать. В глубине его вспыхнула тёмно-зелёная искра. Бриксия старалась думать только об Уте.

У тёмного пятна появились острые уши, глаза-щёлки, пятно стало головой. На поверхности камня проявилась голова. Бриксия, потерявшая способность удивляться, присела, опустив руки к земле. На камне постепенно появилось крошечное объёмное изображение кошки. И вот оно стало совершенно отчётливым, приподнялось и прыгнуло на землю.

Туман, который после ухода Элдора и Зарстора неумолимо приближался к девушке, отступил от того места, где стояла кошка. Фантом Уты повернул голову к девушке, раскрылась крошечная пасть. Но если кошка и мяукнула, не было слышно ни звука. Кошка пошла, и Бриксия заторопилась за ней.

Туман клубился вокруг, затянув тело девушки по колено. Но кошку он не скрывал, она двигалась в чистом пространстве. Бриксия заторопилась, потому что иллюзия — если это иллюзия — двинулась быстрее.

Она не могла бы сказать, сколько прошла по этой таинственной земле. Потом её проводник пошёл медленнее и, к отчаянию девушки, начал исчезать.

— Ута! — закричала она. Теперь маленькое тело просвечивало, оно быстро становилось частью тумана.

Бриксия опустила на колени. Без Уты она заблудится, а Ута уже почти совсем исчезла. Оставались только смутные очертания в тумане. Если бы она могла снова вызвать её! Но ведь Ута появилась, когда Бриксия позвала её по имени и сосредоточилась на камне... Может, у кошки просто не хватает сил завершить дело?

А как насчёт Марбона... А Двед? Мужчину можно считать врагом... по крайней мере так он проявил себя перед тем, как она попала в это место. А мальчик оказался

околдован. Даже если она сможет обратиться к ним, помогут ли они?

Двед... Марбон... Кого позвать?

Мужчина был свободен, когда она в последний раз видела его... но одержим. Бриксия поднесла камень к глазам.

— Марбон! — позвала она.

В глубине камня ничего не темнело... никаких признаков, что он услышал её призыв.

— Марбон! — у девушки не оставалось другой надежды, поэтому она позвала снова.

Рябь в камне, да, но слабая, ничего конкретного. Однако, опустив в отчаянии руку, Бриксия снова увидела перед собой Уту.

Ута, на этот раз больше и отчётливее, нетерпеливо смотрела на неё и раскрывала пасть, беззвучно мяукая. Бриксия вскочила, готовая следовать за ней. Может, Марбон каким-то образом придал силы кошке? Она не знала... но то, что Ута вернулась, подбодрило её.

Ута побежала, Бриксия за ней. От кошки девушке передалось беспокойство, необходимость торопиться.

В тумане появились очертания огромного столба, он возник внезапно, Бриксии даже показалось, что только что его тут не было, он возник прямо перед нею. Ута встала на задние лапы и опёрлась передними о поверхность столба, явно показывая, что девушка должна подняться.

Бриксия надёжно упрятала камень в рубашку, потом осмотрела столб. А Ута — исчезла. Не растаяла медленно, как раньше, а просто исчезла.

Теперь Бриксия, на ощупь отыскивая неровности в столбе, начала с усилием подниматься. Углубления попадались в основном небольшие, и чем выше она поднималась, тем медленнее двигалась. Но всё же она поднималась, хотя всего лишь на высоту нескольких пальцев за раз.

Выше и выше. Девушка не смотрела вниз. Пальцы её онемели. Всё тело было напряжено, она как можно плотнее прижималась к столбу. Страх тяжёлым грузом лежал у неё на плечах. Выше и выше...

Сколько времени она поднималась? В этом месте времени не существовало... мгновения могли растянуться на дни, месяцы. А столб всё также поднимался над головой, и туман скрывал его вершину... если у него есть вершина!

Бриксия чувствовала, что силы её кончаются, боль в плечах стала непереносимой. Выше... ещё выше! Она не могла больше поднять руку, для этого требовались невероятные усилия. Скоро хватка её ослабеет, она разожмёт руки и упадёт... туман поглотит девушку и она погибнет.

— Ута! — хриплым шёпотом позвала она, даже не надеясь на ответ.

Глава 12

Из тумана над ней протянулась... гигантская лапа! Выпущенные когти торчали над её головой, лапа угрожающе покачивалась. Бриксия в страхе прижалась к столбу. Но недостаточно сильно. Когти вцепились в её рубашку над плечами, оторвали её от ненадёжной опоры и подняли сквозь туман к потолку. Вверх... и сразу вниз... потому что девушку упустили, и она упала, оцарапав руку о камень, в ушах прозвучал дикий вопль.

По-прежнему перед ней возвышался столб. Но это уже не тот столб, по которому она поднималась... этот она могла обхватить руками. На нём, как на пьедестале, сидела Ута... нормального размера. Кошка спокойно смотрела на неё, и Бриксия поняла, что вернулась в своё время и пространство.

Это было то самое помещение в здании, которое когда-то покрывала вода озера. Но больше никакого тумана здесь не было. Стены, сине-зелёные, ярко блестели, словно их только что вычистили. На полу, рядом с ней, лежал Двед, его голову и плечи поддерживал лорд Марбон.

У Марбона лицо нормального здорового человека. Никакая одержимость больше им не владела. Девушка почувствовала, что теперь он снова стал самим собой, высвободился из тени и власти, так долго державших его в плену.

— Двед... умирает... — он никак не приветствовал её, вообще вёл себя так, словно не имел отношения к случившемуся с нею. В глазах его стоял страх, но не за себя, а за мальчика.

Может, он и говорил правду... но она не хотела с этим соглашаться. Бриксия не встала, скорее подползла на четвереньках. Тело по-прежнему тянула вниз страшная усталость, которая овладела девушкой, когда она поднималась по столбу. Она порылась в рубашке и извлекла камень.

— Это предмет силы, — медленно сказала она. — Не знаю, как им пользоваться... но когда я позвала в него... появилась Ута. Я и тебя звала... ты не слышал?

Он нахмурился. «Я был... как во сне».

— Это не сон, — она сжала в руках камень. — Может быть... Двед ушёл не слишком далеко, и мы сможем его позвать. Смотри на это, лорд, и зови своего приёмыша! — её слова прозвучали резким приказом, она протянула руку с камнем над телом Дведа.

И, как будто она не оставила ему выбора, напряжённый взгляд Марбона опустился на камень. Черты лица его снова лишились жизни, лицо стало измождённым и осунувшимся, почти таким же старым, как лицо Зарстора в том, ином мире. Он тоже мог бы вести вековую битву мыслью и телом, только глаза его казались живыми.

Бриксия колебалась. Двед ей не друг, у неё не было с ним никакой связи. Как она может позвать его, послать такой сильный призыв, чтобы он достиг Последних Ворот? Но если позовёт Марбон, разве она не может усилить его зов, добавить ему сил?

— Зови! — снова приказала она. И в то же время сосредоточила всю волю — не на этом неподвижном бездыханном теле, а на камне, которым теперь касалась груди мальчика.

— Зови Дведа!

Может, Марбон и звал — молча. Сможет ли камень унести Бриксию туда, куда не достигает никакой голос? Она... или часть её, поддерживаемая сильной волей и духом, была поглощена, перенеслась... не в то полное

тумана место, в котором она изменила Проклятие, преодолела его. Нет, это место было гораздо темнее, холоднее, отчаяннее — место полной безнадёжности.

«Двед!» — теперь она и сама произнесла это имя — мысленно, не губами. И ей показалась, что беззвучная мысль прокатилась громче самого сильного звука.

Вниз — у Бриксии появилось ощущение, что она всё глубже погружается в этот мёртвый мир. Её окружал клубок зелёного огня, но это не уменьшало её ужас.

— Двед! — на этот раз прозвучала не её мысль-призыв. Но она тут же поторопилась подхватить его. Перед ней тянулась полоска зелёного огня, нить, в которой играл свет, то ярче, то тусклее. Второй конец нити где-то пропадал. Видеть глазами мозга — Бриксия слышала об этом, но так никогда и не могла поверить.

«Двед!»

Нить натянулась. Необходимо спасти... тянуть... Но никто не может это сделать. Здесь не было физических тел, не существовали руки.

Бриксия старалась укрепить в себе новое ощущение, новое знание, которого она не понимала.

«Двед!» — снова зов другим голосом-мыслью.

Нить оставалась натянутой, но неподвижной. Должен же быть выход! В прошлом у Бриксии бывали моменты, когда её тело, кости и кровь были истощены до полусмерти. Она должна воспользоваться другой своей частью. Словно пользуешься новым инструментом, оружием, к которому не привык... но заставляет необходимость.

«Двед!» — на этот раз звала она сама. Ей показалось, что само это имя обвилось вокруг нити, укрепило её, сделало толще. От неё теперь исходило ощущение силы, чужой силы. На мгновение Бриксия отшатнулась, не желая объединяться с этой силой. Потом, зная, что только вместе они победят, сдалась.

Тянуть... тянуть нить, вести Дведа назад. Быть не только якорем, который удерживает его, нет, подготовить ему дорогу к возврату.

Нить... в её сознании эта нить начала изменяться. На ней появились маленькие яркие зелено-золотые, словно

металлические, листья. Теперь нить превратилась в лозу... Она росла, тянулась... это путь жизни!

Мысли сомкнулись вокруг лозы, сомкнулись прочно, как сильные руки. Тянуть...

«Двед!»

Лист за листом лоза двигалась назад. Тащить!

«Двед!»

Нить исчезла, холод и пустота лопнули как пузырь, который проткнули изнутри. Она снова оказалась на свету, в своём времени и пространстве. Двед неподвижно лежал на руках Марбона. Лицо мальчика побледнело, зелёный свет камня придавал ему мертвенный оттенок.

— Двед! — Марбон взял рукой мальчика за подбородок, поднял его голову.

Ресницы дрогнули. Губы Дведа разошлись, мальчик вздохнул и медленно раскрыл глаза. Взгляд у него был пустой, не сфокусированный.

— Холодно, — чуть слышно прошептал он. Тело его вдрогнуло. — Как холодно...

Руки Бриксии, сжимавшие камень, дрожали. Чувствуя, что у неё уже не остаётся сил, она положила Проклятие Дведу на грудь, взяла в руки его холодные ладони, потёрла их. Руки у него были влажные и холодные.

Глаза мальчика снова закрылись. «Двед! — громко позвал Марбон. — Не покидай нас, Двед!»

Мальчик снова вздохнул. Он чуть повернул голову, спрятал лицо.

— Двед! — в крике прозвучал страх.

— Он спит... он не умер. — Бриксия не отодвинулась, а скорее отвалилась в сторону. — Он снова с тобой.

С тобой, подумала она. Не с нами. Какое отношение имеет она теперь к их жизни?

— Только твоей властью и разумом, Мудрая Женщина, — Марбон осторожно положил мальчика на пол.

Она видела лицо этого человека пустым, гневным, одержимым поиском. Но сейчас оно казалось совсем другим. Однако понять значение его взгляда она не могла. Слишком устала — и телом, и душой.

— Я... не... Мудрая... Женщина... — Бриксия говорила

медленно, с трудом преодолевая усталость. Ута прижималась к ней, мурлыкала, тёрлась головой о плечо. Девушка протянула руку к Проклятию, но так и не завершила это движение. Её накрыла и унесла тёмная волна.

Она лежала в гнезде из цветов. Вокруг одни цветы. Со всех ветвей вокруг свисали цветы. Она видела только их жемчужную белизну, их совершенство. Между цветами вились ярко-зелёные нити. Бриксия сонно подумала, что шорох, который доносился до неё, это шорох цветов и ветвей.

Шёпот становился громче... и сопровождался негромким звуком лютни. Цветы, ветви, нити пели.

*Пуста земля Зарстора,
Голы его поля.
Никто не может догадаться,
Кто был здесь лордом.
Так из-за гордости Элдора
Победили смерть и разрушение.*

*Звёзды совершили оборот,
Созрело время.
Звёзды снова видят
Судьбу в ночи.
Разбиты тьма и позор
Проклятия Зарстора.*

*Зелёными становятся поля,
Зеленеют холмы.
Давно в прошлом
Древнее зло.
Тот, кто владеет этой землёй
При свете дня,
Пойдёт другой дорогой —
Дорогой мира.*

Только спокойный ритм, нет ещё отработанности песни-легенды. Цветы покачивались, листья шептали. Бриксия лениво закрыла глаза, ей хотелось вечно лежать на этом

цветочном ложе, далеко от труда, страха и боли. Но сквозь шёпот и звуки лютни прорывался другой голос:

— Бриксия!

*Тот, кто владеет этой землёй
При свете дня,
Пойдёт другой дорогой —
Дорогой мира.*

— Бриксия!

Она снова открыла глаза. Это вовсе не то место цветов и мира. Девушка лежала под открытым небом. Руки её бесцельно двигались, она ощущала под собой зелёную траву, она лежала на мягкой постели из срезанной травы. И она была не одна. Справа от неё, скрестив ноги, сидел лорд Марбон, слева — Двед. Бледное лицо мальчика ещё несло отпечаток пережитого. А у её ног примостилась Ута. Но вот кошка потянулась и зевнула.

Бриксия нахмурилась. Ведь она упала в обморок не тут. Она тогда была под куполом затонувшего города... это последнее, что она помнила.

— Это ты... пел? — медленно спросила она, глядя на Марбона.

— Нет, — он покачал головой. На губах его играла улыбка, которую, ей показалось, она понимает, улыбка стояла у него и в глазах, она чудесно смягчила его лицо. Не эта ли улыбка привязала Дведа к больному хозяину, заставила служить ему — чуть ли не до смерти. Когда такой человек предлагает дружбу — его предложение стоит очень многого.

— Ты сама пела — во сне, — пояснил он. — Ты и вправду была в другом мире, где становятся реальностью сны, а наша жизнь сама кажется сном? Но песня твоя внушает надежду. «Кто владеет этой землёй при свете дня!» А кто ею владеет? — негромко спросил он.

— Какой землёй, лорд? — вмешался Двед.

— Той, которую когда-то опустошило Проклятие и которая теперь снова свободна. Смотри, леди, и ты увидишь, как подтверждается твоя песня.

Марбон оказался рядом, прежде чем Бриксия смогла пошевелиться; он поддержал её за плечи и заботливо приподнял: она даже забыла, что один человек может проявлять заботу о другом. Она действительно нуждалась в его поддержке, потому что сама была очень слаба, словно только что перенесла серьёзную болезнь.

Опираясь на него, она огляделась. Ута прыгала вокруг высокого ростка. Повсюду колыхалось море свежей роскошной зелёной травы. А на коре ростка набухла выпуклость.

Бриксия никогда такого не видела. Прямо у неё на глазах выпуклость раскрылась, и оттуда вырвался красно-коричневый стебель, размером с её мизинец. Он рос, удлинялся, от него отошли две новые ветви, а он продолжал расти.

От основания этого деревца крутами расходилась свежая зелёная трава, затягивая тусклые безжизненные пятна. На ветвях появлялось всё больше отростков. Это же дерево, маленькое дерево! За какие-то мгновения оно проделало путь в несколько лет.

— Что... откуда?.. — Бриксия схватила Марбона за руку.

— Оно выросло из семени, которое ты принесла из Ан-Яка, леди. Здесь мы посадили Проклятие Зарстора. Но из него больше не произрастает зло. Это великая магия, Мудрая Женщина!

Девушка покачала головой.

— Я же тебе говорила... я не Мудрая Женщина, — теперь она немного испугалась. Испугалась того, чего не могла понять.

— Не всегда ты сам выбираешь силу, — негромко ответил он. — Иногда сила выбирает тебя. Ты думаешь, что смогла бы сорвать цветок Белого Сердца, если бы зелёная магия не выбрала тебя? Я... я искал Проклятие ради власти, и тёмная тень накрыла меня... потому что я из проклятого рода Зарстора, и его зло имело побеги и во мне. Как это дерево, корни которого здесь, но в прошлом у него уничтоженные тьма и зло.

Но ты не искала власти, и она сама пришла к тебе в руки. Разве Проклятие не утратило силу в твоих руках? Ты

совершила великое дело — более могучей магии я себе и представить не могу.

Бриксия опять покачала головой. «Это не моя заслуга... это цветок... и это выбор Элдора и Зарстора... потому что они забыли, что связало их ненавистью в мире теней».

Она вспомнила этих измождённых людей, какими увидела их в последний раз, когда они отвечали на её вопросы. Наверное, само Проклятие заставило её задать тот вопрос.

— Зарстор? — он произнёс это имя как вопрос.

И Бриксия рассказала о двоих, требовавших у неё Проклятие, и о том, как они ушли вместе, ныне свободные от уз, которые сами на себя наложили своими делами.

— И ты говоришь, что не обладаешь силой? — удивился Марбон. — Неважно, как она приходит. Важно то, что ты с ней делаешь.

Девушка села, освободившись от его поддерживающих рук. «Но мне это не нужно!» — воскликнула она, обращаясь скорее к невидимому, чем к Марбону, Дведу или Уте.

Теперь быстро растущее деревце больше не выглядело как саженец, ветви его утолщились, стали длиннее, на них раскрывалось всё больше и больше почек. И вот в тот момент, когда Бриксия произнесла свой отказ, начали раскрываться самые крупные бутоны. И распустились цветы, белые, прекрасные. Хотя день уже кончился и солнце садилось, цветы продолжали распускаться.

Бриксия мигнула раз, другой. Невозможно было отрицать то, что она видела собственными глазами. Плоды Проклятия, сказал Марбон. Цветок, который она несла с собой... который завял в земле теней... неужели он отдал свою жизнь этому? Она должна признать это: ведь доказательство у неё перед глазами. Новые мысли, новые чувства пробуждались в девушке. Они очаровывали и путали её. Может, она была избрана для этого в ту ночь, когда Куниггод привела её в то место — место Прежних, место спокойствия и мира.

— Что же мне делать? — негромко спросила она. Она не хотела получить ответ, но знала, что должна его услышать.

— Принять, — Марбон встал, широко развёл руки и поднял лицо к небу. — 'Здесь Проклятие уничтожило землю Зарстора. Может, она слишком долго оставалась в тени, чтобы снова проснуться, — он повернул голову и посмотрел на бассейн высохшего озера. — Ан-Як исчез. Но можно построить новый...

Вторично заговорил Двед. «А что же с Эгтерсдейлом, мой лорд?»

Марбон медленно покачал головой. «Мы не можем возвращаться, приёмный сын. Эгтерсдейл остался позади — и в пространстве, и во времени. Теперь наше место здесь...»

Бриксия перевела взгляд с него на дерево. Теперь оно стало выше Марбона. В отличие от того, под которым она провела свою первую ночь в Пустыне, у этого ветви не переплетались, концы их были приподняты, далеко отходя друг от друга, приветствуя небо и землю, покрытую свежей зелёной травой.

Это их земля? Девушка протянула руку к дереву. И первый распутившийся цветок отделился от ветви. Не было никакого ветра, но он отделился и опустился прямо ей в раскрытую ладонь. Неужели это ответ на её невысказанное желание — как Ута приходит (когда хочет, конечно) на её призыв?

Их земля! Бриксия сжала цветок и глубоко вдохнула его аромат. Прошрое отпадало от неё подобно изношенной одежде. Оно исчезло — и мир изменился, как и Проклятие Зарстора, ставшее этим удивительным цветком.

Содержание

ГРИФОН ТОРЖЕСТВУЕТ 3

Перевод Ярослава и Дмитрия Савельевых

ПРОКЛЯТЬЕ ЗАРСТОРА 255

Перевод Д. Арсеньева

Книготорговый
отдел
издательства

«СИГМА-ПРЕСС»

107140, г. Москва, Россия
Б. Краснопрудный тупик, дом 8/12
☐ Факс 264 99 54
☐ Телефоны 264 29 76
264 30 87

**предлагает книжную продукцию
в ассортименте.**

*Покупая книги по нашим ценам,
Вы покупаете их у себя в городе.*

Если Вы получаете книги
в железнодорожных контейнерах,
ЗНАЙТЕ — так работали ВЧЕРА.
СЕГОДНЯ есть более оперативный
способ доставки.

**В ЛЮБОЙ ГОРОД РОССИИ
МЫ ДОСТАВИМ
КУПЛЕННЫЕ У НАС КНИГИ
В ТОЧНО ОГОВОРЕННЫЙ СРОК.**

Форма оплаты по договоренности.
Минимальная партия — 500 пачек.

МЫ ЖДЕМ ВАС!

Агентство Андре Нортон

**представляет права на публикацию
произведений зарубежных авторов и
художников. Тематическое и жанровое
составление, детективы, фантастика,
триллеры, ужасы, вестерны,
музыкальная литература...**

**Майкл МУРКОК, Глен КУК, Джеймс УАЙТ,
Сара ПАРЕЦКИ, Тед ВУД,
Джеймс ГРАНТ, Эдвард ЛИ,
Эрл МЭРФИ, Майкл ВЕЛАН,
Родни МЭТТЮ
и др.**

(095) 264-30-87, (095) 264-99-54

Андрэ Нортон
ГРИФОН ТОРЖЕСТВУЕТ

Литературно-художественное издание

Ответственный за выпуск
Гусейнов И. З.

Ответственный редактор
Голованев М. В.

Редактор
Прилипка К. В.

Художник
Аввакумов Д. И.

Технический редактор
Казачек В. Н.

Издательская лицензия ЛР № 070157 от 02.10.91г.
Сдано в набор 12.11.93г. Подписано в печать 25.02.94г.
Формат 84х108 1/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Уч. изд. л. 20,2.
Физ. п. л. 12. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1862. «С» — 19.

Издательство «Зеленоградская книга».
103489, Москва, Зеленоград, корп. 448, кв. 1.

Издательство «Сигма-Пресс».
107140, Москва, Б. Краснопрудный тупик, 8/12.

Подготовлено к печати издательством «Новинтех-Пресс», г. Тверь.

Книга отпечатана с диапозитивов невысокого качества,
подготовленных издательством.

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Тверском полиграфкомбинате
Министерства печати и информации Российской Федерации
170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5

